АРХИВ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

12
ТОМ

ЕВРЕЙСКИЙ
МУЗЕЙ
И ЦЕНТР
ТОЛЕРАНТНОСТИ

THE JEWISH MUSEUM AND TOLERANCE CENTER
RESEARCH CENTER

•

Archive of Jewish History

Volume 12

Editor-in-Chief *Oleg Budnitskii*

Academic Studies Press

Bibliorossika

Moscow / Boston / St. Petersburg

2022

ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ И ЦЕНТР ТОЛЕРАНТНОСТИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

•

Архив еврейской истории

Том 12

Главный редактор *О. В. Будницкий*

Academic Studies Press

Библиороссика

Москва / Бостон / Санкт-Петербург

2022

УДК 94(47+57);(093)
ББК 63.3(2)
А87

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

А87 Архив еврейской истории. Т. 12 / гл. ред. О. В. Будницкий. — Москва / Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 391 с.

ISBN 978-1-644698-59-4 (Academic Studies Press)
ISBN 978-5-907532-22-9 (Библиороссика)

12-й том «Архива» открывается исследованием Ефима Меламеда (Киев) об истории надзора сталинских спецслужб за еврейскими писателями в конце 1930-х — начале 1950-х годов, имевшего последствиями репрессии и физическое уничтожение многих из них. В приложении к его статье публикуется уникальный материал — донесения тайного агента, «освещавшего» деятельность «братьев-писателей». Григорий Кан (Москва) вносит очередную лепту в изучение «вечной» темы: евреи и русская революция. Его исследование посвящено Аарону Зунделевичу (1852–1923), видному деятелю народнического движения, члену Исполнительного комитета «Народной воли». Роберта де Джорджи (Удине, Италия) посвятила свое обширное исследование истории переводов и издания «Трех сказок» Льва Толстого, которые тот, по просьбе Шолом-Алейхема, передал ему для публикации в сборнике в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе. История получилась крайне запутанной и увлекательной и вносит дополнительные штрихи в биографии Л. Н. Толстого, Шолом-Алейхема, также как в историю литературной жизни и издательского дела начала XX века. Мария Гулакова (Санкт-Петербург) публикует письмо этнографа и общественно-политического деятеля Моисея Кроля (1862–1942) к Хаиму Житловскому. Сведения, содержащиеся в письме Кроля (в то время эмигранта в Париже) от 26 марта 1936 года, проливают свет на малоизвестную попытку организации переселения европейских евреев в 1930-х годах в Эквадор. Публикуемые исследования основаны на материалах, извлеченных из различных архивов Москвы, Киева, Нью-Йорка, Иерусалима и Лидса.

УДК 94(47+57);(093)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-1-644698-59-4
ISBN 978-5-907532-22-9

Олег Будницкий

От редактора

Когда вы будете держать в руках эту книгу, пройдет уже год — или больше — со времени ухода из жизни двух замечательных историков — Виктора Кельнера и Ефима Меламеда. Они ушли в течение одной недели: Виктор скончался 24 февраля 2021 года в Николаевской больнице в Петергофе, Ефим — 3 марта в Киеве. Обоих унесла чума нашего времен — ковид. Оба были полны творческой энергии, строили планы. С Ефимом мы обсуждали по скайпу его публикацию в «Архиве» за две или три недели до его ухода... Для меня это еще и личная потеря: Виктор был моим близким другом, Ефим — добрым приятелем. Словами памяти о них — замечательных людях и историках — открывается этот том.

Горько сознавать, что Ефиму Меламеду не доведется увидеть его самую значительную, на мой взгляд, публикацию на страницах «Архива». В предыдущих томах нашего издания были опубликованы пять его материалов. Ефим в полной мере воспользовался открытостью украинских архивов, в том числе архивов советских спецслужб. В его скрупулезном, как всегда, исследовании рассматривается история надзора сталинских спецслужб за еврейскими писателями в конце 1930-х — начале 1950-х годов, имевшего последствиями репрессии и физическое уничтожение многих из них. В приложении к его статье публикуется уникальный материал — донесения тайного агента (на советском языке — сексота), «освещавшего» деятельность «братьев-писателей». Похоже, по мере открытия архивов мы будем узнавать все больше интересного об истории советской литературы.

Григорий Кан (Москва) вносит очередную лепту в изучение «вечной» темы: евреи и русская революция. На сей раз его исследование посвящено Аарону Зунделевичу (1852–1923), видному деятелю народнического движения, члену Исполнительного комитета «Народной воли». Роберта де Джорджи (Удине, Италия) посвятила свое обширное исследование истории переводов и издания «Трех сказок» Льва Толстого, которые тот, по просьбе Шолом-Алейхема, передал ему для публикации в сборнике в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе. История получилась крайне запутанной и увлекательной, она вносит дополнительные штрихи в биографии Л. Н. Толстого и Шолом-Алейхема, так же как в историю литературной жизни и издательского дела начала XX века. Мария Гулакова (Санкт-Петербург) публикует письмо этнографа и общественно-политического деятеля Моисея Кроля (1862–1942), обнаруженное ею в архиве YIVO в Нью-Йорке. Сведения, содержащиеся в письме Кроля (в то время эмигранта в Париже) Хаиму Житловскому от 26 марта 1936 года, проливают свет на малоизвестную попытку организации переселения европейских евреев в 1930-х годах в Эквадор и, соответственно, на историю созданного для этой цели Эквадорского комитета.

Олег Будницкий

Памяти Виктора Кельнера (1945–2021)

Виктор Ефимович Кельнер родился 23 февраля 1945 года в Москве, куда успела эвакуироваться из Ленинграда его мама со старшим сыном. Отец Виктора, кадровый военный, был в это время в действующей армии. По словам Виктора, зачат он был в Тбилиси, куда его мама поехала навестить отца, находившегося в госпитале на излечении после ранения[1]. Вот такая типичная — и в то же время особенная — военная история. После окончания войны семья вернулась в Ленинград. Виктор окончил вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета с перерывом на службу в армии. В феврале 1968 года параллельно с учебой начал работать помощником библиотекаря в фонде земских изданий отдела фондов и обслуживания Публичной библиотеки. Проработал в Публичке без малого 45 лет, «дослужившись» до ведущего научного сотрудника. Работал в секторе рекомендательной библиографии, затем в секторе книговедения, с 2004 года — в отделе редких книг. В университете Виктор специализировался по Новой и Новейшей истории, в частности, по истории Великобритании. В 1977 году защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь

1 URL: http://www.jewish-family-relics.ru/video_gallery.php?user_id=46&vgal_id=32 (дата обращения: 17.01.2022). См. здесь же видеоинтервью В. Е. Кельнера, в котором он рассказывает историю своей семьи.

и революционная деятельность Тома Манна (1856–1941)». По библиотечной линии выпустил рекомендательный указатель литературы «Великобритания» (М.: Книга, 1979). Тому Манну, личности весьма неординарной, посвящена его первая монография: «Том Манн — человек и революционер» (М.: Мысль, 1983). Виктор был «человеком книги», постоянно публиковал статьи в книговедческих сборниках — ленинградском/петербургском — «Книжное дело в России в XIX — начале XX века», московском — «Книга. Исследования и материалы». Был автором глав в коллективных монографиях, изданных Публичной библиотекой (зачем-то сменившей славное историческое имя на Российскую национальную библиотеку): «Книга в России, 1861–1881» (1991), «Книга в России, 1895–1917» (2008).

Одновременно с этой видимой профессиональной деятельностью шла другая, не то чтобы запретная, но не поощряемая и не имевшая каких-либо перспектив в плане публикаций — во всяком случае, легальных: изучение истории российских евреев. Благо что Публичка, насколько мне известно, обладает наиболее полным собранием литературы о евреях на русском языке. К тому моменту, когда изучением истории евреев стало возможно заниматься без оглядки на политическую погоду, Виктор был одним из крупнейших знатоков предмета. Мне уже приходилось говорить, что крушение коммунистического режима стало неожиданной удачей для нашего поколения (на этот счет есть и другие мнения) и в особенности для поколения историков. Однако к удаче надо быть готовым. Виктор был готов. Замечу, что его феноменальная эрудиция и готовность помочь коллегам принесли неоценимую пользу немалому числу исследователей — и в советское, и в постсоветское время. Некоторые стали его близкими друзьями. Назову среди них Джона Клиера и Бенджамина Натанса.

Библиотекарь, сотрудник библиотеки ассоциируется, вероятно, у большинства людей с чем-то тихим (ну да, в библиотеке не принято шуметь) и скромным. Не думаю, что это справедливо в целом и уж точно не относится к Виктору. Он обладал поистине взрывным темпераментом. С детства. Его исключали из четы-

рех разных школ. Со временем он остепенился, однако так и не стал «паинькой». Он очень даже «умел» ссориться с людьми и за словом в карман не лез там, где другой бы смолчал или не придал значения. Однажды полез в драку в пригородной электричке, когда какая-то шпана стала приставать к незнакомой девушке. Ему в это время было прилично за 60 и, надо сказать, шпану он обратил в бегство. Добавлю, что Виктор был очень невысокого роста, но, как известно, в таких случаях иногда важнее не антропометрические данные, а решительность.

Возвращаясь к академическим делам. Виктор был ярким представителем петербургской школы, одной из отличительных черт которой является вкус к работе с источниками, их публикации. Впервые я узнал о его существовании благодаря составленному Виктором сборнику документов и воспоминаний «1 марта 1881 года» (Лениздат, 1991), посвященному, понятно, убийству народовольцами императора Александра II. Сборник был составлен очень квалифицированно, снабжен кратким биографическим словарем и перечнем упомянутых в текстах переименованных улиц, площадей и мостов Ленинграда. Год спустя, в июле 1992-го, мы познакомились лично — в Иерусалиме, на двухнедельном семинаре профессора Еврейского университета Мордехая Альтшулера для исследователей из республик бывшего СССР.

Темой семинара была история еврейских общин за пределами черты еврейской оседлости до Второй мировой войны. Лекторы были блистательные: профессора Йонатан Френкель, Серджио Делла Пергола, Исраэль Барталь, Эзра Мендельсон (список не исчерпывающий) и, конечно, сам Мордехай. Состав слушателей был довольно пестрым, в значительной степени случайным. Это было самое начало возрождения российской иудаики, и в заброшенный организаторами семинара, во многом вслепую, невод попалась самая разная «рыбка». Я был неофитом, и сделанный мною на семинаре доклад был первым в моей жизни по «еврейской проблематике». Да и вообще, это был мой первый выезд за пределы отечества, и сразу — в Иерусалим! Виктор участвовал в семинаре Альтшулера в предыдущем году, но дело было не только —

и не столько — в этом. Он не просто был в теме: иногда мягко поправлял профессоров или что-то добавлял во время дискуссий. Его эрудиция была поразительна. Мы как-то быстро сошлись. Однажды вечером Виктор заявился ко мне в номер с «официальным визитом» с предусмотрительно захваченной из Питера бутылкой водки. Бутылка была опорожнена, исторические и прочие проблемы были обсуждены, и мы перешли на «ты». А может быть, и уже были. В качестве штриха времени: исследователи истории евреев из бывшего СССР были явлением столь экзотическим, что нас принял президент страны. Тогда им был Хаим Герцог. Наше фото с президентом вы найдете в этом томе «Архива».

В 1990-е годы Виктор наконец смог в полной мере заняться своей главной темой. Но не только. Почти каждый год выходят книги: в 1993 году — монография «Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция)» (СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки [далее — РНБ]); в 1994-м — «Очерки по историографии евреев в России» (М.: Еврейский университет в Москве, совместно с Р. Ш. Ганелиным). В 1995 году в Санкт-Петербургском институте истории РАН он защитил докторскую диссертацию «Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в.: (На материалах деятельности М. М. Стасюлевича)». В том же году выходит монументальный (678 страниц) библиографический указатель «Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати» (СПб.: Академический проект, 1995)[2], подготовленный Виктором совместно с Дмитрием Эльяшевичем. Это, можно сказать, книга для вечности: монографии или статьи могут устареть, библиография — никогда.

В 1998-м выходит подготовленное Виктором первое научное издание мемуаров С. М. Дубнова, его главного героя — «Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории

---

[2] В 2004 году Виктор выпустил дополнение к указателю: «Литература о евреях на русском языке, 1890–1953». СПб.: Европейский дом, 2004.

моего времени» (СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 661 с.). Он подарил мне этот внушительный том, надписав: «С комментаторским приветом». В 2004-м вышло новое, роскошное издание «Книги жизни» (М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 795 с.). Объем комментария составил 130 страниц против 48 в предыдущем издании. Так что «комментаторский привет» можно было бы удвоить даже с учетом разницы в формате и шрифте. В промежутке в престижной мемуарной серии издательства «Новое литературное обозрение» вышел составленный Виктором том «Евреи в России: XIX век» (М., 2000. 557 с.). В книгу вошли «Из николаевской эпохи» А. И. Паперны, «Из записок еврея» А. Г. Ковнера и «Дела минувших дней» (т. 1) Г. Б. Слиозберга. Разумеется, том, как положено, сопровождался вступительной статьей («Евреи, которые жили в России»), комментариями и указателями.

В 1990-х годах возможности для занятий иудаикой радикально меняются. Возникают частные учебные заведения, носящие гордые названия университетов, а то и академий. Что важно, начинает выходить первый в постсоветское время научный журнал по иудаике — «Вестник Еврейского университета в Москве» (впоследствии — «Вестник Еврейского университета»). Позднее, в конце 1990-х — начале 2000-х годов, появляются кафедры в «больших» университетах — МГУ и СПбГУ. В 1994 году был учрежден Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». С момента основания и на протяжении многих лет Виктор был членом академического совета «Сэфера». Пожалуй, важнейшей функцией «Сэфера» была организация ежегодных крупных международных конференций — традиционных мест встречи исследователей иудаики. Виктор был неизменным участником почти всех конференций.

Виктор активнейшим образом публиковался в «Вестнике Еврейского университета». С 1992 по 2005 год в 29 вышедших номерах было напечатано 25 его материалов: 10 статей и 15 документальных публикаций! И это не считая статей в различных сборниках. Основная проблематика — история русско-еврейской

интеллигенции конца XIX — начала XX веков. Главные герои — Семен Дубнов, Максим Винавер и Владимир Жаботинский. В то же время Виктор — и по долгу службы, и по призванию — продолжал публиковаться в книговедческих изданиях. К этому следует добавить доклады на многочисленных международных конференциях, в том числе на всемирных конгрессах по иудаике в Иерусалиме, конференциях и семинарах по истории еврейской эмиграции в Париже, Нью-Йорке, Франкфурте-на-Одере, Берлине, Бате (Великобритания) и других. Если учесть интенсивную исследовательскую работу в архивах, а наряду с российскими он работал в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме, архиве Института еврейских исследований (ИВО) в Нью-Йорке, то остается лишь изумляться его работоспособности и продуктивности.

Своеобразным синтезом его интересов в области еврейской истории и книговедения стали «Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в.» (СПб.: РНБ, 2003. 240 с.). На подаренном мне экземпляре забавная надпись: «Помни — наше дело хвастаться книжками». Ну да, только сначала их надо написать. В 2008 году выходит opus magnum Виктора — научная биография С. М. Дубнова — «Миссионер истории: жизнь и труды Семена Марковича Дубнова» (СПб.: Міръ, 2008. 708 с.). Два года спустя вышел ее перевод на немецкий — «Simon Dubnow: Eine Biografie» (Göttingen: Vandenhoeck Vandenhoeck & Ruprecht, 2010).

С 1999 года Виктор являлся научным сотрудником межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, одновременно он начал преподавать в этом университете. Там у Виктора появились ученики (по большей части ученицы) — магистранты и аспиранты. Кандидатские диссертации под его руководством написали Ольга Минкина, Майя Витенберг, Елена Норкина. Все защитились в Санкт-Петербургском институте российской истории РАН. Специальности «иудаика» в номенклатуре научных специальностей в РФ как не было, так и нет. Все защищались по отечествен-

ной истории. Впрочем, история евреев в России, безусловно, часть отечественной истории. В 2008 году Виктора пригласили перейти на должность профессора кафедры еврейской культуры в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета. Это означало сменить место основной работы, расстаться с библиотекой, в которой он прослужил к тому времени 40 лет. Это было нелегкое решение; в конечном счете выбор в пользу университета был сделан, хотя в библиотеке он проработал по совместительству до 2012 года. В 2016 году Виктор перешел из СПбГУ на должность профессора в Европейский университет, оставаясь одновременно сотрудником «Петербургской иудаики».

Виктора подкосила трагическая гибель жены в августе 2010 года. С Леной была прожита жизнь, она только-только начала оправляться после казавшейся неизлечимой болезни... Он говорил мне, что не хочет жить. Спасало внимание друзей, коллег, учеников. И главное, работа. В предисловии к своей монографии «Щитъ. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века» (СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 507 с.) Виктор пишет, что идею написать книгу о Винавере ему подали Б. И. Колоницкий и автор этих строк. А на подаренном мне экземпляре книги даже именует меня «вдохновителем». Не буду отпираться: так оно и было. Постоянно твердил ему: «Если не ты, то кто?» Вот только мотивы у меня были не только — и не столько — научные. Главной задачей было вернуть его к жизни, и в случае Виктора лучшим способом была работа, стремление к большой цели. Конечно, это произошло бы и без посторонней помощи, ибо работа (говоря высоким слогом — творчество) была его способом существования.

Кажется, после защиты докторской диссертации Виктор говорил, что теперь будет заниматься только еврейской историей. Однако «никогда не говори “никогда”». В 2013 году с его предисловием и комментариями выходит альбом «Наши автографы. С искренней благодарностью за любезное внимание... Инскрип-

ты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки» (СПб.: РНБ). В 2014-м — «Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг.» (СПб: РНБ. 232 с.).

Виктор с энтузиазмом отнесся к появлению в 2004 году «Архива еврейской истории», издававшегося сначала Международным исследовательским центром российского и восточноевропейского еврейства, а ныне — Еврейским музеем в Москве. Он публиковался на страницах ежегодника чаще, чем кто-либо другой: лишь один из 11-ти томов «Архива» вышел без его материала. В некоторых томах он выступал и как автор, и как публикатор[3]. Виктор был, несомненно, самым деятельным членом редакционного совета «Архива», его неформальным представителем в Петербурге. Он «привел» в «Архив» немало толковых авторов и публикаторов.

Виктор умел дружить. Всегда был готов помочь. Присылал по почте в ту эпоху, когда сканирование и пересылка файлов по Интернету еще не стали обычным делом, ксерокопии необходимых статей, а то и целых книг. Когда я приезжал в Питер, он всегда встречал (несмотря на протесты) на вокзале, если я был с женой — непременно с цветами. После этого следовал «ритуальный» обед в каком-нибудь ресторанчике. Последний раз «вживую» мы виделись 23 февраля 2020 года в Питере, в день его 75-летнего юбилея. Постоянно перезванивались по скайпу, по делу и просто так, поболтать. Виктор был одним из тех немногих людей, с которыми можно было быть совершенно откровенным, о чем бы ни шла речь. Болтовню он обычно завершал «лозунгом»: «Работаем!» В начале 20-х чисел января 2021 он мне вдруг позвонил не по скайпу, а на мобильный. Было плохо слышно, к тому же я был чем-то занят, сказал, что перезвоню позже. Потом что-то ёкнуло: почему он звонит на мобильный? Перезвонил минут через десять: оказалось, Виктор звонил из ковидной больницы. Сказал, что звонить ему туда нельзя, продиктовал телефон для

---

[3] См.: Указатель содержания «Архива еврейской истории», кн. 1–10 // Архив еврейской истории. Т. 11. М., 2020. С. 364–372.

связи с его бывшей аспиранткой Яной, мониторившей ситуацию и занимавшейся покупкой необходимых для ковидного отделения материалов. Виктор позвонил из больницы еще один раз: его волновало, хватает ли денег: бесплатная медицина обходилась недешево. С деньгами-то проблем не было, но с каждым днем в оптимистические прогнозы верилось все меньше. 23 февраля я отправил ему СМС — поздравлял с 76-м днем рождения. Не думаю, что Виктор прочел сообщение. На следующий день его не стало…

В таких случаях принято писать, что остались книги, ученики… Ну да, ученые и преподаватели имеют в этом отношении некоторое преимущество перед прочими смертными. Но вот только никто больше не напишет: «Старик, как дела?»

Геннадий Эстрайх

Ефим Меламед (1951–2021): «Не поминайте лихом...»

Никогда не думал, что мне придется писать что-то в память о Ефиме. Он был старше меня всего на несколько месяцев. Я помню, когда ему исполнилось шестьдесят, он меня успокоил: «Не бойся, ничего страшного в этом нет». Действительно, страшного тогда ничего не случилось. Страшным оказалось его последнее электронное письмо, отправленное 20 февраля 2021 года, через день или два после того, когда он мне сказал, что заболел ковидом. Сказал как-то мимоходом, мол, неважно себя чувствую. А 20 февраля он коротко сообщил, что «плохи дела». При этом он посылал «рукопись в последнем варианте», но не был уверен, успеет ли ее отправить «раньше, чем придет скорая». И добавил (письмо было адресовано не только мне): «Не поминайте лихом...» Он умер 3 марта. В тот же день в Петербурге похоронили нашего общего друга Виктора Кельнера.

Начало нашей электронной переписки у меня тоже сохранилось — 6 февраля 2008 года. Вскоре после нашего знакомства на конференции в Киеве по случаю 90-летия со дня основания еврейской «Культур-Лиги» в столице Украины. О «Культур-Лиге» можно почитать, например, статьи Ефима «The Fate of the Archives of the Kiev Institute of Jewish Proletarian Culture» в журнале «East European Jewish Affairs», № 2, 2012 и «По следам архива Культур-Лиги» в альманахе «Параллели», № 13–14, 2015. Предпоследний раз мы виделись с Ефимом не электронно-виртуально тоже на конференции, посвященной «Культур-Лиге». Проходила она в ноябре 2018 года в Урбане-Шампейн, США. Последняя наша

встреча была в Киеве летом 2019 года — несколько часов между прилетом из Запорожья и отлетом в Лондон. Погуляли в центре города и пообедали возле Бессарабского рынка.

Таких невиртуальных встреч у нас вообще было не очень много за тринадцать лет знакомства, переросшего в дружбу: кроме Киева и Урбана-Шампейн, еще несколько раз — в Москве, Нью-Йорке, Берлине, может, еще где-то. При этом на протяжении многих лет почти не было недели или даже дня, чтобы мы не говорили по скайпу. Голос Ефима моя жена узнавала из другого конца дома. Мне всегда было с ним хорошо говорить. Лицо его преображалось, когда он улыбался. Чувство юмора — и сарказма — у него было замечательное. Он умел слушать. Этим качеством обладают далеко не все, особенно люди, увлеченные своим делом.

Больше всего говорили о деле. Ефим был важным участником проекта, связанного с написанием многотомной истории советского еврейства. Об этом или вокруг этого мы наговорили сотни часов. Но и «за жизнь» мы тоже много наговорили. Немало спорили, иногда очень горячо. У Ефима было такое свойство характера: он очень избирательно включал людей в свой ближайший круг. Но если ты в него попадал, то он уже на тебя обиды не таил. Ты становился *своим*. Так мне, по крайней мере, казалось. Именно поэтому у нас, я думаю, даже самые горячие споры никогда не переходили в ссоры. Ефим был упрямей меня, и я часто уступал, особенно если речь шла о чем-то не очень для меня принципиальном. Правда, я не помню, чтобы у нас было много разногласий, когда мы писали вместе статью «О погроме в Бердичеве» для восьмого выпуска «Архива еврейской истории».

Ефим много сил вкладывал в написание текста и болезненно переживал вмешательство редактора. Его совсем не убеждали аргументы, что мы не Пушкины и потому не должны отчаянно бороться за то или иное слово. Своим словом он очень дорожил. Не жалел он сил и на поиски «вишенки на торте» — мельчайшего факта, подтверждавшего или иллюстрировавшего что-то в историческом нарративе. В его восприятии история представляла собой своеобразный захватывающий детектив, в котором

перед ним стояла задача вычислить, выследить, раскрыть «виновников» и понять побудительные мотивы их действий. Поэтому все, казалось бы, мелочи были важны. Дотошность, снижавшую скорость выдачи на-гора публикаций, Ефим компенсировал колоссальными временными затратами на архивно-библиотечный поиск и на само написание. Он настолько погружался в то, над чем работал, что ему сложно было переключиться хотя бы на короткое время на другую тему.

Ефим не был человеком, всю жизнь посвятившим одной теме. В 1981 году в Москве вышла его монография «Джордж Кеннан против царизма», а второе издание этой книги увидело свет в Иркутске под названием «Русские университеты Джорджа Кеннана». Казалось, он мог стать американистом, но не стал. Писал он и о людях, каким-то образом связанных с его родным городом Житомиром. Так появились публикации о Владимире Короленко и о выкрестившемся еврейском дедушке Ленина. С огромным объемом работы было связано его участие в подготовке томов «Документы по истории и культуре евреев в архивах Киева» (2006) и «Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины» (2009). Архивы были его стихией.

Последние годы Ефим практически полностью посвятил работе с сохранившимися и ставшими доступными в Киеве и других городах Украины архивными материалами НКВД, МГБ, партийных и других организаций. Он стремился составить по возможности точный исторический нарратив о трагической судьбе еврейских организаций, писателей и научных работников, живших и работавших в Киеве в сталинские годы. Благодаря его усилиям мы сейчас знаем намного больше о киевском Институте еврейской пролетарской культуры и о Кабинете еврейской культуры, о еврейских писателях — Абраме Абчуке, Абраме Кагане, Гирше Блоштейне и других. Ему удалось понять какие-то механизмы работы советских репрессивных органов и даже раскрыть имена нескольких писателей, фигурирующих — под псевдонимами — в качестве агентов-осведомителей. Одну из работ на «киевскую тему» Ефим написал специально для этого тома «Архива».

Ефим всегда работал вне академических институций. Судьба так распорядилась, или он сам так распорядился своей судьбой, но он, по сути дела, оставался «свободным художником» или, точнее, независимым исследователем. Это ни в коей мере не умаляет его научный вклад. Не будет преувеличением сказать, что исследования, проведенные Ефимом Меламедом, открыли новые направления для дальнейших работ по изучению советской еврейской истории. А для тех, кто хорошо знал Ефима, он останется примером преданности исторической науке. И преданности, готовности помочь коллегам по цеху.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. И. Меламед (Киев)

«Донесениями вновь завербованного агента “Кант”...»

Еврейские писатели под надзором спецслужб сталинского режима[1]

13 июля 1939 года начальник 2-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД УССР капитан госбезопасности Леонид Павлычев докладывал своему руководству:

> Донесениями вновь завербованного агента «Кант» и другими агентурно-следственными материалами устанавливается наличие среди антисоветской части еврейских писателей Украины, глубоко законспирированного право-троцкистского подполья, руководимого еврейским поэтом, быв[шим] бундовцем, троцкистом Фефером Исааком Соломоновичем, который на протяжении последних десяти лет является бессменным руководителем секции еврейских писателей Украины и проходит по показаниям ряда осужденных участников право-троцкистской организации, как один из ее представителей в литературе[2].

---

1 Настоящая работа подготовлена в рамках проекта «История евреев Советского Союза», осуществляемого Нью-Йоркским университетом при поддержке Евгения Швидлера. В данном издании печатается в сокращении. Пользуясь случаем, выражаю благодарность всем, кто способствовал моим поискам и помогал в процессе подготовки текста. И прежде всего — Роману Подкуру (Киев), Геннадию Эстрайху, Людмиле Шолоховой (Нью-Йорк, США), Михаилу Крутикову (Энн-Арбор, США), Вадиму Алцкану (Вашингтон, США), Григорию Казовскому и Вениамину Лукину (Иерусалим, Израиль).

2 Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее ГДА СБУ). Ф. 16. Оп. 1. Спр. 380. Арк. 124.

К тому времени и сама эта организация, и агентурное дело, заведенное для ее разработки, уже получили свое название — «Боёвцы». Между прочим, название это впервые встречается в обширной записке, одной из двух, которые, хотя и оформлены в виде агентурных донесений, скорее напоминают историко-литературные труды, правда весьма специфические. Их автором является упомянутый выше агент «Кант». О нем самом и о его донесениях речь впереди, но сначала о предмете интереса чекистов и «истории вопроса».

1. Сначала был «Бой»...

В своих записках «Кант» воскрешает историю одного из малоизвестных, а ныне и вовсе забытых еврейских писательских объединений Украины второй половины 1920-х годов. Его название — «Бой» (в переводе с идиша «стройка»[3]) — до некоторой степени передает своеобразие той поры, когда творческие искания и идеологические приоритеты побуждали писателей — и украинских, и еврейских — к взаимному сближению и размежеванию, и они еще сами решали, с кем и на каких началах объединяться в различные литературные организации, группы и группировки.

И сближение, и размежевание происходило главным образом по линии «пролетарские и непролетарские писатели», большинство последних по тогдашней терминологии являлись «попутчиками», но на Украине под спудом зачастую оказывался и другой фактор: раскол между теми, кто стремился быть частью общего советского литературного процесса, и теми, кто ориентировался на его сугубо украинскую составляющую[4].

---

[3] А точнее, как пишет Геннадий Эстрайх, компонент сложносоставного слова советского идиша, копировавший соответствующий аналог русского «строй» и украинского «буд» (*Эстрайх Г.* Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой» // Народ Книги в мире книг. 2019. Август. № 141. С. 1).

[4] *Estraikh G.* In Harness: Yiddish Writer’s Romance with Communism. Syracuse, NY. 2005. P. 127.

Пролетарской считалась возникшая в 1922 году в Киеве, но недолго просуществовавшая группа «Видервукс» ('Поросль'). В группу входили тоже в большинстве своем начинающие авторы, однако их лидер, поэт Ицик Фефер (1900–1952), был уже состоявшимся мастером слова, причем, что важно, слова понятного читателям из низов.

Но если члены «Видервукса» видели своих читателей прежде всего в рабочей среде и потому ратовали за массовость и доступность литературной продукции, то другая киевская еврейская писательская группа с характерным «конструктивистским» названием «Антена», чье рождение относят к 1924 году, уповала на более подготовленную и утонченную аудиторию, следуя в этом смысле традициям незадолго перед тем прекратившей свое существование Культур-Лиги. Эта крупнейшая еврейская культурно-просветительская организация 1920-х годов, которую Перец Маркиш уподоблял Третьему Храму еврейской цивилизации[5], со всеми своими школами, курсами, гимназиями, народным университетом, равно как и музеями, театральными студиями, библиотеками и читальнями, создавала условия для образования и самообразования всем тем, кто к этому стремился, и тем самым способствовала повышению уровня еврейского читателя, слушателя и зрителя.

«Антена» имеет свою предысторию. Составившие ее костяк киевские писатели ранее, в 1922–1924 годах, группировались вокруг московского журнала «Штром» ('Поток'), по сути, первого советского еврейского литературного периодического издания, основателями и редакторами которого были тоже киевляне: Иехезкел Добрушин, Арон Кушниров, Наум Ойслендер и Давид Гофштейн. С ним они связывали большие надежды, которые, однако, не оправдались; через два года журнал прекратил свое существование, так и не получив государственной поддержки[6]. Позднее были и другие безуспешные попытки легализовать неформально сложившееся объединение уже в Киеве. Собственно,

---

[5] См.: *Казовський Г.* Феномен Культур-Ліги // Культур-Ліга: художній авангард 1910–1920 років / Упор. Г. Казовський. Київ, 2007. С. 25.

[6] *Эстрайх Г.* Осколок «Культур–Лиги». Киевская литературная группа «Бой». С. 4.

даже возникшая в конечном итоге «Антена», как выясняется, тоже нигде не была формально зарегистрирована, а ее декларация, которая воспроизводится в книге Абрама Абчука «Этюды и материалы к истории еврейского литературного движения в СССР, 1917–1927» (единственной работе о деятельности еврейских литературных групп и объединений в первое послеоктябрьское десятилетие, давно ставшей к тому же библиографической редкостью[7]), в печати до того нигде не появлялась[8].

Из декларации «Антены» между прочим выясняется ее родственная связь с украинской писательской организацией «Гарт» (‘Закалка’), в которой закалялись будущие классики украинской литературы: поэты Владимир Сосюра, Павло Тычина и будущий киноклассик, режиссер и сценарист Александр Довженко. Антеновцам «Гарт» импонировал и своим неприятием идеи массовости литературы, что неизбежно приводило к снижению ее уровня, и поддержкой развития литератур нацменьшинств[9].

Следует также упомянуть о нескольких неудачных попытках, предпринятых украинскими властями, объединить всех еврейских писателей в рамках одной организации[10]. Всех объединить так и не удалось. В итоге зимой 1927 года были образованы две организации: Ассоциация революционной еврейской литературы на Украине», основой которой стал «Видервукс», и «Бой», предтечей и основой которого сделалась все та же «Антена». Летом 1927 года в № 5/6 харьковского журнала «Ди ройте велт» (‘Красный мир’) были опубликованы декларации обеих организаций, причем инициативную группу, которая подписала этот документ со стороны «Боя», составили почти сплошь антеновцы: Наум Ойслендер,

---

7 Что не мудрено, ибо, признанная троцкистской, она была изъята из библиотек. Подробнее о книге и судьбе ее автора см.: *Меламед Е.* Ирония судьбы Аврома Абчука // Народ Книги в мире книг. 2017. № 127. С. 8–11; *Он же.* Еще раз о судьбе Аврома Абчука // Там же. № 130. С. 1–3.

8 *Abchuk A.* Etyudn un materialn tsu der geshikhte fun der Yidisher literaturbavegung in F.S.R.R. Kharkov, 1934. Z. 182.

9 Ibid. Z. 187–190.

10 Подробнее об этих попытках см.: *Эстрайх Г.* Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой». С. 4–5.

Давид Волкенштейн, Ноях Лурье, Эзра Фининберг и Липа Резник. И лишь одним из шести оказался «чужой», мало кому известный, а ныне и вовсе забытый харьковский литератор — прозаик, критик и переводчик Давид Фельдман (?–1937). Между тем именно он считается главным инициатором и организатором «Боя». Это загадочное обстоятельство, возможно, объясняется тем, что Фельдман был влиятельной фигурой в тогдашней столице Украины (редактором журнала «Ди ройте велт», директором библиотеки и архива ВУАМЛИН[11], а в придачу секретарем парткома ДВУ — Державного видавництва України, то есть украинского Госиздата). Таким образом, ему было сподручнее представительствовать от имени «Боя», и он мог содействовать не только его легализации, но и реализации одной из его главных целей, которая, как говорил впоследствии на судебном заседании 26 марта 1939 года (о нем речь впереди) один из неформальных лидеров «Боя» Ноях Лурье (1885–1960), состояла в том, чтобы выпустить сборник произведений всех членов группы[12]. Это предположение объясняет и другое, сделанное тогда же заявление Лурье, которое явно умаляет роль Фельдмана, а именно: «Фельдман примкнул к нашей группе, когда она уже сформировалась»[13].

2. «По одному пути» с ВАПЛИТЕ...

Преемственность обеих групп — «Антены» и «Боя» — названия которых в начальный период зачастую пишут через дефис («Антена-Бой»), подчеркивается еще и тем, что «Бой» был тесно

---

[11] *Цимбал Я.* Історія ВАПЛІТЕ у 3D // Спадщина: Літературне джерелознавство, текстологія. Київ, 2012. Т. VII. С. 209. ВУАМЛИН — Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов, система научно-исследовательских учреждений, созданных в Харькове согласно постановлению ЦК КП(б)У от 28 июня 1931 года в противовес системе ВУАН (Всеукраинской академии наук), тогда еще не вполне советизированной.

[12] Центральний державний архів громадських об’єднань України (далее ЦДАГОУ). Ф. 263. Оп. 1. Спр. 42742. Т. 3. Арк. 257.

[13] Там же. Арк. 258.

связан с родившейся уже после распада (в октябре 1925 года) «Гарта» и генетически близкой к нему ВАПЛИТЕ (Вільна академія пролетарської літератури — 'Свободная академия пролетарской литературы'), наиболее авторитетной литературной организацией на Украине в 1920-х годах, в которой собрались лучшие украинские писатели, в том числе бывшие члены «Гарта». Правда, в упомянутой декларации «Боя», весьма велеречивой и абстрактной, об этом прямо не говорится, а только констатируется необходимость «сделать соответствующие шаги к созданию тесного жизненного контакта с революционными украинскими литературными коллективами, идущими с нами по одному пути»[14].

То, что «Бою» с ВАПЛИТЕ оказалось «по одному пути», вовсе не случайно. Несмотря на свое «пролетарское» название, она отличалась от других пролетарских объединений, опять-таки, неприятием массовой литературы и графоманства и была создана по инициативе украинского писателя Николая (Миколы) Хвылевого (Фитилева; 1893–1933), «основоположника настоящей украинской прозы» (акад. А. И. Белецкий)[15], как лаборатория профессионального совершенствования и альтернатива официозным структурам с их невысокой требовательностью к качеству литературных произведений. В этом смысле ВАПЛИТЕ и «Бой» явно сходились. Ведь и для последнего, как подметил Дэвид Шнир, мастерство писателя значило больше, чем его политическая ориентация[16].

Помимо близости эстетических и идеологических установок, в данном случае, несомненно, имело значение и то обстоятельство, что активным ваплитянином был Давид Фельдман. Кроме него в «академии» состоял и другой член «Боя», поэт Лев (Лейб)

---

14 Цит. по заверенной копии русского перевода декларации, отложившемся в архивном деле (ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Л. 1–7).

15 Цит. по: *Костюк Г.* Хвильовий — прозаїк // *Хвильовий М.* Твори в п'ятьох томах. 2-ге видання. Нью-Йорк, 1984. Т. 1. С. 46.

16 *Shneer D.* Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture, 1918–1930. New York. 2004. P. 167.

Квитко (1890–1952), принятый в этот своего рода закрытый клуб, кстати, одним из первых, 28 октября 1926 года[17]. Его, как и другого еврейского поэта, Эзру Фининберга (1899–1946), отмечает современный украинский исследователь, «связывали с ваплитянами прежде всего человеческие и добрососедские отношения»[18]. Но если Фининберг почему-то так и не сделался членом ВАПЛИТЕ, хотя его туда зазывали, то Фельдман и Квитко, как оказалось, были весьма вовлечены в ее деятельность. Оба активно сотрудничали в ее или близких к ней изданиях: журналах ВАПЛИТЕ[19], «Литературный ярмарок» (формально он считался внегрупповым, но фактически в нем печатались бывшие ваплитяне)[20], «Пролитфронт»[21] (о нем ниже), помещая там свои рассказы и стихи. Книги и того и другого издавались в «Библиотеке ВАПЛИТЕ», причем как на идише, так и в переводах на украинский язык[22]. Фельдман, в свою очередь, переводил на идиш произведения своих собратьев-ваплитян из числа украинских авторов, включая

---

17 В соответствии с уставом «Академии» прием новых членов в нее происходил на общем собрании только раз в год, и сама процедура была далеко не формальностью. Так, на первом таком собрании 28 октября 1926 года приняли только двух человек (одним из них и был Л. Квитко, а вторым украинский писатель Юрий Смолич, но отвергли — четырех (См.: *Цимбал Я*. Історія ВАПЛІТЕ у 3D. С. 132). Всего к началу 1927 года общество насчитывало 25 человек (Вапліте. 1927. № 1. С. 53).

18 *Цимбал Я*. Історія ВАПЛІТЕ у 3D... С. 132, 154. Среди ваплитян Л. Квитко был особенно близок с поэтом П. Г. Тычиной, при этом они были и соседями по коммунальной квартире в харьковском писательском кооперативе «Слово».

19 *Квітко Л*. Із циклу «Німеччина» / З єврейської переклав Павло Тичина // Вапліте. 1927. № 1. С. 47–49; № 2. С. 202.

20 См., например: *Фельдман Д*. Прогулянки. Пер. з євр. Е. Райцин // Літературний ярмарок. 1929. Кн. 139. С. 136–145; *Квітка Л.* Шваґерочки / авторизований пер з євр. Т. Масенко // Там же. 1929. Кн. 40. С. 296–298; *Он же.* Шкіри з Ріо-Грандо. Пер з євр. Е. Райцин // Там же. 1930. Кн. 141. С. 287–309.

21 См.: *Фельдман Д.* Русява борідка / Пер. з євр. // Пролітфронт, 1930. № 3. С. 151–155.

22 Сведения об этом встречаются на страницах журнала ВАПЛИТЕ (см.: 1927. № 2. С. 154, 202; № 4. С. 236).

того же Миколу Хвылевого[23], а вместе с Квитко они составили и перевели антологию украинской прозы послеоктябрьского периода[24].

«Бой», как и ВАПЛИТЕ, фактически противостоял главной писательской пролетарской организации Украины, каковой был ВУСП — Всеукраинский союз пролетарских писателей (в украинском оригинале: «Всеукраїнська спілка пролетарських письменників»), учрежденный в 1928 году с намерением объединить в нем всех лояльных к режиму литераторов (характерно, что образованная ранее «Ассоциация революционной еврейской литературы на Украине» вошла в него целиком в качестве еврейской секции) и для противодействия тем, кого власти считали носителями буржуазно-националистического начала. По сути, ВУСП представлял собой украинский аналог РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей), в который он входил, и как последний, пользуясь поддержкой властей, стремился монопольно контролировать все происходящее в литературной жизни республики. ВАПЛИТЕ, которая с самого начала подвергалась как шельмованию со стороны того же ВУСПа, так и острой критике со стороны официальных кругов, в 1928 году вынуждена была самораспуститься. На ее месте в 1930 году, по инициативе того же Хвылевого, возник «Пролитфронт» (то есть «Пролетарський литературний фронт»), выпускавший, как и ВАПЛИТЕ, одноименный журнал. Эта группа объединяла в основном харьковских писателей, стоявших на проукраинских позициях, причем, что интересно, в их числе был опять-таки Фельдман, возглавлявший еврейскую секцию «Пролитфронта»[25]. Нападали

---

[23] *Panṭsh P.* Bloy eshelonen / Fun ukr. D. Feldman. Kharḳov: Zeṇtrfarlag, 1930; *Slisarenko O.* Der swarzeer malech: [roman] / Fun ukr. D. Feldman. [Kharkov]: Zentrfarlag, 1930, 312 z.; *Khvilovi M.* Blove etyudn / Fun ukr. D. Feldman. Kharkov: Tsentrfarlag, 1927. 114 z.

[24] 1921–1928: Antologye fun Ukrainisher proze: nokhoktyaberishe literatur nayntsen-eyn un tsvantsik-nayntsn akht un tsvantsik / D. Feldman; L. Kvitko. Kharkov: Melukhe-farlag fun Ukraine, 1930. 468 z.

[25] *Цимбал Я.* Історія ВАПЛІТЕ у 3D. С. 209. Состав секции неизвестен, но логично предположить, что в нее входил и Л. Квитко.

на него не менее рьяно, обвиняя и в троцкизме, и в мелкобуржуазном национализме, и в антирусских настроениях, поводом для чего служили прежде всего публикации выступления самого Хвылевого. Его и ныне признают «одним из идейных лидеров укр[аинского] национал-коммунизма, возникшего вследствие сопротивления большевистской великодержавной политике»[26]. Призывы Хвылевого «повернуться лицом к Европе» (ему даже приписывали лозунг «Геть від Москви» («Прочь от Москвы»), хотя, как оказалось, именно таких слов в его памфлетах нет, а это скорее перевод его мысли в виде лозунга[27]) повлекли за собой ответную реакцию. В январе 1931 года «Пролитфронт» был закрыт, а его лидер через несколько лет, после ареста своего друга, писателя Михаила Ялового, в знак протеста против преследований украинской творческой интеллигенции покончил с собой.

Большинство других ваплитян погибло в годы Большого террора. Это к ним прежде всего применим метафорический термин «розстріляне відродження» («расстрелянное возрождение»), употребляемый для обозначения жертв сталинизма, представителей украинской элиты 1920-х годов — писателей, художников, деятелей музыкального и театрального искусства, — ассоциируемый с названием известной антологии украинской литературы того же периода, составленной литературоведом и публицистом Юрием Лавриненко[28]. Антология эта, оказавшая значительное влияние на мировоззрение украинских «шестидесятников», была впервые опубликована в 1959 году по инициативе и на средства издателя парижского журнала «Культура» Ежи Гедройца в серии «Библиотека "Культуры"» (Гедройцу же, кстати, принадлежит и формулировка названия антологии, возникшая в переписке с Лавриненко), а позднее книгу эту не единожды

---

26 *Абліцов В. Г.* Хвильовий Микола Григорович // Енциклопедія історії України: Т. 10: Т–Я. Київ, 2013. С. 364–365.

27 *Панченко В.* Микола Хвильовий: Історія гасла «Геть від Москви!» // День. 2019. 10 января. № 3–4. За указание на эту публикацию благодарю Викторию Назаренко (Киев).

28 См.: *Лавріненко Ю.* Розстріляне відродження: Антологія 1917–1933. [Мюнхен], 1959. С. 12.

переиздавали в независимой Украине. И хотя с тех пор она была подвергнута ревизиям, которые выявили в ней немало недочетов, включая искаженную статистику писательских потерь за указанные годы[29], к самому уже ставшему каноническим термину это отношения не имеет.

3. Кто не с нами — тот против нас...

К «Бою» судьба оказалась более милостива, хотя и эта группа подверглась остракизму за троцкизм и национал-уклонизм и тоже вынуждена была (в 1929 году) самораспуститься. Но в этот период — в конце 1920-х — начале 1930-х — и все другие писательские группировки, кроме уже упомянутого РАППа и ВОАПа (Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей), были практически разгромлены или предпочли самоликвидацию. А после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» и они были расформированы. Взамен решено было ввести единую и монолитную структуру — Союз советских писателей, которая и была создана два года спустя.

Другое дело, чем это обернулось для отдельных членов «Боя» в ту пору, когда торжествовал принцип «Кто не с нами — тот против нас». По крайней мере трое из них написали покаянные письма и одновременно подали заявления о приеме в ВУСП.

(Это, кстати, было сделано в полном соответствии с указанным выше принципом. Как признал в ноябре 1951 года арестованный еврейский поэт Матвей (Мотл) Талалаевский (1908–1978), «условием приема в ВУСП было публичное осуждение литературной организации «Бой»[30]. Талалаевский членом «Боя» не был — для

---

[29] Подробнее см.: *Krupa P.* Arguments against «The Executed Renaissance» Iurii Lavrinenko's Anthology and the Problem of Representation of the Ukrainian Literature, 1917–1933 // Zeitschrift för Slawistik. 2017. № 2 (62). P. 268–296.

[30] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 3. Арк. 92.

этого у него недоставало еще литературной «продукции»[31], — но его там считали как бы «подшефным», приглашали на литературные вечера, помогли поступить в Киевский евпедтехникум, в котором, согласно его же свидетельству, уже шла борьба против «Боя», и он, как и другой «подшефный», его сверстник, тоже молодой поэт Овсей (Шика) Дриз (1908–1971), встав перед выбором: быть со всеми или оставаться на обочине, предпочел быть со всеми и публично заявил об этом в печати.)[32]

Давид Фельдман покаялся в письме, адресованном в евсекцию ВУСПа, на страницах харьковского журнала «Пролит» (то есть «Пролетарише литератур» — «Пролетарская литература», который был органом самой евсекции)[33]. На двух журнальных страницах он детально, по пунктам (раскаяние должно было быть глубоким), разъяснил, как и когда для него «наконец, стали ясными идеологически вредные, оппортунистические и классово чуждые воззрения» в вопросах литературы, которых он в течение ряда лет придерживался, и в чем состояла его «зачастую вредная деятельность» в этой области:

> И вот, признавая, что мои воззрения в вопросах литературы и моя общественная деятельность в области литературы представляют собою уклон от партийной линии и до конца их осуждая, я нахожу необходимым публично заявить следующее:
> В 1927 г. по моей инициативе создано было литературное объединение «Бой», я тогда был троцкистом и это тоже было в интересах троцкистов создать на Украине «национал-культурное» неудовольствие правильной ленинской линией в национальном вопросе, проводимой тогда, как и теперь КП(б)У, в интересах троцкистов было создать организацию еврейских писателей, которая должна быть тесно связана с украинской писательскою организацией ВАПЛИТЕ, осужденной позже партией как националистическая.

---

31 Там же. О том же засвидетельствовал при аналогичных обстоятельствах и Ноях Лурье (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 42742. Т. 3. Арк. 258).

32 ГДА СБУ. Арк. 92.

33 *Feldman D.* In der Yid. sektsie fun VUSP’P // Prolit. 1931. № 4–5. Z. 120–121.

> Хотя эта моя антипартийная линия (троцкизм плюс национал-уклонизм) не была официально составной частью платформы «Бой», но характеристика «Бой» может быть только одной. Литературное объединение «Бой» объективно было антипролетарской, национал-уклонистской организацией в области еврейской литературы, отражавшей своим специфическим образом недовольство еврейской мелкобуржуазной интеллигенции правильной линией, проводимой КП(б)У в области национал-культурного строительства в еврейской среде[34].

В том же номере «Пролита», на соседних страницах, помещено и письмо Нояха Лурье. Это его «пояснение» (датированное 25 февраля 1931 года) к ранее поданному формальному заявлению. Основной мотив автора тот же: дескать, сами того не желая, противопоставили себя ведомым партией пролетарским писателям и закономерно поплатились:

> Хотя «Бой» был тесной группой и не ставил своей целью борьбу против пролетарской литературы, но все же факт выделения этой группы был выражением недоверия к пролетарской литературе и ее перспективам. То, что мы отделились в идеологически и художественно неопределённую группу, неизбежно должно было привести к отчуждению от пролетарского-общественного контроля и от партийного руководства. Это повлияло на творческую работу и часто приводило к ошибочным шагам[35].

Актом отчаяния выглядит и «публичное разоружение» писателя и литературоведа Меера Винера (1893–1941), в 1926 году эмигрировавшего из Австрии в СССР и заведовавшего секцией литературы (позже — этнографии и фольклора) киевского Института еврейской культуры. Ранее Винер, активный член «Боя», на одном из литературных вечеров предостерегал, что ВУСП стремится контролировать всю литературную деятельность на

---

[34] Цит. по заверенной машинописной копии русского перевода этого письма (ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Л. 8–9).

[35] *Lurie N.* A derklerung // Prolit. 1931. № 4–5. Z. 123.

Украине и что он не может иметь монополию над еврейской литературой[36]. И вот теперь Винер тоже «раскаивался»...

Правда, недавний эмигрант уже понимал «правила игры»: в ту пору публичные покаяния сделались ритуалом. В то же время зачастую это была и та соломинка, которая позволяла остаться на плаву, то есть сохранить возможность жить и работать. 12 апреля 1931 года Винер выступил на заседании еврейской секции ВУСПа, признав свои ошибки и осудив и себя, и «Бой» за скрытую и открытую борьбу против ВУСПа, что, по его словам, служило помехой для развития пролетарской литературы. Решено было, что текст покаянного выступления Винера будет также обнародован в «Пролите», однако в журнале почему-то медлили с публикацией, отделываясь обещаниями. И хотя и после этого Винер в своих выступлениях продолжал каяться, этого оказалось недостаточно. В опубликованном в газете киевских коммунистов «Пролетарише фон» (‘Пролетарское знамя’) отчете «бригады» этой газеты, которая занималась проверкой деятельности Института еврейской культуры (знаменательно, что в том же году в название института будет внесено уточнение и культура станет не только еврейской, но и *пролетарской*), среди прочего отмечалось, что «М. Винер до сегодняшнего дня еще не выступил с критикой своих ошибок, как будто бы у него их не было»[37]. Конечно, отмолчаться Винер не мог, тем более что упрек этот бросал тень и на сам институт.

В открытом письме в «Пролетарише фон»[38] Винер привел выдержки из ранее переданного в «Пролит» текста и в очередной раз признал, что долгое время не понимал как роль ВУСПа, так и явные мелкобуржуазные позиции «Боя» и свою роль в организации. Это, по его словам, привело к тому, что он не боролся с правой опасностью «Боя», а своей принадлежностью к «Бою» сам представлял опасность.

---

[36] *Krutikov M*. From Kabbalah to Class Struggle. Expressionism, Marxism, and Yiddish Literature in the Life and Work of Meir Wiener Stanford, Cal. 2011. P. 157.

[37] Proletarishe fon. 1932. Februar 8. Z. 2–3. Цитата из отчета приведена самим Винером. См. ниже сноску 38.

[38] *Wiener M*. A briv in redaktsie // Proletarishe fon. 1932. Februar 24. Z. 4.

Заодно Винер повинился еще и в том, что как руководитель литературной секции института не уделял должного внимания еврейской советской пролетарской литературе, и заявил, что отказывается от своей повести «Ele Faleḳs uṇtergang» («Гибель Эли Фалека»), которая «по ряду признаков» является мелкобуржуазной.

Повесть эта была написана им еще в бытность Берлине в 1923 году, а издана в Харькове в 1929 году[39] (ранее, в 1926 году, глава из нее была помещена в «Ди ройте велт»), причем Винер уже тогда сознавал, что это произведение, в котором отразились тревоги и переживания, испытанные им в юности (не случайно действие повести происходит на рубеже веков в Кракове, где в то время жил и сам автор), не подходит для публикации в СССР[40]. 1929-й, «год великого перелома», как справедливо заметил Михаил Крутиков, был последним, когда такое модернистское произведение могло безнаказанно увидеть свет в советской печати[41]. А в 1932 году на этот счет уже не могло быть никаких иллюзий, потому что это был не только период, когда страна мчалась на всех парах по пути индустриализации и коллективизации, но и когда пришел конец относительной свободе в литературе вообще и еврейской в частности и были установлены жесткие идеологические («пролетарские») нормы, пренебрежение которыми влекло за собой весьма суровые последствия. Для Винера это не могло не быть очевидно, и, отрекаясь от своего детища, прежде чем быть заклейменным за него, он, скорее всего, сыграл на опережение. В довершение автор письма настоятельно требовал от редакции «Пролита» объяснить причины умалчивания и сокрытия его самокритических пояснений[42].

---

39 *Wiener M.* Ele Faleḳs uṇtergang. [Kharkiv]: Melukhe-Farlag fun Uḳraine, 1929.

40 *Krutikov M.* Op. cit. P. 144.

41 Ibid. P. 154.

42 *Wiener M.* A briv in redaktsie. Редакция газеты поддержала требование М. Винера, отметив, однако, что приведенные им аргументы не отменяют вывод бригады, что фактически «до сих пор пролетарская общественность не получила исчерпывающей критики его ошибок».

В итоге для Винера все обошлось малой кровью, хотя из Киева он счел за благо перебраться в Москву, где смог продолжить свою академическую карьеру на еврейском отделении литературного факультета Московского государственного пединститута им. А. С. Бубнова (ЕВЛИТЛО МГПИ). С 1935 года он заведовал здесь кафедрой еврейского языка и литературы[43].

(Правда, жизнь этого нового очага еврейского образования, учрежденного в 1930 году по инициативе самого Бубнова, тогда наркома просвещения РСФСР, на базе расформированного 2-го МГУ, где ранее, с 1926 года, существовало ЕВЛИТЛО, и заменившего собой Киев как главный центр еврейской учености[44], оказалась недолгой: в августе 1938 года новый нарком, пришедший на место отставленного и расстрелянного «врага народа» Бубнова, подписал приказ о ликвидации ЕВЛИТЛО («в связи со значительным сокращением числа еврейских школ и обучением учащихся на русском языке»[45]), что означало, соответственно, и ликвидацию кафедры.)

Далее, с началом войны, Винер записался в одну из «писательских» рот Краснопресненской дивизии народного ополчения и через несколько месяцев сложил голову на фронте, под Вязьмой.

А вот Фельдману глубокое раскаяние не помогло; открытое признание в троцкизме, похоже, сыграло роковую роль в его судьбе. Детали, впрочем, не ведомы — известно только, что в начале 1930-х годов он тоже уехал в Москву, где, по некоторым данным, вернулся к издательской деятельности[46] и сгинул там во время начавшейся кампании по искоренению троцкистов[47].

---

[43] *Krutikov M.* Op. cit. P. 209.

[44] Ibid. P. 167.

[45] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л. С. Гатагова и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 420.

[46] Об этом упомянул на допросе бывший директор Института еврейской пролетарской культуры Герш Горохов (ГДА СБУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 38022. Арк. 33).

[47] Альманах «Россия. XX век». Архив Александра Н. Яковлева. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/87 (дата обращения: 20.03.2020).

Однако массовых репрессий против членов «Боя», как и в целом еврейских писателей Украины, до второй половины 40-х годов не было. Собственно, кроме Фельдмана из участников этой организации пострадал только Лурье, которого арестовали и судили по обвинению в принадлежности к мифическому «Украинскому бундовскому центру». Но ему повезло: процесс по этому делу — последнему массовому делу эпохи Большого террора на Украине — пришелся на «Бериевскую оттепель», то есть период относительной либерализации, которую связывают с заменой Н. И. Ежова на посту главы НКВД Л. П. Берией, и он был оправдан (и освобожден из-под стражи) в ходе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР[48].

4. «Боёвцы орудуют»...

В то же время деятельность «Боя» и входивших в него писателей не оставалась без внимания со стороны надзирающих органов. Наиболее ранний документ, который об этом свидетельствует, относится к 1935 году. Это показания украинского писателя Григория Эпика (1901–1937).

Эпик, исключенный из партии и арестованный 5 декабря 1934 года, вскоре после убийства Кирова, оказался духовно надломлен обрушившимися на него бедами и, в отличие от его арестованных вместе с ним товарищей по ВАПЛИТЕ, не сопротивляясь, подписал то, что от него требовали, — признание в принадлежности к мифической националистической и террористической организации, готовившей покушения на руководителей партии и правительства Украины.

А потом было его письмо на имя главы НКВД УССР В. А. Балицкого, в котором он не только раскаялся в злонамеренных

---

[48] См.: *Меламед Е. И.* Ликвидация киевского Института еврейской пролетарской культуры и репрессии против его сотрудников. По материалам архивно-следственных дел 1930-х гг. // Архив еврейской истории. Т. 10. М., 2018. С. 185–186.

планах, но и призвал расстрелять всех «террористов» (то есть себя и недавних соратников) как «бешеных псов»; приговор — десять лет тюремного заключения на Соловках, и рукопись благонамеренных «Соловецких рассказов», которую, с уверенностью, что она принесет «очень много пользы», он отправил в Москву печально известному своими деяниями, в том числе на Соловках, Н. И. Ежову; внезапное пробуждение и новый приговор всем 17 подельникам, на этот раз расстрельный, в октябре 1937 года, приведенный в исполнение в печально известном карельском урочище Сандармох[49].

Конечно, зная все это, трудно всецело доверять тому, в чем «признался» Эпик, пожелав «дополнить» данные им ранее показания «сведениями о связях между нами и еврейскими националистическими поэтами и писателями и о нашей совместной к[онтр]р[еволюционной] работе против партии и Соввласти»[50]. Не вызывает сомнения, что делал он это не по собственной инициативе. Идея объединить в одну преступную группу украинских и еврейских националистов всегда соблазняла чекистов[51]. На ту же тему они истребовали письменные показания и у арестованного украинского писателя Ивана Кириленко (1902–1938)[52], но ответственный секретарь и парторг Союза советских писателей Украины, автор производственных плакатно-идеологических повестей и романов в этом смысле ничего особенно интересного не сообщил[53], кроме того, что «враги советской власти объеди-

---

49 Подробнее см.: *Вєдєнєєв Д. В., Шевченко С. В.* Доля в’язня // Они же. Українські Соловки. Київ, 2001. С. 97–102; *В. Мельнік.* Григорій Епік // З порога смерті: Письменники України — жертви сталінських репресій / Упор. О. Г. Мусієнко. Вип. 1. 1991. Вип. 1. С. 178–181.

50 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 13.

51 Еще об одной такой попытке см.: *Меламед Е.* Вторая попытка: К истории изданий Тараса Шевченко на идише // Народ Книги в мире книг. 2018. Февраль. № 132. С. 3–5.

52 О нем см.: З порога смерті: Письменники України — жертви сталінських репресій. С. 236–240.

53 Показания И. У. Кириленко, датированные 8 августа 1938 г., см.: ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 20–28.

нялись, игнорируя национальную принадлежность»[54]. О «Бое» и ВАПЛИТЕ, в отличие от находившегося в самой гуще Эпика, он знал и написал мало. Но если даже последний подыгрывал следователям, это не означает, что все сообщенные им факты не имели места; другое дело, как их трактует узник:

> Тесная связь на почве <...> к[онтр]р[еволюционной] борьбы установилась между нами со времени организации к[онтр]р[еволюционного] «ВАПЛИТЕ» и его филиала в Киеве «Бой» — к[онтр]р[еволюционной] организации еврейских националистов, поддерживавших и проводивших принцип объединённой и совместной к[онтр]р[еволюционной] борьбы украинских и еврейских националистов против партии и Соввласти. Связь, установленная с 1926 года, укреплялась и росла, пройдя все легальные этапы (ВАПЛИТЕ, [Літературний] Ярмарок, «Пролітфронт» — также имевшую свой еврейский филиал), легальной к[онтр]р[еволюционной] борьбы и не прекращалась вплоть до моего ареста.
> Группа «Бой» в Киеве была создана В. Фельдманом[55], входившим в актив ВАПЛИТЕ по предложению руководства ВАПЛИТЕ. Связь между «Бой» и ВАПЛИТЕ осуществлялась через Фельдмана и Л. Квитко, также члена ВАПЛИТЕ, «Пролітфронта» и т. п.
> В группу «Бой» входили: Квитко, Д. Волкенштейн, Винер, Ноте Лурье, Нистер и друг[ие]. Активно поддерживали ее: [Генах] Казакевич, Хана Левина, Хаим Гильдин и сочувствовали Вевьюрко, Перец Маркиш и друг[ие], которые были близки к ВАПЛИТЕ и «Бой» идеологически как в период их существования, так и после, вплоть до 1935 года[56].

---

[54] Там же. Арк. 25.

[55] Эпик называет Фельдмана Владимиром и параллельно приводит его реальное имя и отчество (Давид Абрамович). Фамилия Фельдмана с инициалом «В» упоминается также в воспоминаниях вдовы Л. Квитко (*Квитко Б.* Творить добро — было сущностью его жизни // Жизнь и творчество Льва Квитко. М., 1976. С. 135). Возможно, имя Владимир употреблялось Фельдманом в качестве партийного или литературного псевдонима.

[56] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 13.

Ряд сообщенных Эпиком фактов (об участии Д. Фельдмана и Л. Квитко в ВАПЛИТЕ, Пролитфронте и их изданиях, о лицах, входивших в «Бой») подтверждаются другими свидетельствами и приводились выше; некоторые его утверждения (о том, что «Бой» был создан по предложению руководства ВАПЛИТЕ и был его филиалом в Киеве) вызывают сомнения. В приложении к тексту своих показаний Эпик дает также подробные характеристики восьми членов «Боя», которых он знал лично либо со слов других. Большинство из этих характеристик, вне зависимости от их достоверности, имеют характер доносов и для чекистов представляли «оперативный интерес». Судя по пометам на документе, сотрудники НКВД наводили справки об этих лицах: кто и где находится, арестован, умер и т. п.[57]

Похоже, показания Григория Эпика явились весомым импульсом для возникновения агентурного дела «Боевцы» и, во всяком случае, для более пристального внимания к организации «Бой». Хронологически эти показания предшествуют двум упомянутым в самом начале обширным агентурным донесениям о нем агента «Канта», которые, видимо, также писались им «под заказ».

Первое из них, датированное 26 октября 1938 года, озаглавлено «О евсекции Союза советских писателей Украины» и представляет собой подробный (25 страниц машинописи!)[58] обзор истории литературных группировок в еврейской литературе до создания ССПУ и еврейской секции в нем. О тональности этого нарратива дает представление уже начальный абзац:

> Во время гражданской войны хозяевами еврейской литературы (и культуры вообще) остаются буржуазные писатели — интеллигенты: Бергельсон, Квитко, Гофштейн, Маркиш, Добрушин, Литваков и другие. Существует даже

---

[57] Пометы эти, между прочим, говорят и о степени осведомленности чекистов в предмете. Так, при перепечатке показаний Эпика имя и фамилия Переца Маркиша оказались разделены запятой, и таким образом вместо одного писателя получилось два с рукописной пометой «Москва».

[58] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 96–119.

> в Москве националистический евр[ейский] театр на древнееврейском языке...[59] Вокруг всей этой «культуры» топчутся и хозяйничают нэпманы, сионисты, бундовцы, екаписты (члены Еврейской коммунистической партии Поалей Цион. — *Е. М.*) и творят свое гнусное дело...[60]

Чувствуется, что автор знает, для кого он пишет и для чего. Свой обзор «Кант» начинает с уже упомянутой группы писателей, объединившихся вокруг журнала «Штром», подчеркнув, что журнал этот «резко выступает против настоящей марксистской критики, против реализма в литературе, за символизм, мистицизм и тому подобные антипролетарские течения в литературе», попутно заклеймив «шовинистические ультранационалистические произведения», которые в нем печатались, в частности «Песнь моего равнодушия» Давида Гофштейна, и его самого за подписание «гнусной декларации о гибели еврейской культуры в советской России и в защиту древнееврейского языка», за отъезд из СССР в Палестину в 1925 году[61], участие в деятельности сионистских организаций и т. п.

От этой «националистической литературной группировки», по словам «Канта», тянутся нити к другой группировке, «еще более подлой, открыто контрреволюционной, троцкистской литературной организации “Бой”»[62]. Основываясь, как он сам пишет, на ряде «документов»: протоколов, деклараций, полемических статей в периодике и писем в редакцию, «Кант» рисует такую картину ее деятельности:

---

59 Имеется в виду театр «Габима», игравший на иврите. Его деятельность в СССР продолжалась до 1926 года, когда после длительных и успешных зарубежных гастролей в Европе и США труппа распалась. Часть актеров осталась в США вместе с руководителем театра Н. Цемахом, часть вернулась в Европу, откуда переехала в Эрец-Исраэль (и продолжила там работу в новом театре под тем же названием), некоторые вернулись в СССР.

60 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 96.

61 На самом деле Д. Н. Гофштейн уехал из СССР в 1923 году и сначала поселился в Берлине, а уже оттуда перебрался в Эрец-Исраэль.

62 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 98.

> Троцкист Фельдман, работавший в то время в издательском деле в Харькове, получает от своей подпольной троцкистской организации поручение — произвести диверсию в еврейской советской литературе в то время уже окрепшей с приходом в нее таких одаренных писателей-реалистов как Фефер и других. В то время уже развивают свою деятельность и организации пролетарской литературы — РАПП, ВУСП и др.
> Прохвост и проходимец Фельдман ищет себе подходящих «кадров» — чтобы бросить их в атаку против пролетарской литературы и ее организаций, и он быстро находит и сколачивает свою группу. Кто же является его кадрами?[63]

Далее «Кант» сообщает, что Фельдман вербует «свои» кадры главным образом в Киеве, называет большей частью уже знакомые нам имена с крамольными (с точки зрения адресатов своего донесения) дефинициями-характеристиками: «националисты-символисты Н. Лурье, бывший бундовец Л. Резник, тоже выходец из националистической партии “Бунд” Д. Волкенштейн, писавший когда-то против большевиков-“варваров” Фининберг, критик и электрик (очевидно, эклектик. — *Е. М.*) Винер, зять Лурье» и т. п. И прибавляет:

> Всех этих писателей объединяет их ненависть к пролетарской литературе <...> и к новым людям из массы, пришедшим в литературу. Они вообще не считают литературой все то, что ориентируется на жизнь и на действительность. Они провозглашают искусством только то, что витает в облаках и остается непонятным для широких кругов советской общественности: символизм, импрессионизм, формализм и с иронией относятся к марксистской критике[64].

В сущности, «Кант» не только сообщает информацию о круге фигурантов будущего агентурного дела, подчеркивая, что они неслучайно являются выходцами из буржуазных еврейских партий и организаций, которым коммунист Фельдман нужен

---

[63] Там же. Арк. 99.

[64] Там же. Арк. 100.

лишь в качестве «красной вывески», но и фактически формулирует идеологическую основу для него. Третий раздел его донесения озаглавлен «“Бой” ликвидирован — “Боевцы” орудуют»; и эту мысль о том, что и после формальной самоликвидации «Боя» и перехода большинства его участников в ВУСП последние, несмотря на свои заверения, не порвали со своим прошлым, он то и дело подчеркивает, выискивая в их произведениях, не ставших «истинно-советскими», «рецидивы национализма и символизма» и приводя примеры того, как боевцы оказывают поддержку друг другу.

Злонамеренность «Кант» видит и в том, что бывшие члены «Боя» со временем начинают пробираться в руководство евсекции ВУСП, а затем и в Бюро еврейской литературы Союза советских писателей Украины (ССПУ), в чем, по его мнению, помимо бесстыдной лести и демагогии, им помогают близорукость писателей-коммунистов, в частности Фефера.

> Такими и всяческими другими путями им, в конце концов, удается продвинуть в руководство Н. Лурье и Резника. Тут в первую очередь вина ложится на Фефера, до последнего года бывшего «самодержцем» в руководстве еврейской литературой в УССР. Он должен был не забывать ни на минуту, что люди эти очень малозначащи, как писатели, и что они бывшие члены троцкистской лит[ературной] организации[65].

Упрочивая представление о Фефере как о негодном и недальновидном руководителе, «Кант» далее шельмует лиц, под влиянием которых он находится. В одном ряду с боевцами — Лурье, Резником и Волкенштейном — появляется и «ныне разоблаченный враг», заведующий секцией литературы ИЕПК Макс Эрик (Соломон Лазаревич Меркин; 1897–1937). Как и Винер, недавний эмигрант, он характеризуется «Кантом» как «человек абсолютно беспринципный, чудовищный лицемер, шкуродер, льстец, заворачивающий всеми делами литературы», а в прошлом — «сио-

---

65 Там же. Арк. 104.

нист... сын крупного богача, бывший польский офицер, участвовавший в походе белополяков на СССР»[66] (последнее обстоятельство, похоже, ложный слух или заведомый оговор, ибо в этом Эрика не обвиняли во время следствия даже чекисты)[67].

Сетованиями на заблуждения и безответственность Фефера (а заодно и хулой в адрес других руководителей евсекции ВУСПа — Хаима Гильдина и Ицика (Исаака) Гринзайда); на возвеличивание Макса Эрика и слишком активную роль в литературной жизни Лурье, Волкенштейна и Резника, чьи мнения о коллегах-писателях и их произведениях безоговорочно принимаются редакторами; на слепоту и отсутствие реакции на «сигналы» прессы и общественности секретаря бюро евсекции ССПУ Авраама Гонтаря; и на националистические настроения, распространившиеся в последнее время среди еврейских писателей Украины, заполнены несколько страниц донесения «Канта», а его заключение, касающееся «Боя», звучит как призыв к действию:

> Вывод напрашивается такой: троцкистский «Бой» ликвидирован, но его бывшие члены остались хорошо сколоченной группой и еще не отказались от претензий на руководство еврейской литературой в УССР[68].

Призыв этот, похоже, был услышан: не прошло и недели после получения этого донесения, как было заведено агентурное дело, с ними связанное; но на этом изыскания «Канта» по истории группы «Бой» не заканчиваются. 3 января 1939 года от него поступает новое донесение, озаглавленное «Бой — Антена»[69]. В нем он опять задается очередными вопросами по теме: «по чьим установкам Фельдман организовал “Бой”» (и цитирует его письмо с признанием в принадлежности троцкистам); «почему

---

66 Там же. Арк. 105–106.

67 См.: *Меламед Е. И.* Ликвидация киевского Института еврейской пролетарской культуры и репрессии против его сотрудников. По материалам архивно-следственных дел 1930-х гг. С. 175–178.

68 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 107.

69 Там же. Арк. 173–177.

именно, сколачивая эту организацию, выбор Фельдмана пал на таких людей, как Лурье, Резник, Фининберг, Ойслендер»; и подтверждает их антисоветские взгляды выдержками из их произведений и выступлений. Вывод, которым делится агент, для него очевиден: «Все эти письма и высказывания делают для нас донельзя более ясным и цели организации "Бой — Антена" и политическую суть ее личного состава»[70].

Те, кто не знаком с нюансами карательной политики сталинского режима в конце 1930-х годов, но помнит, с какой легкостью фабриковались дела в эпоху Большого террора, когда нужное «признание» следователи НКВД выбивали у заключенного, а при невозможности это сделать не останавливались и перед «тотальным подлогом» (это когда и протоколы допросов, и подписи под ними попросту подделывались)[71], наверняка будут удивлены тем, с какой основательностью и тщательностью они действовали в данном случае. И это не случайно. Выше уже упоминалось о «бериевской оттепели». Этот период (с ноября 1938 года по май 1939 года) был связан не только с некоторой либерализацией режима и свертыванием Большого террора. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и дублировавший его приказ наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии № 00762 от 26 ноября того же года наложили запрет как на все массовые операции, так и на упрощенный порядок следствия и судопроизводства (санкционированные в свое время Политбюро ЦК ВКП(б)), а также ликвидировали внесудебные органы, в том числе пресловутые «тройки», и обязали органы прокуратуры впредь строго придерживаться требований Уголовно-процессуального кодекса[72].

Более того, решив прекратить практику «чисток», то есть массовых репрессивных акций против отдельных социальных

---

70 Там же. Арк. 177.

71 См.: *Щелкунов А.* Тотальный следственный подлог как инструмент Большого террора // Российская история. 2018. № 4. С. 43–57.

72 Полный текст постановления см.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 607–611.

и национальных групп населения страны, Сталин обратил ее против самих же «чистильщиков» — сотрудников НКВД, — которые обвинялись в перегибах, в том, что вместо качественного и полного расследования преступлений они ограничивались получением признательных показаний, запустили агентурно-оперативную работу, фальсифицировали следственные документы и т. п.[73] Таким образом, вождь взвалил всю ответственность за «нарушения социалистической законности» во время массовых репрессий на исполнителей, преимущественно среднего и низшего звена, на которых и обрушился главным образом «карающий меч», оказавшийся в руках их недавних соратников.

Судя по опубликованным не так давно стенограммам и протоколам партийных собраний и оперативных совещаний управлений НКВД УССР в 1938–1939 годах[74], такой неожиданный поворот вызвал в чекистской среде недоумение и растерянность. А необходимость срочно перестроиться, о чем говорится во всех подобного рода документах, побуждала, помимо всего прочего, остерегаться и перестраховываться. На этом фоне и начиналось дело «Боевцы»...

5. «Антисоветская группировка в еврейской писательской среде»...

Собственно, речь идет об агентурном деле № 15, как оно значилось под грифом «Совершенно секретно» в агентурном фонде 1-го спецотдела НКВД УССР, позднее в спецотделе «А» МГБ УССР,

---

[73] Подробнее см.: *Васильєв В.* «Беріївська відлига» в УРСР (кінець 1938–1939 рр.): політичні аспекти) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 2 (33). С. 116–135; *Подкур Р.* Реакція співробітників органів державної безпеки УРСР на припинення «великого терору» (листопад 1938–1939 рр.) // Там же. С. 136–167.

[74] Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах. — Т. 1. Партійні та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.) / Автори-укладачі: В. Васильєв, Лінн Віола, Р. Подкур. Київ. 2017.

еще позже в учетно-архивном отделе КГБ при Совмине УССР, и наконец в Архиве Службы безопасности Украины, где дело это и было рассекречено 3 августа 2011 года.

Официально термин «агентурное дело» в делопроизводстве органов безопасности СССР появился в не столь уж давние времена. Как вид оперативного учета он был введен приказом ОГПУ в 1931 году. Согласно «Контрразведывательному словарю» (изданному для слушателей Высшей школы КГБ), агентурное дело заводилось на шпионскую резидентуру, на антисоветскую группу или организацию[75]. На отдельных лиц, за которым следили органы безопасности, заводилось так называемые *дела-формуляры*, в которых накапливались все данные, собранные о них агентурой, перлюстрированные письма, сводки наружного наблюдения и т. п. Дела-формуляры именовались также *разработкой*. В отличие от них, *агентурное дело* являлось разработкой на группу лиц, которых считали связанными общностью контрреволюционных взглядов и соучастием в одном и том же преступлении[76]. Кроме номера агентурные дела обретали еще «кличку» (зашифрованное название) и «окраску», обозначавшую политическую принадлежность фигурантов (говорят, что в учетных картотеках царской охранки ее обозначали карточками разного цвета, отсюда и происхождение термина). Окраски подучетного элемента включали наименование тех лиц, которые находились в поле зрения чекистов[77].

Как видно из постановления, вынесенного 4 ноября 1938 года начальником 4-го отделения II отдела УГБ НКВД УССР младшим лейтенантом Прохоренко и утвержденного начальником II отдела старшим лейтенантом Павлычевым, агентурное дело № 15 было

---

[75] Контрразведывательный словарь / Высшая краснознамённая школа Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского. М., 1973. С. 14.

[76] Подробнее о содержании и функциях дел-формуляров и агентурных дел см.: *Подкур Р., Ченцов В.* Документы органов государственной безопасности УССР 1920-х — 1930-х годов: источниковедческий анализ. Тернополь, 2010. С. 322–324.

[77] Подробнее о разновидностях «окрасок» см.: Там же. С. 148.

зарегистрировано под кличкой «Боевцы» и по окраске — «троцкистская к-р». «К-р» или контрреволюция — это было расхожее наименование всех, кто был не согласен с политикой большевистской партии, троцкисты же были и более всего ненавистны.

Первоначально фигурантов у этого дела было только четверо: Исаак (Ицик) Фефер, Липа Резник, Давид Волкенштейн и Матвей (Мотель) Талалаевский, о которых было сказано, что они «в прошлом примыкали к различным антисоветским формированиям», а «в данное время проводят организованную к[онтр]р[еволюционную] деятельность в еврейской литературе, протаскивают троцкистскую контрабанду, ведут а[нти]с[оветскую] пропаганду»[78]. Но 17 февраля 1939 года было принято новое постановление, в котором констатировалось, что фигуранты разработки в своей организационной деятельности связаны также с Давидом Гофштейном, Хаимом Гильдиным, Мотелем Гарцманом, Исааком Кипнисом, Абрамом Каганом, Григорием Орландом, Григорием Полянкером, Файвелем Сито, Ривой Балясной, Натаном Забарой, Шлемой Лопатой, Шлемой Чернявским, Ханой Левиной, Пинкусом Нистером-Кагановичем (Дер Нистером. — *Е. М.*), и на этом основании последние также должны быть приобщены к агентурному делу «Боевцы»[79].

Здесь обращает на себя внимание немаловажная деталь: в боевцы были зачислены и те, кто в действительности членами «Боя» не являлся, в частности Фефер, Гофштейн, Гильдин, Каган и Кипнис.

(Принадлежность последнего к «Бою», кстати, фигурировала наряду с прочими его прегрешениями в постановлении об аресте 10 лет спустя, 23 июня 1949 года, составленном майором ГБ В. Секаревым из 5-го Управления МГБ УССР, который о реальном составе организации, скорее всего, не был осведомлен. Но когда во время допроса следователь коснулся этого эпизода, Кипнис опроверг и свое членство в «Бое», и какое-либо другое участие в его деятельности[80].)

---

78 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. I. Арк. 1.

79 Там же. Арк. 2.

80 *Altshuler M.* Itsik Kipnis: The «White Crow» of Soviet Yiddish Literature: The MGB File of 1949 // Jews in Russia and Eastern Europe. 2004. Winter. № 2 (53). P. 90, 140.

Получается, что, обладая уже значительным материалом по истории «Боя», сценаристы-разработчики агентурного дела и в новых условиях (пребывая «в тисках социалистической законности») отнюдь не считали нужным ограничивать себя рамками фактической истории этой организации.

В этом смысле бросается в глаза и резко возросшее число фигурантов — всего 18 человек, — представляющих большую часть ведущих еврейских писателей Украины. Судя по имеющимся в деле материалам, за короткий срок, прошедший между двумя постановлениями, ничего существенного на этот счет в нем не появилось. Зато обнаруживаются указания на то, что могло стимулировать киевских чекистов придать делу больший размах... В январе 1939 года о новой перспективной разработке они уведомили московское начальство, и полученный (3 февраля) ответ с просьбой ускорить присылку «справки по разработке антисоветской группировки в еврейской писательской среде»[81] говорит о явном интересе к нему Лубянки (уже ставшей площадью Дзержинского).

Однако четыре писательских имени — это группа, но никак не группировка... И в Киеве, очевидно, смекнули (если не получили прямое указание?), что круг фигурантов следует расширить. В дальнейшем он еще более расширялся (и варьировался). В справке о деле «Боевцы», направленной 2 июля 1939 года Н. С. Хрущеву, тогдашнему секретарю ЦК КП(б)У, заместителем наркома внутренних дел УССР Амаяком Кобуловым[82], харьковская группа среди прочего характеризуется «одной из составных частей антисоветской националистической организации еврейских писателей», куда, кроме возглавляющего ее Дер Нистера (П. М. Кагановича; 1884–1950), включены поэтесса Хана Левина (1900–1969), поэт и драматург Моисей Хащеватский (1907–1943), драматург и литературовед Ойзер Гольдес (Гольдесгейм; 1900–1996) и поэт Мендель Абарбанель (1886–1957) — «быв[ший] член

---

81 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 186.

82 Амаяк Захарович Кобулов (1906–1955) приходился родным братом одному из высокопоставленных московских чекистов Богдану Захаровичу Кобулову (1905–1953), который возглавлял в ту пору следственную часть НКВД СССР.

Бунда, исключавшийся из ВКП(б) в 1937 году за продвижение троцкистов в ряды партии»[83] (подобные ярлыки сопровождали упоминание каждого имени); при этом последние трое отсутствуют в расширенном списке из 18 фигурантов дела «Боевцы», как и переводчик и драматург Эфраим Райцин (1903–1969), который пополнит харьковскую группу позже[84].

В этой же справке сообщается о том, что в Днепропетровске выявлена антисоветская деятельность еврейского писателя Меера Альбертона (1900–1947), который «группирует вокруг себя антисоветски настроенных писателей Шехтера, Бейлинова, Пустынского и других». Никого из них также нет среди лиц, фигурирующих в постановлении от 17 февраля 1939 года. Правда, в другом случае за Альбертоном все же закрепляется место «вожака» днепропетровской группы, но саму эту группу составляют вместе с ним только Марк Шехтер (1911–1963), русский поэт (но в молодости переводивший стихи с идиша, а возможно, и писавший на нем), и Иосиф Пустынский (1909–?)[85], а неведомый Бейлинов[86] больше вообще не упоминается.

Почему-то у Кобулова ничего не говорится о еще одном, «одесском», ответвлении «боевцев», о котором идет речь в предыдущей справке от 13 июня 1939 года, подписанной капитаном Павлычевым. В эту группу позднее определят пятерых местных литераторов: прозаика и критика Ирму Друкера (1906–1982), поэта и драматурга Айзика Губермана (1906–1966), поэта Самуила Гельмонда (1907–1941) и некоего Моисея Гитермана (1908–?) во главе с Нотэ (Натаном Михайловичем) Лурье (1906–1987)[87], уже

---

[83] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 16–22. Опубликовано (с некоторыми неточностями и без указания имени адресата): Егупець. [Київ, 2009]. [Вып.] 18. С. 214–216.

[84] Там же. Т. 15. Арк. 107–108.

[85] Там же. Арк. 112–116.

[86] Возможно, речь идет об уроженце Екатеринослава (Днепропетровска) Александре Бейлинове (1909–1999), советском (затем израильском) писателе и журналисте еврейского происхождения, который, однако, к еврейской литературе отношения не имеет.

[87] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 15. Арк. 118–126.

именитым автором популярного и неоднократно переиздававшегося романа «Степь зовет».

Но по всему видно, что цель справки состояла отнюдь не в том, чтобы проинформировать руководство республики о реальном составе выявленной чекистами организации, что обнаружило бы довольно случайный набор имен, сгруппированных по географическому принципу, а в том, чтобы продемонстрировать «наличие глубоко законспирированного еврейского национал-фашистского подполья», которое значительно активизировало «свою антисоветскую деятельность за последнее время»[88]. Об этом говорится в самом начале, а затем, как бы в подтверждение серьезности еврейского писательского подполья, показаны нити, которые тянутся от него за пределы Украины:

> Материалами следствия устанавливается тесная связь между руководящей группой националистической организацией еврейских писателей на Украине и аналогичной организацией, часть которой ликвидирована в БССР в 1938 году. Арестованный еврейский писатель Тейф Моисей, проживающий в Минске, показал в июне 1938 года о том, что на нелегальных сборищах антисоветской националистической организации, участником которой он является, от киевской организации еврейских писателей-националистов присутствовали Фефер, Гольдес и Друкер Ирма[89].

(В деле действительно имеется копия протокола допроса еврейского писателя Моисея Тейфа (1904–1966) от 30 июня 1938 года, из которого видно, что «показывал» он то, что от него хотели услышать, и потому, очевидно, одессит Ирма Друкер стал представителем киевской организации, а среди участников подполья, прибывших из-за границы, помимо эмигрантов Макса Эрика, Меера Винера и «перебежчика» из Польши Абрама Абчука, названы и реэмигранты: Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Лев Квитко, Перец Маркиш и Михаил Пинчевский. Сам Тейф с го-

---

[88] Там же. Т. 5. Арк. 16.

[89] Там же. Арк. 21–22.

товностью признал себя польским шпионом, а шпионская связь с Польшей, по его словам, «осуществлялась посредством так называемой “культурной связи” с еврейскими буржуазными газетами», издававшимися в Вильно и Варшаве, с Виленским еврейским научным институтом ИВО, и «таким путем осуществлялась связь и остальных к[онтр]р[еволюционных] организаций, московской и киевской»[90]. Характерно, однако, что когда получившие эти сведения киевские чекисты, проинформировавшие минских коллег о том, что указанные ими лица «разрабатываются как подозреваемые в участии в троцкистской группе среди еврейских писателей Украины», а «Фефер, кроме того, подозревается в шпионаже», попросили еще раз допросить Тейфа «под этим углом зрения»[91], то те в ответ сообщили (9 мая 1939 года), что Тейф от данных прежде показаний отказался и «связь с украинскими писателями отрицает»[92]. Последнее обстоятельство тем не менее не помешало Кобулову опираться на его показания.)

Дальше — больше: у еврейских писателей обнаруживаются воинствующие цели и радикальные методы борьбы, приписываемые большинству троцкистов и националистов предшествующего периода.

> На этих совещаниях обсуждался вопрос о более активных действиях подполья — террористических методах борьбы, направленных против руководства ВКП(б) и советского правительства, новых вербовках с целью расширения состава организации. Это мотивировалось тем, что «еврейская культура в условиях Советского Союза обречена на гибель»[93].

---

[90] Там же. Т. 4. Ч. II. Арк. 62–77.

[91] Там же. Арк. 249.

[92] Там же. Арк. 251. Как ни странно, подозреваемый в шпионаже и участии в контрреволюционной организации Моисей Тейф в конечном итоге отделался сравнительно мягким наказанием — тремя годами лагерей. Освободили его накануне войны (См.: *Басин Я.* Большевизм и белорусское еврейство // Репрессивная политика советской власти в Белоруссии: Сборник научных работ. Минск, 2007. С. 228).

[93] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 22.

В заключение, как и положено, следовало бодрое заверение в том, что дальнейшая разработка «участников антисоветской организации еврейских писателей-националистов и вскрытие деятельности организации» будут продолжены [94].

О том, в каком направлении шла разработка, видно из «Плана мероприятий по агентурному делу "Боевцы"», составленного 2 декабря 1939 года. Он, в свою очередь, явился откликом на «просьбу» руководителей «родственного» 2-го отдела НКВД СССР, обращенную к капитану Павлычеву. В «совсекретном» отношении, датированном 25 октября 1939 года, коллеги с Лубянки, выражая несомненный интерес к делу «Боевцы», просили прислать подробные справки на его участников, включая «компрометирующий материал, все связи, идущие на Москву и за кордон, а также характеристику агентуры... и... практические мероприятия по активизации разработки этого сионистско-бундовского подполья»[95].

В плане, реализация которого намечалась до 15 января 1940 года, во главу угла ставилось, что фигуранты агентурного дела «в прошлом являлись участниками бундовских и сионистских организаций», и далее как само собой разумеющееся утверждалось, что они «в 1921–1925 г.г. проводили антисоветскую работу под влиянием закордонных сионистских формирований». Это, по мнению автора доклада, вполне соответствовало ориентировке НКВД СССР о том, что «враг народа Троцкий в своей деятельности против СССР опирается на националистические и сионистские кадры»[96].

Из этого и исходили, полагая, что в дальнейшем должны быть выявлены «организационные связи» между киевской, харьковской, одесской и днепропетровской группами и их отдельными участниками; между этими четырьмя группами «с разрабатываемой группой еврейских писателей в Москве» (sic!); контакты с сионистами и троцкистами внутри СССР, также с троцкистскими и сионистскими закордонными формированиями; и в довершение намечалось «выявление разведывательной деятельности

---

[94] Там же.

[95] Там же. Арк. 40.

[96] Там же. Арк. 81.

в пользу враждебных нам государств и, главным образом, Англии, Германии и Румынии»[97].

Конкретика включала задачи, которые ставились перед агентурой: ее намечено было ориентировать на выявление связей Фефера с троцкистскими и сионистскими элементами внутри СССР и за границей, на вскрытие его влияния на молодые писательские кадры; предполагалась и разработка жены Фефера, Рахиль Калиш, исключенной из рядов ВКП(б) за троцкизм. Самому «Канту» предстояло переключиться для более эффективной разработки бывших участников группы «Бой» и с этой же целью установить более близкие отношения с Лурье и Волкенштейном. Агентов «Северскую» и «Художника» планировалось направить на разработку Гильдина и его жены — артистки еврейского театра, имеющей близких родственников в Палестине. Речь также шла о вербовках новых агентов, в том числе в Харькове, Днепропетровске и Одессе, и об установлении за фигурантами политконтроля (что означало, помимо прочего, перлюстрацию их переписки), наружного наблюдения и т. п.

Все было обставлено очень солидно... Обстоятельный доклад на 13 машинописных страницах дополнял предыдущий, посланный 22 февраля, и должен был засвидетельствовать масштаб еврейского писательского подполья и размах работы по его разработке. Судя по справкам, приложенным к докладу, «подпольщиков-боевцев» стало на 11 больше, то есть 29[98], из них 16 — в Киеве, по пять в Одессе и Харькове и три — в Днепропетровске. В дальнейшем их число еще более возросло, в частности, за счет киевлян Натана Забары и Ривы Балясной[99].

---

97 Там же. Арк. 82.

98 В приложении к докладу по агентурному делу «Боевцы» от 4 декабря 1939 года помещены отдельные справки-характеристики на 29 человек, в том числе 16 в Киеве (Там же. Т. 15); в тексте самого доклада (Там же. Т. 5. Л. 85–97) перечислены 28 человек и 15 в Киеве. Сравнение этих документов показало, что в тексте, очевидно по недосмотру, упущен еврейский писатель из Киева М. Я. Пинчевский.

99 Дело-формуляр, заведенное на Н. И. Забару, было приобщено к агентурному делу «Боевцы» 21 апреля 1940 года (Там же. Т. 6. Арк. 4). Тогда же было приобщено и дело-формуляр Р. Н. Балясной (Там же. Т. 12. Арк. 5).

В докладе подробно характеризуется состав всех четырех писательских групп «с ярко выраженной троцкистско-националистической окраской» и особенно подробно центральной, киевской. Ее идеологами названы И. С. Фефер, Д. Н. Гофштейн, Х. М. Гильдин и Н. Г. Лурье; активными участниками: Д. И. Волкенштейн, Л. Б. Резник, М. А. Талалаевский, М. Д. Гарцман, И. Н. Кипнис, М. А. Зак-Аронский (сюда же, наверное, был бы причислен и невзначай потерявшийся М. Я. Пинчевский[100]); отдельно выделены молодые еврейские писатели, которые группировались вокруг Фефера: Г. М. Орланд, Ф. С. Сито, А. Ю. Гонтарь и Г. И. Полянкер.

Приведены и примеры активной деятельности «боевцев», выявленные агентурой. Речь идет о высказываниях Фефера и Квитко во время дружеского ужина киевских еврейских писателей с еврейскими писателями — делегатами шевченковского Пленума Союза писателей СССР, посвященного 125-летию Кобзаря (состоялся в Киеве 8 мая 1939 года). Первый заявил, что за последние годы еврейская интеллигенция потеряла «*много культурных позиций*» в связи с закрытием еврейских институтов, газет, школ; второй — о том, что «надо продолжать старые еврейские традиции в литературе, изучать историю своего народа и создавать такие культурные ценности, какие создавал наш народ на заре своего существования и в средние века», и т. п. То и другое выступление «присутствующими было воспринято как призыв к национальному объединению еврейской интеллигенции для борьбы за свою независимость»[101].

Отмечалось, что «особо оживленные толки среди разрабатываемых вызвало постановление СНК УССР от 17 июня 1939 г. о ликвидации еврейского вокального ансамбля (“Евоканс”)». Этот получивший признание и популярность музыкальный коллектив, созданный известным дирижером и композитором, выпускником Петроградской консерватории Иегошуа Шейниным (1890–1948), с 1931 года официально именовался «Государственной всеукра-

[100] См. сноску 97.

[101] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 89.

инской еврейской капеллой “Евоканс”». В 1934 году она получила звание «заслуженной», а ее руководитель стал заслуженным артистом УССР. Однако спустя пять лет ему уже ставили в вину формализм и «синагогальщину», а «Евоканс» был назван «очагом националистических извращений в области искусства». По этому поводу агентура фиксировала возмущение и антисоветские выпады фигурантов дела, в том числе заявление М. А. Талалаевского, что «это очередная уступка Гитлеру»[102].

Приводились запись высказываний Гильдина об уничтожении еврейской культуры в СССР, сделанных им 28 августа 1939 года «в беседе с украинским националистом, академиком [П. Г.] Тычиной»[103]; сообщение, что арестованный в 1938 году в Тирасполе за участие в сионистской организации еврейский писатель Янкелевич[104] показал, будто сионистская организация МАССР была связана с сионистскими группами в Киеве (через Фефера) и в Одессе (через Ирму Друкера)[105]. Не обошлось вновь и без показаний М. С. Тейфа о принадлежности к ликвидированной в Белоруссии национал-фашистской организации некоторых его коллег на Украине[106].

Все выглядело так, будто украинские чекисты раскрыли настоящий заговор против советской власти, и это, казалось бы, подтверждали, помимо прочего, целые тома агентурных доне-

---

[102] Там же. Арк. 91. В ту пору «нежной дружбы» между СССР и Германией как раз проходила подготовка пакта Молотова и Риббентропа, и, по всеобщему мнению, «Евоканс» был ликвидирован в угоду политическим планам Сталина (*Хирге Е.* Рацвет и закат «Евоканса». Капелла, помешавшая сталинско-гитлеровской любви // «Секрет». 2010. № 6 (721). URL: http://russian-bazaar.com/ru/content/16505.htm (дата обращения: 17.10.2019).

[103] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 90–91.

[104] Имеется в виду еврейский писатель Янкель Янкелевич (1904–1938), арестованный в Тирасполе 31 марта 1938 года за участие в выступлениях против закрытия еврейских школ. На этом основании его обвинили в принадлежности к сионистской организации и приговорили к расстрелу (*Beider Chaim*. Yankelevitsh, Yankl // Beider Chaim. Leḳsiḳon fun yidishe shrayber in rạtnfarband / Ed. by B. Sandler and G. Estraikh. New York, 2011. P. 174).

[105] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 92.

[106] Там же. Арк. 91.

сений. Но о чем были эти донесения? По существу, о том же: о недовольстве еврейских писателей закрытием еврейских журналов и газет, еврейских учебных заведений, учреждений культуры.

Агент «Серафимов» в большом многостраничном отчете описывал (25 сентября 1938 года) содержание своих разговоров с некоторыми обитателями «Ролита», киевского писательского кооперативного дома, по поводу закрытия в Москве (14 сентября 1938 года) газеты «Дер Эмес» («Правда»). Один из них, Хаим Гильдин, сказал: «У всех писателей еврейских этот факт вызвал исключительно гнетущее состояние»[107]. В другом своем донесении (от 20 октября 1938 года) тот же агент представил свои наблюдения и разговоры в более обобщенном виде:

> Оселком, на котором можно было проверить настроение еврейской писательской среды, являются те факты, которые имели место в последнее время. Речь идет о ликвидации ряда еврейских школ в Белоруссии[108], еврейской газеты «Дер Эмес» в Москве.
> То обстоятельство, как реагировали в Киеве на эти факты, говорит о том, что в этой среде никак не изжить националистические настроения и взгляды. Не все на это реагируют одинаково. Есть растерянность, есть глухое недовольство, с трудом скрываемое, существует и прямая контрреволюционная оценка этих фактов. С кем мне приходилось говорить за это время, а говорил я с Гильдиным, Резником, Каганом, Гофштейном, Талалаевским, я не слыхал подлинно советского ответа на вопрос, скажем о школах[109].

---

[107] Там же. Т. 4. Ч. 2. Арк. 82.

[108] Ликвидация сети еврейских школ, то есть школ с преподаванием на идише, в Белоруссии (формально она была обставлена как их реорганизация в белорусские школы по просьбе еврейских трудящихся) состоялась на основании резолюции заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 3 июля 1938 года. Заодно были закрыты также и другие еврейские образовательные учреждения. Подробнее см.: The Likvidation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish reaction / Introduced and annotated by V. Selimenev and A. Zeltser // Jews in Eastern Europe. 2000. № 1 (41). P. 74–111.

[109] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 85–86.

Особенно много таких рефлексий было в донесениях «Канта», основного и самого плодовитого источника по делу «Боевцы» в предвоенное время.

В записке «О евсекции Союза советских писателей Украины», датированной 26 октября 1938 года[110], он повествует не только о группировках в еврейской литературе и методах руководства евсекции Союза писателей во главе с И. С. Фефером, но и делится своими рассуждениями о характере «националистических настроений»:

> Все разговоры и сплетни о мнимом закате еврейской культуры в СССР являются заведомо выдуманной злостной клеветой троцкистов и буржуазных националистов. Клеветой является и «теория» Пинчевского в кулуарах ССПУ о том, что евр[ейская] литература в СССР не имеет резервов. За последнее время появилась большая плеяда новых молодых писателей <...>. А между тем среди еврейских писателей на Украине в самое последнее время там и сям почувствуешь националистические настроения, выражающиеся в том, что мы, мол, вот, последние, никому не нужные, что нас не читают, что еврейская культура гибнет[111].

Здесь же он задается вопросами (и сам отвечает на них): почему наша советская еврейская поэзия не удовлетворяет читателя? Что мешает некоторым писателям хорошо работать? Как должны воспринимать писатели лозунг об актуальности литературы? Пишет о «бездействии» евсекции ССПУ, о том, что ее руководство ничего не делает для сближения еврейских писателей с их украинскими и русскими коллегами и т. п.

«Чрезвычайно интересно, — твердит “Кант” в другом донесении “О состоянии еврейской литературы в УССР” (от 15 ноября 1938 года), — в первую очередь проследить творческий путь той группы писателей, которые долгие годы были в руководстве лит[ературных] организаций и стояли во главе литературного

---

110 Там же. Арк. 96–119.

111 Там же. Арк. 110.

движения»[112]. Он предваряет этим свои рассуждения о произведениях И. С. Фефера, Д. Н. Гофштейна, Х. М. Гильдина, А. В. Вевьюрко и А. П. Абчука, хотя вряд ли это было столь уж интересно для его кураторов из 2-го отдела УГБ НКВД. Невольно ловишь себя на мысли, что, если бы не бланк с заголовком «Агентурное донесение» и грифом «Строго секретно», подобные донесения можно было бы принять за материалы какого-нибудь писательского пленума. Недаром чекисты такого рода информацию обычно перечеркивали — очевидно, как бесполезную в оперативном отношении.

(Перечеркнутой оказалась и большая часть донесений «Канта» о Меере Винере. Всего их было им написано пять. Помимо краткой «портретной» характеристики Винера[113] и весьма тенденциозной истории его деятельности в киевский период[114], составленных с чужих слов и относящихся к январю и февралю 1939 года, они включают также описание непосредственного впечатления, произведенного на агента Винером в процессе двух встреч с ним в Москве, куда «Кант» ездил «в рейд» по специальному заданию в апреле 1939 года[115], и изложение литературно-критических установок Винера, также на основании бесед с ним[116]. Трудно сказать, является ли эта зацикленность только следствием повышенного интереса к Винеру как одному из лидеров «Боя» со стороны кураторов «Канта», или сам он тоже питал к нему своего рода пристрастие. Похоже, что последнее в той или иной степени имело место, ибо, с одной стороны, «Кант» не забывает и даже подчеркивает, что Винер враг: сомневается в законности обретения им советского гражданства, в том, что он марксист, порицает неприятие им пролетарской

---

112 Там же. Арк. 142.

113 Там же. Арк. 196.

114 Там же. Арк. 197–203.

115 Донесения об этом существуют в двух вариантах: одно общее (Там же. Т. 4. Ч. II. Арк. 238–246) и два отдельных о каждой из встреч (Там же. Арк. 267–269; 270–271).

116 Там же. Т. 5. Арк. 5–6.

литературы и еврейского фольклора советского периода, обращает внимание на подозрительные моменты в его деятельности, пишет, что «беспринципность Винера доходила до баснословности»[117]; с другой — описывает его не без симпатии и как бы склоняется перед авторитетом Винера как ученого и литератора. Заметно также, что тон его донесений, написанных после знакомства с Винером, явно смягчился.)

Конечно, агентура по делу «Боевцы» сообщала и более «полезные» с точки зрения чекистов сведения; например, агент «Художник» поделился своими «впечатлениями» от визита (19 декабря 1940 года) к И. Н. Кипнису[118] и не только передал его антисоветские сетования («Мы так бедны, нашу культуру закрывают на каждом шагу»[119]), но и сообщил о зашедшем к нему в это время «профессоре Белове-критике», что, судя по резолюциям на полях донесения, вызвало у чекистов интерес к последнему[120]. Тот же «Кант» 4 апреля и 3 мая 1939 года подготовил два «тематических» донесения — «О еврейских литераторах Киева» и «О составе Харьковской группы писателей»[121], где не только охарактеризовал идеологическую подноготную еврейских писателей из обеих этих групп, но и описал весьма подавленную реакцию харьковчан в связи с ликвидацией еврейского сектора «Детиздата» ЦК ЛКСМУ (на самом деле эту харьковскую структуру передали киевскому «Укргоснацмениздату»).

---

[117] Там же. Арк. 200.

[118] Там же. Т. 11. Арк. 39–40.

[119] Там же. Арк. 39.

[120] Речь идет о Соломоне Хаймовиче Билове (1888–1949), историке еврейской литературы и театра, профессоре Киевского театрального института, написание фамилии которого нередко дают в искаженном виде. Наведя о нем справки, чекисты узнали бы, что он привлекался (в качестве свидетеля) к следствию о сотрудниках Института еврейской пролетарской культуры, где ранее работал (см.: *Меламед Е. И.* Ликвидация киевского Института еврейской пролетарской культуры и репрессии против его сотрудников. С. 191).

[121] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 263–266; 272–282.

(Такие проявления «националистических настроений» произвели впечатление на замнаркома НКВД УССР А. З. Кобулова. «Сводка заслуживает внимание», — начертал он на последнем донесении и поручил переслать его копию «с соответствующим заданием» в Харьков и своему брату Б. З. Кобулову в Москву[122], а также подготовить по этому поводу спецсообщение на имя первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева[123].)

...А 12 мая 1939 года датировано донесение «Канта» об одном из видных еврейских поэтов Белоруссии — Зелике Аксельроде (1904–1941), с которым агент встретился на просмотре новой оратории доживавшего свои последние дни «Евоканса». Результат — запись беседы с Аксельродом о положении дел в Белоруссии, охарактеризованное собеседником в самых минорных тонах («у нас забрали почти всех лучших евр<ейских> писателей и культурных деятелей»)[124]. Копию этого донесения тот же Кобулов распорядился отправить в НКВД БССР, а другую положить в дело-формуляр Фефера, чей недавний призыв — «бороться против разных ликвидаторов евр<ейских> культурных учреждений» — в нем также упоминался[125].

Такого рода компромат содержат сотни аккумулированных в деле агентурных донесений, но при этом ни выявленных «организационных связей» между подпольными группами боевцев, ни связей, ведущих «в Москву и за кордон», то есть всего того, чего так жаждали на Лубянке, в них нет. Сведения об этом встречаются лишь в показаниях арестованных в разное время лиц. Вот почему за эти показания (Эпика, Тейфа, Янкелевича и др.) при всей их зыбкости так цеплялись киевские чекисты и просили, к примеру, московское начальство поддержать их просьбу об этапировании некоего Моныша Соломоновича Аронсона, арестованного в Хабаровске, только потому, что тот назвал ряд лиц

---

[122] Там же. Арк. 272.

[123] Оно было отправлено за его подписью 17 мая 1939 года (Там же. Арк. 284–286).

[124] Там же. Т. 5. Арк. 12–15.

[125] Там же. Арк. 13.

в Киеве (в частности, Гофштейна и Кипниса), будто бы связанных с еврейским антисоветским националистическим подпольем в Харькове и Москве и с английской разведкой, сотрудниками которой якобы были и сам М. С. Аронсон, и его брат Абрам Аронсон[126].

Но в какой-то момент, похоже, в Киеве осознали, что подтвердить существование столь многочисленной и разветвленной организации фактически нечем. Это явственно ощущается в справке по агентурному делу «Боевцы», составленной в ответ на очередное отношение, поступившее из Москвы 25 марта 1941 года, с просьбой сообщить о ходе этого дела и об «оперативных соображениях по дальнейшей его разработке»[127].

Этот обстоятельный документ, относящийся, по-видимому, к марту-апрелю 1941 года[128], представляет собой своего рода ревизию проведенной работы. И тональность его уже не столь оптимистична. Напомнив обстоятельства дела и проанализировав имеющиеся в нем материалы, составитель справки оперуполномоченный сержант ГБ Смолкин ничтоже сумняшеся констатировал, что работающая по делу агентура «частично расшифрована <...> в результате чего организационная связь антисоветского характера между фигурантами дела не выявлена»[129].

Были ли действительно частично «расшифрованы» некоторые агенты, в том числе «Кант», сказать трудно — их вообще то и дело «расшифровывали» в тех кругах, в которых они оперировали. Но им действительно не удалось выявить то, чего, по сути, не существовало.

---

126 Там же. Т. 4. Ч. II. Арк. 226; Т. 11. Арк. 24. Самих показаний Аронсона в деле нет, как и подтверждения того, что запрос о его этапировании в Киев был исполнен.

127 Там же. Т. 4. Ч. I. Арк. 10.

128 Там же. Т. 5. Арк. 316–332. Даты на машинописной копии этой справки нет. Основанием для приблизительной датировки, помимо отношения из Москвы, в ответ на которое она была подготовлена, послужило упоминание о том, что реализация агентурно-оперативных мероприятий, о которых идет речь в заключении, намечена на 1 июля 1941 года.

129 Там же. Арк. 329.

6. Писатели о писателях...

Как бы там ни было, здесь впору подробнее поговорить об агентах, или секретных сотрудниках (это отсюда сокращение «сексот»), органов безопасности. По делу «Боевцы» на разных этапах их работало свыше двух десятков. Кто были эти люди? Что двигало ими? Какие у них были мотивы? Эти вопросы не могли не возникать при чтении сотен донесений о тех, с кем они порой дружески и даже сокровенно беседовали, кого при этом зачастую провоцировали на откровенности, чтобы потом аккуратно изложить их в своих отчетах.

Возглавлявший НКВД в период Большого террора «железный нарком» Н. И. Ежов, наставляя молодых коммунистов и комсомольцев, мобилизованных на работу в органы, и похваляясь широкой осведомительной сетью («временами она исчислялась миллионами»), тем не менее признавал:

> Но главное, все-таки, у нас остается агентура... Главное — вы должны себе точно представлять, для чего вам нужна вербовка агента, для каких целей. <...> Вы должны предварительно изучить среду, в которой люди вращаются, и выбрать себе из этой среды лучших людей, которые... могут представлять наибольший интерес...[130]

Понятно, что в литературной, писательской среде чекисты выбирали и вербовали агентов прежде всего из числа той же пишущей братии. Это, кстати, совершенно очевидно по стилю и характеру самих донесений, составленных умелой рукой, иногда даже с «диалогами». Таким образом, одни писатели вольно или *не*вольно[131] докладывали о других писателях. Это подтвер-

---

[130] Чем осведомитель отличается от агента (вопросы теории). Из стенограммы выступления тов. Н. И. Ежова перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами (11 марта 1937 г.). URL: https://avmalgin.livejournal.com/872847.html (дата обращения: 25.12.2019).

[131] Того, что порой это было предложение, от которого невозможно отказаться, не отрицают даже авторы советского «Контрразведывательного словаря», определяя агента органов государственной безопасности как «лицо, добро-

ждают и упомянутые в деле неудавшиеся попытки завербовать очередного агента. Такие попытки делались, в частности, в отношении «боевцев» Липы Резника и Давида Волкенштейна, но в случае Резника от этого отказались ввиду его «неоткровенных признаний о своей националистической деятельности в прошлом», а Волкенштейн не подошел потому, что дал «положительную характеристику организации “Бой”» [132].

Об удавшихся вербовках, к сожалению, речи не идет; вообще информация, дающая ключ к персональным данным агентов, крайне скудна, и потому «вычислить» их ныне, даже при наличии доступа к архивам спецслужб советского периода, крайне сложно. Ни картотек поименного учета псевдонимов, ни личных рабочих дел агентов в большинстве случаев не сохранилось, и даже в служебной переписке, справках, докладах, в том числе адресованных на самый верх, чекисты пользовались исключительно псевдонимами. А любая информация, которая так или иначе могла бы указать на агента или позволила бы идентифицировать его, вписывалась в нужный экземпляр машинописного текста от руки (в деле нередко встречаются копии с частично заполненными или вовсе не заполненными пропусками), чтобы не только доверенная и проверенная машинистка не ведала, о ком речь, но и ненароком кто-либо другой, непосвященный...

И хотя автор не ставил себе целью разоблачать и срывать маски, но и возможностью сделать тайное явным тоже не пренебрегал. Особенно интриговала личность агента «Канта», сыгравшего, как было показано выше, особую роль и в возникновении самого агентурного дела «Боевцы», и в его реализации. Уже сам псевдоним, который, как правило, агент выбирал сам, наводил на мысль, что его носитель как-то связан с Германией, куда в двадцатые годы подались (а позднее возвратились обратно) целый ряд еврейских писателей из Украины. Кто из них? Долго теряться в догадках, к счастью, не

вольно (а иногда и вынужденно) согласившееся выполнять в интересах Советского государства секретные поручения органов КГБ и взявшее на себя обязательства хранить в тайне факт своего сотрудничества и характер выполняемых поручений» (Контрразведывательный словарь. С. 9).

[132] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 321, 323.

пришлось: «Кант» проговорился сам. В своем отчете о встрече с М. Винером он между прочим упомянул о своей «легенде»: «Я... объяснил ему, что приехал в Москву вообще повидаться с некоторыми моими знакомыми, у которых я должен черпать материал для третьей книги моего исторического романа “Без дома”...»[133]

Установить, кто является автором трехтомного романа «Без дома», было уже не так сложно[134]. Это огромное (около 800 страниц) произведение, публиковавшееся в 1936–1940 годах и запечатлевшее картины еврейской жизни в период Первой мировой войны, принадлежит перу еврейского поэта, прозаика и публициста Григория (Гирша) Блоштейна (1895–1978).

У него была разнообразная и многотрудная жизнь, о которой, однако, сохранились весьма скудные и разноречивые сведения[135]. Уроженец литовского местечка Кейданы, находившегося тогда в пределах Ковенского уезда одноименной губернии, он в двенадцатилетнем возрасте потерял отца, бедного портняжку (и, по одной из версий, исходящих, как видно, от самого Блоштейна, будучи десятым ребенком в семье, к тому времени лишился также оставшихся братьев и сестер, большинство из которых умерло еще до его рождения[136]). В школе он не учился, так как должен был помогать матери, месившей на дому тесто, и, по одним сведениям, освоил начатки грамоты с помощью какого-то родственника, по другим — его обучал сын местного раввина. (Попутно отмечу курьезный факт: в одной из его служебных характеристик как агента позже будет написано, что он «имеет высшее самообразование»[137].)

---

[133] Там же. Арк. 239.

[134] «Помощь друга» в данном случае оказал Геннадий Эстрайх.

[135] Большую их часть автор почерпнул из следующих источников: *Rejzen Z.* Leḳsiḳon fun der Yidisher liṭeraṭur, prese un filologye. V. 1: 1887–1941. Vilna: B. Ḳletsḳin, 1928. Cols. 293–294; *Fogel J.* Hirsh Bloshteyn. URL: http://yleksikon.blogspot.com/2015/02/hirsh-bloshteyn-january-1-1895–1978-he.html (дата обращения: 17.08.2020).

[136] *Меламуд Х.* З пісень життя. Григорію Блоштейну — 70 років // Радянська Буковина. 1965. 31 грудня. № 257. С. 3.

[137] ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Арк. 179.

Еще одна любопытная деталь: первые истории юный Блоштейн записывал со слов женщин-евреек, которым помогал писать письма к их мужьям, перебравшимся в Америку. Позже, подучившись, он стал помогать отстававшим ученикам хедеров и ешиботов и со временем получил даже какое-то учительское место в соседнем местечке Яново, а в 1912 году в виленском журнале Lebn un visenshaft (‘Жизнь и наука’) было помещено его первое стихотворение «Рассвет», за которым последовали и другие публикации в еврейской периодике.

В 1915 году, в начале Первой мировой войны, когда все еврейское население высылается из прифронтовой полосы как потенциальные немецкие шпионы, Блоштейн попадает на Украину и долго скитается по городам и весям: в посвященных ему биосправках мелькают Харьков, Минск, Кубань и Кавказ, где он пребывает в последующие шесть лет. Упоминается, что в Харькове Блоштейн работал корректором в издательстве «Идиш», основанном его земляком из Каунаса Калманом Зингманом (1889–1929), и во втором номере выпускаемого им альманаха «Кунстринг» была напечатана его поэма «Рабби Акива»; что для местного еврейского театра «Унзер Винкл» (‘Наш уголок’) он переводил пьесы модного тогда немецкого автора Людвига Фульды (1862–1939) и французского поэта и драматурга Эдмона Ростана (1868–1918). Известно также, что в этот период его стихи и поэмы публиковались в харьковской газете Karkover tsaytung («Харьковская газета»), в одесской — Undzer lebn («Наша жизнь»), в минских Veker («Будильник»), Der Shtern («Звезда») и др.

В 1921 году Блоштейн репатриируется в Литву, где преподает в одной из еврейских вечерних рабочих школ, функционирующей под эгидой Культур-Лиги. На родине вскоре выходят его первые книги — поэтический сборник «Oyfn zunenṭrep» (‘На солнечных ступенях’, 1923) и роман «Shpigen» (‘Зеркало’, 1924), а еще он становится постоянным автором каунасского еврейского журнала «Виспе» (‘Остров’), издаваемого тем же Зингманом, который перенес к тому времени свое издательство в Каунас

и Берлин и стал весьма заметной фигурой здешней культурной жизни[138].

Однако и в Литве Блоштейн не оседает надолго и после закрытия властями школы в 1925 году эмигрирует в Аргентину. В Буэнос-Айресе он тоже учительствует, редактирует еврейский журнал по вопросам литературы, искусства и культуры «Дорем Америка» («Южная Америка»), основывает вместе с вновь обретенными друзьями «революционно-максистский» журнал Nayewelt («Новый мир») и публикует созвучные произведения, в частности сборник стихотворений Lider fun ḳamf («Песни борьбы», 1930). После военного переворота в Аргентине, известного также как сентябрьская революция 1930 года, Блоштейн уходит в подполье, но через год его арестовывают и за коммунистическую деятельность высылают обратно в Литву. В феврале 1932 года ему удается по ходатайству Московской ассоциации пролетарских писателей получить приглашение на переезд в СССР, но при этом поселяется он не в Москве, а в уже знакомом ему Харькове, тогдашней столице Украины, где находит работу в редакции пионерской газеты «Зай грейт» («Будь готов»).

Насыщенная трагическими событиями юность, странствия и злоключения в последующие годы отозвались в сюжетах многих его произведений, написанных по преимуществу в межвоенный период. А на склоне лет он о многом поведал в мемуарах под названием «Я хочу рассказать вам», публиковавшихся в 1974–1976 годах в журнале «Советиш геймланд»[139]. В них он, однако, ни словом не обмолвился о тайной стороне своей жизни...

Об обстоятельствах вербовки Блоштейна удалось узнать только то, что произошла она в октябре 1938 года в Киеве, куда он перебрался после перенесения туда украинской столицы в 1936 году. Плодовитый автор (с 1932 по 1941 год в Киеве, Харь-

---

[138] См.: *Grigoraviciute Akvile*. Yiddish literary life in interwar Kaunas (1918–1939) // Jewish History Quarterly. 2014. № 4. P. 693.

[139] *Bloshteyn H*. Ikh wil aykh dertseyln // Sovetish Heymland. 1974. № 7, 8, 9; 1975. № 2; 1976. № 4, 5.

кове, Минске и Москве вышло 12 его книг, включая две в переводах на русский), он и агентом оказался весьма активным и, помимо многостраничных записок о еврейских литературных движениях и организациях, написал множество донесений о коллегах-писателях, которые порой выглядят как заурядные доносы.

В дополнение к тому, что цитировалось выше, приведу две выписки из его донесений, датированных 1 декабря 1938 года.

В первой идет речь о Хаиме Гильдине:

> Подтверждается, что в 1933–1934 г. Гильдин на большом собрании в Харьковском клубе им. 3-го Интернационала имел резко националистическое выступление. Говоря о Биробиджане, переживавшем тогда, вследствие наводнения, продовольственные трудности, Гильдин воскликнул: «Евреи, давайте помогать евреям, голодающим в Биробиджане»[140].

Здесь же, ссылаясь на негативный отзыв, опубликованный в газете «Дер Штерн» (20 сентября 1938 года), на рассказ Гильдина «Мартеновская печь № 6», он услужливо сообщает, что

> ...Гильдин по-вредительскому и политически ложно изображает коммуниста инженера-орденоносца Бермана, беспартийного инженера Шварцмана и старого рабочего Ткача, тоже коммуниста. По рассказу они получаются негодными работниками «шляпами». На заводе орудует вредитель инженер Черномордин. Все видят и понимают его гнусные махинации. Не видят и не понимают их только вышеупомянутые положительные типы — Берман, Шварцман и Ткач... Как видно, Гильдин еще недалеко ушел от своей пресловутой манеры «живописания» коммунистов, за которую изъяли его книгу «Колодцы»...[141]

---

[140] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 157.

[141] Там же. Арк. 157–158. Эта книга (*Gildin Khayem*. Brunems [Kharkov], 1929. 275 z.) вышла в Госнацмениздате Украины двумя изданиями, второе — в 1932 году. Очевидно, оно и было изъято.

Во второй — о молодом еврейском писателе из Минска Эли Кагане (1909–1944):

> Я видел его 16 ноября в редакции «Советише литератур». Он рассказывал о закрытии еврейских школ в БССР[142], причем он выразился: «Это, конечно, не партизанщина, а такая политика. Я знаю, что в будущем году закроют все еврейские школы и на Украине». Из присутствовавших при этом писателей (Кобрянский, Гонтарь, Л. Резник, Табачников) никто ему не возражал[143].

Попутно «Кант» прибавил и то, что должно было привлечь внимание и к киевскому еврейскому писателю Хаскелю Табачникову (1913–1988), у которого останавливался в Киеве Эли Каган:

> Из всего того, что я у него и о нем узнал, считаю нужным отметить следующее:
> 1. Трудно установить, с чего он живет: печатается он мало;
> 2. Пару лет тому назад он вместе с ныне арестованным писателем Я. Г. Серфкон[144] (Харьков) ходил по делам по-

---

[142] См. об этом выше в сноске 107.

[143] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 155.

[144] Имеется в виду еврейский поэт Нафтоле-Герц Кон (1910–1971). Его родиной было буковинское местечко Старожинец. Достигнув призывного возраста, Кон, придерживавшийся левых убеждений, чтобы избегнуть преследований из-за нежелания служить в румынской армии (с 1919 года Буковина, входившая ранее в состав Австро-Венгерской империи, стала провинцией Румынского королевства), перебрался к дяде в Вену. Еще в Черновцах, где он жил до того, юноша обзавелся подложными документами на имя Якова Серфа (позаимствовав имя своего брата и девичью фамилию матери). Под этим именем он уехал в 1929 или 1930 году в Польшу, где печатался под родной фамилией, превратив ее как бы в псевдоним. В Польше его дважды арестовывали — в 1931 и 1932 годах — за нарушение визового законодательства, и ему грозила высылка в Румынию, но он был передан СССР в рамках обмена заключенными по линии МОПРа (Международной организации помощи борцам революции). Здесь он поселился в Харькове, однако в 1938 году был, в свою очередь, арестован как польский шпион и до 1941 года находился в исправительно-трудовом лагере. В документах советских спецслужб поэт фигурировал как Серф (Шерф)-Кон. Подробнее о Нафтале-Герц Коне, в том числе о его последующей судьбе, см.: *Auerbach K.* The Fate of a Jewish

> следнего (о визе для жены) в польское консульство в Киеве. Что он там делал? По его словам, так просто, для компании[145].

За недостатком информации, в частности личного рабочего дела агента, трудно судить о мотивах Г. Блоштейна, о том, добровольно или вынужденно он взялся за свою тайную миссию, однако на основании сохранившихся донесений «Канта» совершенно очевидно, что исполнял он ее ревностно, без понуканий и, больше того, с выдумкой, проявляя личную инициативу.

Один пример. В начале мая 1941 года он собрал у себя «на чашку чая» большую группу еврейских литераторов, поэтов, прозаиков и критиков с их женами:

> Приглашая их, я задался целью в интимной обстановке наблюдать за взаимоотношениями этих людей <...>, и я всячески старался, чтобы они чувствовали себя «как дома». Для этого я не пожалел ни вина, ни закуски, ни теплых слов... Я хотел, главным образом, чтобы эти люди и в будущем приходили ко мне и чтобы они почаще и меня приглашали к себе. <...> Собравшиеся просидели у меня до полуночи, чувствовали себя прекрасно и бурно благодарили меня за радушный прием и приглашали к себе. Я убежден, что завоевал доверие этих людей и в будущем между нами установятся тесные отношения, которыми не премину воспользоваться для дальнейшей работы[146].

Между прочим, инициатива агента была одобрена чекистским руководством. В резолюции на его донесение (от 6 мая) читаем: «Теперь необходимо, чтобы эти взаимоотношения регулярно поддерживались между ними»[147].

Writer in Communist Eastern Europe: The Case of Naftali Herts Kon in Poland, 1959–1965 // Polin: Stadies in Polish Jewry, 2009. [Vol] 21. P. 307–328; *Lancman I*. Literary Estate as Mirror of Persecution: The Papers of Naftali Hertz Kon // Gazeta. 2017. Vol. 24, № 2. P. 9–13.

145 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 156.

146 Там же. Т. 5. Арк. 260.

147 Там же.

7. «Одержимость... идеей раскрытия заговора»...

Ревизия дела «Боевцы», о которой шла речь выше, была вызвана, как можно полагать, «сменой караула» в НКВД УССР. После бегства и ареста руководившего им при Ежове А. И. Успенского (1902–1940) обязанности наркома временно исполнял присланный Берией А. З. Кобулов, а в сентябре 1939 года новым наркомом стал будущий первый председатель КГБ СССР И. А. Серов (1905–1990), пробывший в этой должности до февраля 1940 года. Следствием этих перестановок, очевидно, стала перетасовка низовых чекистских кадров, о чем можно судить по чехарде руководителей 2-го отдела НКВД, в котором разрабатывалось агентурное дело «Боевцы». Вместо исчезнувшего в одночасье капитана Павлычева зимой, весной и осенью 1940 года документы по делу подписывали заместители начальника отдела старшие лейтенанты Герасимов, Медведев и Хазин, а позднее в качестве начальников — капитан Дроздецкий и лейтенант Герсонский. Последнему, однако, удалось задержаться надолго.

(Что касается Л. М. Павлычева (1908–1942), то он, как оказалось, стал жертвой кампании чекистских чисток, развернувшейся вслед за окончанием Большого террора под девизом восстановления социалистической законности. На Украине они в первую очередь коснулась людей А. И. Успенского[148], при котором, в свою очередь, состоялись тотальная чистка и обновление центрального аппарата НКВД. Известно, что Павлычеву Успенский благоволил и продвигал его[149]. Именно при нем 29-летний выходец из Ярославля, где он начинал электриком после окончания местного ФЗУ[150], был назначен в июле 1938 года заместителем началь-

---

[148] Из 60 «успенцев» в период чисток было расстреляно 22, что составляло 36,6 % руководящего состава наркомата (*Золотарьов В. А.* Керівний склад НКВС УРСР під час «великого терору» (1936–1938 рр.): соціально-статистичний аналіз // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 2 (33). С. 113).

[149] Подробнее см.: *Золотарьов В. А.* Олександр Успенський: Особа, час, оточення. Харков, 2004. С. 81–82.

[150] ГДА СБУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 38810. Т. 7. Арк. 211.

ника УНКВД Киевской области, а далее, в октябре того же года начальником 2-го отдела республиканского НКВД. После ареста Успенского, уже при новом наркоме, Павлычева обвинили в применении «незаконных методов следствия», в результате чего во время допроса умер один из заключенных, бывший сотрудник органов, и сначала сняли с оперативной работы, переведя в Управление шоссейных дорог, тоже находящееся тогда в ведении НКВД, а затем и вовсе уволили. А в феврале 1941 года его арестовали и предали суду военного трибунала. При этом всплыли и другие «грехи» Павлычева, который «пропускал на тройку дела с явно недорасследованными материалами, на основе признаний обвиняемых весьма сомнительных в части их правдоподобности», а по прежнему месту работы в Горьковской области даже исключался из партии «за спекулятивные дела с врагами народа с коврами и зеркалами»[151]. Сам он, однако, заявлял: «Я за хорошую работу в органах НКВД получал награды и если бы у меня не обострились отношения с бывшим наркомом Серовым, то я бы суду предан не был»[152]. В итоге в августе 1941 года по приговору Военного трибунала войск НКВД Киевского особого военного округа Павлычев был осужден на 10 лет ИТЛ, однако исполнение приговора было отложено до окончания военных действий, а до того его, как и других обвиняемых, отправили на фронт, где он и погиб[153].)

Как бы там ни было, в результате состоявшейся «ревизии» ряды фигурантов дела «Боевцы» сильно поредели. В частности, сержант Смолкин задним числом пришел к выводу (с которым согласился и Герсонский), что имеющихся в материалах данных в отношении Файвеля Сито, Григория Орланда, Григория По-

[151] Там же. Т. 4. Арк. 148.

[152] Там же. Т. 8. Арк. 69.

[153] *Довбня О.* Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности» // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей / сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. М., 2017. С. 567.

лянкера и Натана Забары было недостаточно для взятия их в разработку и потому их следует из дела изъять и оставить на формулярном и списочном учете[154]; что вместе с ними из разработки следует исключить Мотеля Гацмана, Риву Боляснную, Шлойме Лопате (Лопатина) и Шлойме Чернявского, сняв с оперативного учета вовсе. Отныне из дела выбывали также Дер Нистер, Хана Левина, которых сочли целесообразным разрабатывать по месту жительства, и, очевидно, другие иногородние писатели, о чьей подотчетной судьбе почему-то не упоминается. (Кстати, это не единственный случай в этом обширном деле, когда обнаруживаются нестыковки, ошибки в подсчетах и прочие несообразности, вызванные, очевидно, спешкой, сменой исполнителей и т. п.)

Таким образом, после очередного пересмотра дела признанных заслуживающими «серьезного внимания» «боевцев» осталось только семеро: Исаак (Ицик) Фефер, Давид Гофштейн, Исаак Кипнис, Давид Волкенштейн, Липа Резник, Матвей (Мотл) Талалаевский и Аврам Каган.

План агентурно-оперативных мероприятий в их отношении предусматривал вербовку новых секретных сотрудников и квартирных осведомителей, активизацию и переориентировку старых, проверку и перепроверку связей, периодическую установку наружного наблюдения и т. п.

Конечно, начавшаяся вскоре война спутала все карты и планы, но, как видно из отложившихся в делах-формулярах некоторых «боевцев» служебных записок и агентурных донесений, их не упускали из виду даже там, куда они были эвакуированы.

Из Уфы и Куйбышева, где находился А. Я. Каган, местные чекисты регулярно извещали (в течение 1943 и 1944 годов) о нем Герсонского[155]. Из Уфы им была послана (и перехвачена) почтовая

---

[154] Виды оперативного учета антисоветских элементов: списочный, или массовый, и формулярный; последний заводился на активных контрреволюционных элементов и подразумевал ведение дела-формуляра, куда заносились все поступавшие на то или иное лицо сведения.

[155] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6479. Т. 10. Арк. 13–15, 18, 20.

открытка, адресованная Эфраиму Райцину в Чкалов[156], из чего видно, что отправитель был поставлен на ПК[157].

Из Саратова агенты областного управления НКВД «Рябов» и «Янич», втершиеся в доверие И. Н. Кипнису и получившие задание установить его связи с местным еврейским обществом, докладывали (в 1943–1944 годах) о его контактах, взглядах и впечатлениях, которыми он делился с ними[158] (например, о культивировании «особого советского антисемитизма»), что подкреплялось и сводками наружного наблюдения за ним[159].

Из Алма-Аты о поселившемся там М. Я. Пинчевском информировал целый ряд агентов НКВД Казахстана: «Керт», «Штол», «Юлиан», «Шолом» и другие, как и оказавшийся там же (и перевербованный в 1943 году казахскими чекистами) его старый знакомый «Кант» (Блоштейн). Последний записал 17 июня 1943 года весьма примечательный разговор с участием Пинчевского о будущем устройстве евреев:

> 13 июня после обеда мы стояли втроем в коридоре ресторана № 1 и беседовали — я, Пинчевский и польско-еврейский писатель Эмиот (Гольдвасер)[160]. Говорили о восстании в Варшавском гетто[161]. И Эмиот сказал:

---

[156] Там же. Арк. 11 и об.

[157] ПК, или политконтроль, в узком смысле означал перлюстрацию почтовой корреспонденции. Но функции политконтроля этим не ограничивались. Подробнее см.: *Подкур Р., Ченцов В.* Указ. соч. С. 75–93.

[158] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Т. 10. Арк. 72–77, 89–97.

[159] Там же. Арк. 78–88 об.

[160] Эмиот, он же Гольдвассер-Эмиот — псевдонимы Яновского Исраэля (1909–1978), польского еврейского писателя. После вторжения немцев в Польшу он уехал в занятый Красной армией Белосток и оказался в СССР, где вступил в Коммунистическую партию. С началом войны Германии с Советским Союзом летом 1941 года был эвакуирован в Алма-Ату. С 1942 года сотрудничал с газетой «Эйникайт», органом Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В 1944 году в качестве ее корреспондента отправился в Биробиджан. В 1948 году арестован и осужден по «биробиджанскому делу». Освобожден по амнистии в 1956 году и вскоре выехал в Польшу, а оттуда — в Израиль. В 1958 году переехал в США.

[161] Восстание в Варшавском гетто вспыхнуло при попытке оккупантов ликвидировать остатки еврейского населения столицы Польши. Вооруженное сопротивление узников гетто продолжалось с 19 апреля до 16 мая 1943 года и было жестоко подавлено нацистами.

> «Будущая мирная конференция должна будет компенсировать евреев за все их мучения», — и он развивал такой план: «Англия отдаст евреям Палестину». (Пинчевский добавил, что «Сталин будет поддерживать еврейскую делегацию на Мирной конференции»).
> «А Россия, — сказал Эмиот, — тоже должна будет компенсировать своих евреев за их геройство и мытарства, она им должна будет по требованию союзников, открыть газеты, журналы, школы, синагоги и т. д.»
> Пинчевский сказал: «Это зависит, конечно, от самих советских евреев: если они захотят, у них все будет. Но для того, чтобы поднять престиж еврейского народа в СССР, ему нужно государство, пусть будет маленькое, в Палестине... Я хочу услышать по радио, что Калинин и Сталин приняли посла и полномочного министра еврейского государства... Тогда и в советских органах и учреждениях будет другое отношение к евреям»[162].

В первые послевоенные годы работа по делу продолжалась, но скорее по инерции. По документам заметно снижение как активности, так и интереса к нему — нет ни запросов о ходе разработки из Москвы, ни бодрых, обнадеживающих рапортов в обратном направлении. Основная причина, как представляется, — заведение 26 марта 1945 года еще одного агентурного дела, под названием «Круг», получившего окраску — «сионисты». В качестве фигурантов туда были включены те же «боевцы», первоначально — Давид Гофштейн, Абрам Каган, Исаак Кипнис и Рива Балясная[163], а позднее, в июне 1949 года, тесно связанные с ними «по подрывной деятельности» их коллеги: Григорий Полянкер, Матвей Талалаевский, Натан Забара и Иосиф Бухбиндер[164], из которых только последний не был фигурантом предыдущей

---

[162] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 75 и об. Одна из резолюций на полях документа гласит: «Имея в виду прошлое Пинчевского (торговец женщинами, пребывание в Юж[ной] Америке и проч[ие] грязные дела) разработку вести не только как националиста, но и как возможного разведчика» (Там же. Арк. 75 об).

[163] Там же. Т. 1. Арк. 1–2.

[164] Там же. Т. 2. Арк. 1.

разработки. Указанные лица обвинялись в том, что они «группируются между собой, ведут антисоветскую пропаганду среди еврейской интеллигенции, распространяют провокационные клеветнические измышления в отношении национальной политики партии и ее руководителей».

Отдельно в постановлении 1945 года отмечалось, что четверо фигурантов поддерживают связи «с сионистскими элементами в Москве», и в качестве таковых названы председатель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломон Михоэлс, член президиума ЕАК и его компаньон по семимесячному пропагандистскому турне 1943 года по странам Запада (Великобритании, США, Канады и Мексики) Ицик Фефер, критик, публицист и секретарь того же ЕАК Шахно Эпштейн (1883–1945). Несколько позднее в справке, датированной августом того же года, из этого списка исчезает умерший накануне Эпштейн, зато появляются писатели Давид Бергельсон (1884–1952), Арон Кушниров (1890–1949) и, видимо по ошибке, скончавшийся годом ранее в Ленинграде публицист и педагог Шимон Добин (1869–1944)[165].

Кроме Киева, сионистские связи фигурантов устанавливаются также и в других городах СССР (упомянуты, в частности, Черновцы и Кисловодск)[166], к чему со временем добавляются и контакты за границей: в Палестине, Англии и США[167].

По всему видно, что речь идет о еще одном еврейском писательском заговоре, но уже на почве сионизма, с очевидной целью выявить и ликвидировать разветвленное сионистское подполье. И это неудивительно: «сионизм» и «заговоры», как вспоминала в книге «Только один год» дочь Сталина Светлана Аллилуева, везде мерещились ее отцу[168], что не могло не передаться и весьма чувствительным к настроениям и пристрастиям хозяина сотрудникам спецслужб. «Одержимость господствующей в МГБ идеей

---

[165] Там же. Т. 1. Арк. 29.

[166] Там же. Арк. 1–2.

[167] Там же. Арк. 29 об.

[168] *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1969. С. 171.

раскрытия заговора» в свою очередь подметил и побывавший позже в рядах других «заговорщиков», евреев-врачей, Я. Л. Рапопорт[169].

Стало быть, то, что новая агентурная разработка опять-таки свелась к идее заговора, представляется совершенно неслучайным. В этом смысле дело «Круг» стало заменой и своего рода продолжением дела «Боевцы», на что, собственно, указывали и сами составители заключительной справки по этому делу:

> За время Отечественной войны и в послевоенный период в антисоветской троцкистско-националистической организации на Украине «Боевцы» произошли значительные изменения, в результате чего часть фигурантов <...> вошли в контакт с другой антисоветской националистической организацией и в настоящее время активно разрабатываются по агентурному делу «Круг»[170].

Недаром они — агентурное дело № 15 «Боевцы» и агентурное дело № 37 «Круг» — и физически хранятся вместе, составляя 15-томный конволют.

Формально агентурное дело «Боевцы» было завершено через 10 лет после его начала. 19 октября 1948 года майор Секарев из 5-го управления МГБ УССР, куда по принадлежности (в марте 1946 года)[171] перешли материалы дела, вынес постановление о прекращении его производства и сдаче в архив отдела «А» МГБ УССР[172]. Основание: «...в процессе агентурной разработки организованной антисоветской деятельности всех объектов дела в период войны с Германией и в настоящее время не установле-

---

[169] *Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 137.

[170] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6479. Т. 4. Ч. I. Арк. 32. Машинописная копия справки не датирована, но, судя по содержанию, относится к октябрю 1948 года.

[171] МГБ (Министерство госбезопасности) УССР было создано в марте 1946 года в рамках реорганизации наркоматов и министерств. 5-е управление считалось оперативным.

[172] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6479. Т. 4. Ч. I. Арк. 33–35. В структуре МГБ УССР отдел «А» был учетно-архивным.

но»[173]. Это бюрократическая формулировка, по существу, не более чем хорошая мина, ибо она камуфлирует полное фиаско, которым увенчалась столь многообещающе начатая операция.

8. Герои и антигерои: вместо эпилога...

История разработки агентурного дела «Боевцы» будет неполной, если не рассказать о судьбе тех, кто волей-неволей оказался к нему причастен, о его героях и антигероях. И те и другие так или иначе оказались связаны и с делом «Круг». По сути, оно также не принесло никаких результатов, ибо «другой антисоветской националистической организации», с которой якобы вступила в контакт часть «боевцев», в конечном итоге раскрыто не было. Однако, судя по докладам и отчетам, все обстояло как раз наоборот. В преамбуле к плану агентурно-оперативных мероприятий по делу «Круг», датированному 9 января 1951 года, читаем:

> Агентурной разработкой и следствием добыты данные о том, что объекты дела по заданию бывшего вражеского руководства еврейского антифашистского комитета (закрыт) собирали шпионскую информацию, которая под видом рассказов, очерков и т. д. (о евреях, работающих в промышленных предприятиях, научно-исследовательских учреждениях и пр.) направлялась через антифашистский комитет в Америку[174].

Той же версии киевские чекисты придерживались и в дальнейшем. В заключении по агентурному делу «Круг» от 29 декабря 1952 года тот же майор Секарев, который четырьмя годами ранее закрывал дело «Боевцы», констатировал, что фигуранты дела «на протяжении длительного времени проводили активную националистическую работу среди еврейского населения, использовав

---

[173] Там же. Арк. 33.

[174] Там же. Т. 3. Арк. 1.

для этого еврейскую секцию Союза советских писателей УССР, Кабинет еврейской культуры при Академии наук УССР и альманах “Дер Штерн”».

Все эти структуры к тому времени были ликвидированы, причем разгромленный в январе 1949 года Кабинет еврейской культуры, последнее в СССР еврейское научное учреждение, в справке о его директоре, профессоре-филологе И. Г. Спиваке (1890–1950), был назван «центром, вокруг которого концентрируются и группируются сионистские элементы»[175]. А состоявшийся накануне процесс по делу ЕАК позволил капитализировать и прозвучавшие на нем обвинения, и потому «Гофштейну, Полянкеру и их единомышленникам», помимо прочего, вменялась в вину и «агитация за предоставление евреям Крыма для создания там автономной еврейской республики»[176].

Впрочем, точно так же при фабрикации дела ЕАК были использованы и материалы из агентурного дела «Круг». Еще на начальном этапе его разработки, в письме от 26 марта 1948 года, адресованном в Совет министров СССР, ЦК КП(б)У и лично Сталину, министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов сообщал:

> МГБ УССР в Киеве разрабатывается еврейская националистическая группа, возглавляемая членом пленума Еврейского антифашистского комитета писателем Гофштейном Д. Н. Эта группа объединяет вокруг себя писателей, журналистов и артистов из числа еврейской интеллигенции и ведет среди них вражескую работу за «национальное единство евреев и самостоятельное еврейское государство буржуазного типа». В своих литературных произведениях они протаскивают националистические взгляды, а отдельные из них пытались переправить свои произведения за границу для использования их в антисоветской печати. Участники националистической группы поддерживают связь с еврейскими общинами в Киеве, Черновцах и Львове. Аналогичная националистическая группа, возглавляемая членом-корре-

[175] Там же. Т. 1. Арк. 31.

[176] Там же. Т. 3. Арк. 301.

> спондентом Академии наук УССР, доктором филологических наук Спиваком Е. Г., выявлена МГБ Украинской ССР в Киеве среди научных работников[177].

Таким образом, один раскрытый «заговор» подпитывал другой...

И хотя никаких организационных связей между фигурантами агентурного дела «Круг» выявлено не было, все они в конечном итоге были арестованы и осуждены, что дало основание и само это дело считать «полностью оперативно реализованным»[178].

По этой весьма причудливой логике «боевец» и фигурант дела «Круг» Давид Гофштейн вместе с другим «боевцем» Ициком Фефером и бывшим членом «Боя» Львом Квитко оказались среди жертв дела ЕАК, расстрелянных в ночь на 12 августа 1952 года; «ночью казненных поэтов» назвали это событие в западной прессе, хотя из тринадцати осужденных на смерть далеко не все были поэтами. Остальные фигуранты дела «Круг» — Абрам Каган, Натан Забара, Исаак Кипнис, Иосиф Бухбиндер, Михаил Пинчевский, Григорий Полянкер, Матвей Талалаевский и Рива Балясная — были в разное время осуждены по решению Особого совещания МГБ СССР. Первому из них оно отмерило 25 лет ИТЛ, другим — по 10 лет каждому[179].

Кроме самих фигурантов дела, пострадали и их «антисоветские связи». Так, среди репрессированных оказалось большинство сотрудников Кабинета еврейской культуры, в том числе его директор Илья Спивак, умерший в московской тюрьме в ходе следствия, и группа одесских еврейских писателей, включая «боевцев» Ирму Друкера и Натана (Ноте) Лурье[180].

---

[177] [Архив Александра Яковлева; база данных документов]. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68465 (дата обращения: 6.01.2020).

[178] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 3. Арк. 302.

[179] Там же.

[180] См.: Інформація МГБ УРСР до МГБ СССР про слідство у справі групи арештованих єврейських письменників в Одеської області // З архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. 1998. № 3/4. С. 77–82.

* * *

Вклад в это «секретных сотрудников» сомнению не подлежит. И среди тех из них, кто оказался причастен к новому агентурному делу, оказались и агенты, уже знакомые нам по делу «Боевцы», в том числе и «Кант» (Блоштейн).

После освобождения Украины он возвратился не в Киев, а из Алма-Аты, как значится в позднейшем примечании к одному из его донесений оттуда, в июле 1944 года уехал жить в Черновцы[181]. О причинах очередной перемены мест можно судить по донесениям других агентов о Пинчевском, с которым он переписывался. 14 сентября 1944 года агент «Шолом» сообщил, что Пинчевский ожидает от Блоштейна «вызов» из Киева (куда тот, должно быть, заехал по дороге) в Черновцы, и он охотно отправится туда, потому что там «сохранилось много евреев и меньше антисемитизма»[182]. А 5 октября тот же «Шолом» информирует о получении Пинчевским «глубоко пессимистического» письма от Блоштейна о том, что «былая довоенная еврейская жизнь уже не восстановится на Украине»[183].

(Очевидно, прежде всего эти причины и передислокация сюда «временно» в том же 1944 году, вследствие разрушения во время войны его здания, киевского ГОСЕТА, которому уже не суждено было вернуться обратно в столицу Украины, обусловили не в последнюю очередь выбор целой группой еврейских литераторов Черновцов как места жительства в послевоенное время. Помимо Блоштейна и Пинчевского, это были Хаим Меламуд, Моисей Альтман, Нафтали-Герц Кон, Иосиф Лернер и Меер Харац. Весной 1946 года в Черновцах даже заговорили о начале здесь «литературного ренессанса»[184], который, правда, длился недолго — к 1949 году большая часть из вышеназванных литераторов была репрессирована.)

---

[181] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 90.

[182] Там же.

[183] Там же. Арк. 95.

[184] См.: *Яворська І. Т.* Життя як пошук раю. Еміграція євреїв з Чернівецької області (1944–1991 рр.). Чернівці, 2016. С. 48.

В связи с этим также обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) Блоштейн имел с собой рекомендательное письмо поэта (и по совместительству зампреда Совнаркома УССР) Миколы Бажана[185], что должно было облегчить его устройство в Черновцах; 2) он и здесь не намеревался прерывать связь со своими тайными «работодателями». По прибытии (в сентябре 1944 года[186]) в Черновцы «Кант» (Блоштейн) «по своей собственной инициативе восстановил связь с НКГБ» и, как сказано в справке о нем, составленной черновицкими чекистами, вновь использовался «в разработке еврейского националистического элемента»[187].

Разработку эту «Кант» начал со своего друга Пинчевского, благо тот даже жил с ним какое-то время в одной квартире — у Блоштейнов Пинчевский вместе с семьей поселился после возвращения из эвакуации и до обретения своего жилья. Разговоры с ним дали «Канту» обильный материал для первых «черновицких» донесений и пополнили дело-формуляр Пинчевского[188], ставшее впоследствии источником для его следственного дела.

О роли Блоштейна в нем косвенным образом напоминает содержащийся в так называемом «секретном конверте» лаконичный документ:

> Справка:
> По сообщению 2 управления МГБ УССР за № 2/5/22423 от 28 ноября 1951 года. Блоштейна Г. Д. по оперативным соображениям допрашивать по делу Пинчевского нецелесообразно.
>
> Ст[арший] следователь следчасти МГБ УССР
> Капитан Швыдкий[189]

---

[185] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 99.

[186] Так значится в справке о нем от 31 мая 1949 года (см. сноску 187), тогда как сам он в донесении от 23 октября 1945 года называет другую дату — 18 октября 1945 года (см. сноску 185).

[187] ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 180. Справка от 31 мая 1949 года.

[188] Там же. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7.

[189] ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 43109. Т. 7. Арк. 60.

А далее «Кант», как и в Киеве, стал устраивать у себя встречи с представителями местной еврейской интеллигенции. Об одной такой встрече, поводом для которой послужил приезд в Черновцы киевского еврейского писателя и литературоведа Давида Бендаса (1896–1953), идет речь в его донесении от 6 июня 1948 года: «Такие встречи, — говорится в нем, — будем практиковать и чаще: это расширяет мой круг знакомств»[190]. И поскольку перед собравшимися выступили с чтением своих произведений не только гость и сам хозяин, но также и Пинчевский, у агента появилась возможность рассказать о реакции присутствующих на прочитанное последним стихотворение, посвященное Израилю, которое, как он пишет, «произвело потрясающее впечатление на большинство слушателей»[191].

Словом, и на новом месте его деятельность оказалась не менее успешна. В уже упомянутой справке (от 31 мая 1949 года) читаем: «В процессе работы с нами, “Кант” зарекомендовал себя *исключительно положительно* (курсив мой. — *Е. М.*), дает ценные, правдивые материалы о сионистском подполье и антисоветской деятельности последнего»[192]. Здесь уместно будет заметить, что в последующей справке (от 10 октября 1950 года), которая в основном дублирует предыдущую, в этом месте появляются и некоторые дополнительные (и упущенные ранее) сведения о «Канте», в частности, что он «неоднократно выезжал в маршрутные командировки в г.г. Москва, Киев»[193]. Эти сведения перекликаются с планом мероприятий по активизации агентурной разработки агентурного дела «Круг» от 9 сентября 1946 года, где сообщается, что «Кант», ранее «работавший по лицам, являющимся объектами агентурного дела Круг», ныне проживает в Черновцах, и предлагается «практиковать в дальнейшем вызовы в Киев “Канта” для разработки агентурного дела “Круг”»[194].

---

[190] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Арк. 124.

[191] Там же.

[192] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 180.

[193] Там же. Арк. 186.

[194] Там же. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 1. Арк. 125.

Практиковали и не только по этому делу... В том же 1946 году «Кант» явился главным действующим лицом намеченного черновицкими чекистами и одобренного в Киеве и Москве «мероприятия» с целью его сближения с разрабатываемым МГБ Нафтоле-Герцем Коном[195], который, помимо прочего, подозревался в намерении нелегально перебраться в Польшу[196]. По плану, скорректированному Лубянкой, «Кант» должен был отказаться от занимаемой им должности корреспондента московской газеты «Эйникайт» (органа ЕАК) в пользу Н.-Г. Кона, рассказав об этом последнему, и «таким путем войти в большое к нему доверие»[197]. Предполагалось также «осуществить <...> агентурную комбинацию с целью фотографирования националистической рукописи Серф-Кона — “Вавилонская башня”»[198].

В декабре 1950 года Лубянка известила 2-е управление МГБ УССР о возникшей в Крымской области оперативной необходимости в другой комбинации, чтобы установить связи среди на-

---

195 См. о нем в сноске 143.

196 ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 1. Арк. 134.

197 План этот, судя по всему, удался только отчасти. Из копии протокола допроса А. Я. Кагана от 7 декабря 1949 года, имеющейся в следственном деле Н.-Г. Кона, следует, что «в 1945 г. (очевидно, здесь ошибка — правильно — в 1946 г. — *Е. М.*) при содействии Фефера Кон был назначен постоянным корреспондентом газеты “Эйникайт” в городе Черновцах» (См.: Государственный архив Черновицкой области (далее ГАЧО). Ф. Р-2838. Оп. 3. Спр. 2356. Арк. 191; цит. по копии из Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне). В то же время, по свидетельству дочерей Н.-Г. Кона, сближение между их отцом и Блоштейном ни тогда, ни позже не произошло, и, более того, Кон относился к последнему весьма неприязненно (сообщено Иной Ланцман, Нью-Йорк).

198 ГДА. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 1. Арк. 132. Произведение под таким названием в литературном наследии Нафтале-Герца Кона отсутствует. Его нет ни среди опубликованных текстов писателя, ни среди рукописей, отложившихся в его архиве в Институте еврейских исследований YIVO в Нью-Йорке. По-видимому, чекистам не удалось тайно сфотографировать «Вавилонскую башню», а также изъять ее во время ареста в марте 1949 года (по словам младшей дочери Кона, Ины Ланцман, ее отец предусмотрительно припрятал часть рукописей), и, таким образом, вменяя в вину писателю намерение нелегально бежать за границу, где он якобы надеялся издать это «антисоветское произведение», ему не могли предъявить его (см.: ГАЧО. Ф. Р-2838. Оп. 3. Спр. 2356. Арк. 46–48, 260–261). А впоследствии рукопись «Вавилонской башни», видимо, была утрачена.

ционалистов некоего Абрама Серчука, разрабатываемого местными чекистами и подозреваемого в сионистской деятельности. Ему собирались подставить знакомого с закордонным сионистским движением единомышленника, для чего потребовался квалифицированный агент, и Москва рекомендовала использовать в этой роли «Канта»[199]. У того не получилось тогда приехать в условленный срок в Севастополь, но были и другие командировки такого рода... К примеру, сохранился документ о выдаче ему в феврале 1953 года вознаграждения в сумме 800 рублей за участие в разработке объекта дела-формуляра «Поэт» (УМГБ Кировоградской области) и в связи с выездом во Львов...[200]

(Кстати, нечасто встречающиеся упоминания об оплате за неправедный труд — отметки об этом ставились в личном деле агента, а документ, о котором идет речь, как раз и есть извещение из Киева о необходимости сделать такую отметку, ибо дело в данном случае находилось в Черновцах, — это не только свидетельство о том, как оплачивался этот труд, но и указание на его возможную мотивацию. Во всяком случае, оно корреспондирует с подробностью, о которой счел нелишним упомянуть составитель уже цитированной справки о «Канте» (от 31 мая 1949 года). Последняя фраза в ней звучит так: «Материально обеспечен плохо. Нуждается в поддержке»[201].)

Его активность даже обернулась опасностью разоблачения. В июне 1952 года начальник управления МГБ Черновицкой области послал в Киев и Москву своего рода сигнал SOS. В его сообщении о подготовке к «реализации» дела-формуляра (что

---

[199] ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 188.

[200] Там же. Арк. 254. Очевидно, поездка, о которой идет речь, была связана с операцией, разрабатывавшейся киевскими чекистами и планировавшейся на декабрь 1952 года — январь 1953 года. В ходе ее предполагалось направить во Львов «Канта» (Блоштейна) и еще трех «квалифицированных» агентов, а также двух оперативных сотрудников 2-го управления МГБ УССР для оказания помощи местным чекистам «по вскрытию организованного еврейского националистического подполья и нелегальных переправ через границу» (Там же. Ф. 1, Оп. 1. Спр. 259. Арк. 126–127).

[201] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 181.

означало арест фигуранта) местного еврейского писателя и тоже бывшего корреспондента «Эйникайт» Хаима Меламуда (1907–1993) содержится напоминание, что в разработке последнего принимал участие и агент «Кант». Далее есть смысл процитировать соответствующий фрагмент документа:

> При вызове в МГБ СССР с докладом начальника 2 отделения 2 отдела Управления МГБ полковника Платонова ему были даны указания при встречах с «Кантом», выяснить в какой город последний желал бы переехать в целях зашифровки его участия в разработке *Меламуда* и продолжения сотрудничества с нашими органами.
> Агент «Кант» заявил, что с учетом наличия у него связей в кругах еврейской интеллигенции, устройства на работу и учебу жены и дочери он хотел бы переехать на постоянное жительство в гор. Ригу и просил оказать ему содействие в этом.
> Поскольку «Кант» по своим личным и деловым качествам представляет ценность для органов МГБ и перспективен как агент в будущем, прошу сообщить Ваше мнение о возможности переезда «Канта» в гор. Ригу и оказания ему содействия в устройстве там[202].

Ценность Блоштейна как агента не помешала, однако, разработке его самого в том же 1952 году, основанием для чего, как видно из документов, послужили материалы о наличии у Блоштейна связи с бывшими руководителями ЕАК и сотрудничестве в его печатном органе — газете «Эйникайт». Но это была, скорее всего, формальность, и все минуло для него благополучно. Данных о проведении им антисоветской деятельности получено не было: «...он зарекомендовал себя положительно и, наряду с другими делами, успешно вел разработку бывших "связей" руководителей "ЕАК"...»[203]

Переезд Блоштейна в Ригу по каким-то причинам не состоялся. Да и опасения в отношении Х. Меламуда, похоже, не оправ-

---

[202] Там же. Арк. 37.

[203] Там же. Арк. 63.

дались[204], может быть потому, что от планов его ареста черновицкие чекисты почему-то отказались...

(Более того, есть свидетельства того, что в дальнейшем Блоштейн и Меламуд выступали «плечом к плечу» с позиций казенного советского патриотизма против каких-либо отступлений от него. Так было, например, 4 марта 1960 года, когда они опубликовали в черновицкой газете «Радянська Буковина» (‘Советская Буковина’) совместную статью «Чужой голос», в которой шла речь о «проработочном» собрании Черновицкого областного отделения Союза писателей, Союза журналистов УССР и областного литературного объединения, участники которого обсудили и осудили поступок своего собрата по перу, еврейского писателя Меера Хараца (1912–1993), опубликовавшего на страницах польской еврейской газеты «Folks-Shtime» (‘Голос народа’) свое стихотворение «Странник»... Кстати, и на самом собрании, состоявшемся 3 февраля 1960 года, которое, судя по стенограмме, превратилось в показательную публичную порку[205], оба они тоже играли первую скрипку. Так было и 12 лет спустя, в марте 1972 года, когда «Радянська Буковина» опубликовала открытое письмо известных на Буковине представителей литературно-художественной интеллигенции, украинской и еврейской (и в их числе Г. Блоштейна и Х. Меламуда), в связи с намерением того же Меера Хараца репатриироваться в Израиль. Это было типичное для того времени творение советской контрпропаганды с гневным осуждением поэта-земляка, который польстился на призывы сионистских благодетелей[206]. Интересно, что, хотя под письмом значилось 11 имен, как выяснилось уже в наши дни, в оригинале их было 13, но трое из избран-

---

[204] Сужу хотя бы по тому факту, что тот позже написал весьма благожелательную статью к семидесятилетнему юбилею Г. Блоштейна (см. сноску 136).

[205] См.: *Олару Д.* «Я поважаю всіх людей, які люблять свою мову»: Меир Харац у Чернівцях // Jews and Slavs. V. 26: Proceedings of the Czernowitz international Commemorative Yiddish language conference 2018 / ed. by Wolf Moskovich. Jerusalem–Kyiv. 2020. P. 174–220.

[206] Відкритий лист Меєру Харацу. З приводу сіоністських пліток Єрусалимської радіостанції // Радянська Буковина, 1972. 3 березня.

ных подписантов, в том числе известная еврейская актриса и певица Сиди Таль, от предложенной им «чести» отказались (хотя имя одного из них, вопреки его воле, все-таки появилось в газете)[207]. Блоштейна и Меламуда, однако, среди отказавшихся не было.)

Но поскольку опасность «расшифровки» «Канта» оставалась[208], позже возник альтернативный план — переезда во Львов, куда он до того уже ездил в командировки, легендированный якобы намерением Блоштейна работать над романом о новом и старом Львове. Именно этой причиной он обосновал свое заявление от 20 марта 1953 года в Союз писателей УССР с просьбой дать ему письмо в Черновицкий горжилотдел, чтобы закрепить за ним его жилье на время пребывания во Львове (где, по его словам, он собирался пожить и поработать в течение года). Однако, судя по тому, что рукописные оригиналы и этого заявления, и заявлений его жены, учительницы Эммы Черногуз, в Министерство просвещения УССР с просьбой о направлении ее во Львов, а также неофициального письма Блоштейна некоему Алексею Мироновичу, очевидно, кому-то из его киевских кураторов, с кем он успел, как явствует из содержания, подружиться во время совместного пребывания во Львове[209], так и остались в архивной папке[210], и этот план также не был осуществлен.

Во всяком случае, в следующем, 1954 году агент «Кант» все еще оставался в Черновцах и был задействован в очередной «комбинации». Именно в это время, как раскопали недавно за-

---

[207] *Олару Д.* «Я поважаю всіх людей, які люблять свою мову...» URL: https://dragos-olar.livejournal.com/1550.html?fbclid=IwAR1BWCzW3TEB17VI0msUASMBUVYM8X4I8aZalMEsKVAYwT_BFL2bP24hblE#comments (дата обращения: 23.01.2020).

[208] Она существовала и ранее и, согласно его справке-характеристике от 10 октября 1950 года, объяснялась тем, что «ряд лиц, в том числе и писатели, в разработке которых “Кант” участвовал, арестованы, а он остался на свободе» (ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 187).

[209] См. сноску 200.

[210] ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 1. Арк. 319–322, 333.

порожские историки, некий доброхот из Черновцов взялся помочь учительнице из Бердянска Александре Нестес, сестре умершего годом ранее писателя Абрама Фримана (1890–1953), переправить его рукописи (на иврите) для напечатания за границей, в Израиле.

(У Фримана была весьма подпорченная, с точки зрения советских спецслужб, история. Впервые арестованный в 1935 году за принадлежность к контрреволюционной сионистской группе в Одесской области, он по постановлению Особого совещания при НКВД СССР был выслан на три года в уральский городок Камышлов. В марте 1938 года Фримана вновь арестовали, на этот раз за связь с иностранными сионистами, проживавшими в Палестине, в адрес которых он регулярно направлял свои литературные труды, и в июне 1940 года его как «социально опасного элемента» повторно отправили на три года в ссылку[211].)

Понятно, что в Бердянске сестра, как и ранее брат, была под присмотром сексотов из местного КГБ, одному из которых она проговорилась, что нашелся человек с большими связями в еврейских кругах, который взялся спасти рукописи ее покойного брата. Этим человеком оказался «Кант» (Блоштейн)[212].

К тому же периоду относится и свидетельство современника, оказавшегося соседом Блоштейна в Черновцах. Киновед Святослав Бакис был в то время подростком и запомнил «Канта» (Блоштейна) вот таким:

> Мы жили в Черновцах на улице Котовского. Над нами, на третьем этаже, жили Блоштейны, бездетные муж и жена. Блоштейн-муж ходил в серых плаще и шляпе, лицом он был

---

[211] *Демаков И. Н.* «Книга как улика»: печатные издания из документов архивно-следственных дел ГААОСО // Восьмые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции, Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 года. Екатеринбург, 2019. С. 81.

[212] *Щур Ю.* Архивы КГБ: Как запорожские «чекисты» на «сионистскую» поэму охотились // URL: https://zp.depo.ua/rus/zp/arhivi-kdb-yak-zaporizki-chekisti-na-sionistsku-poemu-polyuvali-20180407755720 (дата обращения: 22.01.2020).

> похож на Юри Ярвета, артиста, сыгравшего короля Лира. <...> Он казался мне тихим, как тень. Наверное, это было точное впечатление...[213]

Да, пожалуй, все верно... И на большинстве сохранившихся фотографий у Блоштейна грустное, невыразительное лицо и тихий облик — весельчаком его представить трудно... Есть только одна фактическая неточность: супруги (а это была вторая семья Блоштейна — первая осталась в Аргентине) не были бездетными, у них была дочь Милда. Впоследствии она вместе с сыном Алексом жила в Израиле и, по словам дальнего родственника, в 1995 году увезла туда архив отца, но по дороге, в Румынии, чемодан, в котором он находился, был украден[214]. Есть что-то символическое в том, что рукописи писателя Блоштейна оказались утрачены, а доносы сохранились...

---

[213] *Бакис С.* Прогулка по Атлантиде. Черновицы: Meridian Czernowitz, 2017. С. 274. Благодарю Святослава Бакиса (Нью-Йорк) за уточнение некоторых деталей, касающихся этого эпизода.

[214] The Yiddish Poet and Author Hirshel Bloshtein by Monty Starr. URL: http://czernowitz.ehpes.com/stories/bloshtein/bloshtein.html (дата обращения: 10.08.2020).

ДОКУМЕНТЫ[1]

Из донесений агента «Канта»

1.

СТРОГО СЕКРЕТНО

IV отдел НКВД УССР Четвертое отделение

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

ИСТОЧНИК «КАНТ»

Принял 16 апреля 1939 года.

ЗАМ[ЕСТИТЕЛЬ] НАЧ[АЛЬНИКА] 4 ОТДЕЛЕНИЯ 2 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР — ПРОХОРЕНКО

О поездке в Москву

Согласно Ваших указаний 1/IV с[его] г[ода] я выехал в Москву. 2 апреля в 12 час[ов] дня я посетил ВИНЕРА[2] у него же на квартире. Он еще спал. Я разбудил и сказал свое имя. Он вспо-

---

[1] Публикуются впервые с сохранением основных особенностей оригиналов. Исправлены (без оговорок) только явные ошибки и опечатки и расставлены недостающие знаки препинания. Все конъектуры заключены в квадратные скобки.

[2] Речь идет о литературоведе и писателе Меере Винере (1893–1941), в 1926 году эмигрировавшем из Австрии в СССР и до 1932 года (когда он переехал в Москву) жившем в Киеве. Подробнее о М. Винере см.: *Krutikov M*. From Kabbalah to Class Struggle. Expressionism, Marxism, and Yiddish Literature in the Life and Work of Meir Wiener. Stanford, Cal., 2011.

мнил, что три года тому назад он мельком видел в Укргоснацмениздате в Киеве[3].

Пока ВИНЕР одевался и умывался в ванной комнате, я успел посмотреть его квартиру и послушать его болтливую домработницу, которая приняла меня за близкого друга ее хозяина (факт, что бесцеремонно разбудила его...) и жаловалась мне, «что ребенок ВИНЕРА очень капризен, и это, наверно, потому, что ребенок растет без матери, и что я, наверно, знаю, что мать ребенка — писаная красавица — года три назад ушла с кем-то[4], и т. д. Живет ВИНЕР в 2-х комнатах: одна — очень маленькая и очень бедно обставленная — служит ему рабочим кабинетом, тут же на диване он спит; вторая комната больше и светлее, там живет его ребенок — девочка $3^1/_2$ лет[5] со своей няней. Обстановка и в этой комнате очень убогая. Сам ВИНЕР производит впечатление измученного, болезненного человека с опухолями под глазами, но несмотря на свои 48 лет, вид у него все-таки моложавый.

Мы вместе с ВИНЕРОМ завтракали и заговорили. Я указал ему на свой портфель и объяснил, что приехал в Москву вообще повидаться с некоторыми моими знакомыми, у которых я должен черпать материал для третьей книги моего исторического романа «Без дома»[6], я привез сюда часть своей рукописи, льщу себя

---

[3] Укргоснацмениздат (по-украински — ‘Укрдержнацменвидав’) — функционировавшее сначала в Харькове, а затем в Киеве государственное издательство для выпуска литературы национальных меньшинств, сначала в качестве украинского филиала Центрального государственного издательства национальных меньшинств народов СССР (Госнацмениздата), а с 1932 года — как самостоятельное издательство. Выпуском еврейской литературы в Укргоснацмениздате ведал специальный еврейский сектор, выпускавший также газету «Дер Штерн» (‘Звезда’).

[4] Жена М. Винера Тамара Лурье (1911–1990), переводчица, дочь еврейского писателя Нояха Гершелевича Лурье (см. о нем в сноске 8), их брак был заключен в 1929 году. Новым избранником Тамары стал московский литературовед В. Р. Гриб (1908–1940).

[5] Юлия Винер (1935) впоследствии окончила сценарный факультет ВГИКа, с 1971 года живет в Израиле, сценаристка, писательница и переводчица.

[6] Роман «Без дома» (на идише — «On a heym»), принадлежит еврейскому поэту, прозаику и публицисту Григорию (Гиршу) Блоштейну (1895–1978).

надеждой, что он, ВИНЕР, не откажется давать мне некоторые консультации и как критик, и как автор исторического рассказа «Колев АШКЕНАЗИ»[7], который мне очень понравился.

В первой половине нашего разговора (длившегося 3 часа) он рассказал мне о том, как он работал над своим рассказом, и давал мне указания литературного порядка. Видно было, что он очень польщен моей высокой оценкой его литературной работы: разговор протекал в очень дружественной обстановке. Я, между прочим, коснулся такого момента: у меня в книге затрагивается работа разных партий за границей. И вот меня интересовали детали о работе социал-демократов и сионистов. Интересовало это меня потому, что где-то я слыхал, что ВИНЕР когда-то был сионистом... Но он охотно говорил о социал-демократах и ни слова — о сионистах, работу которых он, по его словам, совсем не знает. И я решил, что он или что-то скрывает, или это подтверждает другой вариант: что ВИНЕР до вступления в компартию был только в социал-демократической партии, а сионистом не был[8].

Другая половина разговора была посвящена разным киевским общим нашим знакомым. Он выразил свое удовлетворение по поводу того, что вовремя уехал из Киева, а то бы ему, наверное,

---

7 «Колев Ашкеназ» именуют также повестью и романом. Последнее определение в большей степени соответствует действительности.

8 На допросе 28 августа 1938 года арестованный по обвинению в принадлежности к мифическому «Украинскому бундовскому центру» бывший тесть Винера и человек ему близкий еврейский писатель Ноях Гершелевич Лурье (1886–1960) заявил, что тот «в прошлом состоял членом поалей-сионистов» (то есть партии «Поалей-Цион»). Правда, впоследствии на судебном заседании Лурье от своих показаний отказался и был при этом оправдан (Центральний державний архів громадських об’єднань України (далее ЦДАГОУ). Ф. 263. Оп. 1. Спр. 42742. Т. 2. Арк. 87; Т. 3. Арк. 263). С другой стороны, автор монографии о Винере Михаил Крутиков приводит разнообразные свидетельства о том, что тот испытывал симпатии к идеям сионизма, особенно в его «духовной» и «культурной» разновидности, но меньше интересовался политическими аспектами строительства национального государства (*Krutikov M*. From Kabbalah to Class Struggle. Expressionism, Marxism, and Yiddish Literature in the Life and Work of Meir Wiener. P. 20, 30, 56–57, passim).

несдобровать, потому что он в Киеве, в бывш[ем] еврейском институте, где он работал[9], был окружен темными и плохими людьми, которые копали на него... А «копали» они на него, по его словам, что он был человеком глубокой принципиальности, и к тому же не могли простить ему то, что он когда-то был в «Бое»[10], хотя как только он узнал, что один из лидеров «Боя», Фельдман, троцкист, он сразу ликвидировал эту организацию...[11] С гневом он отзывался теперь о писателях БЕНДАС, БАЛЯСНОЙ и ШТУРМАНЕ, которые работали вместе с ним в институте[12]. Они, мол, ни разу тогда против него не выступали; а как только его исключили из партии и партком послал в Киев человека по его, ВИНЕРА, делу[13], эти же писатели «наклеветали» на него и изобразили его как политического негодяя...

---

9 В Киеве Винер работал заведующим секцией литературы (позже — этнографии и фольклора) Института еврейской культуры (с 1932 года — еврейской пролетарской культуры), закрытого в мае 1936 года в контексте борьбы с троцкизмом и еврейским национализмом. Подробнее об этом учреждении см.: *Меламед Е. И.* Ликвидация киевского Института еврейской пролетарской культуры и репрессии против его сотрудников. По материалам архивно-следственных дел 1930-х гг. // Архив еврейской культуры. Т. 10. М., 2018. С. 171–195.

10 «Бой» — еврейское литературное объединение, действовавшее в Киеве с 1927 по 1929 год и противостоявшее поддерживаемому властями ВУСПу (Всеукраїнська спілка пролетарських письменників — 'Всеукраинский союз пролетарских писателей'). Подробнее о «Бое» см.: *Эстрайх Г.* Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой» // Народ Книги в мире книг. 2019. Август. № 141. С. 1–9.

11 Речь идет о малоизвестном харьковском литераторе (прозаике, критике и переводчике) Давиде Абрамовиче Фельдмане (?–1937), одном из инициаторов создания «Боя». После того как «Бой» самораспустился, он, как и Винер, подал заявление о приеме в ВУСП и в покаянном письме, адресованном в евсекцию ВУСПа, опубликованном в журнале «Пролит» (1931, № 4–5), заявил, что в прошлом, в момент создания «Боя», был троцкистом.

12 Упомянуты ассистент секции литературы и критики ИЕПК, писатель и литературовед Давид Моисеевич Бендас (1896–1953) и аспиранты той же секции — поэтесса Рива Наумовна Балясная (1910–1980) и поэт Матвей (Мотл) Моисеевич Штурман (1908–?).

13 В чем состояло «дело Винера», в точности не известно. Об одной из возможных причин см. сноску 22.

С досадой и некоторым разочарованием говорил он о бывшем научном секретаре быш[его] евр[ейского] института — о Л. ШЕХТЕРЕ[14]. «С ним, он говорит, был я в хороших товарищеских отношениях. ШЕХТЕР дал мне даже рекомендацию куда-то; а недавно я узнал, что этот самый ШЕХТЕР, который дружески помог мне уйти из института, теперь пишет заявления на меня»... По ходу разговора мне стало ясно, что ВИНЕР и теперь, хотя изредка, переписывается с ШЕХТЕРОМ. От него же, между прочим, я узнал, что ШЕХТЕР когда-то, в дореволюционные время, был еврейским религиозным оратором и выступал в синагогах...

Прощаясь с ВИНЕРОМ, я лишний раз извинился за то, что разбудил его, и поинтересовался, почему он так поздно спит. Он грустно вздохнул и сказал, что засыпает только на рассвете и что он страдает от бессонницы и — что ему вообще трудно, так как он должен заменить ребенку своему отца и мать. Я почувствовал, что человек этот очень тяготится своим одиночеством. Он попросил обязательно зайти к нему еще раз. Я воспользовался его гостеприимством и 5/IV вторично навестил его.

Опять пришел к нему в 12 ч[асов], опять разбудил, опять завтракал с ним, — и опять 3-х часовой разговор...

На этот раз я принес ему в подарок одну мою книжку, с надписью. Он пожал мне руку и, кстати, вспомнил, что он на днях получил от меня письмо с хорошим отзывом о его «Колев АШКЕНАЗИ». Он сказал мне, что письмо это его тронуло, потому что «в последнее время его хорошим словом редко кто балует, и что по моему письму видно, что не перевелись еще честные люди в писательской среде»...

На этот раз разговор шел исключительно на тему о взаимоотношениях между писателями. Я рассказывал ему о киевских писателях и их работе; а он в свою очередь говорил о московских. Все-таки я старался меньше говорить, а больше слушать его... Вот его мнение о некоторых писателях:

---

[14] Шехтер Лев Самойлович (1891–?) был ученым секретарем ИЕПК в 1931–1933 годах.

О ФЕФЕРЕ[15]: Не плохой поэт, но очень много вреда приносит евр[ейской] литературе своим политиканством, отравляет атмосферу насаждением лести, подхалимства и групповщины.

О РЕЗНИКЕ[16]: Самый интересный евр[ейский] поэт. Сугубо советский человек. Несмотря на то, что РЕЗНИК был в Бунде («без году неделя»...) он все-таки более советский, чем ПОЛЯНКЕР, который теперь заворачивает всеми делами еврейской литературы, благодаря ФЕФЕРУ[17].

В таком же восторженном тоне ВИНЕР говорит и о ВОЛКЕНШТЕЙНЕ[18], и о Нистере-КАГАНОВИЧЕ (Харьков)[19]. Он просит меня обязательно передать этим писателям сердечнейший привет.

(Тут, кстати, надо заметить, что РЕЗНИК и ВОЛКЕНШТЕЙН являются «соратниками» ВИНЕРА по организации «Бой»; а НИСТЕР — самый ближайший к ним человек, основоположник еврейского реакционного символизма.)

Просил он меня также передать киевскому евр[ейскому] критику ДУБИЛЕТУ (бывш[ий] сионист)[20], что он негодяй, чтоб он больше не крал у него, у ВИНЕРА, статей и не выдавал их за свои...

Этот, последний, «привет» (ДУБИЛЕТУ) я по приезде в Киев не передал; зато я сразу же по приезде передал привет РЕЗНИКУ... Был при этом А. КАГАН[21]. РЕЗНИК очень обрадовался привету

---

15 Фефер Ицик (Исаак) Соломонович (1900–1952) — еврейский поэт и общественный деятель, один из руководителей еврейских писательских организаций Украины и СССР и редколлегий ряда периодических изданий.

16 Имеется в виду Резник Липа Борухович (1890–1944), еврейский поэт и драматург.

17 Полянкер Гершл (Григорий) Исаакович (1911–1998) — еврейский писатель, был близок к Феферу и входил в бюро еврейской секции Союза советских писателей Украины (ССПУ). Репрессирован.

18 Волкенштейн Давид Исаакович (1891–1960) — еврейский писатель, переводчик и литературный критик.

19 Нистер (Дер Нистер) — псевдоним Кагановича Пинхаса Менделевича (1894–1950) — еврейский писатель. Репрессирован и умер в лагере.

20 Дубилет Моисей Иосифович (1897–1941) — еврейский критик и литературовед, сотрудник ИЕПК.

21 Каган Абрам (Авром) Яковлевич (1901–1965) — еврейский писатель, поэт, драматург. Репрессирован.

и сказал, что ВИНЕРА вообще исключили из партии по вздорным причинам, и сказал в шутку, что одной из этих причин было то, что ВИНЕР не сказал в парткоме, что его бывшего тестя Н. ЛУРЬЕ арестуют в июне...[22]

О московских евр[ейских] писателях ВИНЕР сказал приблизительно следующие:

«Против меня работает здесь, скажу прямо, "трест", состоящий из поэта ФИНИНБЕРГА, критика ОЙСЛЕНДЕРА и поэтессы МИРРЫ ХЕНКЕН (жена ОЙСЛЕНДЕРА)[23]. Они выступают против меня и сыплют градом клеветнических заявлений на меня».

Причины к этому, по словам ВИНЕРА, таковы: Он, ВИНЕР, на одном собрании писателей дал не особенно высокую оценку творчеству ФИНИНБЕРГА за последние годы. Он же, ВИНЕР, выступил на одном собрании против Ойслендера за то, что последний не пишет о советской литературе. Он же, ВИНЕР, плохо отозвался о книжке стихов Мирры ХЕНКИН, которую (книжку) издательство ему дало на рецензию[24].

О БЕРГЕЛЬСОНЕ[25] Винер сказал, что он, конечно, хороший писатель, но в то же время не принципиальный человек; что он по личным выгодам очень легко меняет свои мнения о писателях...

Как о своих защитниках перед партией и как о самых лучших людях Винер говорит о московских еврейских писателях — ком-

---

[22] О Нояхе Лурье, арестованном летом 1938 года (см. в сноске 8). Полагают (и на это намекал Резник), что арест бывшего тестя, которого о Винере подробно расспрашивали на допросах, явился одной из причин исключения последнего из партии.

[23] Упомянуты: Фининберг Эзра Иосифович (1899–1946) — еврейский поэт, прозаик и драматург; Ойслендер Наум (Нахум) Евсеевич (1893–1962) — еврейский литературовед, прозаик и драматург, и его жена Хенкина Мирра Соломоновна (1900–1960) — еврейская поэтесса.

[24] Склочность Мирры Хенкиной и ее недовольство тем, как оценивались издательствами и критиками ее произведения, стали притчей во языцех. Подробнее см.: *Эстрайх Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы. 1917–1991. СПб., 2015. С. 185–186.

[25] Бергельсон Давид Рафаилович (1884–1952) — еврейский писатель и драматург.

мунистах И. РИВЕС и Б. ОРШАНСКОМ[26]. Они голосовали против исключения его из партии.

Расстались мы с ВИНЕРОМ очень тепло. Я лишний раз благодарил за консультации и гостеприимство, обещал прислать ему мои книги и вообще меняться творческим опытом, а также предложил ему, если он случайно будет в Киеве, заехать прямо ко мне.

В из[дательст]ве «Дер Эмес» я увиделся с некоторыми писателями (ОЛЕВСКИЙ, КАЗАКЕВИЧ, ГОРДОН, ОЙСЛЕНДЕР)[27]. Говорил с ними мало, потому что они были заняты сдачей своих рукописей. Но с ОЙСЛЕНДЕРОМ я условился встретиться у него на дому.

К сожалению, я заболел и эта встреча не состоялась. Обещал также написать ему письмо и прислать свои книги.

6.IV я был у Б. М. ОРШАНСКОГО. Кратенький отчет моего разговора с ним при сем прилагается[28].

ВЕРНО: ЗАМ[ЕСТИТЕЛЬ] НАЧ[АЧАЛЬНИКА] 4 ОТДЕЛЕНИЯ 2 ОТДЕЛА МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(ПРОХОРЕНКО).

[Машинописное примечание]: Агент направлялся в рейд в Москву по специальному заданию II Отдела ГУГБ [и рукописное примечание к нему]: «И весьма неудачно. А. Кобулов».

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 4. Ч. II. Арк. 238–246.
Оригинал. Машинопись (1-я страница на бланке).
Рукописное примечание — автограф.

---

26 Возможно, инициал ошибочен и речь идет о жившем в Москве Якове Юдовиче Ривесе (1886–1975), писателе и участнике революционного движения в Белоруссии, а также о писателе и литературном критике Бере Михайловиче Оршанском (1884–1945).

27 Упомянуты: Олевский Бузи (Борис) Абрамович (1908–1941) — поэт и прозаик; Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962) — поэт и прозаик, писавший на идише и (в послевоенные годы) на русском языке; Гордон Илья Зиновьевич (1907–1989) — прозаик. О Н. Е. Ойслендере см. в сноске 23.

28 О Б. М. Оршанском см. в сноске 26. Донесение о нем в архивном деле отсутствует.

2.

[IV отдел НКВД УССР] Четвертое [отделение]

[СТРОГО СЕКРЕТНО]

[Агентурное донесение]

Источник: «Кант»

[Принял:] 17 апреля [193]9 [года].

Зам[еститель] нач[альника] 4 Отделения II Отдела УГБ НКВД УССР — ПРОХОРЕНКО

О лит[ературно]-критических установках ВИНЕРА

В разговорах с ВИНЕРОМ 2 и 5 апреля, меняясь опытом и методом работы, мне стали ясны некоторые его литературно-критические установки.

Он указал мне, например, что, работая над историческим романом или повестью, «не обязательно рыться в архивах, а можно всегда материал “обыграть” так, обойти, так сказать, ногой с тылу, чтобы получилась видимость исторической правдивости». Так он мне признался, что в его исторической повести «Колев Ашкенази», хотя и факты, в ней изложенные, может, имели где-нибудь место в истории, но все персонажи (в том числе и главный — Колев) выдуманы автором и только подогнаны под историческую правдоподобность.

А ведь читатель уверен, что персонажи на самом деле исторические! <...>

Что касается критики, ВИНЕР того мнения, что для критика необязательно следить за всеми явлениями литературы и на все отзываться. Тут ВИНЕР ставит все точки на субъективные вкусы критики и на его положительное и отрицательное отношение не только к произведению, но и к писателю, как человеку.

Ясно, что в этих установках чувствуется привкус пресловутой групповщины, где главную роль играет круговая порука...

Об этом же свидетельствует, между прочим, и его восхваление НИСТЕРА, РЕЗНИКА и ВОЛКЕНШТЕЙНА, творчество которых до самого последнего времени было еще далеко от объективного социалистического реализма, не признавалось марксисткой критикой и только «боевский» критик НУСИНОВ[29] провозглашал их чуть ли не основоположниками реализма в еврейской литературе. Это отрыжки (если не больше) установок первого, так называемого «Киевского» периода в евр[ейской] литературе (1918–1920), когда в Киеве издавались известные националистические сборники под названием «Эйгенс» («Наше») при участии БЕРГЕЛЬСОНА, ОЙСЛЕНДЕРА, ГОФШТЕЙНА, НИСТЕРА, ДОБРУШИНА и др[30].

Верно:

Источник: ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 5–6. Машинописная копия.

3.

СТРОГО СЕКРЕТНО

IV отдел НКВД УССР Четвертое отделение

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

ИСТОЧНИК «КАНТ»

Принял: 12 мая 1939 года.

---

29 Нусинов Исаак Маркович (1899–1949) — еврейский литературовед и критик. Об объединении «Бой» см. в сноске 10.

30 Имеются в виду два выпуска альманаха «Эйгенс» («Eygns»), вышедшие в 1918–1920 годах под эгидой общества «Культур-Лига» и явившиеся представительным форумом так называемой киевской группы писателей, куда входили и все перечисленные «Кантом» авторы. Альманах этот, который содержал преимущественно произведения символистской направленности, либо написанные до революции, либо никак не связанные с ней, подвергся нападкам в советской печати на идише.

Зам[еститель] нач[альника] Отделения II Отдела УГБ НКВД УССР — т. ПРОХОРЕНКО

О БЕЛОРУССКОМ ПИСАТЕЛЕ ЗЕЛИКЕ АКСЕЛЬРОДЕ

Зелик Аксельрод пришел в литературу лет 15 тому назад. Считается хорошим поэтом. В настоящее время — виднейший евр[ейский] писатель в БССР[31]. Лет десять, как он состоит ответ[ственным] секретарем журнала «Штерн» в Минске[32]. Со дня ареста отв[етственного] редактора этого журнала (И. ХАРИКА) АКСЕЛЬРОД является фактическим редактором журнала[33].

9.V-39 г. я встретился с АКСЕЛЬРОДОМ на просмотре новой оратории «Евоканс»[34]. Было еще рано, и мы прохаживались по улице около здания «Евоканса». На мой вопрос: «Как, все-таки, Вам живется?» он ответил прямо: «Плохо. Мало сказать плохо. Горько. Одиноко. Скучно. Невыносимо». Позже он объяснил: «Вы, в Киеве, все-таки, того не чувствовали и не переживали, что мы в Минске. Ведь у нас забрали почти всех лучших евр[ейских] писателей и культурных деятелей. Если я остался на свободе, так

---

31 Аксельрод Зелик Моисеевич (1904–1941) — поэт, занимал видное место в послереволюционной еврейской литературе. Репрессирован и расстрелян при отступлении Красной армии из Минска.

32 «Дер Штерн» (‘Звезда’) — еврейский (идиш) литературно-публицистический журнал, издававшийся в Минске в 1925–1941 годах.

33 Белорусский еврейский поэт Изи (Ицхак) Харик (1898–1937) был арестован в июне 1937 года.

34 «Евоканс» (сокращенно от Еврейский ВОКальный АНСамбль), известный также как «Идвоканс». Создан в 1929 году известным дирижером и композитором Иегошуа Шейниным (1890–1948). В 1931 году преобразован в Государственную всеукраинскую еврейскую капеллу, которая в 1934 году получила звание «заслуженной», а ее руководитель стал заслуженным артистом УССР. Однако в 1939 году Шейнину уже ставили в вину формализм и «синагогальщину», а «Евоканс» был назван «очагом националистических извращений в области искусства». В июне того же года этот единственный в своем роде музыкальный коллектив был закрыт. Подробнее о «Евокансе» см.: *Хирге Е.* Рацвет и закат «Евоканса». Капелла, помешавшая сталинско-гитлеровской любви // Секрет. 2010. № 6 (721). URL: http://russian-bazaar.com/ru/content/16505.htm (дата обращения: 17.10.2019).

это просто дело случая, или <...> моя очередь еще не дошла. Ведь было достаточно одного заявления, чтобы забрать человека. А в то смутное время в клеветниках и карьеристах недостатка не было. Я жил в постоянном страхе, и до сих пор еще не пришел в себя».

При дальнейшем разговоре уже присутствовали сначала НОВАК (режиссер евр[ейского] отделения Киевского театрального института)[35], а потом и писатели ЗАБАРА и ВОЛКЕНШТЕЙН[36]. Я заговорил о том, что вчера на ужине-встрече в клубе писателей Фефер сказал о том, что надо бороться против разных ликвидаторов евр[ейских] культурных учреждений[37]. Аксельрод грустно махнул рукой и сказал: «А где он был раньше? Я по крайней мере сделал все, что можно было. Когда стало нам известно о закрытии всех школ в БССР[38], я пошел в ЦК КПбУ

[35] Речь идет о педагоге-режиссере еврейского отделения театрального факультета Киевского музыкально-драматического института им. Н. В. Лысенко Самуиле Григорьевиче Новаке (1898–1964). Подробнее о нем см.: *Лоев М*. Самуил Новак, еврейский режиссер // Мы здесь [интернет-газета]. URL: http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1138 (дата обращения: 18.07.2020).

[36] Забара Натан Ильич (1908–1975) — еврейский писатель и драматург. О Волкентейне см. в сноске 18.

[37] «Узкий ужин-встреча», о котором идет речь, состоялся 8 мая 1939 года, после заключительного заседания VI пленума правления Союза советских писателей СССР в Киеве, приуроченного к 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. В нем приняли участие киевские еврейские писатели и еврейские писатели — делегаты пленума. Как информировал НКВД СССР начальник 2-го отдела УГБ НКВД УССР капитан Л. Павлычев, выступавший на ужине И. Фефер сказал: «За последние годы мы, еврейская интеллигенция, потеряли много культурных позиций. Закрыли еврейские институты, газеты, школы» (ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 89). Об этом в тексте на с. 56.

[38] Закрытие еврейских школ, то есть школ с преподаванием на идише, в Белоруссии (формально это было обставлено как их реорганизация в белорусские школы по просьбе еврейских трудящихся) состоялось на основании резолюции заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 3 июля 1938 года. Заодно были закрыты также и другие еврейские образовательные учреждения. Подробнее см.: The Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish reaction / Introduced and annotated by V. Selimenev and A. Zeltser // Jews in Eastern Europe. 2000. № 1 (41). P. 74–111. То же в сноске 108 на с. 58.

[правильно: КП(б)Б. — *Е. М.*]. Я изложил свое мнение по этому вопросу. Но секретарь только выругал меня...[39] Я потом написал письмо СТАЛИНУ, но ответа не получил».

Он рассказал потом, что евр[ейские] писатели в Минске живут в подавленном настроении. Это, по его словам, результат заката евр[ейской] культуры в БССР.

Вечером того же дня у меня ужинал харьковский поэт КОТЛЯР и Е. Б. КАГАН (жена киевского писателя А. КАГАНА)[40]. Котляр рассказал нам, что его последний сборник стихов очень понравился АКСЕЛЬРОДУ. Зашел разговор о БССР и, конечно, о закрытии школ. Я сказал им, что АКСЕЛЬРОД написал по этому поводу СТАЛИНУ. Тут сразу и КОТЛЯР и Е. КАГАН горько улыбнулись.

«Конечно, СТАЛИН не ответит, — сказала Е. КАГАН, — потому что письма к нему не доходят. В его канцелярии ведь тоже, наверное, сидели и враги и бюрократы, и они к нему не допускают писем народа. Ведь в последние два года десятки тысяч граждан писали ему письма, полные тоской и жалобами. А положительного ответа никакого. Значит, письма не доходят к адресату».

Проектировавшееся общее собрание киевских евр[ейских] писателей с гостями — евр[ейскими] писателями Москвы, Харькова, Одессы, Минска для ликвидации остатков групповщины не состоялось[41]. Дело в том, что у многих писателей не было уверенности в том, что собрание принесет пользу, и они назавтра же 9/V-1939 г. после первой встречи разъехались.

Верно: [подпись Прохоренко]

[Рукописное примечание]: «Копию сводки в НКВД Белоруссии. А. Кобулов. 10.VI»

---

[39] Речь идет о первом секретаре ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко (1902–1984).

[40] Котляр Иосиф Соломонович (1908–1962) и Каган Елена Борисовна (1889–?). О А. Я. Кагане см. в сноске 21.

[41] Речь идет об общем собрании делегатов VI пленума правления Союза советских писателей СССР. См. о нем выше в сноске 37.

[Пометы красным карандашом слева сверху]: «В дело Фефера» [справа сверху]: «Арестован в июне 1941»

Источник: ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 12–15.
Оригинал. Машинопись (1-я страница на бланке).
Примечания, пометы и подпись заверяющего лица — автографы.

4.

[СТРОГО СЕКРЕТНО]

[IV отдел НКВД УССР] Четвертое [отделение]

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

[Источник:] «КАНТ»

[Принял:] 1 июня [193]9 [года]

Нач[альник] 7 Отделения II Отдела УГБ НКВД УССР — т. Прохоренко

Весь день 29.V я проводил с НИСТЕРОМ[42] в Ирпене[43]. Беседовали очень много и задушевно. Он делился со мной своими литературными планами. Он рассказывал мне, что, несмотря на свое скверное физическое состояние (невралгия и симптомы туберкулеза), он много работает и много читает. Досуг он свой проводит с Нояхом ЛУРЬЕ[44], который тоже в настоящее время отдыхает в Ирпене.

НИСТЕР живо интересовался новостями из киевской еврейской литературной среды. Я вкратце рассказал ему о последних собраниях евр[ейских] писателей, на которых обсуждалось

[42] О Нистере (Дер Нистере) см. выше, в сноске 19.

[43] Дачный поселок (с 1956 года — город районного значения) под Киевом. В 1936 году в нем, на базе дачи предпринимателя И. Чоколова, был устроен Дом творчества украинских писателей.

[44] О нем см. выше, в сноске 8.

творчество критиков. Рассказывал ему мимоходом и о слухах, что к новому учебному году будто бы закроются десятки еврейских школ на Украине. Он покачал головой и заявил мне, что подобного рода известия его уже теперь не убивают; что он уже ужился с мыслью, что евр[ейская] культура в СССР обречена; что он предвидел это еще 20 лет тому назад. Но все-таки он тогда не думал, что этот закат будет таким молниеносным, что в течение каких-нибудь 20 лет целая нация останется без языка и без национального будущего. Он почти дословно повторил мне все то, что он сказал мне в Харькове и о чем я писал в своих предыдущих донесениях, что виноваты сами евр[ейские] культработники и писатели; что они трусы, боятся поставить вопрос о евр[ейской] культуре в ЦК партии и указать на большое общеполитическое значение этого вопроса. Он повторил и всю историю, как он предложил БЕРГЕЛЬСОНУ, МАРКИШУ и КВИТКО совместно с ним написать письмо в ЦК по этому вопросу, и что если придется за это пойти на Соловки — он и на это готов. Но они наотрез отказались. Теперь он лишь добавил приблизительно такое: «Я думаю, что за такие вещи не наказывают. Наоборот, я уверен, что СТАЛИН бы отнесся сочувственно к мерам, могущим поднять евр[ейскую] культуру. А впрочем, если и пришлось бы пойти на Соловки, то и это стоило бы... Потомки все равно нас оправдали бы и сказали, что мы боролись за правое дело». При этих словах он как будто ожил, и глаза его засверкали. Но потом он опять потух, махнул рукой и сказал: «Эх, давайте уж лучше не говорить об этом: дело погибшее. Мы с вами стоим у изголовья мертвеца (евр[ейской] культуры), которому уже ничего не поможет. А на всех наших руководителей — писателей и редакторов — я смотрю, как на наших равнодушных гробовщиков, которые заботятся только о своих личных шкурнических интересах, а до мертвеца им никакого дела нет... За погребение они получают сорочку или шапку от мертвого — и это их вполне удовлетворяет». <...>

Все-таки при наших дальнейших беседах он еще и еще раз возвращался к вопросам будущего евр[ейской] культуры в СССР, не внося, однако, ничего существенного в ранее высказанные мнения. Он добавил еще, что дело с Биробиджаном не клеится

и клеиться не может потому, что слишком поздно. Спохватились дать евреям свою государственную единицу. Будь это на десять лет раньше, нашлось бы много охотников ехать туда; а теперь советская власть уже неплохо устроила евреев во всех местах Союза и незачем тащиться за 10 000 километров в тайгу, тем более, что люди, поставленные во главе Евр[ейской] Авт[ономной] Области сами не являются энтузиастами этого дела.

Я как-то упомянул об инициативе ГИЛЬДИНА[45] пойти в ЦК или в Наркомпрос «спасать» евр[ейские] школы (кстати, эта инициатива совсем заглохла, наверное, потому что писатели уже разъезжаются на лето). НИСТЕР относится скептически, т. к., по его мнению, не ГИЛЬДИНУ заниматься такими делами: он-де авторитетом не пользуется. К тому же не в Наркомпрос УССР надо идти, а в ЦК ВКП(б). Вот если бы СТАЛИНА заинтересовать этим вопросом! Сталин не только самый умный человек, но и самый чуткий. Как пример сталинской чуткости НИСТЕР привел мне факт и из его, НИСТЕРА, личной жизни: 2 года подряд его дочка-аспирантка мучилась с пропиской в Ленинграде[46]. Ничего не помогало. В порыве отчаяния он, НИСТЕР, наконец, пару недель назад написал письмо СТАЛИНУ. И вот сегодня таки (29.V) утром получилась телеграмма от дочери, что по указанию из Москвы она уже прописана и на постоянно.

Прощаясь со мной, НИСТЕР сказал мне, что на днях, как только больная нога разрешит ему свободно передвигаться, он будет у врачей в Киеве. Он остановился бы у меня, но так как я живу в одной только комнате, он будет жить у своей матери или у Л. Резника[47], с которым он очень дружит.

Верно:

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 7–10. Машинописная копия.

---

[45] Гильдин Хаим Мордухович (1884–1944) — еврейский поэт и прозаик. Репрессирован, умер в лагере.

[46] Речь идет о дочери писателя от первого брака Ольге Каганович (1913–1942).

[47] О Л. Б. Резнике см. выше, в сноске 16.

5.

<u>СТРОГО СЕКРЕТНО</u>

IV отдел НКВД УССР 6 отделение

Агентурное донесение

ИСТОЧНИК «КАНТ»

Принял: 18 декабря 1940 года.

Оперуполномоченный 6 Отделения 2 Отдела УГБ — СМОЛКИН

<u>И. КИПНИС и МАЙЗЕЛЬ</u>

За последние две недели мне удалось значительно сблизиться с писателем И. КИПНИСОМ[48]. 12 с[его] м[месяца] он был у меня в гостях, принес мне свою новую книгу с очень сердечной надписью.

16 с[его] м[месяца] я нанес ему ответный визит и завтракал у него.

После рюмочки водки он дал мне для ознакомления 8 номеров журнала «Икуф»[49], который он регулярно получает. А потом он показал мне последнее письмо Н. МАЙЗЕЛЯ[50] к нему, к КИПНИ-

---

[48] Кипнис Ицик (Исаак) Нохумович (1896–1974) — еврейский писатель, репрессирован.

[49] Аббревиатура от «ИДИШЕР КУЛТУР-ФАРБАНД» (‘Союз еврейской культуры’). Общество прокоммунистической ориентации под этим названием было учреждено в Нью-Йорке в 1937 году с целью сохранения и развития еврейской культуры и, помимо еврейской литературы, издавало с 1938 года ежемесячный журнал «Идише култур», который, очевидно, именовали «Икуф» по названию самого общества.

[50] Мазель Нахман (1887–1966) — еврейский литературовед, журналист, редактор и издатель. Писал на иврите и идише. Основал и возглавлял в разных странах (СССР, Польша и США) ряд еврейских издательств и периодических изданий, в том числе киевские издательства «Кунст Фарлаг», «Киевер фарлаг», варшавский еженедельник «Литерарише блетер» и нью-йоркский ежемесячник «Идише культур».

СУ. Письмо помечено апрелем, и оно очень долго странствовало, пока дошло к нему (пару недель тому назад). В письме говорится о том, что одной из главных целей МАЙЗЕЛЯ и журнала является сближение с еврейскими советскими писателями и что ФЕФЕР[51] и ГОФШТЕЙН[52] (которых КИПНИС обещал заинтересовать журналом) до сих пор еще ничего для журнала не присылают.

Далее говорится о том, что он, МАЙЗЕЛЬ, получил очень теплое письмо из Москвы от еврейского писателя-орденоносца — И. ДОБРУШИНА[53] и что отрывки из этого письма будут напечатаны в журнале «ИКУФ». В конце письма МАЙЗЕЛЬ благодарит КИПНИСА за последнюю книжку КИПНИСА, присланную ему, МАЙЗЕЛЮ.

КИПНИС сказал мне также, что он недавно хотел послать одну из своих книжек америк[анскому] писателю ОПАТОШУ[54], но на почте книжку не приняли. Кстати, ОПАТОШУ — один из тех 6-ти евр[ейских] американских писателей, которые в сентябре 1939 года вышли из «ИКУФ'а» потому, что «ИКУФ» не хотел протестовать против СССР за его договор с Германией[55].

<u>СПРАВКА</u>: КИПНИС разрабатывается по д/ф [то есть по делу-формуляру. — *Е. М.*] как еврейск[ий] националист.

(см. на об[ороте])[56].

---

[51] См. о нем выше, в сноске 15.

[52] Гофштейн Давид Наумович (1889–1952) — еврейский поэт и переводчик, член ЕАК. Репрессирован и расстрелян.

[53] Добрушин Иехескель Моисеевич (1883–1953) — литературовед, прозаик и драматург. Находясь с 1920 года в Москве, активно участвовал в создании новой еврейской литературы. В 1939 году за заслуги в области драматургии награжден орденом «Знак почета». Будучи одним из членов ЕАК, в 1949 году репрессирован и умер в лагере.

[54] Опатошу Иосиф Давидович (настоящие имя и фамилия Иосиф-Меер Опатовский; 1866–1954) — еврейский писатель. В США с 1907 года.

[55] Имеется в виду договор между СССР и Германией о ненападении, известный также как пакт Молотова — Риббентропа, подписанный 23 августа 1939 года.

[56] Заверяющая текст донесения подпись на обороте листа отсутствует.

[Резолюция на полях]: «т. Смолкин. Как идет дальнейшее сближение с Кипнисом? Надо "Канту" форсировать сближение». [Подпись Я. Герсонский].

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 11. Арк. 38.
Оригинал. Машинопись (на бланке).
Резолюция: автограф.

6.

СТРОГО СЕКРЕТНО

III-е Управление НКГБ УССР
II-й отдел третье отделение

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Источник «КАНТ»

Принял 6 мая 1941 г.

Начальник отделения ПЕНКИН и оперуполномоченный СМОЛКИН

2 мая с[его] г[ода] вечером у меня собралась на «чашку чая» группа еврейских писателей и критиков. Приглашая их, я задался целью в интимной обстановке наблюдать за взаимоотношениями этих людей. Пришли Э. ШЕХТМАН, И. КИПНИС, Ш. БИЛОВ, М. АРОНСКИЙ, М. МИЖИРИЦКИЙ, М. ШАДУР[57].

---

[57] Шехтман Эли (Элиягу) Меерович (1908–1996) — еврейский писатель; Билов Шлойме (Соломон) Хаймович (1888–1949) — критик и литературовед, историк еврейской литературы и театра; Аронский (настоящая фамилия — Зак) Моисей Аронович (1896–1944) — еврейский писатель; Мижирицкий Моисей Ефимович (Хаим-Берович; 1892–1951) — литературовед и критик, сотрудник киевского Кабинета еврейской культуры. О Кипнисе см. выше в сноске 47. М. Шадур, согласно донесению другого агента, был студентом пединститута и одновременно работал литредактором киевской еврейской газеты «Дер Штерн» (ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 10. Арк. 105). Как литератор он

Все пришли со своими супругами, и всячески старался, чтобы они чувствовали себя «как дома». Для этого я не пожалел ни вина, ни закусок, ни теплых слов. <...> Я хотел, главным образом, чтобы эти люди и в будущем приходили ко мне и чтобы они почаще и меня приглашали к себе. Не пришли из-за плохой погоды (проливной дождь) болезненные Ш. ШКАРОВСКИЙ, Д. ВОЛКЕНШТЕЙН и А. ВЕЛЕДНИЦКИЙ[58].

Собравшиеся просидели у меня до полуночи, чувствовали себя прекрасно и бурно благодарили меня за радушный прием. Я убежден, что завоевал доверие этих людей и в будущем между нами установятся тесные взаимоотношения, которые не премину использовать для дальнейшей работы.

Из моих наблюдений я могу записать пока следующее:

Самые теплые взаимоотношения существуют между КИПНИСОМ, БИЛОВЫМ и ШЕХТМАНОМ. Эта группка все время держалась вместе, делала комплименты друг другу и выпивала друг за друга. Остальные держались почти особо, так что могу с уверенностью сказать, что АРОНСКИЙ, МИЖИРИЦКИЙ и ШАДУР очень мило дружат между собой и с другими, мною приглашенными. Дружба вышеупомянутых людей подтверждается и тем, что, приглашая меня к себе, БИЛОВ, например, приглашал и КИПНИСА и ШЕХТМАНА, а КИПНИС — ШЕХТМАНА и БИЛОВА и т. д. В то же время АРОНСКИЙ, например, пригласил только меня.

О чем говорили? О бедственном положении евреев в капиталистических странах и будущности еврейского народа. Все почти высказывания были выдержаны в националистическом тоне, хотя присутствие АРОНСКОГО и МИЖИРИЦКОГО, как видно, немножко стесняло и ШЕХТМАНА, и БИЛОВА, и КИПНИСА.

оставил след только в виде переводов на идиш, в том числе рассказа украинского писателя Николая (Миколы) Трублаини (Трублаевского; 1907–1941) «Волки гонятся за оленями». См.: *Trublaïni M.* Velf yogn zikh nokh hirshn: dertseylungen / Iberzetst fun ukr. M. Shadur. Kharkov; Odes, 1936.

58 Шкаровский Шая (Исай) Исаакович (1891–1945) — еврейский писатель; Веледницкий Авром (Абрам) Маркович (1894–1959) — еврейский поэт и литературовед. О Д. Волкенштейне см. выше в сноске 18.

КИПНИС говорил, между прочим, о том, что в газетах и журналах Украины есть определенное недоброжелательное отношение к евреям и еврейским писателям, которых не хотят печатать и на которых смотрят как на чужеродное тело на Украине...

БИЛОВ говорил, что на Украине — он подозревает, в руководящих органах вообще сидят не коммунисты, а люди, подмоченные антисемитизмом, и если теперь открывают новые еврейские газеты, так это не Киев «виноват», а Москва... А ШАДУР добавил, что это только временно, что еврейская культура в СССР обречена на гибель, но открывают новые газеты только потому, что «в Америке ведется большая кампания против антисемитизма в СССР». А ШЕХТМАН оказался более «оптимистическим»: он заявил, что если даже по всему миру останется не больше 300 евреев, то все равно еврейский народ опять размножится потому, что история так нарекла. Еврейский народ бессмертен и переживет все другие народы...

Я считаю, что результаты, достигнутые мною этой «вечеринкой», очень скудны, но вместе с тем она хороша и была целесообразной как начало. Она показала мне, что следует побольше развивать мои отношения с КИПНИСОМ, БИЛОВЫМ, ШЕХТМАНОМ и почаще встречаться с ними тремя вместе, привлекая к этому и ШКАРОВСКОГО И ВОЛКЕНШТЕЙНА. Почему именно я остановился на этой группе? Потому что все они имеют в своем прошлом националистические вылазки. ШКАРОВСКИЙ — бывший ярый бундовец; КИПНИС — некоторые его книги были изъяты за шовинизм; БИЛОВ — в 1919 году был исключен из партии за национализм (впрочем, это дело еще недостаточно исследовано мною); ШЕХТМАН — его одна книга («На перепутье») была изъята за национализм; ВОЛКЕНШТЕЙН — один из вождей бывшей троцкистской лит[ературной] организации «Бой»[59]; АРОНСКИЙ — его книга «Габул» была изъята как пасквиль на советскую школу.

---

[59] См. о ней выше, в сноске 9.

СПРАВКА: Проходящие по донесению: КИПНИС И ВОЛКЕНШТЕЙН разрабатываются как фигуранты агентурного дела «БОЕВЦЫ».

На остальных упомянутых лиц имеется первичный материал.

ЗАДАНИЕ: Использовать приглашение Кипниса и Билова для установления с ними более близких взаимоотношений.

ПРИМЕЧАНИЕ [на полях]: «Тов. Пенкин. Теперь необходимо, чтобы эти взаимоотношения регулярно поддерживать между ними».

[подпись Я. Герсонский]. 8.V/41

Верно: [подпись Смолкин]

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 5. Арк. 260–262.

Оригинал. Машинопись (1-я страница на бланке).

Примечания и подпись заверяющего лица — автографы.

7.

Народный комиссариат государственной безопасности КССР
2-й отдел

гор. Алма-Ата СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

3-е отделение	Ист[точник] «КАНТ»
2-й отдел НКГБ КССР	Принят на квартире
6 июня 1944 г.	Принял: ДОЛИНИН

31 мая жена писателя Пинчевского[60], Бронислава Львовна[61], рассказала мне, что вернулся из поездки в Москву, Днепропетровск и Киев главный инженер по кожевенной промышленности

---

[60] Пинчевский Михаил (Моисей) Яковлевич (1894–1955) — еврейский поэт, прозаик и драматург. Репрессирован.

[61] Русифицированное имя Фрумы-Брайны Лейбовны Пинчевской (1908–?).

Казнаркомлегпрома [то есть Наркомата легкой промышленности Казахской ССР. — *Е. М.*] СИРОКИЙ[62], что он приехал в Алма-Ата разочарованный и озлобленный и полон жгучей ненависти к украинцам вообще и украинской интеллигенции в частности; ПИНЧЕВСКАЯ рассказала и очень часто вставляла: «передаю в точности слова СИРОКОГО».

Прежде чем я приступлю к изложению некоторых впечатлений и мнений СИРОКОГО (в передаче ПИНЧЕВСКОЙ), нахожу нужным заметить, что интимная дружба между семьей ПИНЧЕВСКИХ и семьей СИРОКИХ началась еще в 1938 г. в Киеве, когда писатель ПИНЧЕВСКИЙ и бывший главный инженер Укрнаркомлегпрома СИРОКИЙ долгие месяцы сидели в одной камере в тюрьме[63].

Сирокий будто бы еще в Москве, по дороге на Украину, убедился в том, что в УССР проводилась в жизнь установка (одобренная Москвой) правительственного антисемитизма: не допускают евреев на большую руководящую работу, не прописывают еврейской интеллигенции в Киеве, не берут их даже на партучет и т. д.

По этому поводу как будто бы СТАЛИНА посетила еврейская делегация в составе Ильи ЭРЕНБУРГА, МИХОЭЛСА и ЗЕМЛЯЧКИ[64]. СТАЛИН будто бы, выслушав их, и сказал: «Надо выждать. Сейчас иначе нельзя».

---

62 Фамилия искажена. Речь идет о Сироко Симоне Львовиче (ГДА СБУ. Ф. 6. Оп. 1. Спр. 55309).

63 М. Я. Пинчевский был арестован в Киеве по подозрению в шпионаже 3 октября 1938 года и находился в тюремном заключении до 2 ноября 1939 года (ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 30, 57–58).

64 Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, публицист и общественный деятель; Михоэлс (настоящая фамилия Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948) — актер и режиссер, художественный руководитель Московского государственного еврейского тетра (ГОСЕТа), председатель ЕАК. Убит сотрудниками МГБ по приказу Сталина, что было замаскировано под дорожно-транспортное происшествие; Землячка Розалия Самойловна (урожденная Залкинд; по первому мужу Берлин; по второму мужу Самойлова; 1876–1947) — российская революционерка, советский государственный деятель, заместитель главы правительства СССР (1939–1943). О посещении Сталина делегацией в таком составе ничего не известно.

В Киеве СИРОКИЙ увидел одни ужасы: антиеврейские эксцессы, выбрасывание евреев из очередей за хлебом, боязнь и страх у евреев показаться на улице после работы, чтобы не быть избитыми — в общем, картину, напоминающую гитлеровскую Германию, после введения в жизнь «Нюренбергских антиеврейских законов»...[65]

Когда СИРОКИЙ обо всех этих мнимых «ужасах» говорил с Ароном Моисеевичем КАГАНОВИЧЕМ (сейчас Наркомлегпром Украины)[66], тот будто бы улыбнулся и сказал: «Ничего не поделаешь! Нас не любят! Мы прекрасная, замечательная, чрезвычайно способная нация — и поэтому нас не любят». Тут у СИРОКОГО зародилась мысль, что не надо возвращаться туда, где «нас не любят». С этой идеей он и возвратился в Алма-Ата.

Тут он решил стать «архитектором своей идеи», даже ходить по домам и «проповедовать» невозвращение туда, где не любят... Он уже частично «обработал» здесь в этом направлении директора хлопкопрядильной фабрики НАРОДИЦКОГО, его заместителя ЛЕРНЕРА, главного инженера ГОЛЬДБЕРГА и др. СИРОКИЙ за то, что еврейской интеллигенции вообще надо сорганизоваться и сговориться о дальнейших своих судьбах. Но, по словам ПИНЧЕВСКОЙ, СИРОКИЙ ждет со своей этой акцией до прихода ПИНЧЕВСКОГО, которого он прочит в организаторы...

1-го июня с[его] г[ода] вечером писатель зав. [правильно: ЗАК. — *Е. М.*] — АРОНСКИЙ[67] (кстати, друг детства СИРОКО-

---

[65] Два антиеврейских законодательных акта — Закон о гражданстве рейха и Закон об охране германской крови и германской чести, провозглашенные по инициативе А. Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге и затем принятые рейхстагом на специально созванной по этому поводу сессии в том же Нюрнберге. Позднее, в 1935–1943 годах, в дополнение к ним были приняты еще 13 указов.

[66] Один из пяти братьев ближайшего соратника Сталина, члена Политбюро ЦК ВКП(б) и заместителя председателя Совнаркома СССР Л. М. Кагановича (1893–1991); А. М. Каганович (?–?) возглавлял не Наркомат легкой промышленности УССР, а подведомственное ему Главное управление кожевенно-обувной промышленности; таким образом, Сирокий (Сироко) был его сослуживцем.

[67] О М. А. Зак-Аронском см. в сноске 57.

ГО) рассказывал мне, что СИРОКИЙ виделся с директором (я забыл название), где АРОНСКИЙ работает лектором. Директор собирается в Киев, а СИРОКИЙ ему патетически сказал: «Если тебе не жалко, ни тебя, ни твоей жены, ни твоих детей; если хочешь, чтобы тебе наплевали в лицо, если тебе приятно размазать плевок по всему лицу и этим щеголять, тогда езжай в Киев», — и ко всем ужасам, уже слышанным мною от Брониславы Пинчевский, АРОНСКИЙ добавил и другие «потрясающие» вещи, рассказанные его директору СИРОКИМ: так, например, в Киеве евреям плюют в лицо, в самом прямом смысле это слова, и если еврей показывается в театре, десятки и сотни людей встают и свистом, и плевками гонят его вон...

Улучив удобный момент, я попросил ПИНЧЕВСКУЮ познакомить меня с инженером СИРОКИМ. Это было утром, часов в 7, 2 июля. Мы сговорились, что пойдем к нему на квартиру, в тот же день вечером. Но визит этот вышел неудачным. Мы встретили СИРОКОГО на улице Горького, между Абая и Фурманова, он куда-то очень спешил. Он извинился, дружески выругав Пинчевскую, что она его раньше не предупредила о нашем визите, и из вежливости задержался с нами на несколько минут. Это красивый, крупный мужчина лет 45–48, в очках, закрывающих дефект одного из его глаз, который у него искусственный или слепой вообще.

ПИНЧЕВСКАЯ отрекомендовала меня как «настоящего еврея» и как друга ПИНЧЕВСКОГО. Она также сказала, что как киевлянин очень интересуюсь его — СИРОКОГО впечатлением и мнением* (Это подтвердило, так сказать, авторизованность Брониславы ПИНЧЕВСКОЙ), а перед уходом он сказал нам так: «Я думаю, когда ПИНЧЕВСКИЙ приедет, надо будет устроить встречу еврейской интеллигенции за чашкой чаю или стаканчиком вина. Я сделаю доклад о моих впечатлениях и встречах на Украине, а ПИНЧЕВСКИЙ расскажет о Биробиджане. Может, там нас любят»...

---

*[Рукописное примечание]: Он сказал ПИНЧЕВСКОЙ: «Вы же, наверное, товарищу рассказали».

СПРАВКА: Инженер Наркомлегпрома Каз[ахской] ССР СИРОКИЙ, директор Хлопкопрядильной фабрики НАРОДИЦКИЙ, его заместитель ЛЕРНЕР, главный инженер этой фабрики ГОЛЬДЕНБЕРГ, по национальности евреи, по материалам 3 отделения проходят впервые.

Еврейский писатель М. Я. ПИНЧЕВСКИЙ нами разрабатывается по делу-формуляру, как еврейский националист, до 1926 г. проживал за границей, а в 1938 г. в г. Киеве арестовывался по подозрению в шпионаже, освобожден в 1939 г. за прекращением дела. На ЗАК-АРОНСКОГО имелось учетное дело, которое в мае месяце с[его] г[ода] сдано в архив.

МЕРОПРИЯТИЯ: Агенту «Кант» дано задание через ПИНЧЕВСКОГО познакомиться с инженером СИРОКИМ, если выразит желание познакомить источника с НАРОДИЦКИМ, ЛЕРНЕРОМ и ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, то согласиться на это и познакомиться с названными лицами с целью их разработки.

По приезде ПИНЧЕВСКОГО из Биробиджана, в беседах с ним агенту предложено выяснить мнение последнего о СИРОКОМ и проходивших по донесению лицах.

Собрать на СИРОКОГО и других установочные данные и проверить их по оперативным учетам.

Верно: НАЧАЛЬНИК 3 ОТД[ЕЛЕНИЯ] 2 ОТДЕЛА НКГБ КССР
СТ[АРШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(ДОЛИНИН)
[Подпись]

Справка: 1 экз[емпляр] донесения находится в материалах на Сироко Долинин

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Арк. 85–86. Оригинал. Машинопись.

Примечания, справки и подпись заверяющего лица — автографы.

8.

гор. Алма-Ата СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

3-е отделение Ист[точник] «КАНТ»
2-й отдел НКГБ КССР Принят на квартире
4 июля 1944 г. Принял: ДОЛИНИН

29 июня с[его]г[ода] ночью из Биробиджана вернулся ПИНЧЕВСКИЙ[68].

Из моих разговоров с ним 30-го, 1 и 2 июля я понял, Биробиджан ему не понравился, что он считает этот район неподходящим для евреев и что существование этой автономной области мешает народу получить другой, более близкий и более культурный район для Еврей[ской] республики. Он рассказывает, что евреи, живущие в ББ [то есть Биробиджане. — *Е. М.*], с кем он, ПИНЧЕВСКИЙ, ни говорил, все хотят удрать оттуда и никто из них не хочет мириться с трудностями, неизбежными при всякой новостройке.

Я заметил ему, что, может быть, из этого надо сделать вывод, что вообще нет необходимости в Евр[ейской] республике, раз эта идея не вдохновляет на какие-либо жертвы. ПИНЧЕВСКИЙ ответил:

«Нет, страна эта (Биробиджан) не стоит жертв, но КАЛИНИН почему-то заупрямился: только ББ и никаких Крымов, несмотря на то, что о Крыме сейчас мечтают все евреи». И он мне рассказывает, что во время пленума Евр[ейского] антифашистского комитета Биробиджанская еврейская делегация была на приеме у КАЛИНИНА[69] (секретарь обкома КУШНИР[70], пред[седатель]

[68] См. о нем в сноске 60.

[69] Калинин Михаил Иванович (1875–1946) — советский государственный и партийный деятель, в 1938–1946 годах председатель Президиума Верховного Совета СССР («всесоюзный староста»).

[70] Шлойме (Соломон) Кушнир — секретарь обкома ВКП(б) Еврейской автономной области (далее ЕАО) по пропаганде и агитации.

исполкома[71], артист ГРОСС[72], депутат Верховного совета ЛИШНЯНСКАЯ[73] и др.). Они рассказывали ему о достижениях области за 10 десять лет ее существования[74] и КАЛИНИН (которого ПИНЧЕВСКИЙ рисует со слов секретаря обкома, как человека уже впадающего в детство) им сказал:

«У меня тут был, ну, этот актер еврейский, как его? (один из делегации выручает КАЛИНИНА: “МИХОЭЛЬС?”) да-да, этот МИХОЭЛЬС, он ездил, кажется, в Америку[75]. И он говорил мне насчет Крыма, и я ему сказал: “Нет, дорогой, только Биробиджан и никаких Крымов”, и я уже дал указания моему заместителю, ну, как его (опять его выручает один из делегации: ШВЕРНИК?) да-да, ШВЕРНИК[76], чтобы он оказывал большую помощь Биробиджану».

Что же касается СТАЛИНА, то ПИНЧЕВСКИЙ думает, что СТАЛИН вообще положением евреев не интересуется, хотя он, ПИНЧЕВСКИЙ, рассказывает из тех же биробиджанских источников, что на вопрос РУЗВЕЛЬТА, «откроет ли СССР свои ворота для свободной эмиграции евреев в Палестину»[77], СТАЛИН

---

[71] Председателем исполкома ЕАО с декабря 1941 по ноябрь 1947 года был Михаил Нафтулович Зильберштейн (1914–?), позже член Еврейского антифашистского комитета, репрессирован.

[72] Под этим артистическим псевдонимом выступал на сцене Биробиджанского государственного еврейского театра им. Л. М. Кагановича (БирГОСЕТа) актер театра и кино Иосиф Моисеевич Колин (настоящая фамилия Штофенмахер; 1911–1972), заслуженный артист РСФСР (1945).

[73] Лишнянская Лея Янкелевна — в прошлом доярка, была депутатом Верховного Совета СССР от ЕАО первого созыва (1937–1946).

[74] ЕАО была образована 7 мая 1934 года.

[75] О Михоэлсе см. выше в сноске 64. В 1943 году по инициативе советского руководства он вместе с И. Фефером совершил поездку в США, Канаду, Мексику и Великобританию с пропагандистскими целями, для организации финансовой поддержки военных действий СССР против напавшей на него Германии.

[76] Шверник Николай Михайлович (1888–1970) — советский государственный и политический деятель, с 1944 года — первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, после выхода на пенсию М. И. Калинина, с марта 1946 года по март 1953 года — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

[77] Имеется в виду Франклин Делано Рузвельт (1882–1945), 32-й президент США (1933–1945). О постановке им такого вопроса перед Сталиным неизвестно.

ответил: «Нет, им не для чего выезжать отсюда. Что же касается антисемитизма, то после войны мы искореним его в течение нескольких дней».

Во всех «бедствиях и обидах» еврейского народа в СССР (неимение республики, антисемитизм и т. д.) ПИНЧЕВСКИЙ винит советскую еврейскую интеллигенцию, которая молчит и [не] требует громогласно и с достоинством «той доли, которая евр[ейскому] народу следует по праву своей пролитой крови». Очень «ярко» ПИНЧЕВСКИЙ мне высказывал[ся] по этому поводу 2 июля с[его] г[ода], когда я читал привезенного им БЯЛИКА (знаменитый поэт, эмигрировавший в первые годы революции в Палестину)[78] и высказался не особенно похвально об одной знаменитой его поэме о погроме 1905–1906 г.г. (в городе Резни)[79], где он ругает евр[ейский] народ за его беспомощность, терпеливость и т. д. Я сказал, что сейчас евреи в польских и других гетто своими изумительными восстаниями против гитлеровцев доказали обратное. ПИНЧЕВСКИЙ на это сказал: «Может быть, Вы отчасти правы, но ругать надо еврейскую советскую интеллигенцию за ее трусость, которая приводит к измене своему народу. И я напишу такую поэму. Еврейская интеллигенция боится, дрожит за свою шкуру, но я со временем это напишу, хотя можно за это угодить туда, где я уже раз был».

1-го июля в разговоре с ПИНЧЕВСКИМ он вдруг поставил передо мной такой вопрос:

«Как вы думаете, если бы Гитлер в своей программе не имел пункта об истреблении евреев во всем мире, если бы он не относился к евреям так же, как и другим народам, евреи у нас тоже так бы преданно боролись против него или нет?»

---

78 Хаим-Нахман Бялик (1873–1934) — еврейский поэт, классик современной поэзии на иврите. В 1921 году он по ходатайству А. М. Горького получил разрешение уехать из Одессы в Берлин, откуда в 1924 году перебрался в Палестину.

79 Речь идет о поэме «В городе резни» (в русском переводе В. Е. Жаботинского — «Сказание о погроме»), написанной Бяликом после печально знаменитого Кишиневского погрома 1903 года под впечатлением от посещения автором Кишинева, где он по поручению Одесского общественного комитета расследовал обстоятельства кишиневской резни.

Я ему ответил, что это в самом характере фашизма, но относись он к евреям одинаково, как к другим народам, евреи вели бы себя одинаково, как и все другие народы СССР, т. е. большинство самоотверженно боролось бы, а некоторая часть ничтожная предавали бы или относились безразлично. ПИНЧЕВСКИЙ сказал:

«А я думаю, что нападай на нас Англия или другая демократическая страна, еврейская интеллигенция в полном составе перешла бы на сторону этой демократической державы. Я об этом почему-то думаю часто, а иногда думаю: если и СТАЛИН над этим задумывается, он должен относиться к нам неблагожелательно».

СПРАВКА: ПИНЧЕВСКИЙ — еврейский писатель, драматург, ранее проживал в ряде стран за границей, в 1938 году в Киеве арестовывался органами НКВД, но из-под стражи был освобожден в связи с недоказанностью. ПИНЧЕВСКИЙ выезжал в Биробиджан в связи с принятием там еврейским театром одной из его пьес к постановке. Разрабатывается по делу-формуляру как еврейский националист. На гл[авного] инженера НКЛП КССР по строительству СИРОКОГО имеются первичные материалы[80], характеризующие его как активного еврейского националиста, который хорошо знаком с ПИНЧЕВСКИМ и предполагает ввести последнего в курс своих намерений о необходимости пропагандирования среди еврейской интеллигенции нецелесообразности возвращения на Украину.

На воскресение (2-го) мы договорились пойти с визитом к СИРОКО на чашку чая. Но в то же время ПИНЧЕВСКИЙ заболел каким-то желудочным заболеванием. Сегодня уже ему лучше и на днях, должно полагать, это «чашка чаю» состоится.

<u>МЕРОПРИЯТИЯ</u>: Агенту дано задание постоянно быть в курсе настроений ПИНЧЕВСКОГО, выявлять неизвестные нам его связи, изучать их характер, обратив при этом особое внимание на связь объекта с СИРОКИМ.

---

[80] НКЛП КССР — Наркомат легкой промышленности Казахской ССР. О Сироко см. в документе № 6.

Соответствующее задание в отношение ПИНЧЕВСКОГО будет дано агенту «РИМ», что позволит нам перепроверить данные агента «КАНТ». СИРОКИЙ устанавливается и проверяется по учетам.

Верно: НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ 2 ОТДЕЛА НКГБ КССР
СТ[АРШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(ДОЛИНИН)
[подпись]

Рукописные резолюции:
«Согласен» [Подпись Я. Герсонский]
«Следует составить детальный план разработки Пинчевского и его связей»
[Подпись Я. Герсонский]
ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 88–89. Оригинал. Машинопись.
Резолюции и подпись заверяющего лица — автографы.

9.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Агент «КАНТ»
23.12.[19]47 г.

Приняли: Майор ОНИЩУК
Лейтенант МИХАЙЛОВСКИЙ

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

О Палестинских настроениях.

Решение ООН о создании в Палестине еврейского государства[81] вызвало, как и следовало ожидать, оживленные толки среди местной еврейской интеллигенции. Заслуживают внимания мнения некоторых лиц.

---

[81] Имеется в виду резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1947 года, утвердившая план раздела территории британского мандата в Палестине. Она рекомендовала создать в этом регионе два государства — еврейское и арабское — и выделить Иерусалим в особый анклав под международным управлением.

Наум Моисеевич ШЕНКЕРМАН, зав[едующий] кафедрой патологической анатомии при Черновицком мединституте, член ВКП(б), в прошлом сионист[82], в молодости выезжал из СССР в Палестину. Вернулся, по его словам, тогда разочарованный в сионизме в 1925 г. Сейчас осознает, что «напрасно он тогда разочаровался». Мечтает о выезде снова туда, так как только в еврейском государстве место для евреев вообще, а для еврея-интеллигента в частности. Он считает, что в СССР антисемитизм не искоренен и еврейская культура обречена на гибель. Биробиджан он считает «блефом». А в общем он националист чистейшей воды. Он полагает, что ЦК ВКП(б), где находятся все анкеты членов партии, со временем заглянет и в его анкету и направит его на работу в Палестину, а если этого не случится, он будет «искать других путей», которые ему пока не ясны[83].

Так приблизительно мыслит и его товарищ по институту заслуженный деятель науки, профессор МАНГЕЙМ[84]. Но последний предполагает, что, исходя из международного закона, евреям будет предоставлено право оптации Палестинского гражданства, и тогда он, МАНГЕЙМ, примет Палестинское гражданство и выедет туда.

---

[82] Шинкерман Наум Моисеевич (1907–1997) — доктор медицинских наук, профессор. Считается основателем кафедры патологической анатомии и всей патологоанатомической службы на Буковине. Подробнее о нем см.: Професор-патолог Н. М. Шінкерман: історія життя в документах (до 100-річчя з дня народження). URL: https://sites.google.com/a/bsmu.edu.ua/medlib/informacijni-resursi/korifeie-nauki/sob-pam-atali-1/sinkerman-n-m (дата обращения: 25.07.2020).

[83] Подобного рода информация не могла не заинтересовать Черновицкое управление МГБ. «На основании поступивших агентурных данных источников “Кант” и “Григорьева” об антисоветских проявлениях “Седого”, — говорится в справке о Шинкермане, получившем этот оперативный псевдоним, — он в декабре 1950 года взят в агентурную разработку» (см.: ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 127).

[84] Мангейм Александр Ефимович (1992–1959) — доктор медицинских наук, в 1945–1955 годах заведующий кафедрой госпитальной хирургии Черновицкого мединститута. Подробнее о нем см.: Сторінки історії: біографічний довідник завідувачів кафедр та професорів Буковинської державної медичної академії (1944–1998) / [за ред. В. П. Пішака]. Чернівці, 1999. С. 104.

Соломон Фингеров особенно радовался решению ООН[85]. Он пришел ко мне и предложил мне устроить у себя вечеринку в честь этого решения. Когда я ответил ему неопределённо, он многозначительно улыбнулся: «Вы боитесь, чтобы Вас не заподозрили в сионизме». Предложение свое он через пару дней повторил, но жена моя была серьезно больна. Он говорил об этой вечеринке и с ПИНЧЕВСКИМ, но тот испугался и ответил: «Для меня Палестина представляет не больший интерес, чем, скажем, Греция»[86]. Потом он, ПИНЧЕВСКИЙ, пришел ко мне и заявил, что ФИНГЕРОВ, несомненно, работает в МГБ, иначе он не был бы так смел[87].

Между прочим, и сам ПИНЧЕВСКИЙ тихомолком мечтает о Палестине и тайно пишет древнееврейские стихи, поэтому он так боится всех настоящих и мнимых сотрудников МГБ.

Зато М. АЛЬТМАН[88] открыто говорит, что если в Палестине на самом деле будет провозглашено еврейское государство — «Никакими цепями его не удержат в России». В последнее время он запоем читает древнееврейскую литературу и упражнялся в древнееврейском языке.

---

[85] На допросе 13 декабря 1951 года спрошенный о Соломоне Самойловиче Фингерове (1896–?). М. Я. Пинчевский сказал по этому поводу: «Фингеров, хотя он несомненно является культурным человеком, которому было доверено читать лекции по политэкономии, тем не менее он больше любого обывателя оказался охваченным психозом Израиля» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 43109. Т. 1. Арк. 287).

[86] На упомянутом выше (см. в сноске 85) допросе Пинчевский воспроизвел эту сцену так: «Фингеров ни с того, ни с сего обратился ко мне с внезапным вопросом: “Как вы смотрите на Израиль?” Я ему ответил: “Точно так же, как на Индонезию”» (Там же. Арк. 289).

[87] С. С. Фингеров не работал в МГБ, но донесение «Канта» побудило сотрудников этого ведомства обратить на него внимание. А поскольку выяснилось, что «он настроен националистически и в кругу своих единомышленников <...> допускает резкие антисоветские высказывания», было принято решение о его разработке и допросе ряда лиц «о преступной деятельности Фингерова для решения вопроса об аресте его» (см.: ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 85).

[88] Альтман Моисей Элевич (1890–1975) — еврейский поэт, прозаик и публицист. В послевоенные годы заведовал литературной частью Черновицкого еврейского театра. Репрессирован.

«Мечтает» о Палестине и МЕЕР БАРЛАМ — бухгалтер-ревизор треста столовых[89]. Он переписывается со своими друзьями в Палестине и регулярно получает оттуда палестинскую еврейскую прессу. Он лихорадочно переживает все палестинские события и уже заверяет, что сын его (которому сейчас 6 месяцев) будет свободно говорить по-древнееврейски.

«КАНТ».

ВЕРНО: ОПЕРУПОЛНОМ[ОЧЕННЫЙ] 1 ОТ[ДЕЛЕ]НИЯ 2 ОТД[ЕЛА] УМГБ [Черновицкой области]

ЛЕЙТЕНАНТ [подпись] (МИХАЙЛОВСКИЙ)

ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 117–118. Оригинал. Машинопись.

Подпись заверяющего лица — автограф.

10.

Совершенно секретно

Ист[очник] «Кант» Пр[инял] ПЕТРОВ

6.6.[19]48 г.

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

В прошлую субботу вечером у меня на квартире состоялась встреча группы местной еврейской интеллигенции с киевским писателем-коммунистом Д. БЕНДАСОМ[90]. Он читал им свои рассказы.

---

[89] Речь идет о Барламе Матвее Давидовиче (1909–?), который, как выяснили черновицкие чекисты, был уроженцем г. Хотина в Бессарабии и в прошлом являлся членом молодежной сионистской организации «Бетар» («Бейтар»), а в 1935 году якобы примкнул к хотинской организации Коммунистической партии Румынии. Донесение «Канта» явилось основанием для агентурной разработки М. Д. Барлама (ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 2219. Арк. 70–71).

[90] См. о нем выше, в сноске 12.

Организовал эту встречу СУРКИС[91]. Присутствовали, кроме моих старых знакомых (Суркис, Лекер с женой, Барлам с женой[92], АРОНОВИЧ с женой, ПИНЧЕВСКИЙ с женой и ФИНГЕРОВ[93]), и новые люди: инженер ГЛУЗМАН, живший некоторое время в Палестине и, по его словам, участвовавший там в подпольном ком[мунистическом] движении, женщина-адвокат ГОЛЬДБЕРГ, фармацевт РОЙТМАН и доктор РАППОПОРТ.

Такие встречи будем практиковать чаще: это расширяет мой круг знакомств.

На этой встрече, кроме Бендаса, читал свои произведения и я с ПИНЧЕВСКИМ. ПИНЧЕВСКИЙ прочел вновь написанное стихотворение, посвященное евр[ейскому] государству Израиль. Стихотворение произвело потрясающее впечатление на большинство слушателей, особенно неистово выражали свой восторг ФИНГЕРОВ, БАРЛАМ и СУРКИС. Дело в том, что в этом стихотворении, наряду с советским патриотизмом, громче всего звучат националистические нотки. БЕНДАС сделал замечание, что это произведение в его настоящем виде почти нельзя печатать. Я посоветовал углубить советские моменты. Против этих замечаний страстно выступили ФИНГЕРОВ, БАРЛАМ и, в особенности, ФИНГЕРОВ, который сказал, что ему неважно, будет или не будет напечатано это стихотворение, важно для него то, что в этот исторический момент прозвучал голос настоящего еврея, всеми нитями своей души связанного со всем народом и Палестиной...[94]

---

[91] Очевидно, имеется в виду Мешулам Суркис (1899–1976) — черновицкий еврейский литератор, журналист и театральный критик.

[92] О Барламе см. в сноске 89.

[93] О Фингерове см. в сносках 85, 86.

[94] В протоколе упомянутого выше допроса от 13 декабря 1951 года М. Я. Пинчевского (см. выше сноски 85, 86) реакция Блоштейна и Фингерова на прочитанное им стихотворение запечатлена несколько иначе: «Это стихотворение я прочел перед Блоштейном и Фингеровым. Блоштейн сделал мне замечание, что надо усилить показ империалистических колонизаторов. Фингеров же долго молчал, загадочно улыбаясь. Наконец, он сказал: “Меня не интересует идейно-советская сторона этого стихотворения. Меня также не интересует, будет ли стихотворение напечатано или не напечатано. Меня интересует и радует тот факт, что уже есть государство Израиль и что это государство уже стало тематическим объектом для стихосложения”» (ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 43109. Т. 1. Арк. 290–291).

Выступление Фингерова, очевидно, испугало Пинчевского, он взял слово и сказал, что он все-таки согласен с моими замечаниями, и на завтра принес мне новый вариант этого стихотворения. Он механически вписал новые советские строки, но националистические места все-таки не ослабил. Я новых замечаний ему не делал, и он в таком виде послал стихотворение в «Эйникайт» с просьбой напечатать его. Посмотрим, что Москва скажет...[95]

Справка: Материалы об этом лит[ературном] вечере получены также от агента «Павел».

Верно: Ст[арший] оперуполном[оченный] 2 от[делени]я 5 отдела УМГБ Ч/О [то есть Черновицкой области. — *Е. М.*]

Капитан [подпись]
(Петров).
ГДА СБУ. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 6974. Т. 7. Ч. II. Арк. 124.
Оригинал. Машинопись.
Подпись заверяющего лица — автограф.

---

[95] Стихотворение Пинчевского в «Эйникайт» напечатано не было.

Г. С. Кан

Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле»

Аарон Исаакович Зунделевич (1852–1923) был одним из самых крупных революционеров еврейского происхождения второй половины 1870-х годов, игравшим виднейшую — можно даже сказать, системообразующую — роль в таких организациях, как «Земля и воля» и ранняя «Народная воля». Между тем в монографиях по истории революционного движения этого времени ему в лучшем случае посвящается несколько предложений[1], а единственной специальной работой о нем до сих пор остается опубликованная еще в 1934 году статья Е. Н. Кушевой[2]. В своей книге о «Народной воле» в 1997 году мы попытались восполнить этот пробел, посвятив Зунделевичу несколько страниц и опубликовав его автобиографические показания от 20 мая 1880 года[3]. Сейчас настало время для более подробного рассказа о Зунделевиче — революционере[4].

---

[1] Наибольшее внимание фигуре Зунделевича уделено в книгах Н. А. Троицкого, где он оценивается как землевольческий и народовольческий «министр иностранных дел», а также вникавший в каждое практическое дело «исполнитель и даже инициатор» (*Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 288; *Он же.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. М.; Саратов, 2018. С. 278). Но и у Троицкого о Зунделевиче все же говорится вскользь, без подробностей.

[2] *[Кушева Е. Н.].* Зунделевич Аарон Исаакович // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1570–1575. О том, что биографии на букву «З» написаны Кушевой, говорится в аннотации к данному изданию.

[3] *Кан Г. С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 122–125; Автобиографические показания А. И. Зунделевича // Там же. С. 185–193.

[4] Данная статья написана большей частью по материалам, предоставленным В. В. Разбегаевым, которому автор выражает глубочайшую признательность. Кроме того, автор благодарит Д. И. Рублева, М. Д. Трухина, М. Н. Боярского и С. В. Нехамкина за помощь и содействие при написании статьи.

Детство, ранняя юность и формирование революционных взглядов

Аарон Зунделевич, хоть и числился по документам мещанином местечка Солы Ошмянского уезда Виленской губернии (о чем есть упоминания в литературе[5]), по его собственным словам, родился в Вильно[6]. И детство он провел в этом губернском городе, где отец будущего революционера Исаак Ошерович Зунделевич (1826–1890), по воспоминаниям сына, «то терпел неимоверную нужду, так что жить нечем было, то дела его поправлялись, и он был в состоянии прокормить семью»[7]. А семья была большая, и к 1879 году у Аарона, старшего из детей, имелось пять братьев и три сестры. Финансовое состояние отца постепенно стабилизировалось: он успешно содержал портерную (пивную) лавку и сапожную мастерскую[8].

Исаак Ошерович был человеком незаурядным и нестандартным для своего круга. Зунделевич называет его вольнодумцем и сообщает, что он даже «в тишине курил по субботам»[9]. Лев, брат Аарона, вспоминая отца в письме от 28 ноября 1890 года, свидетельствует:

> Свободный, благодаря своему сильному природному уму, от всяких предрассудков, он в теологических спорах бывал замечательно хорош и ни перед кем не скрывал своих убеждений <...>. Огромным влиянием он пользовался на рабочих, занимавшихся у него в мастерской <...>. Как истинный

---

5 Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. Биографии. А–К. М., 1994. С. 500.

6 Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 185; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 19 (автобиографический набросок Зунделевича, записанный в 1916 году Л. Г. Дейчем).

7 ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 19–19 об. Дата рождения Зунделевича-старшего выясняется по его показаниям от 6 июля 1875 года (РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 9), дата смерти — 23 января 1890 года — по письму к Аарону Зунделевичу его брата Мирона (Меера) от 1 февраля 1890 года (HIA. А. И. Зунделевич. 2).

8 РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 32.

9 ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 20.

> демократ, он обращался со своими подчиненными по-товарищески, чем внушал к себе со стороны окружающих глубокое доверие и уважение. Попасть к отцу в мастерскую — многие считали для себя за счастье. Бесконечно добрый и мягкий, он привлекал к себе окружающих, и все его любили.

При этом, сообщает Лев Исаакович, многие родные порицали Исаака Ошеровича за отнюдь не ревностное соблюдение им религиозных обрядов[10].

В числе этих недовольных был и его старший сын, до 16 лет отличавшийся крайней религиозностью. Детство и раннюю юность Аарон провел в иешивах (религиозных школах при синагогах), изучая Талмуд и другие древнееврейские книги. Ради этого он в 12 или 13 лет даже покинул родительский дом, два года жил в иешиве в Сморгони и затем какое-то время в Минске, где плохо питался и спал в синагоге на голых досках. Здесь он стал читать светскую еврейскую литературу и понемногу отошел от своего религиозного фанатизма. В частности, большое влияние на него оказали сочинения И. Б. Левинзона (1788–1860), литератора, выступавшего страстным поборником широкого просвещения еврейского юношества.

Зунделевич решил вернуться к родителям в Вильно и поступить в местное раввинское училище. Почти весь путь домой он проделал пешком, постоянно недоедая. За год подготовился к поступлению в училище и в 1868 году был принят сразу во 2-й класс. К тому времени Аарон уже отчасти владел русским языком, который окончательно усвоил во время учебы. В училище он был первым учеником по всем предметам, еще в младших классах зарабатывал уроками, будучи хорошим учителем. По окончании семи классов училища можно было, при условии дополнительной сдачи экзаменов по древним языкам (латыни и греческому), поступать во все высшие учебные заведения России. Зунделевич собирался продолжить свое образование в Петербургском практическом технологическом институте.

---

[10] HIA. Коллекция Б. И. Николаевского. 79–1.

В 1873 году Виленское раввинское училище было преобразовано в Виленский учительский институт. Его выпускники должны были становиться преподавателями, притом только в еврейских низших учебных заведениях. Зунделевича это не устраивало, и он ушел из училища. Его цель оставалась прежней: учеба в Технологическом институте, но теперь уже в качестве вольнослушателя. Чтобы заработать денег на будущую поездку в столицу и жизнь там, Аарон давал ежедневно 6–7 уроков, материально помогая и родителям. Вскоре, однако, он изменил свои планы, решив с несколькими товарищами эмигрировать в США. Там, полагали юноши, они смогут жить без стеснений и ограничений в правах. Двое друзей Зунделевича с помощью контрабандистов действительно уехали в США, и он тогда впервые завел прочные сношения с «контрабандными людьми», что пригодилось ему впоследствии.

В том же 1873 году Зунделевич знакомится с русской радикальной публицистикой и подпадает под ее влияние. Жизненные приоритеты меняются — юноша решает остаться в России, чтобы служить угнетенным и униженным людям всех национальностей, противостоя жестокой и несправедливой государственной машине. И определяющее влияние в формировании этих взглядов на него оказали не кумиры тогдашней революционной молодежи П. Л. Лавров и М. А. Бакунин, а публицист гораздо менее крупного калибра Н. В. Соколов — своей книгой «Отщепенцы»[11].

Лейтмотив этой книги — прославление особого типа людей, которых Соколов именует отщепенцами. По определению Соколова, это люди, «которые проживают свою жизнь, отыскивая причины общественных зол и бедствий, проповедуя вечную республику, блаженное социальное устройство, личную свободу, гражданскую солидарность, экономическую правду». Они беспокойны, всегда желают «совершить какое-то священнодействие, защитить какое-нибудь знамя», не умеют и не желают «подчиниться общей доле»[12]. Отщепенцы противостоят вековечному

---

[11] ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 19–22; Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 186.

[12] *Соколов Н. В.* Отщепенцы. [Цюрих], 1872. С. 3–4.

миру насилия, лжи, лихоимства, грабежа, подлости и жестокости, из которых состоит «грязная чаша практической жизни», где царит «война всех против всех» и действует принцип «человек человеку волк»[13].

В качестве примера отщепенцев Соколов приводил людей совершенно разного толка — римских стоиков, первых христиан, еретиков Средневековья, папу Григория VII, Франциска Ассизского, Т. Мюнцера, Т. Мора и, наконец, социалистов — Ф. М. Ш. Фурье и П.-Ж. Прудона (последний пользовался наибольшей симпатией явно склонявшегося к анархизму Соколова)[14].

Под влиянием именно этой книги Зунделевич сделался социалистом и революционером. Свободолюбивый, социалистический и бунтарско-идеалистический дух «Отщепенцев» навсегда остался в его сознании, хотя сугубо анархическая составляющая уже через два-три года потеряла для него какую-либо привлекательность (о чем позднее).

Видимо, в это же время Зунделевич окончательно утрачивает былую религиозность. В своих показаниях от 20 мая 1880 года на вопрос о вероисповедании он отвечает «совесть», а чуть позже говорит, что «не признает Еврейского вероисповедания», хотя ни при каких условиях не согласился бы «креститься в какую-нибудь другую веру»[15]. Моральный максимализм юного Зунделевича переместился из религиозной в иную, социальную сферу — на путь, указанный «Отщепенцами».

Виленский революционный кружок 1873–1875 годов

Первые зерна революционных настроений в Вильно посеял Я.-А. Финкельштейн (1851–1917), учившийся на рубеже 1860-х — 1870-х годов в уже упомянутом раввинском училище. Он устро-

---

[13] Там же. С. 10–11, 65–71, 92–98, 124–127, 158–163, 178–184, 190–192, 229, 233–234.

[14] Там же. С. 22–30, 47–53, 59–61, 73–90, 98–107, 130, 138–140, 148–152, 190–232.

[15] Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 185–186.

ил здесь библиотеку нелегальной литературы и завел связи с одной из наиболее значительных и влиятельных революционных организаций того времени — обществом «чайковцев», существовавшим в 1871–1875 годах с центром в Петербурге. В 1872 году вследствие доноса деятельность Финкельштейна стала известна училищному начальству, и Министерство народного просвещения уволило его из училища без права поступления в другие учебные заведения. Вслед за этим виленский губернатор выслал «смутьяна» из Вильно в Сувалкскую губернию, откуда тот бежал за границу и поселился в Кёнигсберге, став там представителем революционных издательств Швейцарии и Лондона и продолжая сотрудничать с «чайковцами»[16].

Во время своего пребывания в училище Зунделевич не был знаком с Финкельштейном, но впоследствии именно его ученики познакомили Зунделевича с нелегальной литературой[17]. А несколько позже сам Зунделевич создает свой революционный кружок. Дата его возникновения не совсем понятна. Историк Б. М. Фрумкин, получавший сведения о кружке из писем самого Зунделевича, указывает на 1872 год[18], но при этом с его же слов говорит о присутствии там *бывших* учеников училища и воспитанников новосозданного учительского института[19], а это означает, что кружок не мог образоваться ранее осени 1873 года.

Кружок составился из лиц, собиравшихся, чтобы читать нелегальную (а иногда и легальную) литературу социалистического и радикального направления. Среди изучаемых книг были, в частности, те самые «Отщепенцы», «Исторические письма» Лаврова, роман «Что делать?» и некоторые статьи Н. Г. Черны-

---

16 *Бухбиндер Н. А.* История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. С. 16–18; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1382. Л. 125–126 (справка о Финкельштейне).

17 YIVO. Бунд. 11–146 (черновик автобиографического письма Зунделевича к Дейчу от 9 мая 1913 года).

18 *Фрумкин Б.* Из истории революционного движения среди евреев в 1870-х годах // Еврейская старина. 1911. Вып. II. С. 221. Эту же дату — видимо, со слов Фрумкина — дает и Бухбиндер (*Бухбиндер Н. А.* Указ. соч. С. 18).

19 *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 227.

шевского, редактируемый Лавровым журнал «Вперед!» и работы Бакунина. В кружок, по разным данным, входило от 8 до 15 человек, но вокруг него было довольно много сочувствующих. Из наиболее активных членов кружка отметим Л. С. Вайнера, Л. М. Давидовича, А. С. Либермана и В. И. Иохельсона (в будущем — народовольца, а потом — крупного этнографа).

Через «лавриста» Е. С. Семяновского Зунделевич и его товарищи установили регулярные сношения с петербургским кружком сторонников Лаврова во главе с Л. С. Гинзбургом и А. Ф. Таксисом. А через А. М. Эпштейн, дальнюю родственницу Зунделевича, он лично и его кружок наладили самые дружеские отношения и тесное сотрудничество с «чайковцами»[20]. «Чайковец» Н. И. Драго и В. Н. Фигнер даже считали Зунделевича членом этого общества[21], что, видимо, все же является преувеличением. К весне 1875 года Зунделевич был знаком и с будущим создателем «Земли и воли» (в прошлом стоявшим и у истоков «чайковцев») М. А. Натансоном, который в середине апреля 1875 года приезжал к нему в Вильно[22]. Натансон в это время, освободившись из административной ссылки, устраивал «генеральный смотр» всем революционным силам, уцелевшим после «хождения в народ» 1874 года[23], которое привело к масштабным арестам.

Благодаря связям Зунделевича с контрабандистами он, несколько раз съездив в Кёнигсберг к Финкельштейну, организовал через Вильно масштабную транспортировку в Россию социалистических изданий, в том числе журнала «Вперед!» и книг, напе-

---

[20] Там же. С. 226–228, 235; *Иохельсон В.* Далекое прошлое // Былое. 1918. № 13. С. 55–57; АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 346. Л. 66 (из неопубликованной части письма Зунделевича к Дейчу от 15 января 1923 г.); YIVO. Бунд. 11–146 (черновик письма Зунделевича к Дейчу от 9 мая 1913 года).

[21] *Драго Н. И.* Записки старого народника // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 15; *Фигнер В.* Марк Андреевич Натансон // Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1932. С. 207; *Она же.* Н. И. Драго // Там же. С. 300.

[22] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 12 об. (показания М. И. Зунделевича от 6 июля 1875 года).

[23] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 204.

чатанных в Швейцарии «чайковцами»[24]. А затем, тоже при активном участии Зунделевича, Вильно стал центральным местом для переправы за границу и обратно самих участников социалистического движения 1870-х годов. Ставший впоследствии знаменитым «чайковец» Н. А. Морозов и близкий к «чайковцам» В. И. Алексеев (будущий «толстовец») уже в 1874 году слышали о Зунделевиче как о виртуозном специалисте по переправке людей через границу[25]. Так, в декабре 1874 года Зунделевич с помощью своих друзей-контрабандистов успешно переправил из России в Германию самого Морозова и «чайковцев» Н. А. Саблина и Н. А. Грибоедова[26]. О механизме этих предприятий, сохранявшемся без изменений вплоть до осени 1879 года, будет рассказано ниже.

Идеология Виленского революционного кружка не успела окончательно сформироваться. Из имеющихся отрывочных данных можно сделать следующие выводы.

Кружок не носил еврейско-национального характера и, планируя свою дальнейшую деятельность, собирался ориентироваться не только на еврейскую среду. Зунделевич писал Фрумкину:

> Для нас всех еврейство как национальный организм не представляло собой явления, заслуживающего поддержки. <...> Главный цемент, связывающий евреев в одно целое — религия, признавался нами фактором безусловно регрессивным... <...> Нам казалось, что у евреев нет общих интересов национальных, а есть множество одинаковых интересов людей, составляющих еврейство, — интересов, заключающихся в приобретении равноправия, открывания себе дороги к европейскому образованию и в работе со всеми другими людьми, составляющими население России,

---

24 *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 227–228; *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 55; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 12–13; *Кулябко-Корецкий Н. Г.* Из давних лет. Воспоминания лавриста. М., 1931. С. 119, 140.

25 *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947. С. 374; *Алексеев В. И.* Воспоминания // Государственный литературный музей. Летописи. Кн. 12. Т. II. Л. Н. Толстой. М., 1948. С. 241.

26 *Морозов Н. А.* Указ. соч. С. 378–382.

> *работе, направленной к изменению общественного порядка в сторону общечеловеческих идеалов добра и справедливости*[27].

Более того, Иохельсон сознается, что русская литература (по-видимому, имеется в виду не только ее радикальное направление), внушавшая им «любовь к просвещению и русскому народу», привила им также, «в известной степени, представление о еврействе не как о народе, а как о паразитном классе»[28]. Фрумкин — видимо, со слов Зунделевича, — поясняет, что речь шла о «презрении к преобладающим в еврействе элементам непроизводительного труда; к ростовщичеству, посредничеству и всякого рода торгашеству», и добавляет — «такие занятия третировались, как худший вид паразитизма»[29]. Согласно Зунделевичу, Либерман был единственным человеком в кружке, кто смотрел на работу среди евреев «как на средство поднять национальное самосознание еврейства, культурно-национальные особенности которого он ценил очень высоко»[30]. Но его предложения издавать специальный социалистический орган на иврите были отвергнуты[31].

Зунделевич, по свидетельству одного из его тогдашних знакомых М. Д. Ромма, в своем кругу говорил достаточно обычные для народников 1870-х годов вещи — о бедственном положении крестьян, обремененных большими платежами и громадными недоимками, причем приводил конкретные цифры. Причину такой ситуации Зунделевич видел в «дурном управлении государством», и в качестве средства «это дело поправить прямо указывал на бунт, восстание и революцию»[32].

---

27 *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 221–222; курсив наш.

28 *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 56–57.

29 *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 225.

30 Там же. С. 228.

31 *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 57; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 449. Л. 16 (свидетельство члена этого кружка Г. М. Каценеленсона (1931 год)).

32 РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 54 об.–55 (показания Ромма от 25 июля 1875 года).

Не совсем понятно, что конкретно имел в виду Зунделевич (если Ромм правильно изложил его речь) под бунтом и революцией. Тогда существовали: а) программа Бакунина с его представлением о том, что русский мужик — прирожденный социалист и революционер и его можно *легко* поднять на бунт; б) доктрина Лаврова, настаивавшего на *долгой* пропагандистской работе в народных массах для подготовки крестьянской революции; и в) средняя линия в лице идеологии «чайковцев» — *пропаганда* в народе для ожидавшегося *в относительно близком будущем* крестьянского восстания во имя социализма. Скорее всего, Зунделевич и другие «виленцы» были ближе всего к «чайковцам», хотя влияние на «виленцев» отца русского анархизма тоже, несомненно, имело место — один из участников кружка Г. М. Каценеленсон вспоминал в 1931 году, что в спорах К. Маркса и Бакунина в период Первого Интернационала их симпатии были на стороне последнего[33].

Целью кружка ставилось новое «хождение в народ» — видимо, в рамках Виленской губернии. При этом идти члены кружка собирались не к крестьянам, а к местным рабочим. Зунделевич, говоря об этом, добавлял: «Еврейские рабочие входили в общее понятие "народ", но большое значение придавалось исканию приверженцев среди русских рабочих, так как в них предполагалась решающая сила». «Виленцам», продолжал Зунделевич, казалось, что «всего удобнее проникнуть в среду рабочих, если самому быть рабочим»[34].

В начале мая 1875 года Зунделевич и Иохельсон сняли у местных дворян К. Ф. и М. С. Савицких небольшой дом в окрестностях Вильно[35]. Там была устроена сапожная мастерская, куда приходил нанятый кружком еврей-сапожник и обучал Зунделевича, Иохельсона и еще двух человек сапожному ремеслу[36]. По свиде-

---

[33] ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 449. Л. 15.

[34] *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 224.

[35] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 64 (показания М. С. Савицкой от 28 июля 1875 года).

[36] *Фрумкин Б.* Указ. соч. С. 224–225; *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 58; *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу // Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.; Л., 1925. С. 223 (письмо от июня 1923 года).

тельству Иохельсона, обучение шло быстро, и через две-три недели сапожник стал продавать на рынке обувь их производства, «надо прибавить, не очень изящную и прочную». Но ученики все же подавали надежды на прогресс в сапожном деле[37].

Однако кружок (вернее, почти весь его актив) неожиданно провалился. Произошло это из-за недостаточной конспиративности Зунделевича и его товарищей. Один из воспитанников Виленского учительского института И. Э. Каган, отличавшийся политической бдительностью и к тому же находившийся в личном конфликте с Вайнером, сделал донос институтскому начальству о том, что между учащимися распространяются нелегальные издания. После этого по решению педагогического совета института в ночь с 29 на 30 июня 1875 года был произведен обыск в помещении его воспитанников. В результате у двоих — Н. И. Рабиновича и А. С. Цунзера — были соответственно найдены «Отщепенцы» Соколова и брошюра Лаврова «1773–1873. В память столетия пугачевщины».

Рабинович и Цунзер признались 2 июля, что получили книги: первый — от Вайнера, второй — от Зунделевича. Цунзер также сообщил и о наличии кружка, куда его приглашал Зунделевич. Допрошенный в тот же день Вайнер сознался, что «Отщепенцев» ему дал Зунделевич. Отпущенный после допроса, Вайнер тут же раскаялся в своей откровенности и предупредил Зунделевича о неизбежном аресте. 3 июля 1875 года Зунделевич, Вайнер и Иохельсон спешно покинули Вильно, затем пересекли границу и прибыли в Кёнигсберг, где остановились у Финкельштейна. Через несколько дней туда же приехал и Либерман[38]. Роль Давидовича не была раскрыта, и впоследствии он восстановил и упрочил Виленский революционный кружок, успешно действовавший вплоть до новых арестов в марте 1876 года[39].

---

37 *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 58.

38 РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 2–3, 4 об., 15, 16, 18, 46–49, 89 об.; *Бухбиндер Н. А.* Указ. соч. С. 19–20; *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 58; *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 223; *[Либерман А. С.].* Из Вильно // Вперед! 01.09(20.08).1875. № 16. Стб. 505–506.

39 *Бухбиндер Н. А.* Указ. соч. С. 21–23.

Пребывание в Германии (июль 1875 — весна 1876 года) и формирование собственной политической программы

Проживая большей частью в Кёнигсберге, Зунделевич периодически посещал Берлин и другие города Германии, продолжая заниматься тем же, чем и в Вильно, — транспортировкой нелегальных изданий и переправкой участников революционного движения через границу. Пересылал он и корреспонденции для газеты «Вперед!» из России. Ближайшим помощником Зунделевича стал поселившийся в Берлине бывший «чайковец» Г. Е. Гуревич[40].

Примерно в начале весны (скорее всего, в марте) 1876 года на имя Зунделевича, жившего по паспорту Давида Гуревича (брата его помощника), поступила большая посылка из Женевы, которая обратила на себя внимание кенигсбергской таможни. Таможенники вскрыли ее. Там оказалось множество фальшивых печатей российских администраторов — полицмейстеров, исправников, губернаторов и т. п. Зунделевича вызвали в таможню и объявили, что эта посылка будет отправлена в полицию. Он не стал дожидаться вызова в полицейское управление, поскольку опасался ареста и даже выдачи России, потому тут же уехал в Берлин, где, видимо, жил по другому паспорту[41].

Зунделевич заинтересовался деятельностью немецких социал-демократов, создавших в 1875 году Социалистическую рабочую партию Германии (в дальнейшем — СРПГ). Скорее всего, первое знакомство с ними состоялось еще в Кёнигсберге, где Финкельштейн имел обширные связи с социал-демократическими кругами. В Берлине Зунделевич часто посещает собрания, проводимые социал-демократами, знакомится и общается с некоторыми их

---

[40] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 2–3 (записки Г. Е. Гуревича); ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 194. Л. 3–4 об. (письмо Зунделевича к Лаврову от 15 октября 1875 года); Ф. 1737. Оп. 1. Д. 43. Л. 4 (письмо Зунделевича к «лавристу» В. Н. Смирнову (1875 или 1876 год)).

[41] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 7, 9, 11; Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 187.

видными деятелями[42] (какими именно, источники не говорят. А. Д. Михайлов — один из лидеров поздней «Земли и воли» и ранней «Народной воли» — писал о Зунделевиче товарищам, что «среди немецких демократов [социал-демократов. — *Г. К.*] у него было много друзей и приятелей»[43].

Тут стоит отметить, что тогдашняя Германия совсем не была полноценной демократией: права рейхстага, избираемого народом на основе всеобщего (для мужчин) избирательного права, были существенно ограничены, а основные властные полномочия находились у императора и назначаемого так называемыми «государствами союза» (то есть входящими в состав Германии образованиями) Союзного совета (бундесрата). Реальная власть в 1871–1890 годах фактически находилась у имперского канцлера О. фон Бисмарка. Тем не менее в Германии активно и беспрепятственно действовали политические партии (в том числе до принятия так называемого «исключительного закона против социалистов» в октябре 1878 года — и СРПГ), а предлагаемые канцлером законопроекты все же не могли вступить в силу без их утверждения рейхстагом.

СРПГ образовалась на съезде в городе Готе в мае 1875 года в результате объединения лассальянского Всеобщего германского рабочего союза и марксистской Социал-демократической рабочей партии. Новая партия приняла так называемую Готскую программу, которая в целом была достаточно умеренной, а не радикально-марксистской (за что и была раскритикована Марксом в его знаменитой «Критике Готской программы»)[44].

Правда, в начале программы декларировались стандартные для социалистов того времени положения: 1) орудия труда в современном обществе составляют монополию капиталистическо-

---

[42] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 12–13 (записки Гуревича); Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 187–188; *Дейч Л.* Аарон Зунделевич // Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 193–194.

[43] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 232 (из письма от 16 февраля 1882 года).

[44] *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. Т. 4. М., 1907. С. 95–97.

го класса, и обусловленная этим зависимость пролетариата есть причина его нищеты и порабощения; 2) социально-экономическое освобождение трудящихся требует превращения орудий труда в коллективное достояние всего общества и регулирования производства на принципах ассоциации; 3) необходимо уничтожение системы наемного труда, прекращение эксплуатации во всех ее видах и устранение всякого политического и социального неравенства.

Но дальнейшие пункты, как общие, так и касающиеся ближайших требований, действительно были далеки от крайнего радикализма. Так, в общих пунктах констатировалось, что в будущем необходимо: а) устройство социалистических производительных товариществ при содействии государства и под контролем «трудящегося народа»; б) всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном и обязательном голосовании; в) отмена всех законов, ограничивающих свободу слова, печати, собраний и союзов. А в числе ближайших требований выставлялись: 1) возможно большее расширение политических прав и свобод; 2) «надзор выбранных рабочими должностных лиц» за рудниками, фабричной, ремесленной и кустарной промышленностью; 3) «нормальный рабочий день», запрещение воскресного, женского и детского труда, принятие законов об охране жизни и здоровья рабочих, санитарный надзор за «рабочими жилищами»[45].

Зунделевич был очарован программой и деятельностью СРПГ и принял большинство ее идейных установок. Чрезвычайно высоко он оценил также парламентаризм и гражданскую свободу, даже в том ограниченном виде, как это было в тогдашней Германии. Его собственная программа для России с 1876 года выражалась в борьбе с самодержавной властью за демократические парламентские учреждения и гражданские права[46].

---

[45] Там же. С. 396–397.

[46] Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 188; *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 193–194; *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1 // Фигнер В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1932. С. 166; *Попов М. Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 221.

Критикуя популярное среди анархистов и многих радикальных социалистов негативное отношение к парламентаризму, Зунделевич в письме от 12 июля 1921 года к знаменитому меньшевику П. Б. Аксельроду так обосновал свою позицию, которой придерживался почти всю жизнь:

> Я думаю, что порядок вещей, существующий при демократических свободах и при всеобщем и проч[ем] избирательном праве, можно только для агитационных целей называть господством буржуазии. На самом деле это господство населения, которое доверяет управление страной не социалистам, а людям, защищающим частное предпринимательство[47].

А. Д. Михайлов в уже упоминавшемся письме, говоря о Зунделевиче, с полным основанием отметил:

> Для него главной целью политической деятельности всегда была свобода слова и вообще политическая свобода. Если он, с присущей ему страстью и энергией, пристал к русскому революционному движению, а потом и к террористическому направлению, то единственно во имя политической свободы. Он вообще западник...[48]

Немного забегая вперед, к периоду с мая 1876 по лето 1878 года, когда Зунделевич в основном находился в России, стоит сказать, что он уже тогда совершенно не разделял надежды многих течений русского социализма 1870-х годов на крестьянскую общину как ступень для перехода к коллективистско-социалистической модели сельского хозяйства и всей экономики[49]. В июле 1878 года Зунделевич в разговоре с Дейчем и Я. В. Стефановичем самым решительным образом высказывался против революционной работы среди крестьян. По свидетельству Дейча, Зунделевич находил такую деятельность «совершенно бесполезной, го-

---

[47] IISG. П. Б. Аксельрод. 45.

[48] Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 232–233.

[49] *Дейч Л.* За рубежом // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 172.

ворил, что она ни к чему доброму не может привести и является, поэтому, лишь невознаградимой потерей людей, времени и средств». Дейч добавляет к этому, что самих крестьян Зунделевич «находил грубыми, невежественными, нисколько не склонными ни к социализму, ни к революции» и противоположное мнение считал «лишь выдумкой интеллигентов»[50].

Возможно, скептическое отношение к крестьянам и к возможности крестьянской революции появилось у Зунделевича после того, как он с ними пообщался. Мы же констатируем: кроме самого понятия «социализм», приверженности к идее личной, гражданской свободы и резкого неприятия самодержавного политического устройства, Зунделевича ничто не связывало со взглядами, которые господствовали почти все 1870-е годы в революционной среде. Тем не менее его роль в тогдашних революционных делах становилась все более и более весомой.

Возвращение в Россию и участие в побеге П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя в Петербурге 30 июня 1876 года

Марк Натансон, начавший еще в 1875 году работу по созданию новой революционной организации, в апреле-мае 1876 года образовал небольшой кружок из близких к нему людей. Состав кружка не совсем ясен из-за недостатка источников, но, видимо, туда входили многие из будущих членов-учредителей «Земли и воли» — Ольга Натансон (жена Марка), А. Д. Оболешев и другие[51]. Вошел туда и Зунделевич, который по приглашению Натансона поздней весной 1876 года (скорее всего, в мае) вернулся в Россию для продолжения революционной деятельности[52].

---

[50] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 192–193.

[51] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 187.

[52] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 190. Дата возвращения Зунделевича дана нами приблизительно, исходя из времени начала подготовки побега П. А. Кропоткина.

«Натансоновцы» в лице самого Натансона, Зунделевича и, возможно, еще кого-то из своих членов приняли активное участие в подготовке и осуществлении одного из наиболее удачных и ярких революционных предприятий середины 1870-х годов — побеге Петра Кропоткина.

Заметим: в этом деле участвовало и много бывших «чайковцев» (тоже одновременно связанных с Натансоном), а также и лиц, не входивших тогда ни в какие революционные группы. Неформальным куратором этого побега, знавшим все его детали, был сам Натансон, а непосредственным, так сказать, «полевым» организатором стал известный врач-ортопед О. Э. Веймар, человек большой решительности и храбрости, ни к какому радикальному кружку не примыкавший[53].

Арестованный в Петербурге еще 22 марта 1874 года[54] как видный «чайковец», Кропоткин после содержания в различных тюрьмах в связи с болезнью 24 мая 1876 года был переведен в арестантское отделение Николаевского военного госпиталя, которое находилось в специальном здании, отделенном от самой лечебницы[55]. Общий план побега был разработан самим Кропоткиным, а Натансон и Веймар уже проработали все конкретные действия для его осуществления. Кропоткин предполагал во время прогулки во дворе убежать от караульного солдата, выбежать через открытые ворота на мостовую, откуда его бы немед-

---

[53] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 187; *Дейч Л.* Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 171; *Иванчин-Писарев А.* Побег кн[язя] П. А. Кропоткина // Былое. 1907. № 1. С. 38–39, 41; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 17–19; *Лешерн фон Герцфельд М. П.* Воспоминания о побеге П. А. Кропоткина // Былое. 1921. № 17. С. 59–62; *Корнилова-Мороз А. И.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 124; *Она же.* Перовская и кружок чайковцев. М., 1929. С. 55–56.

[54] *Маркин В.* Кропоткин. М., 2009. С. 150.

[55] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988. С. 357; *А-в [Ашешов] Н.* Побег П. А. Кропоткина (По материалам архива III Отделения) // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М., 1921. С. 87; *Бирюков А. В.* О месте побега П. А. Кропоткина в 1876 г. // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 4. М., 2002. С. 105.

ленно увезла прочь заранее подготовленная карета со «своими» кучером и седоком[56].

Более месяца шли приготовления к побегу. Участниками этого дела было немало людей: одни должны были быть сигнальщиками, другие — лицами, отвлекающими часовых и городовых, третьи — наблюдателями, стоявшими на близлежащих улицах и следящими за безопасностью маршрута, четвертые обязаны были ждать беглеца на специальной квартире. Веймар, который собирался быть седоком в пролетке во время побега, на деньги бывших «чайковцев» купил быстроходную лошадь — рысака Варвара, перед этим бравшего призы на бегах на ипподроме. Бывший «чайковец» А. К. Левашев, хорошо управлявшийся с лошадьми, должен был стать кучером.

В качестве наблюдательного пункта была снята квартира в доме около корпуса, где содержался Кропоткин. Там поселились два человека — М. П. Лешерн фон Герцфельд и Э. Э. Веймар (брат организатора побега), которые из окон могли видеть все окрестности как на ладони. А наблюдатели на улицах, согласно плану, условными сигналами сообщали друг другу и обитателям квартиры, насколько свободен путь для проезда экипажа с беглецом[57]. И главная роль тут отводилась именно Зунделевичу.

Наибольшую опасность для побега представляли собой возы с дровами, часто проезжавшие по переулку, где должна была во весь опор мчаться карета с Веймаром и Кропоткиным. Задачей Зунделевича было нейтрализовать эту угрозу. Он сидел на лавке на перекрестке улиц с картузом, наполненным вишнями. Когда дорога была свободна, Зунделевич ел вишни (или просто брал их в рот), а при появлении препятствий — прекращал свою трапезу[58].

Сигнал к побегу подавал сам Кропоткин, сняв шапку во время прогулки. В ответ Лешерн фон Герцфельд должна была, в случае

---

56 *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 359.

57 *Иванчин-Писарев А.* Указ. соч. С. 38–39; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 17–18; *Лешерн фон Герцфельд М. П.* Указ. соч. С. 60–62; *Корнилова-Мороз А.* Перовская и кружок чайковцев. С. 32.

58 *Иванчин-Писарев А.* Указ. соч. С. 39; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 18; *Лешерн фон Герцфельд М. П.* Указ. соч. С. 61–62; *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 361.

благоприятного развития событий, запустить из окна своей квартиры детский красный воздушный шар — но при этом не выпуская его из рук, так как в случае ухудшения ситуации шар надо было немедленно спустить вниз. Побег был намечен на 29 июня 1876 года, но сорвался по неожиданной причине — все детские шары в этот день были распроданы. Кроме того, неожиданно на одной из улиц появились и возы с дровами, что делало бегство невозможным.

Побег перенесли на следующий день, одновременно изменив сигнал для Кропоткина о полной готовности — из снятой заговорщиками квартиры вместо запуска шара должна была слышаться мелодия известного в те годы композитора А. Контского. Играть ее должен был Эдуард Веймар — хороший скрипач. Сестра жены брата Кропоткина С. С. Лаврова на свидании передала ему с часами записку о перемене диспозиции[59].

И со второй попытки, 30 июня около 5 часов вечера, побег блестяще удался. Кропоткин во время прогулки снял шапку, послышалась мелодия Контского, и будущий теоретик анархизма, быстро выбежав за ворота, сел в приготовленную заранее карету. Часового у ворот и городового на улице умело отвлекли от их обязанностей участники предприятия, а Зунделевич с другими наблюдателями проследили, чтобы улицы были свободны от возов и других пролеток.

Экипаж с Кропоткиным и Веймаром, ведомый прекрасным кучером с быстроходной лошадью, мгновенно исчез из виду. Попытка организовать его преследование не удалась, поскольку все извозчики в округе были наняты радикалами (самоназвание тогдашних социалистов и революционеров), да и тягаться с Варваром было бы сложно для обычных лошадей Петербурга. Кропоткин, прожив пару дней в городе на специальной квартире, а затем — одну-две недели на даче Веймара, в июле 1876 года перебрался за границу[60].

---

59 *Иванчин-Писарев А.* Указ. соч. С. 39; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 18–19; *Лешерн фон Герцфельд М. П.* Указ. соч. С. 60–61; *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 360–362.

60 *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 362–367; *Иванчин-Писарев А.* Указ. соч. С. 39–40; *Лешерн фон Герцфельд М. П.* Указ. соч. С. 62–63; *Драго Н. И.* Указ. соч. С. 19.

Создание общества «Земля и воля», его программные и организационные основы, место Зунделевича в нем

Кружок Натансона постепенно разрастался, преобразовавшись в октябре 1876 года в общество «Земля и воля». Его программа в общих чертах была намечена тогда же, но в окончательной редакции принята только в мае 1878 года. Ее главные положения сводились к следующим тезисам:

1) ликвидация собственности на землю и передача ее в пользование крестьянам в том количестве, которое они могут обработать своим трудом; при этом землевольцы были убеждены, что две трети сельского населения России захотят, чтобы землей заведовала крестьянская община (то есть она выступала только в роли регулятора земельных отношений и речь о коллективном хозяйстве на ее основе в ближайшей повестке дня не стояла);

2) общинное самоуправление на местах; причем каждый союз общин сам определяет, какую часть функций он отдаст тому правительству, которое все же образуется в стране для их нужд;

3) свобода совести и вероисповедания;

4) содействие отпадению от России тех территорий, которые желают от нее отделиться — Польши, Украины, Кавказа[61].

Стоит сразу сказать, что второй пункт носил полуанархистский характер и ни в коей мере не означал признания землевольцами ценности демократических и парламентских учреждений, считавшихся опасными и вредными, поскольку они могут привести к господству нарождающейся буржуазии, разорению и пролетаризации крестьянства, разрушению общины и т. п.[62]

Тактически во главу угла ставилось крестьянское восстание, к которому якобы склонялась готовая к протестам деревня. При этом, однако, имелись в виду не скороспелые бунты — револю-

---

[61] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 30–31.

[62] *[Кравчинский С. М.]*. От редакции. Земля и воля! // Земля и воля. № 1. 25.10.1878 // Революционная журналистика семидесятых годов. Paris, 1905. С. 124–125; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 147. Л. 97–99 (*Фигнер В. Н.* «Земля и воля»).

ционеры должны были постепенно и тщательно подготовить народное выступление, проживая в так называемых оседлых поселениях. Считались также необходимыми пропаганда и агитация среди рабочих и студенчества, установление связей с либералами и офицерами, привлечение на свою сторону чиновников. Кроме того, в разделе о «дезорганизации» власти был пункт о «систематическом истреблении наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства»[63].

Почему Зунделевич, со своими социал-демократическими убеждениями, примкнул к «Земле и воле»? Причины, на наш взгляд, три: а) третий пункт программы «Земли и воли» полностью отвечал его взглядам; б) в тактических установках землевольцев его вполне устраивали все те тезисы, где речь не шла о крестьянском восстании; в) сами взгляды Зунделевича в 1876–1877 годах находились только в процессе формирования, и его неприятие крестьянства как опоры революции и социализма еще окончательно не сложилось.

В организационном плане «Земля и воля» ввела и со временем только усиливала принципы централизации и подчинения меньшинства большинству. Это был вполне понятный и неизбежный сдвиг по сравнению с чисто товарищескими организациями первой половины 1870-х годов, не способными противостоять карательным органам. Во главе «Земли и воли» стоял Основной кружок, куда за все время существования общества (вплоть до середины августа 1879 года) входило, по разным данным, от 46 до 48 человек. Вступившие в «Землю и волю» с осени 1876 по конец весны 1877 года считались членами-учредителями организации, но при этом никаких особых полномочий у них не было — все члены Основного кружка были равноправны.

Существовал и еще один орган — Большой совет, в который входили члены Основного кружка и все члены организации, находившиеся в момент принятия какого-либо решения в Петербурге. Для разрешения кардинальных вопросов должен был созываться конгресс (или съезд) членов «Земли и воли». В прямом

---

[63] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 31–33.

подчинении Основного кружка было пять специальных групп: 1) интеллигентная, 2) рабочая, 3) редакторская, 4) типографская и 5) дезорганизаторская (которая и должна была осуществлять «дезорганизацию власти» путем террористических актов). Местные землевольческие группы и «поселенцы» в деревнях (самыми крупными в 1877–1879 годах были поселения в Саратовской и Тамбовской губерниях), хотя и подчинялись Основному кружку, сохраняли определенную автономию.

Зунделевич находился среди членов-учредителей «Земли и воли», которыми, в частности, были супруги Натансон, Оболешев, А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. И. Баранников, Л. Ф. Бердников, А. А. Квятковский, Д. А. Лизогуб, А. Ф. Михайлов, В. А. Осинский, М. Р. Попов, Н. С. Тютчев. В числе принятых в Основной кружок в 1878 году оказались Д. А. Клеменц, С. М. Кравчинский, О. С. Любатович, Морозов, С. Л. Перовская, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко. А в июне 1879 года в Основной кружок наряду с некоторыми другими вошли А. И. Желябов, В. И. Засулич, Аксельрод, Дейч, Стефанович. Всего к «Земле и воле» примыкало не менее 210 человек[64].

Неформально самыми влиятельными фигурами в «Земле и воле» были Марк Натансон (арестован 3 июня 1877 года), Ольга Натансон и Оболешев (арестованы 13 октября 1878 года), А. Д. Михайлов, Плеханов и Попов, а ближе к концу существования общества — также Тихомиров и Желябов. Впрочем, Зунделевич ненамного уступал во влиятельности всем вышеперечисленным фигурам, а к 1879 году его роль еще более выросла.

---

[64] Там же. С. 34–42; *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 195–200; *Он же.* «Черный передел» (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов) // «Черный передел». Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. М.; Пг., 1923. С. 66–67, 69; *Он же.* Из-за чего мы разделились? // Современная жизнь. 1906. № 9–10. С. 134; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 147. Л. 105–106 (*Фигнер В. Н.* «Земля и воля»); *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 421–422, 429–430; *Михайлов А. Ф.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. С. 149; *Фроленко М.* «Общество народного освобождения» // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 100.

Любатович вспоминала, что Зунделевича «знали как человека очень крупного по энергии, деятельного и ценного в организации»[65]. А Дейч свидетельствует, что еще задолго до первой встречи с Зунделевичем (в июле 1878 года в Петербурге) ему рассказывали о нем как о ловком, находчивом, практичном человеке[66]. Мемуарист добавляет:

> При упоминании о каком-нибудь предприятии члены Северной организации [так иногда называли землевольцев. — *Г. К.*] <...> обыкновенно говорили: «Когда приедет Мойша [одна из революционных кличек Зунделевича. — *Г. К.*], можно будет это сделать» или: «Необходимо дождаться возвращения Мойши, что он на это скажет» и т. п. Получалось впечатление, что Мойша «специалист» или «эксперт» чуть ли не по всем отраслям революционных дел[67].

Как о человеке необычайной энергии и предприимчивости пишет о нем и Аптекман[68], практичность и деловитость Зунделевича отмечает и Фроленко[69].

Непосредственно же Зунделевич был в «Земле и воле»:

1) лицом, ведающим всеми сношениями с заграницей — переправкой туда и обратно людей, доставкой в Россию книг и типографских принадлежностей, переговорами с эмигрантами и т. п.;

2) создателем двух полноценно работающих нелегальных типографий в Петербурге;

3) добытчиком средств, в том числе и для террористической деятельности;

4) участником подготовки и осуществления двух крупнейших террористических актов — убийства начальника III Отделения Н. В. Мезенцова 4 августа 1878 года и покушения на Александра II 2 апреля 1879 года.

---

65 *Любатович О.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 56.

66 *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 185–186.

67 Там же. С. 185.

68 *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 298.

69 *Фроленко М. Ф.* А. И. Зунделевич // Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1932. С. 133.

«Министр иностранных дел»

А. Д. Михайлов в письме к товарищам от 16 февраля 1882 года называет Зунделевича «царем на границе» и приводит такие факты:

> Он перевозил сотни пудов всяких книг <...>; перевозил, как через лужу, через границу десятки людей, — и ни одной неудачи, ни одного несчастного случая. Среди контрабандистов он пользовался удивительным уважением и доверием. Достаточно было одной записки его, и можно было свободно отправляться на границу к его знакомым; достаточно было сказать, что Зунделевич заплатит (они знали его под псевдонимом), и евреи, рискующие только из-за денег, перевозили бесплатно[70].

Механизм, с помощью которого Зунделевич вытворял подобные чудеса, раскрывают двое — Иохельсон и Кравчинский. Начнем с записок Иохельсона. Переправка производилась на станции Вержболово (ныне — город Вирбалис в Литве) Владиславского уезда Сувалкской губернии, где на границе с Германией располагались таможня и пограничные учреждения. Главным контрабандистом, с которым сотрудничал Зунделевич, был некий Залман (это имя, фамилию Иохельсон не вспомнил). В контрабандном бизнесе участвовали и члены его семьи. Залман был настоящим виртуозом своего дела, умело использовавшим материальную заинтересованность работавших на границе людей[71].

Иохельсон говорит о самых разнообразных способах переправы людей через границу, применявшихся Залманом:

> То часовой, как заметит Залмана с его клиентом, удалялся в другую сторону, то таможенный чиновник у шлагбаума сухопутной границы пропускал по каким-то подозрительным удостоверениям, то работник мельницы, стоявший

70 Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 231.

71 *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 58–59.

> у пограничной речки, переносил людей на спине, точно кули муки, то Залман одевал русских евреями <...> и переводил их через границу как своих родственников и т. д.[72]

По указанию Зунделевича Залман перевозил через границу и запрещенные издания, а впоследствии — типографские принадлежности[73].

Кравчинский в своем романе «Андрей Кожухов» вывел Зунделевича под именем Давида Стерна — хотя при этом не все, что говорит Стерн, совпадало со взглядами Зунделевича (о чем позже). Залман фигурирует у Кравчинского как «Рыжий Шмуль». Он давно занимался контрабандой и хорошо на этом зарабатывал, получая в прошлом 25 или даже 50 рублей с каждого переправляемого человека. Работа на Давида в материальном отношении имела для Шмуля и плюсы, и минусы. Плюсы — увеличившийся поток переправляемых им людей, хорошая оплата контрабанды книг. Причем Давид умел держать язык за зубами и никогда не обманывал. Минус — Давид, в глазах Шмуля страшный скряга, торговавшийся за каждый грош — сбил цену за человека до 10 рублей, которые он обычно сам платил Шмулю по завершении операции. Расчетливость и экономность в трате революционных денег была для Давида священным долгом[74].

Шмуль при встрече с Давидом пытается поднять свое жалованье, ссылаясь на то, что солдаты пограничной стражи (так называемые объездчики) стали очень жадными и просят за свои услуги больше денег, а на границе усилились строгости. Давид держит удар, сперва прочитав Шмулю деловое нравоучение: «Нужно держаться установленных правил. <...> Чем больше Вы дадите, тем больше с Вас будут требовать. Помните это, друг мой, и держитесь своих цен»[75]. А потом, как бы между делом, Давид сообщает о возвращении в местечко другого контрабандиста,

---

[72] Там же. С. 59.

[73] Там же.

[74] *Степняк-Кравчинский С. М.* Андрей Кожухов // Степняк-Кравчинский С. М. Соч. Т. 2. М., 1987. С. 28–29, 32–33.

[75] Там же. С. 31.

соперничавшего со Шмулем. Тот сдается и больше не поднимает вопрос об увеличении оплаты.

Давид напоминает, что Шмуль не имеет права брать денег с переправляемых людей (это правило, впрочем, могло быть, как мы покажем ниже, нарушено, когда — по предварительной договоренности с Зунделевичем — те же 10 рублей должен был платить сам эмигрант). Кроме того, Шмуль был обязан уже на той стороне границы взять у беглеца расписку, что все прошло благополучно, и передать ее Давиду. Он «был очень строг, даже жесток в этом отношении»[76]. Для переправы обратно, из Германии в Россию, у Давида имелись свои люди из числа не только евреев, но и контрабандистов-немцев[77].

Стоит также добавить, что Давид всегда очень заботился не только о безопасности доверившихся ему людей, но и об их комфорте — чтобы они были хорошо накормлены, напоены и довольны во всех отношениях. Для этого он, если сопровождал кого-либо лично, заранее закупал много качественной еды и возил с собой в саквояже хороший чай[78]. Это свидетельство Кравчинского подтверждает Любатович, которую в конце июня 1879 года из Германии в Россию вместе со Стефановичем переправлял сам Зунделевич[79].

Для полноты картины приведем примеры, как проходила переправка.

Согласно описанию Морозова, в декабре 1874 года Зунделевич, проехав с будущими эмигрантами до второй станции от германской границы, передал их на попечение рыжего еврея-контрабандиста (судя по описанию, Залмана). Тот наклеил Саблину и Грибоедову пейсы, чтобы они выглядели евреями, а самого Морозова вырядил еврейской девушкой. Затем Залман посадил их в повозку, заняв место кучера, и объездчики без каких-либо вопросов пропустили экипаж с «типичной еврейской» семьей к находящемуся на границе местечку[80].

---

[76] Там же. С. 32.

[77] Там же. С. 46–47.

[78] Там же. С. 32.

[79] *Любатович О.* Указ. соч. С. 58.

[80] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 1. С. 378–380.

Дальше надо было дождаться утра следующего дня, ибо вечером пограничный участок контролировал объездчик, получавший деньги от самого Зунделевича, а не от Залмана. Когда Зунделевича не было, этот объездчик мог и схватить беглецов. У каждого из участников контрабандного дела был только один находящийся на содержании объездчик, и каждый контрабандист, по словам Залмана, был «должен знать свое время и в чужое не показываться»[81]. Дождавшись рассвета, Морозов, Саблин и Грибоедов в сопровождении Залмана отправились к границе. Объездчик, подкупленный Залманом, специально отъехал в сторону и пропустил эмигрантов. Перескочив замерзший ручей, они оказались на территории Германии[82].

«Семидесятник» Н. В. Васильев, будущий социал-демократ и меньшевик, оставил не менее красочное описание своего пересечения границы в августе 1878 года. Он также по указанию Зунделевича вышел на второй станции от границы, где к нему в зале для публики подошел все тот же рыжий еврей (то есть Залман), получивший, без сомнения, в письме от Зунделевича приметы беглеца. Залман посадил Васильева в повозку, которая привезла его в приграничную деревню (речь явно идет о местечке). После небольшого отдыха Залман и Васильев вышли к границе, причем по указанию Залмана Васильев заплатил стоявшему на тропинке объездчику 10 копеек. Следующему объездчику платить не пришлось — когда Залман и Васильев подошли к нему, тот отвернулся и стал смотреть в противоположную сторону.

Потом, подождав ухода унтер-офицера, который «стоил» для контрабандистов слишком дорого — не меньше рубля — и поэтому не получал взяток, Залман и Васильев пересекли границу[83]. Уже на германской территории Васильев, выполняя волю Зунделевича, заплатил Залману 10 рублей и по его просьбе выдал «свидетельство» для Зунделевича о «хорошей работе» Залмана. Тот при этом сказал: «Я это свидетельство должен послать г[ос-

---

[81] Там же. С. 381.

[82] Там же. С. 381–382.

[83] *Васильев Н. В.* В семидесятые годы. М.; Л., 1931. С. 112–113.

поди]ну Зунделевичу [тут Васильев расходится с Иохельсоном, утверждающим, что Залман знал Зунделевича только под псевдонимом. — *Г. К.*]. Он очень строг по этой части»[84].

Приблизительно так же, как Морозов и Васильев, но с некоторыми вариациями, описывает свою, вместе со Стефановичем и И. Я. Павловским, переправку через границу в июле 1878 года и Дейч. Правда, тут поначалу произошла накладка: Зунделевич, который должен был вместе с Залманом лично встретить беглецов на одной из приграничных станций, решил немного поспать на другой, узловой станции, и пропустил нужный поезд. Он нагнал эмигрантов уже в гостинице в одном из германских селений. Но те по заранее указанным Зунделевичем приметам узнали Залмана, и он тоже — по посланным в письме Зунделевича сведениям — опознал беглецов, так что все прошло благополучно[85].

В контрабандно-революционном деле Зунделевичу не было равных. И недаром контрабандисты по обе стороны границы считали его крупнейшим и очень богатым контрабандным предпринимателем[86]. Согласно рассказу народоволки П. С. Ивановской, спустя более чем 10 лет после ареста Зунделевича контрабандисты близ Вержболово помнили его и восхищались его смелостью, находчивостью и разносторонними способностями — «и швец, и жнец, и на дуде игрец»[87].

Устроитель нелегальных типографий в Петербурге

Первой землевольческой типографией в столице была типография, устроенная А. Н. Аверкиевым и Н. А. Кузнецовым. Она работала с конца февраля по апрель 1877 года, но уже в середине апреля вследствие доноса была раскрыта полицией, а ее создате-

---

84 Там же. С. 113–114.

85 *Дейч Л.* За рубежом. С. 168–171; *Он же.* Аарон Зунделевич. С. 191–192.

86 *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 192; *Иохельсон В.* Указ. соч. С. 59.

87 РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 56 (*Ивановская П. С.* «Зунделевич А. И.» (1929 год)).

ли арестованы[88]. После этого среди землевольцев господствовало скептическое отношение к возможности прочного устройства и долговременной работы какой-либо типографии в Петербурге. Печатный станок, другие типографские принадлежности, сам характер труда, требующего немалого количества людей, привоз и увоз бумаги (то чистой, то отпечатанной) — все это неизбежно привлекало внимание полиции или любопытных соседей и казалось, по свидетельству Кравчинского, «праздной мечтой, ведущей лишь к бесцельной трате денег и гибели лучших сил».

Однако, добавляет Кравчинский, нашелся «мечтатель, фантазер», который «с жаром доказывал, что даже в самом Петербурге можно устроить типографию и что он ее устроит, если только его снабдят необходимыми средствами». Это был Зунделевич, и первоначально над его планами «посмеивались, как над фантазиями неисправимого оптимиста». Но он был упорен и настойчив и через некоторое время получил на свою затею 4000 рублей[89].

Летом 1877 года Зунделевич отправился за границу и купил там основную часть типографского оборудования. Дальнейшие подробности Зунделевич описал в письме к историку Б. И. Николаевскому от 14 февраля 1923 года:

> Когда я ее [типографию. — *Г. К.*] привез в Петербург, время было глухое, из близких товарищей мало кто был в Петербурге. По неопытности я вместе со шрифтом и станком не купил рамы для набора, и мне пришлось заказать ее в Петербурге. Сделал ее знакомый рабочий-слесарь. Помню также, что затруднительно было достать массу для валика. Пришлось изготовить ее самому. Способ изготовления я нашел в какой-то немецкой технической книге и приготовить ее мне удалось с помощью студента-технолога Дмитрия Дьяконова. На его бедной студенческой квартире, под его руководством, я пару недель делал опыты, пока не удалось получить удовлетворительный продукт.

---

88 *Покровская З. А.* Нелегальная типография А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова (Первая типография «Земли и воли») // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXX. М., 1975. С. 113–136.

89 *Степняк-Кравчинский С. М.* Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С. М. Соч. Т. 1. С. 457.

Зунделевич продолжает:

> Осенью, когда публика съехалась, меня познакомили с Марьей Константиновной Крыловой, бывшей хорошей наборщицей, и мы приступили к открытию типографии. Она наняла бедную квартирку в доме Сивкова, возле Варшавского вокзала. Рублей на 10–15 я купил старую мебель <...>. Оболешев порекомендовал мне молодого болгарина Карловского, который поселился в типографии и работал в ней до ликвидации ее. Первую пару месяцев мы работали втроем: Марья Константиновна, Карловский и я.

Потом, в связи с отъездом Зунделевича, его какое-то время заменяла Засулич. Типография получила название Вольной русской типографии[90]. Фроленко, встречавшийся с Зунделевичем в это время, вспоминал: «...при моем приходе на его квартиру я застал его и других за выпиливанием гуттаперчевого или резинового вала для типографии»[91].

Вольная русская типография проработала с октября 1877 по май 1878 года, напечатав в общей сложности 23 издания, среди которых были: 1) материалы о процессе 193-х (где судилось большинство участников «хождения в народ»), который проходил в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего Сената (в дальнейшем — ОППС) с 18 октября 1877 по 23 января 1878 года; 2) различные прокламации и листовки, в том числе о покушении Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 года и ее оправдании судом присяжных Петербургского окружного суда 31 марта 1878 года[92].

Вольная русская типография прекратила функционировать в мае 1878 года, поскольку землевольцы уже тогда обдумывали

---

[90] Приложение // Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 212. В опубликованном тексте фамилия Карловский ошибочно приводится как Козловский. Точное написание дается по оригиналу письма: HIA. Коллекция Николаевского. 509–521.

[91] *Фроленко М. Ф.* А. И. Зунделевич. С. 133.

[92] *Покровская З. А.* «Вольная русская типография» (Вторая типография «Земли и воли») // Книга. Исследования и материалы. Сб. XXXIII. М., 1976. С. 106–124.

вопрос об издании собственной газеты, а для этого имеющийся типографский станок не подходил — формат его был длинный и узкий. В связи с этим старую типографию (то есть ее принадлежности) законсервировали и хранили исключительно на случай экстренной надобности в будущем[93]. Но такой необходимости не возникло, а 25 февраля 1879 года она была захвачена полицией при обыске у помощника смотрителя Петербургской портовой части Б. Е. Ненсберга[94].

Следующая революционная книгопечатня в Петербурге, так называемая Петербургская вольная типография, тоже появилась в столице благодаря Зунделевичу. История ее возникновения следующая. В конце 1877 года в Петербурге сложился кружок беспартийных социалистов, из которых только Н. К. Бух (будущий видный народоволец) имел серьезное революционное прошлое — был участником «хождения в народ» и членом бакунистского кружка «южных бунтарей» (существовал на Украине с зимы 1874–1875 годов до ноября 1876 года). Еще один — польский социалист А. И. Венцковский — располагал обширными связями в революционных кругах. Остальные — Л. К. Бух (брат Н. К. Буха), А. А. Астафьев, И. А. Головин, В. В. Луцкий и Е. С. Федоров (впоследствии выдающийся кристаллограф) — были малоизвестны в революционном мире.

По инициативе Венцковского и Л. К. Буха группа решила создать свою типографию, чтобы печатать прокламации и издавать собственную газету. Им удалось приобрести у одного из наборщиков типографии известного издателя М. О. Вольфа 96,6 кг нового шрифта. Затем, собрав необходимые деньги, Венцковский вручил их, конечно же, «министру иностранных дел» тогдашней русской революции Зунделевичу для покупки в Европе хороше-

---

93 Приложение. С. 213 (письмо Зунделевича к Николаевскому от 14 февраля 1923 года); *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 216 (из письма от 22 февраля 1923 года).

94 *Покровская З. А.* Судьба первой типографии «Земли и воли» // Советские архивы. 1968. № 3. С. 119–120. Впоследствии Покровская стала считать Вольную русскую типографию второй типографией «Земли и воли», что отразилось в приведенном выше названии ее статьи 1975 года.

го типографского оборудования[95]. Было это, видимо, в декабре 1877 года.

Закупив в Берлине все необходимые принадлежности, Зунделевич переправил их через границу[96]. Относительно дальнейшего источники расходятся. Зунделевич в письме к Николаевскому от 25 января 1923 года говорит, что лично привез типографию в Петербург на квартиру Луцкого[97]. Н. К. Бух же сообщает, что Зунделевич с ближайшей к границе железнодорожной станции послал груз с типографским оборудованием в столицу, вручив кому-то из членов кружка дубликат накладной. Луцкий, вышедший в отставку мичман, надев военно-морской мундир, без проблем получил все посланное[98]. Кого тут обманула память, неясно.

В марте 1878 года вышел № 1 газеты «Начало», так что время доставки типографии в Петербург можно приблизительно определить как февраль. В апреле-мае 1878 года типография выпустила № 2–4 «Начала», прибавление к № 4 и несколько прокламаций. Программные установки «Начала» в целом были близки к идеям «Земли и воли», хотя в газете высказывались различные мнения[99].

Летом «Начало» не издавалось, а в августе на совместном собрании кружка беспартийных социалистов и представителей «Земли и воли» было решено передать типографию землевольцам. Она получила название Петербургской вольной типографии. В ней печатались газета «Земля и воля» (с октября 1878 года) и другие землевольческие издания. После раскола «Земли и воли»

---

[95] *Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928. С. 145–147; HIA. Коллекция Николаевского. 509–21 (письмо Зунделевича к Николаевскому от 25 января 1923 года).

[96] *Бух Н. К.* Указ. соч. С. 156.

[97] HIA. Коллекция Николаевского. 509–521.

[98] *Бух Н. К.* Указ. соч. С. 156.

[99] От редакции // Начало. № 1. 03.1878 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 2–6; *Покровская З. А.* Типография газеты «Начало» (из истории нелегальной печати в России конца 70-х годов XIX в.) // Труды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Т. 14. М., 1978. С. 84–85, 95–99, 102–103; *Кириченко Т. М.* Из истории русской революционной периодической печати 70-х гг. XIX в. М., 1971. С. 83–88.

в августе 1879 года на «Народную волю» и «Черный передел» типография по общему соглашению досталась народовольцам. Она функционировала до того момента, когда полиция, выйдя на ее след, в ночь с 17 на 18 января 1880 года захватила ее вместе с работавшими там народовольцами[100].

Таким образом, Зунделевич благодаря своей деловитости и практичности сумел на два с половиной года — с сентября 1877 по январь 1880 года — решить проблему организации революционной печати в столице империи — Петербурге. При этом парадоксальным образом содержание выходящих изданий, кроме отчасти лишь народовольческих, мало соответствовало его собственным взглядам.

Добывание средств для революции и террора — удачное и неудачное

В числе членов Основного кружка «Земли и воли» и учредителей этого общества был бывший «чайковец» Д. А. Лизогуб — сын богатого помещика, унаследовавший от родителей огромное состояние. Он был владельцем больших имений в Черниговской и Каменец-Подольской губерниях[101], стоивших, по разным оценкам, от 150 000 до 187 250 рублей[102].

Получить эти деньги можно было, только продав имения, но сделать это быстро и сразу применительно ко всем поместьям означало вызвать к себе подозрения со стороны властей, тем

---

[100] *Бух Н. К.* Указ. соч. С. 166, 174; HIA. Коллекция Николаевского. 509–21 (письмо Зунделевича к Николаевскому от 25 января 1923 года); *Покровская З. А.* Типография газеты «Начало». С. 84, 101–102; *Она же.* «Петербургская вольная типография» (1878–1879 гг.) // Труды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Т. 11. М., 1969. С. 66–67, 70, 73–85, 88–105; *Баренбаум И. Е.* Нелегальные типографии 70-х и начала 80-х годов // 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. Т. 1. М., 1964. С. 358–359.

[101] Дмитрий Андреевич Лизогуб (Биографический очерк) // Народная воля. № 5. 05.02.1881 // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 116.

[102] Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906. С. 66–67.

более что Лизогуб уже давно считался «политически неблагонадежным». Поэтому он осуществлял эту продажу постепенно и по частям, пользуясь различными способами, уловками и комбинациями. В конечном счете ему удалось передать в распоряжение «Земли и воли» около 50 000 рублей[103], что было хоть и меньше задуманного, но очень много по тем временам.

Из этих денег Лизогуб, еще в 1877 году увлекшийся идеей борьбы с правительством посредством террора, специально отложил большую сумму на предприятия такого рода. Знали об этом только Марк и Ольга Натансоны, Оболешев и Зунделевич. Деньги хранились у некоего профессора химии, не ведавшего, для чего они предназначены. В декабре 1878 — январе 1879 года, после ареста всех знавших о тайнике, Зунделевич передал 4500 из этих сумм в кассу Основного кружка. Оставшиеся 8000 он отдал уже «Народной воле» после ее образования, поскольку ее программа вполне соответствовала пожеланиям Лизогуба[104].

Этими действиями роль Зунделевича как человека, способного добыть финансы для революции, не ограничилась. И связано это было опять-таки с Лизогубом. Поэтому немного скажем о том, что случилось с главным спонсором «Земли и воли» в 1878–1879 годах.

В феврале 1878 года В. А. Осинский, с осени 1877 года в основном живший на юге России, создал в Киеве организацию под условным названием «Исполнительный комитет русской социально-революционной партии» (в дальнейшем — Южный ИК; это наименование обычно и фигурирует в исторической литературе). Хотя Осинский был, как и Лизогуб, членом Основного кружка и учредителем «Земли и воли», его сообщество действовало абсолютно независимо от последней. При этом ни писанной

---

[103] Дмитрий Андреевич Лизогуб. С. 116.

[104] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 209–211 (из писем от 24 августа и 24 сентября 1922 года). Точная датировка и сумма переданных Зунделевичем на рубеже 1878/1879 годов денег устанавливается по кассовой книге «Земли и воли» (Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 140); сам Зунделевич называет неправильную сумму в 6000 рублей (*Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 210).

программы, ни какой-либо структуры с фиксированным членством у Южного ИК не было — это просто был кружок лиц, группировавшихся вокруг Осинского.

У самого Осинского, однако, были свои, расходящиеся с «Землей и волей» воззрения, и сводились они к тому, что необходимо вести вооруженную борьбу с властью за политическую свободу. Правда, четкого представления о тех учреждениях, за которые следует бороться, у Осинского не успело сложиться, так что его можно считать скорее стихийным, интуитивным, а не интеллектуальным провозвестником «Народной воли». Среди условных членов Южного ИК некоторые разделяли взгляды Осинского и даже формулировали их более четко, чем он сам. Однако были и те, кто руководствовался традициями старого, еще бакунистского «бунтарства» с его «пропагандой действием». Лизогуб одним из первых примкнул к Южному ИК и, более того, выделил какую-то немалую (точный размер в известных нам источниках не фигурирует) сумму для его финансирования[105].

Южный ИК (или близкие к нему лица) осуществил три террористических акта: 1) 23 февраля 1878 года сам Осинский и двое его сподвижников в Киеве стреляли в товарища прокурора Киевского судебного округа М. М. Котляревского, но он не был даже ранен; 2) 24 мая 1878 года Г. А. Попко в Киеве кинжалом нанес смертельную рану адъютанту начальника Киевского губернского жандармского управления (ГЖУ) Г. Э. фон Гейкингу; 3) 9 февраля 1879 года Г. Д. Гольденберг в Харькове из револьвера смертельно ранил местного губернатора Д. Н. Кропоткина (двоюродного брата беглеца из Николаевского военного госпиталя). Основанием для всех трех покушений было обвинение вышеназванных чиновников в жестокости (или равнодушии к жестокосердным поступкам, совершаемым их подчиненными)

---

[105] *Дебогорий-Мокриевич В.* Воспоминания. СПб., 1906. С. 311, 319–320, 323, 332–334, 369; *Дейч Л.* Валерьян Осинский // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 27, 30, 35–36; Дмитрий Андреевич Лизогуб. С. 116; *Стеблин-Каменский Р.* Григорий Анфимович Попко // Былое. 1907. № 5. С. 187, 195; 203; Письмо Валериана Осинского // Листок «Земли и воли». № 5. 08.06.1879 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 483.

либо излишнем усердии в преследовании революционеров. Всем террористам удалось скрыться[106].

В период с марта 1878 года по февраль 1879 года почти все участники Южного ИК были арестованы; некоторые из них при этом оказали вооруженное сопротивление. В частности, Осинский был задержан в Киеве 25 января 1879 года, а Лизогуб — в Одессе 5 августа 1878 года. Пять человек из числа схваченных были повешены — в том числе Осинский 14 мая 1879 года в Киеве и Лизогуб (осужденный на казнь из-за показаний полицейского агента Ф. Е. Курицына, изобразившего его руководителем всего революционного движения в России[107]) — 10 августа 1879 года в Одессе. Остальные из числа арестованных получили многолетнюю каторгу, а один умер в тюрьме.

В промежутке между арестом и казнью Лизогуба его деньгами по доверенности распоряжался управляющий его имениями В. В. Дриго. С ним первоначально поддерживал связь Осинский, получивший от него не менее 5000 рублей. А затем по поручению Основного кружка «Земли и воли» и с рекомендацией от Осинского к Дриго стал ездить Зунделевич. Кроме того, заехав в Одессу, Зунделевич сумел установить нелегальные сношения с сидящим в тюрьме Лизогубом. С октября (или ноября) 1878 года и по конец апреля (или начало мая) 1879 года (точные даты тут установить сложно из-за противоречивых в хронологическом отношении свидетельств участников событий) Зунделевич, встретившись с Дриго в Киеве, Чернигове и Одессе, получил от него от 3000 до 4000 рублей (здесь тоже источники расходятся).

---

[106] По поводу покушения на жизнь киевского товарища прокурора Котляревского // Община (Женева). 1878. № 3–4. С. 28–29; *Щеголев П.* Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10. С. 98–100, 103; *Дебогорий-Мокриевич В.* Указ. соч. С. 329–330, 332, 354–356; *Дейч Л.* Валерьян Осинский. С. 29; *Стеблин-Каменский Р.* Указ. соч. С. 187–189; Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). [Харків], 1934. С. 283 (прокламация об убийстве Гейкинга); Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 77–78 (прокламация «Земли и воли» «Казнь Кропоткина»).

[107] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 109–125.

Казалось бы, это был успех, но на самом деле, учитывая планы Зунделевича, ситуация едва ли не впервые в его практике складывалась скорее неблагоприятно. Во-первых, он надеялся получить от Дриго по мере продажи имений Лизогуба гораздо больше средств. Но Дриго не хотел помогать революционерам, утаивал деньги и выдавал их только тогда, когда получал от Лизогуба прямое письменное (из тюрьмы) распоряжение. Во-вторых, в намерения Зунделевича входила следующая комбинация: Дриго по поручению Лизогуба выписывал бы векселя на 50–60 тысяч рублей на имя некоего проживающего в Европе банкира, который потом мог бы взыскать деньги Лизогуба судебным порядком. «Своего» банкира у Зунделевича за границей не было; его еще предстояло найти, для чего Зунделевич в мае 1879 года уехал в Европу, передав сношения с Дриго А. Д. Михайлову.

Дальше с получением денег Лизогуба все уже совсем пошло наперекосяк. «Вексельно-банкирская» затея Зунделевича оказалась мертворожденной. Он дважды ездил за границу, в мае-июне и в июле, и оба раза безрезультатно — банкира, готового с ним работать, отыскать не удалось[108]. Впрочем, вторая поездка была уже излишней, поскольку Дриго, сперва просто отказывавший Михайлову в выдаче крупных сумм даже по распоряжению Лизогуба, в середине июля 1879 года уже прямо перешел на сторону правительства и сообщил властям сведения, необходимые для ареста Михайлова. Последний сумел скрыться[109], но

---

[108] Процесс шестнадцати террористов. С. 68–70 (материалы следствия и свидетельства Дриго), 158–160 (показания Зунделевича и Дриго на судебном заседании 28 октября 1880 года); Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 188–189; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 88 (показания Зунделевича от 30 мая 1880 года), 249 об.–250 об., 685–688, 708 об.–709 (показания Дриго от 26 июня, 11 и 16 августа 1880 года); К биографии Д. А. Лизогуба (Записка В. В. Дриго) // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 97–98; *Иохельсон В. И.* Далекое прошлое // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов. М.; СПб., 2012. С. 248–249.

[109] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 688–689 (показания Дриго от 11 августа 1880 года); К биографии Д. А. Лизогуба. С. 99–100; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 223–224 (сообщение Н. В. Клеточникова от 28 июля 1879 года); Показания А. Д. Михайлова на следствии // Прибылева-Кор-

шансов на получение средств Лизогуба у землевольцев уже не осталось.

Таким образом, в деле финансового обеспечения революционных структур, к которым принадлежал Зунделевич, он добился некоторых успехов, но все же не смог реализовать все свои планы. Возможно, что тут действовали непреодолимые обстоятельства и вины Зунделевича в неудачах не было. Да и вряд ли даже такой выдающийся практик, каким он был, мог обладать волшебной трын-травой для успешного решения всех возникающих вопросов.

Причины вынесения «Землей и волей» смертного приговора начальнику III отделения Н. В. Мезенцову

Зунделевич, как уже говорилось, был одним из соучастников в убийстве Мезенцова. Решение об этом было принято Большим советом «Земли и воли» в первой декаде июля 1878 года, но Зунделевич, разумеется, согласился участвовать в покушении, исходя из собственных убеждений, а не по соображениям «партийной» дисциплины. Чтобы понять мотивы, которыми он руководствовался (как и его последующую поддержку террора), стоит подробно остановиться на причинах данного террористического акта.

Н. В. Мезенцов служил в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии с 1864 года, занимая должности управляющего (1864–1871), начальника штаба корпуса жандармов (1864–1871), товарища начальника III отделения (1874–1876) и, наконец, начальника отделения и шефа жандармов (с 1876 года)[110].

ба А. П., Фигнер В. Н. А. Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 132–134; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году. Ростов-на-Дону, 1906. С. 70–72 (объяснения А. Д. Михайлова).

[110] *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 403.

В брошюре Кравчинского (непосредственного убийцы Мезенцова) «Смерть за смерть» перечислены обвинения в его адрес, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) осуществление массовых арестов и административной ссылки (в том числе и в Восточную Сибирь) социалистов и вообще «неблагонадежных» лиц; 2) ключевая роль в фактической отмене мягкого приговора по процессу 193-х и в ужесточении участи как многих осужденных, так и оправданных по этому процессу; 3) жестокость и лицемерие по отношению к арестантам Петропавловской крепости, голодавшим в июне-июле 1878 года с целью улучшения своего положения. Кроме того, Кравчинский говорит и о тяжелых условиях заключения в центральных каторжных тюрьмах Европейской России[111]. Хотя имя Мезенцова при этом не называлось, составленные при его участии нормативные акты о содержании в централах «государственных преступников» были известны землевольцам[112].

Рассмотрим, насколько эти обвинения соответствовали действительности.

(1) Массовые аресты и административная ссылка

III отделение вплоть до 1871 года занималось только надзором за политически «неблагонадежными» лицами и сыском тех из них, кого считало наиболее опасными. Законом от 19 мая 1871 года его полномочия были существенно расширены — жандармским офицерам дали право инициировать и проводить дознания «о государственных преступлениях», правда, под наблюдением «лиц прокурорского надзора». По результатам этих дознаний прокурор судебной палаты предоставлял дело министру юстиции, который мог: а) сделать распоряжение «о производстве предва-

---

[111] *Кравчинский С. М.* Смерть за смерть // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Автор-составитель О. В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 79–80, 84–85.

[112] *Михайлов А. Ф.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. С. 149. О том, что именно Мезенцов выступал в роли законодателя порядков в централах, пишет М. Н. Гернет (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1952. С. 286, 289–290).

рительного следствия»; б) «испросить Высочайшее повеление о прекращении производства»; в) по согласованию с начальником III Отделения разрешить дело в административном порядке[113].

Последствия этих нововведений не заставили себя ждать. Во-первых, новая система фактически изъяла политические дела из общего порядка судопроизводства, в результате чего обвиняемый, в частности, лишался права на жалобу в суд, поскольку суда могло и не быть, так как человек мог быть просто сослан административно. Во-вторых, жандармы, договорившись с чинами прокуратуры, возбуждали, по словам А. Ф. Кони, «массу дознаний по неосновательным поводам, без наличности признаков преступления», вели «производство их с грубым нарушением существующих правил судопроизводства относительно обысков, арестов и т. п.»[114]. В-третьих, угрожающая обвиняемым административная ссылка никак и ничем не была регламентирована — отсутствовал не только перечень юридических оснований для нее, но и какие-либо ограничения по срокам.

С Кони были согласны и такие крайне далекие от революционеров и социалистов деятели, как Б. Н. Чичерин и К. П. Победоносцев. Чичерин утверждал:

> Виновные и невинные, по малейшему подозрению, сажались в тюрьму, и содержались там по целым годам при ужасающих условиях. Административная ссылка практиковалась в самых широких размерах, без всякого толку и часто даже без всякого повода[115].

Победоносцев подытоживал:

> Агенты III Отделения, особливо при Потапове [начальнике в 1874–1876 годах. — *Г. К.*] <...> не отличались ни образованием, ни здравым смыслом и тактом. <...> Повели это страшное дело по целой России, запутывали, раздували,

---

113 ПСЗ. Т. 46. Собр. 2. Отд. 1. СПб., 1874. С. 593–594.

114 *Кони А. Ф.* Политическая записка 1878 года. Закон 19 мая 1871 года // Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 333–334.

115 *[Чичерин Б. Н.].* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 25.

> разветвляли, нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром, держали их в заключении целые месяцы даже без допроса, возбудили вопли раздражения в семействах[116].

Согласно сводной записке чиновника самого III отделения М. М. Меркулова «о лицах, привлеченных с 1873 г. по март 1877 г. к дознанию по делу о пропаганде», было привлечено к следствию 1611 человек. Для 557 лиц (около 35 %) «преследование прекращено без всяких последствий». Остальные подлежали или суду, или высылке в отдаленные губернии, или подчинению полицейскому надзору[117].

При этом стоит сказать, что социалисты первой половины 1870-х годов, хотя и ставили в основном своей целью насильственную народную (преимущественно крестьянскую) революцию, действовали почти всегда мирными, пропагандистскими методами и к *немедленному* кровавому, с убийствами и насилиями, восстанию не призывали — за исключением не составлявших большинства в их среде крайних бакунистов. В странах Западной и Центральной Европы, кроме разве что Франции начала 1870-х годов, участники такого движения получали бы очень незначительные наказания или не наказывались бы вовсе[118]. И лишь радикальные бакунисты преследовались бы и в Европе, хотя, наверное, в разных странах по-разному, и не везде с такой суровостью, как в России.

(2) Процесс 193-х

Этот процесс был третьим из наиболее известных процессов социалистов 1870-х годов. Первым был суд над членами бакунистского кружка так называемых «долгушинцев» в ОППС

---

116 Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1926. С. 85–86 (письмо от 10 октября 1877 года).

117 *Сидоров Н. И.* Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III Отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 29–30.

118 Об этом, в частности, писал левый либерал М. П. Драгоманов (*Драгоманов М. П.* Мирный и умеренный элемент в русском социально-революционном движении // Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений. Т. II. Paris, 1906. С. 718–719).

в июле 1874 года, где 5 из 12 подсудимых получили от 5 до 10 лет каторги[119]. Вторым был процесс 50-ти, проходивший в ОППС в феврале-марте 1877 года, где судились члены действовавшей в 1875 году организации так называемых «москвичей». Приговор в окончательной редакции и тут был довольно суров: 6 человек отправились на каторгу, а 29 — в ссылку в Сибирь[120].

При подготовке процесса 193-х было привлечено к дознанию 770 человек, под стражей оставлено 265, из которых к началу суда в октябре 1877 года 43 умерло, 12 покончили с собой и 38 сошли с ума[121]. Обвинительный акт инкриминировал *абсолютно всем* подсудимым принадлежность к единому революционному сообществу, ставившему своей целью физическое уничтожение всех чиновников и представителей имущих слоев населения. Подсудимые изображались невежественными и морально испорченными людьми, склонными к разврату и мошенничеству. При этом конкретные обвинения в адрес почти всех подсудимых были смехотворны: передача революционных книжек крестьянам, «бунтовские» разговоры и т. п.[122]

Обвинительный акт был в своих основных идеях и выводах фальсификацией, поскольку большинство привлеченных к суду не разделяло взгляды крайних бакунистов и не несло ответственности за некрасивые поступки отдельных участников движения. Но заявление о принадлежности всех подсудимых к единому революционному сообществу было уже прямой ложью — такой организации не существовало, а обвиняемые входили в состав самых разных и подчас никак не связанных между собой социалистических кружков.

---

[119] *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932. С. 180–183; *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы в 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 344–345.

[120] *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 350–354; *Джабадари И. С.* Процесс 50-ти // Былое. 1907. № 10. С. 194.

[121] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 553, 557.

[122] Обвинительный акт см.: Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 3. [Ростов-на-Дону, 1906]. С. 4–243.

После целой серии скандалов и под влиянием общественного мнения ОППС 23 января 1878 года вынесло подсудимым относительно мягкий приговор. Из 190 подсудимых (три человека умерло во время суда) 90 были оправданы, 72 приговорены к ссылке, незначительным срокам тюремного заключения или штрафу и лишь 28 — к каторжным работам. Более того, ОППС даже ходатайствовало перед императором о смягчении приговора для многих осужденных, в частности о замене ссылкой каторги 27 из 28 приговоренных к ней[123].

Однако это прошение было лишь частично удовлетворено Александром II, и 12 из 27 лиц, о которых ходатайствовало ОППС, отправились на каторгу. Кроме того, 80 из 90 оправданных подсудимых и некоторые из тех, кому было засчитано в виде наказания предварительное заключение, по соглашению Мезенцова с министром юстиции К. И. Паленом, с ведома, разумеется, императора, подлежали административной ссылке (в основном в северные губернии) под надзор полиции. Одной из главных причин всего случившегося была именно жесткая позиция самого Мезенцова. III отделение выступило против приговора суда, поскольку считало, что заведомо «опасные» лица оправданы лишь из-за недостатка улик[124].

Такое «легкое» отношение к правосудию и к судьбам «неблагонадежных» лиц вытекало из общего взгляда Мезенцова на революционеров (вернее, тех, кого он считал таковыми), изложенного им в специальной записке в мае 1875 года. Поводом для нее послужили следующие события. 5 мая 1875 года, перед отправкой осужденных «долгушинцев» на каторгу, в Петербурге над ними была проведена процедура так называемой «гражданской казни». При этом один из арестантов, Н. А. Плотников, громко выкрикивал антиправительственные лозунги, а среди присутствующей публики раздавались сочувственные голоса.

---

[123] Там же. С. 297–301.

[124] Финал процесса 193[-х] // Красный архив. 1928. № 5. С. 184–185, 189–192, 194–199; *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 197–198.

В результате 13 человек были задержаны и впоследствии 5 из них административно высланы из столицы[125].

Мезенцов настаивал на более жестком наказании всех арестованных, в частности написав:

> Взяли 13 из 500, которые столько же виновны, как и 13. Но эти 13 должны быть наказаны. Убедившись всеми возможными способами, нет ли между ними невинных, *остальных заключить, покуда жив Государь, если нет улик, к нешуточному наказанию*. Великодушие в революциях немыслимо. Правительство имеет право на самозащиту, оно обязано не щадить тех, кто и его не пощадит[126].

Почему все задержанные считались потенциальной угрозой? В чем заключалось их нападение на власть, потребовавшее нешуточного наказания? По каким параметрам при отсутствии улик можно было определять виновность? Все эти вопросы мало волновали Мезенцова и в 1875-м, и в 1878 году.

(3) История с голодовкой в Петропавловской крепости в июне-июле 1878 года

Согласно брошюре самого Кравчинского, воспоминаниям участников голодовки С. С. Синегуба и Н. А. Чарушина и исследованию Е. Е. Колосова[127], события развивались следующим образом. Находившиеся в Трубецком бастионе подследственные (то есть еще не приговоренные ни к какому наказанию) социалисты, среди которых были члены-учредители «Земли и воли» Натансон и Тютчев, в июне 1878 года потребовали улучшения тюремных условий — общих прогулок, свободного общения с другими осужденными и т. п. В случае невозможности удовле-

---

[125] *Беккер И.* Демонстрация долгушинцев на Конной площади: (По архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1926. № 2. С. 69, 73.

[126] Там же. С. 72; курсив наш.

[127] *Кравчинский С. М.* Смерть за смерть. С. 84–85; *Синегуб С.* Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 215–220; *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973. С. 274–275; *Колосов Е.* Революционная деятельность Н. С. Тютчева в 1870[-х] гг. (По документам III Отделения) // Тютчев Н. С. Революционное движение 1870–80 гг. Статьи по архивным материалам. М., 1925. С. 41–42.

творения этих требований в крепости они настаивали на переводе их в другую тюрьму.

Крепостное начальство отказало им во всем. Тогда Натансон и его товарищи объявили голодовку, к которой из солидарности присоединились и лица, уже осужденные по процессу 193-х (в том числе Синегуб и Чарушин), хотя они имели все те права, за которые боролась первая группа. Родственники голодающих стали осаждать Мезенцова, поскольку именно III отделению подчинялись тюрьмы в крепости. Он вначале занял самую жесткую позицию, заявив кому-то из них: «Пусть умирают: я приказал заказать гробы!»[128] Но на четвертый (по другим данным — на шестой) день голодовки он прислал своего адъютанта генерал-майора П. В. Бачманова, который обещал, что вся подследственная группа будет переведена в другие тюрьмы, где порядки менее строгие. Голодовка прекратилась.

Перевод подследственных из Трубецкого бастиона состоялся, но все они, кроме Тютчева, были отправлены в Екатерининскую куртину той же Петропавловской крепости, где никакого смягчения режима до приговора не полагалось. Мезенцов элементарно обманул голодающих, чтобы разобщить их и сбить протест. Голодовка подследственных на какое-то время возобновилась, но результата так и не принесла, закончившись ничем. При этом некоторые из протестантов были избиты, посажены в карцер или временно лишены прогулок.

(4) Отношение Мезенцова к каторжанам в централах европейской части России

Начальник III отделения был суров и к уже приговоренным к каторге социалистам. Так, мужчин, осужденных на каторжные работы по процессу 193-х, по его указанию заковали в ножные кандалы, хотя многие из них принадлежали к сословиям, чьей привилегией было избавление от оков[129].

Однако наиболее ярко отношение Мезенцова к политическим заключенным проявилось в распоряжениях о режиме Новобел-

---

[128] Данную фразу приводит Синегуб (*Синегуб С.* Записки чайковца. С. 216).

[129] Финал процесса 193[-х]. С. 184; *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 291.

городского и Новоборисоглебского централов Харьковской губернии, где в 1875–1880 годах содержалась основная часть каторжан-социалистов. Причем стоит сказать, что эти централы, созданные в 1869 году, подчинялись не III отделению, а Министерству внутренних дел и непосредственно на месте — харьковскому генерал-губернатору[130]. Так что Мезенцов тут выступил в роли непрошеного законодателя, которому, однако, ввиду его положения подчинилось тюремное начальство.

Согласно Мезенцову, заключенные (причем только «политики») должны были содержаться в одиночных камерах без права общения друг с другом, причем он требовал оставлять в одиночках даже тех арестантов, кто после отбытия установленной по закону части срока переводился в разряд так называемых «исправляющихся». Узникам также запрещались: а) свидания с родными (позднее в виде исключения Мезенцов разрешил их для родственников трех человек); б) чтение любых книг нерелигиозного содержания; в) всякий физический труд[131].

Ко всему прочему камеры в обоих централах были маленькие, в них был минимум предметов: стол, «параша», койка в виде голых досок (с лоскутом холста или войлоком, обшитым дерюгой, но без одеяла и подушки), а в Новобелгородском централе — еще и табуретка. Ночью арестантам было велено раздеваться, и они спали на голых досках, прикрываясь своими штанами и мучаясь от холода. В Новобелгородской тюрьме надзиратели вели себя грубо, а заключенные в случае протестов заковывались в кандалы и помещались в зловонные и душные крохотные карцеры. В этом централе за период 1875–1878 годов трое «политиков» умерло[132]. В целом за 1875–1880 годы в обоих централах

---

[130] ПСЗ. Т. 44. Собр. 2. Отд. 1. СПб., 1873. С. 330–332.

[131] *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 289–291.

[132] *Джабадари И. С.* В неволе // Былое. 1906. № 5. С. 55–57, 60; 1906. № 6. С. 157, 159–160; *Чернавский М.* Ипполит Никитич Мышкин // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 22–23, 29; *Виташевский Н. А.* Централка // Былое. 1906. № 7. С. 109; *Долгушин А. В.* Заживо погребенные // *Свитыч [Иллич-Свитыч] В. С.* Надгробное слово Александру II; *Долгушин А. В.* Заживо погребенные. Пг., 1920. С. 61–70; *Сажин М. П.* Воспоминания 1860–1880-х гг. М., 1925. С. 109.

из 35 «политических» узников скончались 8 и еще 7 — заболели психически[133].

3–10 июля 1878 года в Новобелгородском централе произошла голодовка заключенных, приведшая к некоторому смягчению режима. Постепенно арестанты получили право читать не только религиозную, но и светскую литературу, расширилась возможность свиданий с родными[134]. О Новобелгородском централе подробно рассказывалось в рукописи А. В. Долгушина «Заживо погребенные», тайно переданной землевольцам с помощью матери одного из узников накануне или вскоре после убийства начальника III отделения. Эта рукопись была издана в Петербургской вольной типографии в 20-х числах августа 1878 года[135] и произвела немалое впечатление, в том числе и на Зунделевича[136].

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что обвинения в адрес Мезенцова, на основании которых Зунделевич согласился участвовать в его убийстве, полностью соответствовали действительности.

Убийство Мезенцова 4 августа 1878 года в Петербурге и роль Зунделевича в этом предприятии

Источники расходятся в том, кому принадлежала инициатива этого террористического акта. А. Д. Михайлов пишет, что это была Ольга Натансон[137], а Дейч и Бердников называют самого

133 *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 292, 295.

134 *Долгушин А. В.* Указ. соч. С. 71–73; *Беккер И.* Долгушинцы в Новобелгородской тюрьме // Каторга и ссылка. 1927. № 4. С. 96–97, 109–111; *Джабадари И. С.* В неволе // Былое. 1906. № 6. С. 159, 170–177; *Чернавский М.* Указ. соч. С. 23; *Виташевский Н. А.* Указ. соч. С. 109, 116–118.

135 *Покровская З. А.* «Петербургская вольная типография»... С. 75–78.

136 Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 189.

137 Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 229 (из письма от 16 февраля 1882 года).

Кравчинского[138]. Возможно, тут было «встречное» движение обеих сторон. В первой декаде июля за зданием III отделения на набережной Фонтанки, дом 16, где в одной из квартир и жил Мезенцов, началось наблюдение с целью узнать все маршруты его передвижения[139].

Согласно Дейчу, основным наблюдателем был Зунделевич. Он с утра до позднего вечера, умудряясь оставаться никем не замеченным, выслеживал все выходы Мезенцова и в самые короткие сроки, к середине июля, разузнал всю необходимую для подготовки террористического акта информацию. После этого Зунделевич уехал на российско-германскую границу, чтобы организовать уже упоминавшийся переход через нее Стефановича, Дейча и Павловского[140], но в конце июля вернулся в Петербург.

План покушения базировался на том, что ежедневно в начале девятого утра Мезенцов без охраны, в сопровождении одного лишь своего друга — отставного подполковника Макарова — шел в часовню на Невском проспекте у Гостиного двора, а после молитвы возвращался к себе домой. Решено было, что на обратном пути к нему подойдет Кравчинский с кинжалом, завернутым в газету, и нанесет ему сильный удар в грудь. Рядом с Кравчинским должен был идти Баранников, который, в случае если бы Макаров попытался схватить террориста, остановил бы подполковника выстрелом из револьвера. Однако при этом его хотели только напугать, а не убить или ранить: Макаров был частным лицом, а не охранником Мезенцова.

Недалеко от места происшествия должна была стоять заранее приготовленная пролетка, запряженная рысаком Варваром и управляемая кучером А. Ф. Михайловым. Планировалось, что Кравчинский и Баранников после убийства Мезенцова быстро

---

138 *Дейч Л.* Баловень судьбы // Степняк-Кравчинский С. М. Грозовая туча России. М., 2001. С. 413; *Бердников Л. Ф.* Казнь шефа жандармов Мезенцова // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». С. 219.

139 *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 383; *Михайлов А. Ф.* Указ. соч. С. 150.

140 *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 191.

вскочат в нее и Варвар стремительно унесет их от возможного преследования. В деле намечалось участие и четырех сигнальщиков — А. Д. Михайлова, Зунделевича, Бердникова и Карловского: первые двое — для подачи условных знаков о приближении Мезенцова, двое других — о том, свободен ли путь для экипажа[141].

Почему Мезенцов не принимал мер для своей безопасности? Дело тут было не только в его бесспорной храбрости, но и в самонадеянности. Тесно общавшийся с ним весной 1875 года жандармский полковник В. Д. Новицкий (впоследствии генерал-лейтенант и многолетний начальник Киевского ГЖУ) вспоминает слова Мезенцова о возможных покушениях на руководство тайной полиции: «...власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема; обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения стоит отнести к области фантазий...»[142]

К концу июля вся подготовка к задуманному «акту возмездия» была закончена, все участники — на месте. Но сам Кравчинский, несмотря на то что был одним из инициаторов всего дела, не мог решиться убить хоть и врага, но все же человека. Однако известие, полученное 3 августа, избавило его от колебаний: в Одессе днем раньше был расстрелян социалист И. М. Ковальский, приговоренный 24 июля Одесским военно-окружным судом к смертной казни за оказанное им и его товарищем 30 января 1878 года вооруженное сопротивление при аресте (при этом Ковальским

---

141 *Михайлов А. Ф.* Указ. соч. С. 150–151; *Бердников Л. Ф.* Указ. соч. С. 220; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 383–384; *Дейч Л.* Баловень судьбы. С. 413, 421; Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 150–151 (показания Баранникова от 6 апреля 1881 года); Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 223 (письмо к товарищам от 15–16 февраля 1882 года); *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 198 (письмо от 18 июля 1922 года); ОР РГБ. Ф. 487. К. 35. Ед. 47. Л. 2 об. (письмо А. Ф. Михайлова к Д. Л. Тальникову (1926 год)); ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 38–39 (воспоминания Дейча (1932 год)). Адрес часовни указывается по брошюре И. И. Красовского (*Красовский И.* Генерал-адъютант Николай Владимирович Мезенцов. 4 августа 1878 года. М., 1878. С. 6).

142 *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 83.

было ранено три жандарма, но погибших не было). Вечером 3 августа решено было непременно убить Мезенцова на следующий день[143].

Покушение произошло в точности так, как намечалось организаторами. Сигнальщики подали Кравчинскому и Баранникову условные знаки о движении Мезенцова. В 9 часов 10 минут утра, когда он с Макаровым шел по тротуару из часовни, на углу Михайловской площади и Большой Итальянской улицы Кравчинский и Баранников двинулись им навстречу. Кравчинский, выхватив из-под газеты кинжал, вонзил его в верхнюю часть живота Мезенцова по самую рукоятку и провел им по направлению от правой стороны к левой, повредив желудок и печень. После этого он бросился к карете, стоявшей с восьми утра на Большой Итальянской улице. Макаров побежал следом с криком «Ловите! Держите!» и, размахивая зонтом, даже ударил Кравчинского. Баранников тут же выстрелил поверх головы Макарова, остановив его.

Кравчинский быстро вскочил в пролетку, но с Баранниковым вышла заминка — Варвар, не приученный к выстрелам, запрыгал и едва не ускакал. А. Ф. Михайлов сумел сдержать его, и только тогда Баранников сел в экипаж, который с быстротой молнии помчался по Большой Итальянской улице, потом свернул на Малую Садовую улицу и остановился в Апраксином дворе. Здесь в торговой толчее Кравчинский и Баранников вышли из кареты. Во время поездки на маршрут, свободный от возов, указывали с помощью условных знаков сигнальщики. Вслед за этим А. Ф. Михайлов поехал в манеж, где содержался Варвар. Никто из участников дела в августовские дни арестован не был.

---

143 *Михайлов А. Ф.* Указ. соч. С. 151; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 384, 405. О деле Ковальского см.: *Виташевский Н. А.* Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Былое. 1906. № 2. С. 220–245; Из Одессы. Вооруженное сопротивление полиции // Община. 1878. № 3–4. С. 29; Судебная хроника // Голос. 22.07.1878. № 201. С. 3; 03.08.1878. № 213. С. 3; 18.08.1878. № 227. С. 3; *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация: (По личным воспоминаниям и архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9. С. 64–66.

Мезенцов, собрав все свои силы, дошел до Малой Садовой улицы, где при помощи Макарова и еще одного лица был посажен в одну из проезжавших пролеток и довезен до дома. Приехавшим врачам удалось остановить кровотечение, но поврежденная печень не оставляла шансов на спасение. В 16 часов у Мезенцова начались сильные боли, и в 17 часов 15 (или 25) минут он скончался[144].

Дейч конкретизирует действия Зунделевича при покушении: «Надо было проследить, когда он [Мезенцов. — *Г. К.*] выйдет из часовни. Зунделевич <...> подал знак и дал возможность Кравчинскому увидеть этот знак на тротуаре»[145]. Сам Зунделевич к этому добавляет: «...после увоза Кравчинского я немедленно удалился с площади и не видел, кто и как подавал Мезенцову помощь»[146]. Впоследствии Зунделевич никогда не высказывал сожаления о своем участии в убийстве Мезенцова.

Зунделевич как один из вдохновителей и участников покушения А. К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 года в Петербурге

Убийство Мезенцова, удовлетворив потребность радикалов в возмездии за правительственные репрессии, не привело ни к каким позитивным переменам. Впрочем, нет сведений и о том, что такие надежды имели место. Но вскоре после гибели Мезен-

---

[144] Мы воспроизводим события, комбинируя описание их со стороны землевольцев (*Михайлов А. Ф.* Указ. соч. С. 151; *Бердников Л. Ф.* Указ. соч. С. 221) и официальных властей и прессы (Народоволец А. И. Баранников в его письмах. С. 34–35 (донесение товарища начальника III отделения Н. Д. Селиверстова от 4 августа 1878 года); Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 05.08.1878. № 174. С. 1–2; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году. С. 11 (обвинительный акт); *Красовский И.* Указ. соч. С. 6–14; Убийство генерал-адъютанта Мезенцова // Биржевые ведомости. 05.08.1878. № 214. С. 1).

[145] ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 38–39.

[146] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 198.

цова властями были приняты нормативные акты, резко ухудшавшие правовое положение оппозиционеров и населения страны в целом.

1 сентября 1878 года Александр II утвердил Временные правила, согласно которым: а) чины жандармского корпуса (а при их отсутствии — исправники и полицмейстеры) могли без санкции прокуратуры арестовывать лиц, *подозреваемых* в «государственных преступлениях» или «в прикосновенности к ним», а также участвующих в уличных беспорядках либо сходках политического характера; б) этих лиц можно было отправлять в ссылку по соглашению начальника III отделения и министра внутренних дел, без согласования с чинами прокурорского надзора[147]. При этом еще 8 августа 1878 года на заседании Совета министров под председательством императора было принято решение об отправке административно ссыльных преимущественно в Восточную Сибирь[148]. Разумеется, количество арестов и ссылок, причем в самые тяжелые для жизни места, резко возросло.

5 февраля 1879 года в Трубецком бастионе Петропавловской крепости произошел бунт арестантов, которые ломали в камерах все, что только можно, выставив требование, чтобы одному из них, Оболешеву, разрешили выдавать табак. В результате все протестующие были жестоко избиты ногами по груди, спине и лицу (причем некоторые неоднократно и до крови). К тому же у них на несколько дней отобрали кровати, из-за чего им пришлось спать на голом полу[149].

---

147 *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 76–77; *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 90.

148 *Татищев С. С.* Указ. соч. С. 562. В ПСЗ ни решение заседания Совета министров от 8 августа 1878 года, ни Временные правила 1 сентября 1878 года не публиковались, что весьма показательно.

149 *[Буланов Л. П.].* Из недавнего прошлого. «Бунт» в Петропавловской крепости 5-го февраля 1879 г. // Народная воля. 1879. № 1. 01.10 // Литература партии «Народная воля». С. 13–14; *Буланова-Трубникова О.* Леонид Петрович Буланов // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 165–166 (жалоба Буланова в III Отделение (февраль 1879 года)).

Посетивший крепость 12 февраля новый начальник III Отделения А. Р. Дрентельн заявил заключенным: «На рожон полезли, на рожон и напоролись; и зачем вы начинали, зная, что сила на нашей стороне, а где сила, там и насилие!» Затем, отвечая на вопрос о законности побоев, добавил: «Вы попадаете сюда за отрицание всяких законов, а сами требуете, чтобы с вами поступали по закону!»[150]

13 марта 1879 года по решению Большого совета «Земли и воли» было произведено покушение на Дрентельна. В вину ему ставили все вышеизложенные действия его ведомства. В Дрентельна стрелял близкий к землевольцам социалист Л. Ф. Мирский, но промахнулся. Ему удалось скрыться. В последующие дни по Петербургу прокатились массовые аресты всех подозрительных; в частности, за одни только первые два дня — 13–14 марта — было задержано до 200 человек[151]. Все это еще более способствовало разжиганию ненависти радикальных кругов к столь репрессивной власти.

Зунделевич в те дни помогал прятаться Мирскому, лично привезя его в занимаемую сочувствующими людьми квартиру в петербургском районе Охта[152]. В своих автобиографических показаниях Зунделевич пишет:

> Из Москвы то и дело доходили слухи об арестах массами, в Петербурге аресты виновных и невинных. <...> Говорили о страшном избиении заключенных [в Петропавловской крепости. — *Г. К.*]. <...> На меня и на других, одинакового образа мыслей со мной людей <...> подобное положение дел электризует до невменяемости [так! — *Г. К.*]. А выхода

---

150 *[Буланов Л. П.].* Указ. соч. С. 14.

151 *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 347–348; Показания А. Д. Михайлова на следствии. С. 126, 152–153; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 448, 457–458; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 81 (прокламация «Земли и воли» от 13 марта 1879 года); Покушение на жизнь Дрентельна // Листок «Земли и воли». 1879. № 2–3. 22.03 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 499–500; Хроника арестов // Там же. С. 506; Наши домашние дела // Земля и воля. 1879. № 5. 08.04 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 458–461; Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». С. 246 (письмо С. Г. Ширяева к Лаврову от 18 марта 1879 года).

152 *Филиппов А. А.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. С. 257.

> озлоблению никакого. Газеты не принимают и не печатают ни слова. Под влиянием этого положения дел появились мысли о необходимости цареубийства[153].

Фигнер воспроизводит логику Зунделевича и его единомышленников с еще более предельной четкостью: «Становилось странным бить слуг, творивших волю пославшего, и не трогать господина...»[154]

В середине марта 1879 года независимо друг от друга трое социалистов, не входивших в «Землю и волю», — А. К. Соловьев, Гольденберг и Л. А. Кобылянский — предложили себя этой организации в качестве исполнителей покушения на Александра II. Состоялось несколько совещаний, где помимо уже названной троицы участвовали Михайлов, Зунделевич и Квятковский. Все они поддержали идею цареубийства, но Зунделевич горячо восстал против кандидатуры Гольденберга как террориста. Согласно объяснениям Зунделевича 1880 года, «при общей склонности христианского мира приписывать всей еврейской нации преступление, совершенное одним из ее членов, обвинение в данном случае легко могло обратиться на всех евреев».

Михайлов и Квятковский согласились с Зунделевичем, и «заявка» Гольденберга была отклонена. Отказано было и Кобылянскому, поскольку он был поляком и ситуация с ним могла спровоцировать антипольские настроения. А вот предложение Соловьева, наиболее горячо настаивавшего на своем желании убить императора, было принято, поскольку он был русским и к тому же вызывал наибольшее доверие[155].

Соловьев хотел совершить покушение от имени «Земли и воли», и поэтому 29 марта вопрос о санкции с ее стороны был вы-

---

153 Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 189.

154 *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 135.

155 РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 12–13 (показания Гольденберга от 7 мая 1880 года); Д. 4322. Л. 13–13 об., 15–17 (показания Гольденберга от 9 марта 1880 года); Показания А. Д. Михайлова на следствии. С. 127–129; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году. С. 65–66 (объяснения Михайлова); Процесс шестнадцати террористов. С. 13–17, 94, 102–106. Процитированные слова Зунделевича сказаны им на процессе 16-ти 26 октября 1880 года (Там же. С. 105).

несен на заседание Большого совета. Оно было бурным и страстным. Противники увлечения террором, так называемые «деревенщики», — Плеханов, Попов, Аптекман и другие — резко возражали «террористам», говоря, что: 1) народ не поддержит покушение, поскольку считает Александра II своим освободителем; 2) покушение с большой долей вероятности будет неудачным и приведет лишь к усилению репрессий, делающих невозможными пропаганду и агитацию как в деревне, так и в городе; 3) в случае удачи сменится только первое лицо, характер режима не изменится, а репрессии и в этом случае резко усилятся.

Один из «деревенщиков» (возможно, Попов) даже сказал: попытка цареубийства будет столь гибельна для дела революции, что кто-то из присутствующих может письмом предупредить императора об опасности. Тогда Квятковский заявил, что это донос, и поступать с такими лицами стоит как с доносчиками. В ответ Попов объявил, что если речь идет об угрозе убийством, то противники покушения умеют стрелять не хуже его сторонников. Ситуация накалялась, и разрядил ее только стук в дверь, который был принят за приход полиции. Все присутствующие, кроме Михайлова, вынули из карманов свои револьверы, приготовившись к бою, а Михайлов медленно и спокойно вышел в коридор открывать дверь. Тревога оказалась ложной — звонил дворник, явившийся в неурочный час по какому-то вопросу.

В конечном счете члены Большого совета пришли к компромиссу — «Земля и воля» как революционное общество отказывается помогать Соловьеву, но отдельные его члены могут содействовать террористу в его предприятии. В таком соломоновом решении сыграло свою роль и категорическое утверждение Михайлова, Квятковского и Зунделевича, что Соловьев пойдет на террористический акт независимо от решения Большого Совета, после чего и противники цареубийства пришли к выводу — лучше позволить «террористам» помочь Соловьеву, чем мешать[156].

---

[156] Описываемые события воспроизводятся с помощью комбинирования следующих источников: *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 358–360; *Попов М. Р.* Указ. соч. С. 201–202; *Плеханов Г. В.* О былом и небы-

Через 43 года Зунделевич, предельно честный в своих мемуарных заявлениях, напишет по этому поводу:

> Кривили мы тогда душой, изображая дело так, что Соловьев все равно совершит покушение, будет ли ему помощь или нет. Я думаю, что если бы настойчиво просили Соловьева оставить свое намерение, он согласился бы не делать покушение. Но ни Михайлов, ни Квятковский [ни сам Зунделевич. — *Г. К.*] не считали нужным отговаривать Соловьева, исходя из того, что он все равно совершит нападение...[157]

Было хорошо известно, что Александр II, в сопровождении довольно далеко находящихся от него служащих Дворцовой полицейской команды и Охранной стражи (подчинявшейся III отделению), гуляет каждое утро в окрестностях Зимнего дворца. Михайлов, Зунделевич и, возможно, Квятковский, наблюдая утром в течение нескольких дней за Зимним дворцом, выяснили точное время и маршрут прогулок императора[158].

2 апреля 1879 года Соловьев, получив условный знак от находящегося неподалеку Михайлова о том, что царь, выйдя на набережную Мойки, приближается к Дворцовой площади, быстро направился ему навстречу и, выхватив револьвер, начал стрелять. Александр II, не потеряв самообладания, бросился бежать зигзагами, чтобы не дать Соловьеву прицелиться (однако, если верить Михайлову, потом все же упал и пополз на четвереньках). Соловьев сделал четыре выстрела, но так и не попал в цель. Жандарм из Охранной стражи догнал Соловьева и сбил его с ног ударом шашки по голове, а фельдфебель из Дворцовой команды схватил сзади за шею и повалил. В этот момент Соловьев успел сделать

лицах // Плеханов Г. В. Соч. Т. XXIV. М.; Л., 1927. С. 304–306; *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 207; Из воспоминаний Р. М. Плехановой «Моя жизнь» // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 111.

[157] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 207.

[158] *Попов М. Р.* Указ. соч. С. 145–147; Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 223 (письмо к товарищам от 15–16 февраля 1882 года); *Дейч Л.* Смерть Аарона Зунделевича // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 214.

пятый выстрел, и пуля, пролетев рикошетом по мостовой, легко ранила в щеку одного из стражников.

После задержания Соловьев хотел отравиться, раскусив находящийся у него во рту орех с цианистым калием, но яд оказался испортившимся, и террориста только стошнило[159]. С 3 апреля Соловьев находился в Екатерининской куртине Петропавловской крепости. 25 мая 1879 года Верховный уголовный суд приговорил его к смертной казни через повешение. И на следствии, и на суде Соловьев держался мужественно и не дал никакой информации властям о своих революционных связях и сообщниках. 28 мая 1879 года в 10 часов утра он был публично повешен в Петербурге на Смоленском поле[160].

Роль Зунделевича как соучастника в этом террористическом акте не была в дальнейшем (как и в деле Мезенцова) выяснена властями. Сам Зунделевич, как и в случае с Мезенцовым, никогда не выражал каких-либо сожалений по поводу своего участия в попытке цареубийства.

Прочие занятия Зунделевича в «Земле и воле». Его позиция и деятельность в последние месяцы ее существования

Дейч отмечал «всегдашнюю» готовность Зунделевича «без малейших колебаний взяться за выполнение любого дела, как бы мало и незначительно оно ни было, с какими неприятностями и риском ни было бы сопряжено его осуществление». По словам

---

[159] Для описания событий 2 апреля 1879 года мы комбинируем данные из разных публикаций: Покушение А. К. Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 года // Былое. 1918. № 1. С. 133–138, 149; Заседание Верховного уголовного суда, происходившее 25-го мая 1879 года, по делу об отставном коллежском секретаре Александре Константинове Соловьеве, обвиняемом в государственных преступлениях. СПб., 1879. С. 4–8, 40–41, 59–60; Об отравлении А. К. Соловьева // *Кункль А. А.* Покушение Соловьева. М., 1929. С. 91–92; Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 223; *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 145–146.

[160] Заседание Верховного уголовного суда… С. 128–129; *Кункль А. А.* Покушение Соловьева. С. 65, 78–82.

Дейча, Зунделевич никогда не ждал, когда ему предложат ту или иную работу, «он сам раньше всех других принимался за дело». В тех случаях, когда Зунделевич находил, «что именно он должен это сделать, никто уже не мог его переспорить и побудить поступить иначе»[161]. Дейч добавляет, что «во всякое занятие, как сложное, крупное, так и маловажное, он вкладывал всю свою энергию, изобретательность и находчивость; с одинаковой точностью исполнял он любое взятое им на себя поручение» и при этом «до изумительности бережливо относился к расходованию общественных средств», «умудрялся решительно все наладить, купить, доставить за самые минимальные издержки»[162].

В результате Зунделевич в той или иной степени занимался всеми отраслями деятельности «Земли и воли», кроме разве что пропаганды или агитации в деревне. В частности, летом 1877 года, перед тем как уехать за границу для покупки типографских принадлежностей, он ходил в Петербурге на Васильевский остров беседовать с рабочими о немецкой социал-демократии. На эти беседы собиралось около 10 человек[163]. Был ли Зунделевич успешным пропагандистом, сведений в известных нам источниках нет.

Зунделевич также часто развозил по разным городам нелегальную литературу. Фроленко вспоминает, что, приехав в Одессу, Зунделевич рекомендовал никому не дарить эти издания, а продавать их. Его аргументы сводились к следующему: «Только заплатив деньги, человек будет беречь книгу, газету. <...> Покупным дорожат, даровое же быстро бросают!» Но доводы Зунделевича не нашли поддержки у одесских радикалов[164].

Вообще Зунделевич, по собственному выражению, «вел разъездной образ жизни»[165]. Аптекман сообщает, что на вопрос одно-

---

[161] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 196–197.

[162] *Дейч Л.* Смерть Аарона Зунделевича. С. 214.

[163] HIA. Коллекция Николаевского. 509–21 (письмо Зунделевича к Николаевскому от 14 февраля 1923 года).

[164] *Фроленко М. Ф.* А. И. Зунделевич. С. 132–133.

[165] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 213 (из письма от 15 января 1923 года).

го из товарищей, где живет Зунделевич, кем-то был дан очень выразительный ответ: «В вагоне 3-го класса!»[166] Кравчинский в «Андрее Кожухове» описывает неизменный холщовый саквояж Стерна — Зунделевича, где были рубашка, губка, расческа, маленькая подушка, роман на немецком языке, пара носков, несколько жестянок, шкатулка с пуговицами и всеми необходимыми принадлежностями для шитья, а также — для конспирации, на случай подозрений со стороны полиции, — молитвенные предметы верующих евреев. Такова была «полная экипировка человека, проводящего большую часть своей жизни в вагоне»[167].

Отметим, кстати, что Зунделевич, убежденный сторонник и участник террора, не носил с собой оружия. По свидетельству Иохельсона, «Зунделевич был против вооруженного сопротивления при аресте в смысле либерального принципа защиты личности и жилища от насилий полиции» и «допускал его [сопротивление. — *Г. К.*] только тогда, когда арест и без того должен был вырвать борца из рядов революции»[168].

Вернемся к событиям после покушения Соловьева. Оно, как и предсказывали его противники, привело к резкому ужесточению политического режима.

Согласно принятому 5 апреля 1879 года императорскому указу, помимо уже имеющихся в европейской части России генерал-губернаторств — московского, киевского и варшавского, появились еще три — с центрами в Петербурге, Харькове и Одессе. Все генерал-губернаторы этих территориальных единиц получили право: 1) предавать военному суду, с применением наказаний, установленных для военного времени, лиц, обвиняющихся в любых государственных или уголовных преступлениях; 2) высылать административным порядком всех тех, чье пребывание на подведомственных им территориях они «признают вредным»; 3) подвергать личному задержанию, по непосредственному своему усмотрению, любого, кого они сочтут необходимым;

---

[166] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 298.

[167] *Степняк-Кравчинский С. М.* Андрей Кожухов. С. 108.

[168] *Иохельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». Пг., 1922. С. 15–16.

4) приостанавливать или запрещать любые периодические издания, которые покажутся им «вредными»[169].

Естественно, после таких решений ситуация с правосудием и правами человека ухудшилась многократно. По одним лишь официальным данным, за период с апреля 1879 по июль 1880 года генерал-губернаторами было выслано из их «владений» 575 человек, причем 130 из них — в Сибирь[170]. С апреля по август 1879 года по приговорам военно-окружных судов было повешено 12 революционеров, причем 10 из них никого не убили и обвинялись в вооруженном сопротивлении либо приготовлении к цареубийству или даже просто в участии в революционной организации, стремящейся к насильственному перевороту[171]. Все эти репрессии только усиливали ненависть большинства радикалов к правительству и провоцировали в их среде террористические настроения.

Еще в феврале 1879 года в Петербурге появилось первое заявление от Исполнительного комитета[172], который в лице Южного ИК как раз доживал последние дни. Это название переняли землевольцы, склонявшиеся к тому, чтобы признать основной целью завоевание гражданских свобод и демократии, а террор считали одним из главных средств для ее достижения. Не совсем понятно, насколько этот так называемый «Северный ИК» был

---

[169] ПСЗ. Т. 54. Собр. 2. Отд. 1. СПб., 1881. С. 298–299.

[170] *Татищев С. С.* Указ. соч. С. 576; *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 92.

[171] *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 376–378, 384–387. О характере обвинений, предъявленных казненным в эти месяцы, см.: *Троицкий Н. А.* Политические процессы в России 1871–1887 гг. Саратов, 2003. С. 47–49; *Шакол А.* Казнь Дубровина // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 73, 75; Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 1. М., 1929. Стб. 113, 302; Т. 2. Вып. 3. М., 1931. Стб. 1108; Процесс социалистов Валерьяна Осинского, Софии Лешерн фон Герцфельд и Варфоломея Волошенко. [Женева], 1879. С. 6–7, 10; Судебная летопись // Ведомости Одесского градоначальства. 27.06.1879. № 139. С. 3; 03.08.1879. № 169. С. 2; *Кушева Е. Н.* Гобст или Гобет? // Каторга и ссылка. 1930. № 3. С. 160.

[172] *[Морозов Н. А.].* От Исполнительного комитета // Листок «Земли и воли». № 1. 12.03.1879 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 392–393.

организационно оформлен, как он функционировал и каков был его полный состав. Во всяком случае, имеются сведения, что его членами были Михайлов, Квятковский, Баранников, Морозов и Тихомиров[173]. С большой долей вероятности входил туда и Зунделевич как один из ключевых «политиков». Фактическим органом Северного ИК стал выходивший в марте-июне 1879 года «Листок “Земли и воли”», редактировавшийся Морозовым.

В мае 1879 года «политики» в лице ИК создали свою специальную боевую вспомогательную группу «Свобода или смерть». В нее вошло, по разным источникам и оценкам, от 17 до 21 человека — причем как землевольцы (включая членов ИК), так и лица, не входившие в то время в «Землю и волю». Среди членов этой группы, в частности, были Баранников, Морозов, Гольденберг, будущие видные народовольцы С. А. Иванова, Г. П. Исаев, С. Г. Ширяев, А. В. Якимова, В. В. Зеге фон Лауренберг, Е. Д. Сергеева, Н. И. Кибальчич, а также, с немалой долей вероятности, — Михайлов, Квятковский и Тихомиров. Зунделевич в эту группу не входил, хотя, скорее всего, был в курсе ее деятельности. «Свобода или смерть» имела свою конспиративную квартиру и две динамитные мастерские[174].

Было решено провести съезд «Земли и воли» в Воронеже, чтобы обсудить возникшие разногласия среди ее членов. Накануне этого, 15–17 июня 1879 года, 11 человек из числа «политиков» — все члены ИК (кроме Зунделевича), Ширяев и Гольденберг из группы «Свобода или смерть», Фроленко и специально при-

---

[173] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 146–147; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 3. С. 285.

[174] Источники об этой группе: *Якимова А. В.* Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 14–16; Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 52. Л. 28–29 об. (письмо Ивановой к С. Н. Валку от 31 августа 1924 года); *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 146–147; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 3. С. 285–287. Наиболее подробный и основательный разбор состава и деятельности этой группы дается в работах Ю. А. Пелевина и О. Н. Дмитриевой: *Пелевин Ю. А.* А. Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 81–84; *Дмитриева О. Н.* Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. Саратов, 2017. С. 94–101.

глашенные А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич и М. Н. Ошанина — провели свой съезд в Липецке с целью выработать программу и устав, а также избрать новый ИК. В принятой программе подтверждались те цели, которые ставились еще Северным ИК, в уставе фиксировалось равноправие всех его членов и развивались идеи централизма (уже имевшиеся и в «Земле и воле»). В члены ИК были приняты все присутствующие и — единственный отсутствующий — Зунделевич, находившийся тогда за границей[175].

Зунделевич был одним из тех, кто принимал решения об обоих съездах. Кроме того, отчасти благодаря ему в Липецк попал Желябов — в тот момент не очень известный революционер. Зунделевич во время одной из своих поездок в Одессу познакомился с ним, высоко оценил его способности и, случайно встретившись с Михайловым в поезде перед отъездом за границу, рекомендовал тому пригласить Желябова на съезд[176]. С такой же рекомендацией совершенно независимо от Зунделевича выступил и Фроленко, который вскоре лично познакомил Михайлова с Желябовым[177]. В результате инициативы Зунделевича и Фроленко «политики» получили в свои ряды крупного организатора и талантливого оратора.

---

[175] Для справки о Липецком съезде комбинируются сведения из следующих источников и историографии: *Фроленко М. Ф.* Липецкий и Воронежский съезды // Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 17–25; *Он же.* Возникновение «Народной воли» // Там же. С. 45, 50; *[Тихомиров Л. А.].* Андрей Иванович Желябов // Андрей Иванович Желябов. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». Материалы для биографии. М., 1930. С. 26–27, 30–32; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 511–517; Процесс шестнадцати террористов. С. 109–112 (показания Гольденберга от 7–8 мая 1880 года); РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4322. Л. 26–29 (показания Гольденберга от 9 марта 1880 года); *Волк С. С.* «Народная воля». 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 85–92; *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. С. 246–248; *Пелевин Ю. А.* Указ. соч. С. 85–88.

[176] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 207–208 (письмо от 24 августа 1922 года); *Ивановская П. С.* Несколько слов об А. И. Желябове // Народовольцы. Сб. III. М., 1931. С. 20–21.

[177] *Фроленко М. Ф.* Липецкий и Воронежский съезды. С. 12–13, 16–17.

Воронежский съезд проходил 18–21 июня. В нем участвовало сначала 20, а потом (после ухода со съезда Плеханова и его выхода из «Земли и воли») — 19 человек. Съезд, вопреки ожиданиям, прошел мирно. Были приняты компромиссные решения — «дезорганизационная» группа получила право продолжить свою борьбу с правительством, а «деревенщики» по-прежнему могли заниматься пропагандой и агитацией в своих поселениях. Правда, съезд одобрил и идею «аграрного террора», то есть вооруженную борьбу с наиболее «вредными» представителями власти и помещиками в деревнях, что в общем не противоречило программе «Земли и воли», но все же напрямую ранее не декларировалось. Впрочем, никаких «аграрно-террористических» действий никто из землевольцев так и не предпринял. На съезде также были приняты новые члены в Основной кружок и среди них, в частности, Желябов.

«Воронежский» компромисс оказался очень непрочным. К августу 1879 года споры между двумя землевольческими течениями резко обострились, особенно в Петербурге[178]. Зунделевич, вернувшийся к тому времени в столицу, пытался всех примирить: будучи убежденным «политиком», он, ввиду личных качеств (о чем чуть ниже), состоял тем не менее в самых дружественных отношениях и с «деревенщиками». Но разногласия были слишком сильны. В связи с этим Зунделевич вместе с Михайловым и Желябовым внес предложение мирно разделиться на две независимые организации, нежели, оставаясь в одном сообществе, вольно или невольно мешать друг другу[179]. На большом землевольческом

---

[178] Говоря о Воронежском съезде и ближайших событиях после него, мы комбинируем данные из следующих источников и исследований: *[Тихомиров Л. А.].* Указ. соч. С. 33–35, 37; *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 365–377; *Фроленко М. Ф.* Липецкий и Воронежский съезды. С. 35–37; *Попов М. Р.* Указ. соч. С. 216–219; *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 149–151, 154–155; *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 518–524; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 150–155; *Твардовская В. А.* Воронежский съезд землевольцев (июнь 1879 г.) // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 2. С. 30–46; *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. С. 248–252; *Волк С. С.* Указ. соч. С. 92–94; *Пелевин Ю. А.* Указ. соч. С. 89–90.

[179] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 199.

собрании в Петербурге 15 августа 1879 года эту идею приняли все, и возникло две новых структуры: «Народная воля» и «Черный передел».

Личность Зунделевича

Отзывы о личных качествах Зунделевича однозначны абсолютно у всех писавших о нем, хотя почти каждый все же освещает его в несколько ином ракурсе.

Фроленко отмечал: «Он [Зунделевич. — *Г. К.*] обладал мягким, уживчивым, хорошим характером, <...> пользовался, можно сказать, общею любовью и расположением. “Милый Мойша” — было обычным выражением, когда в его отсутствии заходила о нем речь»[180]. Дейч еще в июле 1878 года подметил, что землевольцы произносили партийную кличку Зунделевича «с какой-то особенной, мягкой интонацией, в которой чувствовалось, что они относятся к нему с нежностью, с большой симпатией; было очевидно, что Мойша общий любимец, пользующийся к тому же глубоким уважением со стороны решительно всех товарищей»[181].

Аптекман свидетельствует: «Гуманный, сердечный, уравновешенный, он вносил тепло и братство в наши отношения. Услужить товарищу чем-нибудь было для “Мойши” великой радостью. Да и кто может купить и лучше, и дешевле, чем “Мойша”?»[182] Михайлов в письме к соратникам-народовольцам от 16 февраля 1882 года так характеризовал Зунделевича:

> Насколько он практик в революционном деле, настолько же идеалист в личных отношениях к товарищам. Мягче и гуманнее его едва ли был кто-либо из нас. Он редко в состоя-

---

[180] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 878. Л. 2 (*Фроленко М. Ф.* Несколько слов о «Зунде» (Зунделевиче) (1923 год)).

[181] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 185.

[182] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг... С. 298.

> нии был проходить мимо протягивающего руку, чтобы не отдать того, чем он мог свободно располагать. <...> Вообще он по натуре был цельный, чистый и высоко-симпатичный человек. <...> Все мы его сильно любили[183].

Фигнер также подтверждает, что Зунделевич был «любимым товарищем» в среде землевольцев и народовольцев[184]. После более чем 20-летнего тюремного заключения Фигнер, оказавшись в Европе, пишет 10 февраля 1907 года чрезвычайно теплое письмо Зунделевичу, в котором есть такие строки:

> Дорогой Мойша — как звала Вас всегда Ольга Натансон, да и все мы! Вам нечего было напоминать о себе, п[отому] ч[то] я всегда помнила Вас, как одного из лучших товарищей, и до сих пор сохранила прежнее чувство к Вам. <...> Дружески обнимаю Вас и желаю всего хорошего[185].

Н. С. Тютчев в письме к Ивановской от 12 октября 1923 года, сообщая ей о смерти Зунделевича, признавался, что «очень любил этого искреннего, честного товарища, кристально чистого человека»[186]. У Ивановой осталось «самое приятное впечатление» от общения с Зунделевичем[187]. Гольденберг в своих откровенных показаниях от 6 апреля 1880 года сообщает, что Зунделевич пользуется «любовью и уважением всех фракций и партий», а затем прибавляет: «Зунделевич — западноевропейский человек в полном смысле этого слова; он в высшей степени гуманный, развитый и разумный...»[188]

Давнишний друг Зунделевича Гуревич вспоминал о нем в декабре 1923 года:

---

[183] Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 232.

[184] *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 166.

[185] YIVO. Бунд. 11–146.

[186] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 262. Л. 12 об.

[187] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 100. Л. 87 об. (письмо Ивановой к Ивановской от 6 августа 1926 года).

[188] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4322. Л. 88.

> Бодрый, веселый, с добродушной характерной усмешечкой, он всегда был интересен и занимателен. При его постоянных разъездах и передвижениях у него было много о чем рассказывать <...>. Унывающих он ободрял, скучных и скучающих он развлекал, и все его любили, все его охотно принимали и беседовали с ним[189].

В. Г. Короленко, встречавшийся с Зунделевичем позднее, в октябре 1881 года в Иркутской тюрьме, так писал о своих впечатлениях:

> Борода придавала ему на первый взгляд довольно суровый вид, но достаточно было обменяться с ним несколькими разговорами, чтобы увидеть необыкновенную мягкость, даже кротость, сквозившую во всех чертах его лица. <...> Меня поразило, что такие добродушные люди могли принимать такие решения [об убийстве Александра II. — *Г. К.*][190].

Народоволец А. В. Прибылев, много общавшийся с Зунделевичем в Нижне-Карийской тюрьме Нерчинской каторги в 1880–1890-е годы и потом вплоть до 1905 года в Чите, отзывается о нем следующим образом:

> ...Зунд был скромным, в высшей степени терпимым, не показывающим своего превосходства товарищем, одинаково ко всем идущим на совет или утешение, всегда готовым оказать моральную поддержку или выступить примиряющим элементом в нередких товарищеских спорах. Будучи сам человеком большой моральной красоты, Зунд оказывал сильное умственное и моральное влияние на всех его окружающих. Недаром к нему, как к духовнику, шли все обиженные, все падающие духом, все разочарованные, и каждый находил в нем здоровое участие и поддержку...[191]

В небольшом очерке, специально посвященном Зунделевичу, Прибылев добавляет:

---

[189] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 16.

[190] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 720.

[191] *Прибылев А. В.* Записки народовольца. М., 1930. С. 253–254.

> В тюрьме и всюду Зунд пользовался неизменной симпатией, благодаря своему большому научному и практическому уму и своему поразительно милому, уживчивому, счастливому характеру. <...> Зунд умел войти в интересы каждого лица и своим здоровым умом и логикой успокоить нередко мятущийся дух. О себе Зунд так мало заботился, что легко мирился со всеми невзгодами, выпадавшими на его долю, переносил их спокойно, ни единым словом и жестом не выказывая своего неудовольствия. Казалось, что этот человек совершенно лишен эгоизма, что все помыслы его обращены на заботу о других[192].

Знаменитый бакунист М. П. Сажин говорит о Зунделевиче как о «человеке очень спокойном, уравновешенном, рассудительном»[193]. Тихомиров, уже ставший монархистом и отчасти антисемитом, в 1890-х годах все же отозвался о Зунделевиче позитивно, хотя и в более сдержанном, чем остальные мемуаристы, тоне: «Мойша Зунделевич также был очень способный еврей. Именно еврей — потому что по преимуществу имел практические способности. <...> Хороший товарищ, человек, — что редко между евреями, — с крепкими нервами, не трус»[194].

Но наиболее подробную характеристику Зунделевича дают Дейч и Ивановская, знавшие его и дружившие с ним на протяжении нескольких десятков лет.

Дейч свидетельствует, что уже внешность Зунделевича сразу располагала к нему:

> ...что-то в высшей степени симпатичное, благородное и честное было на его типично-еврейском, живом, энергичном и вместе добром лице. Красивое лицо его, покрытое густой черной растительностью, дышало здоровьем, бодростью и энергией; из-под густых длинных ресниц ласково смотрели добрые, умные, темно-карие глаза...[195]

---

[192] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 870. Л. 1–3 (*Прибылев А. В.* Знакомство с Зунделевичем на Каре (1923 год)).

[193] *Сажин М. П.* Знакомство с В. Г. Короленко. М., 1928. С. 9.

[194] *Тихомиров Л.* Воспоминания. М., 2003. С. 125–126.

[195] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 191.

Ивановская дополняет Дейча:

> Его наружность и особливо большие несколько печальные глаза красивого разреза на матовом лице сильно напоминали философа Баруха Спинозу <...>. Высказывавшиеся Зундом суждения выявляли твердую и продуманную ясность <...>. При первом взгляде на него чувствовались в нем большое деятельное спокойствие, настойчивость, упорство и самоотвержение, и что-то безотчетно привлекательное, зовущее к себе[196].

Дейч согласен с Ивановской, сообщая, что «при безграничной мягкости, доброте и любви к товарищам» «Зунделевич обладал также огромной настойчивостью, упорством и постоянством в отстаивании того, что он считал верным, правильным, справедливым»[197]. Кроме того, Дейч отмечает, что Зунделевичу «решительно не было присуще ни в малейшей степени ни честолюбие, ни стремление к славе, известности»[198].

О еще одной черте Зунделевича одинаково говорят и Дейч, и Ивановская. Это — ригоризм, редкий даже для той революционной эпохи, в которую он действовал, где сдержанность в своих страстях и материальных стремлениях считалась нормой. Дейч пишет:

> Он был совершенно равнодушен к своей обстановке, одежде и пище. Ему было вполне безразлично, что и когда он поест. Он мог подолгу вовсе оставаться без пищи и сна и решительно никогда не выражал желания поесть <...>. Можно было лишь удивляться, как при той интенсивной работе, какую Зунделевич везде и всегда исполнял, и при его ригористическом образе жизни он все же выглядел не только бодрым, но и цветущим: унаследовав очень здоровый организм, он затем закалил его усердными физическими занятиями и очень умеренным образом жизни[199].

---

[196] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 60 (*Ивановская П. С.* Зунделевич А. И.).

[197] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 197.

[198] Там же. С. 195.

[199] Там же. С. 196.

Ивановская к этому добавляет, что весь этот ригоризм шел от принципиальных соображений: «“Зачем взрослому человеку затруднять себя всяким вздором? <...> Жить для отправления физических функций как будто зазорно”. И он их выполнял как бы мимоходом и по необходимости, никогда не будучи рабом страстей и вожделений»[200].

К этому следует добавить, что, согласно Дейчу, Зунделевич как «отважный воин, смело идущий в бой», «давно свыкся с мыслью о смерти, а потому, как говорится, всегда спокойно смотрел ей в глаза»[201]. Также, по свидетельству Ивановской, Зунделевич был очень требователен к себе в вопросах чести и достоинства[202], высказывая, в частности, такое свое кредо:

> Если человек хоть раз унизится или сделает что-нибудь, что он сам считает подлым и недостойным — он уже нравственно погиб, раз потерял доверие к самому себе. Уверять себя в своей правоте нельзя никакими умозаключениями и софизмами; логика и последовательность для каждого обязательны[203].

Однако эта суровость к себе не распространялась на других — к человеческим слабостям Зунделевич относился снисходительно, понимал их и прощал, был деликатен, внимателен и заботлив к окружающим, за что и пользовался всеобщей симпатией, причем не только в революционном кругу, но и среди солдат конвоя, тюремных надзирателей, каторжного начальства, квартирных хозяев, контрабандистов и т. п.[204] «Кто не спотыкается на крутых

---

[200] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 82.

[201] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 208.

[202] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 52.

[203] Там же. Л. 75–76.

[204] Там же. Л. 52; *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 204–205; *Он же.* Смерть Аарона Зунделевича. С. 215; *Он же.* 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 128; Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г. В. и Р. М. Плехановых, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Вып. 1. 1883–1897 гг. М., 2009. С. 83 (письмо Дейча к членам группы «Освобождение труда» от 17 ноября 1885 года).

подъемах?» — так объяснял он свою мягкость и терпимость[205]. О его спокойном отношении к слабостям окружающих и готовности доставлять им такие «удовольствия, которыми сам не пользовался», пишет и еще один друг Зунделевича — Иохельсон[206].

Зунделевич хоть и не был теоретиком, но был хорошо образован, много, хотя и несколько бессистемно, читал, прекрасно знал не только иврит и идиш, но и немецкий и английский языки. В спорах он проявлял немалые диалектические способности. Писать Зунделевич не любил[207], но оставшиеся от него документы обнаруживают в нем неплохого стилиста и умного, логичного, четкого, подчас ироничного и на редкость здравомыслящего человека.

Стоит также затронуть и личную жизнь Зунделевича. Михайлов свидетельствует: «На женщину его взгляд был до странности идеален. Он мог любить ее только духовно, чисто отвлеченно. Раз развивалась привязанность, она убивала у него всякую чувствительность»[208].

Гуревич, впрочем, рассказывает, что, когда он в беседе с Зунделевичем с иронией отозвался о своем сердечном увлечении, тому это не понравилось: «...он запротестовал и начал меня убеждать в красоте и благородстве чувства любви». Гуревич добавляет: «Однако сам он вряд ли подвергался много этому чувству. Или, может быть, он, сознавая весь риск, которому подвергался всю жизнь, не хотел подвергнуть другое существо страданиям и печальной судьбе, если бы оно связалось с ним»[209].

Племянница Зунделевича, известная сионистка Р. О. Кломпус, слышала в юности, что у него был роман с Верой Фигнер[210].

---

205 РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 52.

206 *Иохельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». С. 15.

207 РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 52, 67; *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 208–209.

208 Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 232 (письмо к товарищам от 16 февраля 1882 года).

209 АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 18.

210 Арон Зунделевич. Интервью Б. Орлова с госпожой Розой Осиповной Кломпус 4 июня 1977 года. URL: https://www.eja.pri.ee/stories/Klompus.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

Никаких других данных на этот счет не имеется. Но взаимная симпатия, бесспорно, имела место между Зунделевичем и младшей сестрой Веры Евгенией Фигнер, которую судили с ним на одном процессе[211] (подробнее об этом — позже), и Кломпус в старости могла и перепутать сестер. Однако нам представляется маловероятным, что дело тут дошло до чувственных отношений.

Забегая вперед, отметим, что, когда Зунделевич содержался в 1880-х годах в Нижне-Карийской тюрьме, у него, согласно мемуарам Ивановской и Прибылева, возникло сильное чувство к одной из каторжанок находившейся неподалеку Усть-Карийской женской тюрьмы. Скорее всего, он знал эту арестантку еще на воле, поскольку общение заключенных двух тюрем не допускалось. Возможно, это была сама Ивановская.

Контакты (видимо, путем переписки) Зунделевича с любимой женщиной прервались в 1890 году в силу двух обстоятельств: а) их вероятный брак по тогдашним законам требовал от него перемены религии, а он, как уже писалось, считал для себя крещение морально невозможным и даже, по словам Ивановской, смотрел на это как на преступление; б) 13 сентября 1890 года Зунделевич по распоряжению каторжного начальства был отправлен из Нижне-Карийской тюрьмы в Акатуйскую, и этот отъезд сыграл роковую роль в отдалении от него той, которую он так любил.

По-видимому, эта каторжанка как раз в то время вышла на жительство в так называемую вольную команду, то есть могла жить на поселении вне стен тюрьмы, относительно свободно перемещаться в пределах этого поселения и не была обременена каторжными работами (Ивановская, кстати, была одной из тех, кто оказался в вольной команде с 12 сентября). Это давало надежду на то, что Зунделевич, тоже выйдя в вольную команду, будет рядом с ней. Но вспыхнувшая было мечта о личном счастье оказалась разбита, и Зунделевич чувствовал себя несчастным

---

[211] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 256 (письмо Евгении к Вере Фигнер от 30 октября 1880 года).

человеком. Он долго отходил от пережитого потрясения[212]. Попыток создания семьи Зунделевич больше никогда не предпринимал.

Место Зунделевича в «Народной воле» и его деятельность в этой организации

«Народная воля» первоначально — вплоть до декабря 1879 года — не имела ни своей программы, ни своего устава. Идеи, идущие от Северного и липецкого ИК, были общеизвестны, но их предстояло четко и ясно сформулировать, соединить с экономической частью общенароднических воззрений и т. п. Что же касается структуры «Народной воли», то тут все было более понятно, и принятый, по всей видимости, в конце 1879 или начале 1880 года устав ИК, как и появившиеся во второй половине 1880 года Общие правила организации[213], развивали принципы, заложенные гораздо раньше, еще со времен «Земли и воли».

Тут сразу стоит оговориться, что «Народная воля» существовала одновременно в двух своих ипостасях — как партия и как организация. Разницу эту наиболее четко и ярко объяснил Михайлов:

> Партия — этот неопределенная группа людей единомыслящих, не связанных между собою никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме непременного условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений. Партия заключает в себе организацию, но последняя определенно ограничена в себе самой. Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия[214].

---

[212] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 75–76; АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 870. Л. 4. Даты, связанные с переводом Зунделевича в Акатуйскую тюрьму и выходом Ивановской в вольную команду, даются по письму польского социалиста (впоследствии известного большевика) Ф. Я. Кона к товарищам (весна 1891 года): Письмо Ф. Я. Кона // Пути революции. 1925. № 2. С. 224.

[213] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 200–214.

[214] Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году. С. 69 (объяснения Михайлова).

Во главе организации «Народная воля» стоял ИК, все члены которого были равноправны, но признавали безусловное подчинение большинству. Основные решения принимались на общем собрании членов ИК. Из его состава выбиралась администрация (чаще называвшаяся Распорядительной комиссией), в которую, согласно уставу, должно было входить пять человек, но в реальности всегда входило только трое. Она ведала всеми текущими делами в промежутке между собраниями ИК. В подчинении ИК находились агенты-помощники (агенты 1-й степени) и агенты-исполнители (агенты 2-й степени). ИК мог пополняться из числа агентов 2-й степени при рекомендации пяти членов-поручителей (на практике их обычно бывало меньше). В состав «Народной воли» входило множество групп, в частности: 1) вассальные (напрямую подчиненные ИК); 2) союзнические (связанные с ИК договором); 3) местные (близкие к вассальным, но имевшие некоторую самостоятельность в ведении своих дел)[215].

Первый состав народовольческого ИК выбирался петербургскими членами новой организации в последней декаде августа — сентябре 1879 года. Туда вошло 20 человек — все члены липецкого ИК (кроме Гольденберга), Вера Фигнер, Н. К. Бух, Т. И. Лебедева, Любатович, а также Зеге фон Лауренберг, Иванова, Исаев, Сергеева и Якимова из группы «Свобода или смерть». Естественно, что членом ИК стал и Зунделевич. В Распорядительную комиссию были выбраны Михайлов, Тихомиров и Квятковский[216].

---

[215] Об этом — в уже указанных ранее уставных документах. О том, что в Распорядительной комиссии в действительности было трое, а не пять человек, сообщается: *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 173; *Бух Н.* Первая типография «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 82; *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. С. 281–282.

[216] Составы первого ИК и Распорядительной комиссии «Народной воли» приводятся нами на основании анализа данных из следующих источников и историографии: Исполнительный комитет «Народной воли» и судьба его членов // Народовольцы. Сб. III. С. 11–12; *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 173, 270; Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. № 6. С. 175–177; *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 50–52; *Бух Н.* Первая типография «Народной воли». С. 73, 82; *Волк С. С.* Указ. соч. С. 95–96, *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. С. 279–282; *Твардовская В. А.* Организационные основы «Народной воли» // Исторические записки. 1960. № 67. С. 135–141.

Хотя Зунделевич и не вошел в этот орган (может быть, сам не захотел войти), его роль в этот период была очень большой — Тихомиров, перечисляя в 1923 году членов ИК, включил его в число «крупнейших людей комитета» и отвел ему 4-е место, поставив впереди только Михайлова, себя и Желябова[217].

За два с половиной месяца пребывания в «Народной воле» (то есть до дня своего ареста 27 октября 1879 года) Зунделевич: 1) был членом комиссии по разделу «Земли и воли» между «Народной волей» и «Черным переделом»; 2) совершил поездку в Европу для доставки в Петербург динамита и переговоров о сотрудничестве Лаврова и левого либерала М. П. Драгоманова в издаваемой партией газете «Народная воля»; 3) участвовал в обсуждении предложенных проектов программы «Народной воли» и выдвинул свой собственный проект.

Комиссия по разделу «Земли и воли» работала с середины августа по октябрь 1879 года, занимаясь имущественными и прочими вопросами. Уполномоченными от «Народной воли» в ней, помимо Зунделевича, были Михайлов и Тихомиров, а от «Черного передела» — Стефанович, Попов и Преображенский. По свидетельству Дейча, именно Зунделевич своим беспристрастием, благоразумием и справедливостью способствовал, наряду с дипломатичным Стефановичем, мирному, мягкому, полюбовному решению всех возникавших проблем. Комиссия завершила свою работу в октябре, не только разделив имущество, но и договорившись о том, что обе организации будут поддерживать друг с другом товарищеские отношения.

Сам Зунделевич незадолго до своего ареста, встретившись с Дейчем и Засулич (которая тоже примкнула к «Черному переделу»), позвал их к себе, и там каждый из собеседников очень настойчиво и энергично, но при этом миролюбиво и с уважением к чужому мнению пытался убедить другую сторону в ее неправоте[218].

---

217 Из архива Л. Тихомирова. С. 175.

218 *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 199–201. О сроках раздела имущества и завершения работы комиссии сообщает Тихомиров: ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 61. Л. 4 об. (примечания Тихомирова к статье Б. Б. Глинского об убийстве Александра II (1910-е годы)).

Поездка в Европу, относящаяся, по-видимому, ко времени с середины сентября по середину октября 1879 года, вышла для Зунделевича не слишком удачной. Член ИК и руководитель динамитной мастерской «Народной воли» Ширяев попросил Зунделевича приобрести за границей 5–6 пудов (82–98 кг) динамита, поскольку готовить его в кустарных условиях было долго, утомительно и опасно. Ширяев также объяснил ему правила обращения с динамитом при упаковке и перевозке. Зунделевич в Женеве с помощью Кропоткина и его друга анархиста В. Н. Черкезова успешно приобрел динамит и упаковал его, а затем через немца-контрабандиста отослал в Германию, чтобы оттуда переправить в Россию. Казалось бы, все шло прекрасно, но на швейцарско-германской границе динамит был обнаружен и задержан таможенниками[219].

Переговоры о сотрудничестве Лаврова и Драгоманова с газетой «Народная воля» закончились с неопределенным результатом. К Лаврову Зунделевич приехал в Париж, сообщил ему о настроениях и планах народовольцев и об их желании видеть его имя на страницах своего печатного органа. Лавров сказал Зунделевичу, что «программно» участвовать в газете не будет, поскольку не разделяет народовольческих воззрений, но «не программные» статьи обещал время от времени присылать. Разговор длился примерно два часа, и большая его часть состояла в ответах Зунделевича на расспросы Лаврова о разных людях и событиях. С Драгомановым, встреча с которым происходила в Женеве, итог разговора насчет газеты был такой же, как и с Лавровым[220].

Драгоманов в конечном счете не стал участвовать в народовольческих изданиях, несмотря на повторное обращение к нему народовольцев, уже в лице Желябова, в письме от 12 мая 1880 го-

---

[219] Автобиографическая записка С. Ширяева // Красный архив. 1924. № 7. С. 94; *Дмитриева О. Н.* Указ. соч. С. 112, 116; *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 197 (письмо от 12 ноября 1922 года); Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 190; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 88 об., 751–751 об. (показания Зунделевича от 30 мая и 1 сентября 1880 года).

[220] HIA. Коллекция Николаевского. 509–521 (письма Зунделевича к Николаевскому от 29 марта и 8 апреля 1923 года).

да[221]. Лавров, видимо, колебался, и уже из Петербурга 19 октября 1879 года Зунделевич писал ему:

> Согласно Вашему желанию, сообщаю Вам, что мои товарищи не только согласны воспользоваться Вашими статьями, но очень просят Вас присылать поскорее. Оставленными мною у Вас адресами Вы можете пользоваться для пересылки статей. Особенно нам интересно получать каждый месяц хронику заграничного движения[222].

Лавров действительно в конце октября 1879 года написал для «Народной воли» статью «Мнение о рабочем социализме», но она не появилась в печати, поскольку была захвачена жандармами при аресте Квятковского 24 ноября 1879 года в Петербурге. После этого сотрудничество Лаврова с «Народной волей» было отложено в долгий ящик, вплоть до рубежа 1881–1882 годов[223].

Взгляды Зунделевича в народовольческий период

В те два с половиной месяца, что Зунделевич работал в «Народной воле», он активно участвовал в спорах о характере партийной программы. Почти все члены-учредители «Народной воли» были сторонниками гражданской свободы и демократических представительных учреждений. Но о конкретных формах этих институтов и об экономическом разделе программного документа имелись разные мнения. Были предложены три проекта — Морозова, Желябова и Зунделевича, — но ни один из них не был принят[224] (в архивах они тоже не сохранились).

---

221 *Желябов А. И.* Письмо к М. П. Драгоманову // Звенья. Т. V. М.; Л., 1935. С. 743–744.

222 Цит. по: *Вахрушев И. С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов, 1980. С. 163.

223 *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 194, 206, 211–213.

224 *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 205–206 (из письма от 24 августа 1922 года).

Программа Зунделевича частично известна в пересказе Иохельсона, но, как признается сам мемуарист, он помнит ее не во всех подробностях. Зунделевич, будучи убежденным сторонником самого широкого парламентаризма, разделял набиравшую тогда популярность в народовольческой среде идею Учредительного собрания, созванного на основе всеобщего избирательного права. Однако при этом у Зунделевича, сомневавшегося в демократических и социалистических устремлениях народных масс (особенно крестьянства), было опасение, что Учредительное собрание может санкционировать абсолютизм. В этом случае, по его мнению, «идейное меньшинство вправе было бы вести *революционную борьбу* против воли большинства». Иохельсон добавляет: «Он был против насилия меньшинства над большинством по рецепту Бланки и Ткачева, но стоял также за право меньшинства *бороться* с насилием большинства над совестью и словом»[225].

Из рассказа Иохельсона не совсем понятно, как могла бы выглядеть эта борьба. Короленко в своих воспоминаниях приводит довольно странный эпизод, когда Зунделевич, защищая в октябре 1881 года в Иркутске, по пути на каторгу, народовольческий террор, говорит о некоем принуждении. Дело, согласно Короленко, было так:

> ...народническая точка зрения заговорила устами Рогачева [другого каторжанина. — *Г. К.*].
> — Скажите, Зунделевич, — спросил он, — что вы [народовольцы. — *Г. К.*] имели в виду, посягая на жизнь царя, которого весь народ еще признавал своим освободителем?
> <...> Зунделевич несколько смутился. Очевидно, готового ответа у него не было.
> — Мы думали, — ответил он, — что это произведет могучий толчок, который освободит присущие народу творческие силы и послужит началом социальной революции.
> — Ну, а если бы этого не случилось и народ социальной революции не произвел... как и вышло в действительности... Тогда что?..
> Зунделевич задумался, как бы в колебании, и затем ответил:
> — Тогда... тогда мы думали... принудить...[226]

---

[225] *Иохельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». С. 18; курсив наш.

[226] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 721–722.

Приведенный Короленко диалог вызывает целый ряд сомнений и вопросов. Зунделевич не был в восторге от «творческих сил» народа и не верил в близкую социальную революцию, поэтому говорить подобные вещи от себя лично никогда бы не стал. Если же предположить, что он говорил от имени «Народной воли», которая, судя по ее программным документам (о чем ниже), действительно верила в народ и в близкий социальный — прежде всего аграрный — переворот, то и тут сказанное им не соответствовало партийным установкам: цареубийство напрямую не увязывалось народовольцами с началом народной революции. А насчет «принудить» ситуация совсем таинственная — кого принудить и к чему? Правительство к уступкам? Народ к демократии? Массы к социальной революции?

В общем, либо Короленко за давностью лет что-то перепутал, либо Зунделевич как-то очень неудачно сымпровизировал. Наиболее вероятно, что тут — сочетание и того и другого. Но, может быть, в рассказе Короленко отразилась, хотя и с большими искажениями, мысль Зунделевича о том, что меньшинство имеет право заставлять большинство принимать ценности гражданской свободы и демократии. Однако эти идеи носили не бланкистский (где диктаторским образом навязывался социализм), а скорее либеральный характер.

Зунделевич, так же как, впрочем, и абсолютное большинство народовольцев, считал террор методом, пригодным только в условиях авторитарного режима. Гольденберг приводит его слова о том, что при демократии «правительственное лицо свято и неприкосновенно»[227].

О социально-экономической программе Зунделевича 1879 года почти ничего не известно, но, безусловно, он не мог полностью обойти крестьянский и рабочий вопросы. Как очень точно высказался Гуревич, «мнения его [Зунделевича. — *Г. К.*] и взгляды были вне программ и платформ, но он был социалистом и революционером по-своему»[228]. Иохельсон отметил, что Зунделевич,

---

[227] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4322. Л. 87 об.–88 (показания Гольденберга от 6 апреля 1880 года).

[228] АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. 844. Л. 24.

хоть и был убежденным западником, все же допускал «несколько особый от Западной Европы путь развития России»[229]. Его экономическая платформа, скорее всего, соответствовала установкам его любимой Готской программы СРПГ, а может быть, была даже и радикальней.

Брат Зунделевича Илья в письме к Ивановской от 3 октября 1926 года писал о воззрениях Аарона на возможность социалистических преобразований в экономике, правда, касаясь последних лет его жизни:

> Если представляется возможность, в силу известным образом сложившихся исторических обстоятельств, сделать попытку перестроить общество на социалистических началах, то <...> возможностью надо воспользоваться. <...>. Он <...> думал, что в каждой отрасли нужно бы национализировать часть предприятий, а часть оставить в частных руках. Параллельная работа этих двух социально разнородных типов <...> заставила бы общественные предприятия работать хозяйственно лучше, в силу неизбежного соревнования, а, следовательно, воочию показало бы населению преимущества именно общественных форм хозяйства.

(Тут, несмотря на употребление термина «национализация», не совсем понятно, идет ли речь о государственных предприятиях или они управляются обществом, то есть трудовыми коллективами.)[230]

Но что для Зунделевича было обязательно — это ненарушимость при осуществлении даже радикальных социальных реформ принципов парламентаризма и гражданской свободы[231]. По свидетельству Ивановской, он говорил: «Политическая свобода должна быть дополнена социальным освобождением, но никогда политическая свобода не может быть заменена социальным прогрессом». Выражая в целом солидарность с идеями Маркса,

---

[229] *Иохельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». С. 17–18.

[230] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 156. Л. 154–155.

[231] Там же. Л.155.

Зунделевич, боготворивший права человека и демократию, не принимал, согласно Ивановской, социальную философию марксизма — так называемый экономический (или исторический) материализм, и даже утверждал, что Маркс не придавал этой доктрине большой ценности[232]. Дейч идет еще дальше и сообщает, что Зунделевич, по крайней мере до конца 1880-х годов, был — ни много ни мало — «противником взглядов Маркса, не исключая даже теории стоимости последнего»[233]. Но думается, что ультраортодоксальный марксист Дейч все же несколько преувеличивает, поскольку тогда становится вообще непонятно, почему Зунделевич называл себя сторонником Маркса и считался таковым большинством окружающих его лиц.

В любом случае из всего вышесказанного можно сделать вывод, что марксизм Зунделевича был с самого начала очень умеренным и во многом проникнутым идеями политического либерализма и реформизма.

Соотношение взглядов Зунделевича с программными документами «Народной воли»

Единственным программным документом «Народной воли» была Программа ИК, принятая в декабре 1879 года. Как отметил 31 октября 1880 года в письме участникам процесса 16-ти (на котором судился Зунделевич) Михайлов: «...мы проводим и развиваем программу “Народной воли” или Исполн[ительного] ком[итета], она стала программой партии...»[234] Изменить программу мог съезд партии, а в чрезвычайных случаях — общее собрание членов ИК[235], но съездов «Народной воли» не проводилось, а общее собрание не меняло программу вплоть до гибели

[232] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 87 (*Ивановская П. С.* Зунделевич А. И.).

[233] *Дейч Л. Г.* 16 лет в Сибири. С. 128.

[234] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 260.

[235] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 201, 209 (уставные документы «Народной воли»).

организации в 1886 году. Однако очень важным дополнением к Программе ИК явилась принятая на общем собрании членов ИК весной 1880 года инструкция «Подготовительная работа партии». В Программе ИК преимущественно рассматривались цели «Народной воли», а в «Подготовительной работе партии» — средства достижения целей.

Главной задачей «Народной воли» было свержение самодержавия и передача власти Учредительному собранию, созванному на основе всеобщего избирательного права. Выдвигалась и собственно народовольческая программа, которую народовольцы собирались пропагандировать до политического переворота, во время избирательной агитации и позднее защищать в Учредительном собрании. Ключевыми ее пунктами были: 1) постоянное народное представительство, имеющее полную власть в вопросах общегосударственного характера; 2) широкое местное самоуправление; 3) полная свобода совести, слова, печати, собраний, ассоциаций и избирательной агитации; 4) принадлежность земли народу (понимаемая, конечно, как уничтожение любой собственности на землю и передача ее в заведование общинам и пользование крестьянам); 5) система мер, передающих в руки рабочих коллективов все заводы и фабрики[236].

Впрочем, последний пункт, судя по комментариям многих видных народовольцев (Михайлова, Желябова, Тихомирова, Фигнер), отодвигался ими на второй план или даже вообще игнорировался, затмеваемый более важной для них аграрной проблематикой[237].

Основным средством для низвержения абсолютизма считалось организованное «Народной волей» победное восстание в крупных городах. Для его подготовки планировалось:

---

[236] Там же. С. 171–173.

[237] Показания А. Д. Михайлова на следствии. С. 156; *Желябов А. И.* Указ. соч. С. 744; ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 209. Л. 68 (слова Желябова, приведенные в мемуарах народовольца П. А. Булгаревича); *Тихомиров Л.* Чего нам ждать от революции? // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. I пагинация. С. 254–257; *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 162.

1) создание центральной организации, способной начать восстание;

2) создание провинциальных (местных) организаций, способных поддержать восстание;

3) обеспечение восстанию поддержки городских рабочих;

4) привлечение на свою сторону армии или парализация ее деятельности;

5) обеспечение содействия интеллигенции;

6) привлечение на свою сторону общественного мнения Европы путем объективного информирования о ситуации в России и о целях и деятельности «Народной воли».

Кроме того, накануне выступления предполагалось осуществить серию террористических актов в отношении наиболее влиятельных чиновников, что должно было вызвать панику в правительстве и привести к дезорганизации власти[238].

После победы восстания создавалось Временное правительство, чья основная задача состояла бы в организации свободных выборов в Учредительное собрание. Затем Временное правительство передало бы ему власть[239].

Политическая часть Программы ИК, как и «Подготовительная работа партии», вполне соответствовали взглядам Зунделевича, хотя неясно, насколько он верил в готовность рабочих поддержать восстание. Ну а над аграрными проектами народовольцев Зунделевич откровенно смеялся, утверждая, по словам Тихомирова: «Вы, с вашей программой — дураки. Но не останетесь же дураками навсегда? Придете и вы к социал-демократической программе. А пока — я с вами схожусь на главном — на терроре»[240] (тут Тихомиров явно не точен — Зунделевич сходился с народовольцами на идее демократии, а террор был лишь средством борьбы за нее).

Отметим еще важный момент — поставленный Зунделевичем вопрос о том, что делать, если Учредительное собрание поддержит

---

[238] Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. С. 176–177, 183.

[239] Там же. С. 174.

[240] *Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья. Л., 1925. С. 26.

самодержавие, а вовсе не демократию и республику, был рассмотрен на общем собрании членов ИК весной 1880 года — видимо, вместе с обсуждением «Подготовительной работы партии». В итоге было принято решение, в основном совпадающее с предложением Зунделевича: подчиниться воле Учредительного собрания, но оставить за собой безусловное право свободной пропаганды своих (в том числе и республиканских) идей и отстаивать его всеми доступными «Народной воле» способами[241]. Так что в этом вопросе мнение Зунделевича было услышано.

Отношение Зунделевича к России

Кравчинский в «Андрее Кожухове» вкладывает в уста Давида Стерна целую речь, в которой ярко прослеживается его еврейский патриотизм и явная нелюбовь к России в целом, но при этом высказывается горячая симпатия к одной из частей этой же России — русской революционной интеллигенции. Приведем отрывок из этой речи:

> Мы, евреи, любим свой народ, это все, что у нас осталось на земле; по крайней мере, я люблю его глубоко и горячо. За что же мне любить ваших крестьян, когда они ненавидят мой народ и варварски поступают с ним? <...> Я могу жалеть ваших крестьян за их страдания, все равно как бы жалел абиссинских или малайских рабов или вообще всякое угнетенное существо, но они не близки моему сердцу, и я не могу разделять ваших мечтаний и нелепого преклонения перед народом. Что же касается так называемого общества высших классов — что, кроме презрения, могут внушить эти поголовные трусы? Нет, в вашей России нечем дорожить. Но я знаю революционеров и люблю их даже больше, чем мой собственный народ. Я присоединился к ним, люблю их, как братьев, и это единственная связь, соеди-

---

[241] *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». С. 56; *Иванов С.* Из воспоминаний о 1881 годе // Былое. 1906. № 4. С. 236 (мемуарист приводит свидетельство Перовской о принятом решении).

> няющая меня с вашей страной. Как только мы покончим с царским деспотизмом, я уеду навсегда и поселюсь где-нибудь в Германии[242].

Насколько эти слова соответствуют взглядам Зунделевича конца 1870-х годов? Неприятие идеализации крестьян, презрение к высшим классам, любовь к русской революционной интеллигенции того времени — все это бесспорная правда. А насчет остального? Дейч в нескольких своих мемуарах категорически заявлял, что никакого специфического еврейского патриотизма у Зунделевича не было[243]. Хотя, безусловно, не подлежит сомнению, что он никогда не забывал о своем еврействе. А Россия в целом? Каково было его отношение к ней?

В письме Зунделевича к товарищам от 1 ноября 1880 года, посланном из тюрьмы вскоре после процесса 16-ти, есть строки, почти дословно повторяющие сказанное Стерном:

> Я бы ни одного дня не оставался в России, даже в легальном состоянии. В тюрьме я успел влюбиться в Америку, и она для меня теперь то, чем была раньше Германия. К России, как знаете, у меня никогда нежных симпатий не было. Оставался я здесь только из чувства обязанности к пострадавшим товарищам. Теперь мои обязанности кончены, так как я сам пострадавший[244].

Данное письмо во многом написано в ернически-иронической манере, и поэтому не факт, что Зунделевич на самом деле думал именно так, как писал. Но это означает, что мысли подобного рода он мог высказывать и раньше, и они действительно приходили ему в голову. К тому же после отбытия каторги в Нижне-Карийской (1882–1890 и 1892–1898) и Акатуйской (1890–1892) тюрьмах Забайкальской области и пребывания на поселении

---

242 *Степняк-Кравчинский С. М.* Андрей Кожухов. С. 49.

243 *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 216; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 451. Л. 42–44 (воспоминания Дейча).

244 Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 249.

в Чите (1898–1906) Зунделевич лишь меньше года прожил в России, в Петербурге, и в 1907 году уехал в Лондон, где и проживал до конца жизни.

Однако уже в Англии Зунделевич, как показывают сохранившиеся от него документы и свидетельство близко знавшего его журналиста С. И. Рапопорта, проявлял себя как патриот (в лучшем смысле этого слова) России, страстно любивший эту страну и болевший за нее душой[245]. После Февральской революции он рвался в Россию, был готов прилететь туда хоть на аэроплане, хотел повидать всех старых друзей и съездить даже в Читу, к которой привязался[246]. Но по разным причинам поездка задерживалась, а после прихода к власти большевиков стала для Зунделевича невозможна[247].

Арест 27 октября 1879 года в Петербурге

Будучи человеком очень основательным и к любому делу подходящим во всеоружии знания, Зунделевич еще с начала августа 1879 года начал — под именем потомственного почетного гражданина Д. М. Брафмана — посещать Публичную библиотеку в Петербурге, чтобы обстоятельно изучить литературу о централизованных заговорщических организациях[248]. Между тем 25 октября 1879 года у дверей подъезда, где располагалась библиотека, швейцар В. А. Ермаков нашел объявление об издании газеты «Черный передел». На следующий день Ермаков передал эту бумагу заведующему хозяйственной частью библиотеки

---

[245] *С. И. Р. [Рапопорт С. И.].* Римлянин // Дни (Берлин). 1923. 11 сентября. С. 3.

[246] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 95 (*Ивановская П. С.* Зунделевич А. И.); Д. 156. Л. 107 (письмо Зунделевича к Ивановской от 28 марта 1917 года); Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 696. Л. 6 об. (письмо Зунделевича к Морозову от 27 марта 1917 года).

[247] *Дейч Л.* Аарон Зунделевич. С. 213.

[248] Там же. С. 201; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 23 об.–24 (показания Ф. И. Плетнева от 2 ноября 1879 года).

Ф. И. Плетневу, а тот — директору библиотеки товарищу министра народного просвещения И. Д. Делянову (будущему министру этого ведомства).

Делянов дал поручение своим служащим присматриваться к тем из читателей, кто кажется подозрительным, чтобы выявить подбросившего объявление. И 27 октября один из сотрудников библиотеки — С. С. Носков — почему-то (может быть, из-за еврейского происхождения) заподозрил в этом именно Зунделевича. Он решил обыскать его пальто и увидел, что там из кармана торчат какие-то печатные издания. Вытащив их, Носков обнаружил, что это пять экземпляров первого номера «Народной воли», вышедшего 1 октября 1879 года. В библиотеку был немедленно приглашен помощник пристава 2-го участка Спасской полицейской части Абрамовский, который тут же приступил к расследованию.

Зунделевича попросили из читального зала пройти в особую комнату, где Абрамовский в присутствии Плетнева и Носкова стал его допрашивать. На вопрос, откуда у него «Народная воля», Зунделевич ответил: «Да уж достаю». Абрамовский спросил: «Стало быть, вы революционер?», на что последовал ответ: «Да, революционер». Абрамовский предложил Зунделевичу вынуть из карманов своего сюртука все содержимое, на что тот сказал: «Не бойтесь, я в вас стрелять не буду», и выполнил эту просьбу. В сюртуке среди прочего оказался еще один экземпляр «Народной воли», некая «Программа общества для содействия революционному движению в России» и несколько написанных Зунделевичем листов с «тезисами революционного содержания». Он также заявил, что не имел никакого отношения к появлению около подъезда вышеуказанного объявления[249].

Зунделевич был арестован, помещен в Спасскую часть и 29 октября 1879 года допрошен уже представителями III Отделения.

---

[249] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 5, 6–6 об., 10–11 об., 23–23 об., 25–25 об.; Доклады ген[ерал]-ад[ъютанта] А. Р. Дрентельна Александру II (апрель-ноябрь 1879 года) // Красный архив. 1930. № 3. С. 163. Диалог Зунделевича с Абрамовским воспроизводится Плетневым (РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 23 об.).

На этом допросе он сообщил свои подлинные имя и фамилию, дал сведения о себе и своих родных, но отказался назвать лиц, от которых получил нелегальные издания[250]. 6 ноября 1879 года Зунделевича перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости[251].

Зунделевич, осторожнейший и осмотрительнейший человек, провалился благодаря нелепой самоуверенности — ведь даже при внезапно возникшем подозрении со стороны ретивого библиотечного служащего его не задержали бы, если бы он не носил в кармане своего пальто целых пять экземпляров газеты «Народная воля»! Сам Зунделевич в письме к товарищам от 1 ноября 1880 года с обычной своей откровенностью напишет: «Я, правду сказать, все время чувствовал себя виновным перед всеми — тем, что попался»[252].

Зунделевич в Петропавловской крепости. Его свидание с Г. Д. Гольденбергом

Первоначально Зунделевичу не угрожало никакого особенно сурового наказания. Дознание в основном интересовалось делами давними — его ролью в Виленском революционном кружке[253]. Этому были посвящены и показания самого Зунделевича от 4 марта 1880 года. Он не признавал существования самого кружка, говорил о том, что не знал о запрещении «Отщепенцев» Соколова и брошюры Лаврова о «пугачевщине», утверждал, будто эти книги брались у него без спроса и т. п.[254] На допросе от 19 марта 1880 года Зунделевич «не признал себя виновным в принятии участия в заговоре или сообществе, имевшем целью ниспровергнуть существующий государственный и общественный

---

[250] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 8–9 об.

[251] *[Кушева Е. Н.]*. Зунделевич Аарон Исаакович. Стб. 1572.

[252] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 249.

[253] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4323. Л. 28–28 об., 30–31.

[254] Там же. Л. 42–43.

строй»[255]. Видимо, он, понимая, что серьезных улик против него нет, надеялся получить административную ссылку и, отбыв ее или сбежав, вернуться к революционной деятельности.

Родителям его уже к 5 ноября сообщили об аресте сына[256]. Между ними началась переписка, из которой со стороны Зунделевича сохранилось два письма, задержанных III отделением. В письме от 23 января 1880 года он, в частности, писал:

> Вы меня упрекаете за мое прошлое. Это для меня не неожиданно и совершенно понятно. Иначе и быть не может. Я знаю, что вам несравненно хуже, чем мне. На себе гораздо легче испытывать какую угодно невзгоду, чем видеть в несчастье близкого, дорогого человека. И как мне больно сознавать, что я делаю вас несчастными!.. Но что делать? Ведь тут приходится иметь дело с совершившимся фактом. Переделать его невозможно.

Зунделевич продолжает:

> Единственное средство облегчить себе случившийся факт, это мириться с ним как-нибудь, мои милые и дорогие родители. Перенесите мужественно постигшее вас горе. Развлекайтесь, ищите отрады и утешения в окружающих вас детях. Сознание, что вы не безутешны, послужит мне большим облегчением. Вам больно, что я делил когда-то с вами ваше горе, но не могу теперь делить ваше лучшее положение [имеется в виду достигнутый материальный достаток. — *Г. К.*]. Я не жалею о первом, так как оно меня научило понимать чужое горе, а это, во всяком случае, не недостаток. Что касается второго, то мне действительно жаль, что я не с вами, но не потому, что не пользуюсь вашими лучшими обстоятельствами, а потому, что не могу сделать их еще лучше[257].

Зунделевич живо интересуется своим выросшими за годы разлуки братьями и сестрами, дает им разные практические со-

---

[255] Там же. Л. 44.

[256] Там же. Л. 32.

[257] ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1879. Д. 623. Л. 24а — 24а об.

веты и уговаривает мать пока что не ездить к нему в Петербург на свидание, поскольку и выслать ее могут, и изъясняться надо будет по-русски, а в результате они поймут «друг друга с пятое на десятое». Он также просит не присылать ему денег, поскольку у него есть свои средства, да и потребности скромные[258].

Письмо от 20 мая 1880 года написано уже в другой обстановке — когда над Зунделевичем в связи с откровенными показаниями Гольденберга (о чем чуть ниже) нависла угроза смертной казни. И он пишет родителям:

> Мое дело приняло недавно новое направление, *направление совершенно верное и разумное*. В юридическом отношении оно, может быть, хуже теперь, но зато *в нравственном для меня гораздо лучше*. Теперь конец всем недоразумениям, хитростям и изворачиваниям. Я этому очень рад. У меня как бы гора с плеч. Я ни разу в течение моего шестимесячного заключения *не чувствовал себя так легко, как теперь*, да и не помню, когда бы на воле *я был в таком безмятежно спокойном нравственном состоянии*[259].

Зунделевич, однако, вынужден признаться, что в физическом отношении его «эти шесть месяцев заключения страшно изнурили»: «Я себя считал и был, кажется, действительно человеком очень выносливым. А между тем выношу заключение довольно туго». Но при этом он находит место и для мягкой иронии: «Кланяюсь и целую всех братьев и сестер. Забавно бывает, что при допросах никогда не могу ответить на вопрос, сколько у меня братьев и сестер [некоторые из них родились после бегства Зунделевича из Вильно в июле 1875 года. — *Г. К.*]. В самом деле, сколько?»[260]

О деле Гольденберга стоит сказать подробнее. Григорий Гольденберг был арестован 14 ноября 1879 года на железнодорожной станции города Елисаветграда Херсонской губернии из-за подо-

---

[258] Там же. Л. 24а — 24б об.

[259] Там же. Л. 52а; курсив наш.

[260] Там же. Л. 52а об. — 52б.

зрительно тяжелого чемодана (заполненного динамитом). При аресте пытался оказать вооруженное сопротивление. 27 ноября переведен в Одесскую тюрьму, где, отказываясь давать показания, сообщил множество ценных для полиции сведений подсаженному в соседнюю камеру Курицыну. Затем признался в убийстве Д. Н. Кропоткина, но никого при этом не выдал.

Вслед за этим за психологическую обработку Гольденберга принялся товарищ прокурора Одесского окружного суда А. Ф. Добржинский. Гольденберг был человеком неумным, наивным, доверчивым, импульсивным, сентиментальным, легко внушаемым и подпадающим под чужое влияние, и вдобавок до крайности самолюбивым и честолюбивым. По своим взглядам он был не столько народовольцем, сколько «либералом с бомбой», и его вполне устроила бы даже самая умеренная конституция, относительная свобода слова, отсутствие смертных казней и уменьшение репрессий.

Хороший психолог Добржинский, изучив Гольденберга, стал ему настойчиво доказывать, что борьба «Народной воли» не имеет перспективы, ее дальнейшая деятельность приведет только к казням народовольцев и ужесточению политического режима, в то время как его откровенные показания будут способствовать спасению возможных террористов от смертной казни, прекращению взаимного насилия, последующей амнистии и либеральным реформам, а сам Гольденберг станет творцом истории — как человек, благодаря которому произойдут столь великие и благотворные перемены.

После пяти недель таких «задушевных» бесед Гольденберг согласился дать требуемые показания, и сделал это в три приема — 9 марта, 6 апреля и 6–10 мая 1880 года. Последние показания Гольденберг давал уже в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, куда его привезли из Одессы 13 апреля. Для того чтобы польстить Гольденбергу и удовлетворить его самолюбие, 19 апреля его в камере посетил второй по значению человек в империи — граф М. Т. Лорис-Меликов, с 14 февраля возглавлявший созданную накануне Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокой-

ствия, которой стали подчиняться и силовые структуры. Лорис-Меликов, как известно, действительно был сторонником некоторой либерализации режима, и общение с ним укрепило желание Гольденберга помочь правительству[261].

Давая показания, Гольденберг воображал себя полководцем, спасающим свою армию от истребления с помощью капитуляции[262]. Среди прочего Гольденберг рассказал о поддержке Зунделевичем идеи цареубийства на совещаниях в марте 1879 года и о его членстве в «Земле и воле», липецком ИК и «Народной воле»[263]. Благодаря внедренному в III отделение с января 1879 года агенту сперва «Земли и воли», а потом — ИК «Народной воли» Н. В. Клеточникову руководство последней своевременно узнало о показаниях Гольденберга и приняло все меры для предотвращения возможного ущерба. Прямых арестов или обысков из-за этих показаний удалось избежать[264], но они в дальнейшем служили важнейшими уликами для многих радикалов на народовольческих процессах.

К началу июня 1880 года Гольденберг начинает понимать, что его одурачили и все сообщенное им будет использовано только для новых арестов и репрессий[265]. Одним из поводов для изменения его позиции стал разговор с Добржинским, который, уже

---

[261] «Исповедь» Григория Гольденберга // Красный архив. 1928. № 5. С. 121–123, 127–135 (предисловие Р. М. Кантора), 137–140, 150–151, 156–162, 164–168, 174, 182 (текст Гольденберга); Процесс шестнадцати террористов. С. 87–88 (слова Гольденберга). Показания Гольденберга находятся: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 4–31 (от 6–10 мая 1880 года); Д. 4322. Л. 1–40 об. (от 9 марта 1880 года), 75–111 (от 6 апреля 1880 года). Показания от 6–10 мая 1880 года частично опубликованы: Процесс шестнадцати террористов. С. 84–94, 102–103, 106–112, 120–124, 129–135.

[262] «Исповедь» Григория Гольденберга. С. 165–166.

[263] Процесс шестнадцати террористов. С. 94, 107, 111; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 12–13, 15, 18; Д. 4322. Л. 15–17, 20 об.–21, 28–28 об., 87 об.–88.

[264] *Якимова А.* Из прошлого // Историко-революционный вестник. 1922. № 1. С. 16; *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». С. 48.

[265] «Исповедь» Григория Гольденберга. С. 135–137 (предисловие Кантора, в котором приводятся шесть покаянных записок Гольденберга к товарищам), 168–170, 173–174 (текст Гольденберга).

добившись от Гольденберга нужных показаний, видимо, утратил самоконтроль и на прямой вопрос о смертных казнях с явно неуместной для его игры откровенностью ответил: «Не знаю», добавив: «Не весь же Исполнительный комитет повесят»[266].

Гольденберг подает три прошения — 5 июня на имя Лорис-Меликова[267], а 12[268] и 16 июня — на имя прокурора Петербургской судебной палаты В. К. Плеве (будущего министра внутренних дел) — с просьбой разрешить ему находиться в одной камере с Зунделевичем, обосновывая это (в третьем из прошений) следующим образом: «...он, как мне известно, более других сочувственно относится ко всему, совершенному мною»[269]. Лорис-Меликов 12 июня отказывает Гольденбергу в его просьбе[270], но 19 июня по рекомендации Плеве соглашается на допущение свиданий Гольденберга с Зунделевичем в присутствии представителей прокуратуры[271].

Встреча между арестантами была только одна и состоялась в начале второй декады июля 1880 года[272]. В письме к Дейчу от 22 февраля 1923 года Зунделевич так описывал все происшедшее:

> Еще месяца за два до свидания Добржинский или Плеве — не помню кто — сказал мне, что Гольденберг настаивает на том, чтобы ему дали свидание со мной <...>, а потому мне предлагают вопрос, соглашусь ли я на свиданье, если будет решено дать его со мною? Я сказал, что согласен на свиданье: мне казалось, что это будет целесообразно в смысле внесения поправок в показания Гольденберга. Но так как месяца два [затем] больше не слыхал об этом вопросе, то я решил,

---

266 Там же. С. 165.

267 ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1879. Д. 668. Ч. 2. Л. 203.

268 Там же. Л. 206.

269 Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости // Красный архив. 1925. № 3. С. 330.

270 РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 481. Л. 37.

271 Там же. Л. 43. Рекомендация Плеве — в письме к Лорис-Меликову от 7 июня 1880 года (ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1879. Д. 668. Ч. 2. Л. 198 об.).

272 «Исповедь» Григория Гольденберга. С. 136 (предисловие Кантора).

> что он снят с очереди, и когда меня привели в комнату для допросов и я увидел там Гольденберга, то это было для меня неожиданно.

Зунделевич продолжает:

> Комната эта была очень большая, и когда мы были в одном углу, то мы могли говорить так, что присутствующие в комнате Добржинский или Плеве, или оба вместе, и расхаживающие по комнате могли не слышать нашего разговора, когда находились в другом конце [ее]. Гольденберг говорил мне, что погубил его Добржинский и что он решил кончить жизнь самоубийством, что он уже для этого выработал определенный план. Я ему советовал во всяком случае до суда ничего не предпринимать, так как на суде, смотря по ходу дела, он будет в состоянии изменить ту или другую часть своих показаний или взять обратно некоторые части. Он, казалось, соглашался со мною...[273]

Однако после свидания с Зунделевичем Гольденберг все же вернулся к прежним мыслям, и, написав свою покаянную исповедь перед товарищами и «всеми честными людьми всего мира»[274], он 15 июля 1880 года покончил с собой, повесившись на полотенце, привязанном к крану умывальника[275].

Что же касается Зунделевича, то показания, уличающие его в членстве в революционной организации, дал еще Дриго, рассказывая об общении с ним по поводу денег Лизогуба[276]. Сам Зунделевич на следствии подтверждал только то, что было уже известно властям о его деятельности, не говоря больше ничего лишнего ни о себе, ни о других[277]. Он был человеком храбрым, но по собственной инициативе в петлю не лез.

---

[273] *Зунделевич А. И.* Письма к Л. Дейчу. С. 216–217.

[274] «Исповедь» Григория Гольденберга. С. 137–174 (цитируемое место — С. 137).

[275] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–1 об., 6–6 об., 9–9 об.

[276] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 249 об.–250 об., 686–688, 708 об.–709 (показания Дриго от 26 июня, 11 и 16 августа 1880 года).

[277] Автобиографические показания А. И. Зунделевича. С. 186–190; РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4319. Л. 88–88 об., 751–751 об.

Зунделевич на процессе 16-ти в Петербурге 25–30 октября 1880 года

Зунделевича судили в Петербургском военно-окружном суде вместе с членами ИК «Народной воли» Квятковским, Ширяевым, Бухом, Ивановой, агентами ИК Е. Н. Фигнер, А. К. Пресняковым, С. И. Мартыновским, Я. Т. Тихоновым, И. Ф. Окладским, претендентом на роль цареубийцы в марте 1879 года Кобылянским и еще некоторыми лицами, среди которых, несмотря на его откровенные показания и помощь полиции, был и Дриго.

Все подсудимые обвинялись в принадлежности к тайному сообществу, стремящемуся «путем бунта и насилия ниспровергнуть государственный строй и общественный порядок»[278]. Такое обвинение, согласно статье 249 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, само по себе грозило всем им смертной казнью[279]. Сверх того, из вышеперечисленных лиц, в частности, обвинялись: 1) Квятковский, Ширяев, Пресняков, Тихонов, Окладский и Кобылянский — в соучастии в подготовке или проведении состоявшихся или готовившихся террористических актов; 2) Зунделевич, Квятковский и Кобылянский — в участии в тайных совещаниях, на которых обсуждалось будущее покушение на Александра II; 3) Пресняков, Бух и Иванова — в вооруженном сопротивлении при аресте, причем Пресняков смертельно ранил швейцара одного из домов, пытавшегося его задержать[280].

Участие в самом факте обсуждения предстоящего покушения на императора, в соответствии со статьями 242 и 243 Уложения о наказаниях, приравнивалось к «непосредственному злоумышлению» против жизни монарха, и, согласно статье 241, влекло за собой смертную казнь[281]. Таким образом, Зунделевичу грозила виселица по двум его «обвинительным» статьям.

---

278 Процесс шестнадцати террористов. С. 74.

279 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом Уложении (изд. 1866 г.). М., 1867. С. 82.

280 Процесс шестнадцати террористов. С. 63–65, 74–75, 198–200.

281 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 79–80.

В те дни Зунделевич передал товарищам следующее небольшое письмо, ярко характеризующее его настроение:

> Если меня повесят, то пусть печатают мой процесс под следующим эпиграфом:
>
> Великих жертв и чистых дел
> Следы не пропадают:
> Не смывают их волны морей
> И ветры не сметают.
> Свой путь когда-нибудь
> Другой по тем следам проложит,
> И не робеть перед грозой
> Ваш дух ему поможет!
> (Из Лонгфелло).
>
> Я очень люблю эти стихи, часто их повторяю и не хочу с ними расстаться и по смерти. Простите великодушно за слабость[282].

Плеве в один из первых дней суда в ответ на вопрос Зунделевича, кто может быть казнен, ответил: «Всех не казнят; казнят, вероятно, вас, Квятковского, Ширяева, Буха». С другой стороны, Лорис-Меликов, разговаривая с арестантами во время посещения Петропавловской крепости, заявлял, что казней не будет.

Судившийся на том же процессе Мартыновский свидетельствует, что «Зунделевич в тюрьме заметно постарел и сильно поседел». Он также добавляет: «От долгого вынужденного молчания голос у него почти пропал, и он говорил так тихо, что судьи часто не могли его расслышать». На суде присутствовал специально приехавший из Вильно отец Зунделевича[283].

Обвинителем на процессе был военный прокурор И. Д. Ахшарумов (брат петрашевца Д. Д. Ахшарумова), а защитниками были кандидаты на военно-судебные должности, полностью

---

[282] Письма участников процесса 16-ти // Каторга и ссылка. 1930. № 3. С. 98.

[283] *Мартыновский С.* На каторжном положении // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 182.

зависимые в своей карьере от Военного министерства и поэтому скованные в своих действиях. Но С. П. Марголин, защищавший Зунделевича[284] и ставший впоследствии известным адвокатом, был, по словам самого подзащитного и Мартыновского, наиболее порядочным и красноречивым из защитников[285]. Вообще судьи и представители обвинения, может быть, под влиянием идущих от Лорис-Меликова осторожных полулиберальных веяний, в целом держали себя корректно и вежливо по отношению к подсудимым[286]. Впрочем, Ахшарумов и его помощник в своих речах все же не упустили случая сказать о якобы имеющихся у подсудимых принципиальных намерениях бороться за все свои (в том числе и социально-экономические) идеалы путем насилия[287], что по отношению к «Народной воле» было несправедливо, поскольку в условиях демократии, как уже писалось, народовольцы считали насилие недопустимым.

Зунделевич выступал на суде неоднократно[288], хотя никаких развернутых речей не произносил. Как и на следствии, он признавался только в том, что было доказано, подчас смешивая при этом правду и ложь. Таким, например, был его ответ о деле Соловьева: «Признаю себя виновным в том, что я знал, что Соловьев хочет произвести покушение, а также и в том, что участвовал в совещаниях, на которых обсуждался вопрос о цареубийстве, <...> но я не знал, когда Соловьев произведет покушение и в каком месте»[289].

Все выступления и реплики Зунделевича были всегда четкими и ясными, свидетельствующими о его полном самообладании и чувстве собственного достоинства. Наибольшим по объему был ответ Зунделевича на речи обвинителей, где он, в частности, сказал:

---

[284] Процесс шестнадцати террористов. С. 1.

[285] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 249 (письмо Зунделевича к товарищам от 1 ноября 1880 года); *Мартыновский С.* Указ. соч. С. 183.

[286] Письма участников процесса 16-ти. С. 98 (предисловие В. Н. Фигнер); Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 249.

[287] Процесс шестнадцати террористов. С. 167–168, 178, 188.

[288] Там же. С. 77, 104–106, 119–120, 151, 158–161, 163–164, 217–218, 228.

[289] Там же. С. 77.

> Если вы рассмотрите все мотивы нашей деятельности, то увидите, что все стремления направлены только к свободе слова. <...> Даже факты насилия были направлены только на достижение свободы слова. Следовательно, наше сообщество имеет в своей программе две различные цели и два разных средства: одно — стремиться к ниспровержению существующего строя посредством мирной пропаганды; с другой стороны — средством к достижению свободы слова наше сообщество допускает насилие[290].

Тут он, не кривя душой, все же несколько сузил — вольно или невольно — политическую программу и «Народной воли», и свою собственную.

Наиболее яркими из выступлений подсудимых были речи Квятковского и Ширяева, где они в сжатой форме достаточно логично и эмоционально изложили причины и смысл народовольческой деятельности[291]. Евгения Фигнер писала своей сестре Вере 30 октября 1880 года:

> Квят[ковский], Шир[яев], Зунд[елевич] держали себя прекрасно и представляются в деле людьми высоко стоящими по нравственному и умственному своему складу. Отдам честь Мойше — я им просто любовалась, так мило он себя держал — между прочим, не в похвалу будь сказано, мы, кажется, обоюдно получили симпатию друг к другу[292].

Иванова вспоминала о Зунделевиче: «На суде он держался прекрасно»[293]. Мартыновский подытоживает: «Даже судьи не могли не оценить простоты, полного достоинства ответов и манеры держаться Ширяева, Зунделевича, Квятковского и Ивано-

---

[290] Там же. С. 218.

[291] Там же. С. 213–217, 225–228. Более полный вариант одного из ключевых выступлений Ширяева см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 244–248.

[292] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 256.

[293] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 100. Л. 87 об. (письмо Ивановой к Ивановской от 6 июня 1926 года).

вой. Это чувствовалось по тому вниманию, с каким суд относился к словам этих подсудимых»[294].

Сам Зунделевич говорит о процессе в уже упоминавшемся письме от 1 ноября 1880 года, которое в общем писалось в насмешливо-шутовской и даже несколько раздражительной тональности, так что невозможно понять, где он пишет серьезно, а где — нет:

> Скажите, пожалуйста, друзьям, чтобы в своих отчетах относились с вежливостью к составу нашего суда и прокуратуры, даже если нас повесят. Лучших судей и прокур[ора] желать нельзя. Они оставили чрезвычайно приятное впечатление, и грубость по отношению к ним была бы непростительна. Будь между подсуд[имыми] один талантливый человек, то при терпимости суда этот процесс сделался бы историческим. Но у нас, к сожалению, все бездарности. <...> Крестов у нас в суде как на кладбище, а звезд, как на небе. Все-таки публика очень симпатичная. Пред ней стоило бы поговорить, жаль, что я так бесталанен[295].

Приговор, вынесенный судом 30 октября и утвержденный с некоторыми изменениями 1 ноября исполняющим обязанности командующего Петербургским военным округом генерал-адъютантом А. С. Костандой, не оставлял, однако, места для шуток и насмешек. Из числа названных ранее подсудимых Квятковский, Ширяев, Пресняков, Тихонов и Окладский были приговорены к смертной казни через повешение, Зунделевич — к бессрочной каторге, Бух, Иванова, Мартыновский и Кобылянский — к различным срокам каторжных работ, а Е. Н. Фигнер и Дриго — к ссылке в Сибирь. Окончательное решение принимал Александр II, и он 2 ноября утвердил смертную казнь двум из пяти смертников — Квятковскому и Преснякову, а остальным троим заменил виселицу пожизненной каторгой. 4 ноября 1880 года Квятковский и Пресняков были повешены на левом фасаде Иоанновского равелина Петропавловской крепости[296].

---

[294] *Мартыновский С.* Указ. соч. С. 183.

[295] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 249.

[296] Процесс шестнадцати террористов. С. 233–234.

Последняя часть письма Зунделевича от 1 ноября, написанная уже после оглашения приговора, по своей серьезности резко контрастирует с предшествующей:

> Говорить о приговоре мне совестно. Он для меня так мягок, что я положительно поражен. Я никогда не думал, чтобы суд имел право меня приговорить не к смерти. Но волнуюсь я теперь гораздо больше, чем до приговора, не скажу, [что] чем если бы меня приговорили к смерти, потому что не знаю, как бы я тогда волновался. Мне страшно за судьбу пятерых осужденных. Пока не придет им смягчение, я проведу тяжелые дни. А они то? Страшно и подумать. Я как-то не успел одуматься, как уже очутился вне залы заседания. Я даже не успел взглянуть на осужденных на смерть[297].

Обращение приговора в исполнение

Отец Зунделевича Исаак Ошерович отправил 7 ноября 1880 года прошение Александру II о помиловании сына. В нем И. О. Зунделевич, в частности, писал:

> Позвольте мне, Ваше Императорское Величество, старику и отцу девяти детей, просить о милости к сыну моему <...>. Воспитанный с младенческих его лет в бедности и нищете, сын мой посвятил себя поступить в Виленское раввинское училище. При страшной борьбе за существование, борьбе с голодом и холодом, он похвально прошел шесть классов <...>. В это время одно неожиданное обстоятельство повлияло на всю его жизнь <...> — закрытие Раввинского училища <...>. Пользующийся за свое трудолюбие и прилежное поведение всеобщим уважением и любовью, он, сын мой, был утешением и надеждой моего семейства. Но внезапное закрытие упомянутого училища оставило его на средине пути к своей цели быть опорою бедных обремененных малолетними детьми родителей.

---

[297] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 250.

И. О. Зунделевич продолжает:

> …оставленный без всяких средств к продолжению курса наук, он принужден был искать себе пропитание в других сферах вдали от своих родителей <…> и так, быть может, крайность его положения довела его до отчаянности отступить от пути чести и закона, и вопреки вкорененных в нем с юных лет благородным безмятежным чувствам и мыслям, мог по неопытности и молодости и при крайней нужде попасть в сети, которые, может быть, подставили для него злоумышленники.

Прошение заканчивается следующими словами:

> Ввиду всего вышеизложенного я, преклонных лет отец, [и] как любовь и привязанность к родному детищу слишком сильны, [так и] Твои же милости, Вседержавнейший государь, слишком велики, и я обращаюсь, Всемилостивейший монарх, к Твоему милосердию и прошу снизойти к страданиям старика отца, безутешно скорбящего об ужасной участи своего сына, и насколько возможно облегчить положение несчастного осужденного[298].

На бумаге, сопровождавшей это прошение, Александр II наложил резолюцию: «Конечно, оставить без последствий»[299].

Находившийся во время процесса 16-ти в Доме предварительного заключения в Петербурге Зунделевич по окончании суда был возвращен в Петропавловскую крепость, где содержался уже как ссыльно-каторжный государственный преступник. 1 июня 1881 года он был отправлен из Петербурга в Нижне-Карийскую тюрьму, куда прибыл 19 февраля 1882 года[300].

По дороге на каторгу, 17 декабря 1881 года, Зунделевич пишет родителям письмо, в котором явно преувеличенно, для успокоения родных, заявляет: «Мое здоровье хорошо. <…> Общее пси-

---

298 ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1880. Д. 705. Ч. 1. Л. 116–117.

299 Там же. Л. 115.

300 *[Кушева Е. Н.].* Зунделевич Аарон Исаакович. Стб. 1572.

хическое состояние могу называть удовлетворительным. <...> Я в прекрасном настроении; на душе даже весело и радостно...» Но потом добавляет как раз то, что, видимо, действительно утешало его в его положении:

> ...жизнь сложнее, чем это кажется с первого взгляда. В ней есть такие области, которые не зависят ни от того или другого общественного положения, ни от благосостояния, ни даже от политической удовлетворенности личности; в этом отношении жизнь мне оставляет многого желать[301].

Ему предстояла еще долгая жизнь, в которой были и горести, и радости, и надежды, и разочарования.

Итоги

Аарона Зунделевича, бесспорно, можно признать виднейшим революционером своего поколения. Во-первых, в нем очень своеобразно и ярко сочетались черты бескорыстного идеалиста, ригориста и романтика с большим практическим умом и великолепной деловой сметкой и хваткой. Такое сочетание качеств встречалось в его революционную эпоху, но Зунделевич, наряду с А. Д. Михайловым и Перовской, был одним из наиболее выдающихся представителей этого типа деятелей «подпольной России».

Во-вторых, Зунделевич, как верно подметила Ивановская, «был во всем индивидуален, отметен»[302]. Еще в 1875 году он, по словам Ромма, утверждал, «что каждый человек должен отстаивать свои убеждения, даже в таком случае, если они не согласны с целым строем общества»[303]. Зунделевич всегда имел самостоятельные, оригинальные и независимые от каких-либо политических и идейных течений мысли и суждения. Как выразился в посвя-

---

[301] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 387. Л. 176 об.–177.

[302] РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 60.

[303] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 4342. Л. 54 об. (показания Ромма от 25 июля 1875 года).

щенном ему некрологе либеральный публицист Дионео, Зунделевич никогда не мог быть захвачен «политической верой стада»[304]. Будучи приверженцем тогдашней марксистской социал-демократии и довольно радикальных преобразований в производственной сфере, он вместе с тем был яростным защитником прав человека и внеклассового парламентаризма, отрицал те элементы марксизма, которые вели к авторитаризму, классовой диктатуре и вульгарно-социологическому отношению к людям.

И наконец, в-третьих, Зунделевич, несмотря на свое участие в террористических актах, был гуманным, деликатным, терпимым, доброжелательным и отзывчивым человеком. В нем абсолютно не было партийной узости и ограниченности. Как высказался Рапопорт, «он совершенно не знал разделения людей на граждан революционного Рима и на варваров» — «для него все были римляне»[305]. Эта черта дорогого стоит и далеко не всегда присутствует у революционеров даже самого умеренного и демократического направления.

В общем, своей личностью и своими взглядами Зунделевич существенно обогатил палитру революционного движения 1870-х годов, в котором так активно участвовал.

---

304 *Дионео.* А. И. Зунделевич // Последние новости. 1923. № 1035. 7 сентября. С. 2.

305 *С. И. Р.* Указ. соч. С. 2.

Роберта Де Джорджи

«Не роман, а путаница в письмах и телеграммах»: Шолом-Алейхем и Лев Толстой (по неизданной переписке)

Предисловие

Замысел данной работы, посвященной переводу «Трех сказок» Толстого 1903 года, в первую очередь сказки о царе Асархадоне, возник в рамках более обширного проекта — монографии о Владимире Черткове (1854–1936), друге и соратнике Толстого, самом страстном последователе его учения. В 1903 году Чертков, высланный из России за свой памфлет в защиту духоборов, находился в Лондоне и занимался всеми переводами и иностранными изданиями Толстого (еще с 1898 года) как его единственный литературный агент. И действительно, в Лондоне он получал копии всех без исключения текстов писателя — художественных произведений и статей, черновиков и заметок, биографических документов, писем, дневниковых записей и т. д. Поэтому неудивительно, что в московском архиве Черткова (в РГАЛИ) были обнаружены несколько писем и одна телеграмма Шолом-Алейхема, который в 1903 году обратился к Толстому с просьбой отправить ему какой-нибудь неизданный текст для публикации в сборнике в пользу пострадавших от погрома в Кишиневе. Толстой сразу же откликнулся на просьбу и через несколько месяцев передал ему три неизданных сказки («Ассирийский царь Асархадон», «Три

вопроса» и «Труд, смерть и болезнь»), которые были опубликованы в 1903 году в переводе Шолом-Алейхема на идиш (Hilf, Varshe, Tushiah).

Это, пожалуй, все скудные сведения, которые можно почерпнуть из исследований о Толстом и из комментариев к его Полному собранию сочинений (М., 1928–1958). Однако события, которые происходили в месяцы, прошедшие с того момента, как Шолом-Алейхем получил от Толстого три сказки, до их выхода на идише — и примерно в то же время на других языках, — требуют отдельного исследования. Хотя письма Шолом-Алейхема Черткову касаются в основном технических вопросов, между строк в них можно прочесть о буре, что разражалась всякий раз, когда Толстой, еще за несколько лет до того отказавшийся от авторских прав на произведения, написанные им после 1881 года, отправлял в печать новый текст, даже если речь шла о небольшой статье. «Когда я теперь отдаю что-либо в печать, то всегда боюсь, что огорчу кого-нибудь и мне будет неприятно»[1], — писал Толстой Черткову как раз той осенью 1903 года.

Именно «между строк», поскольку эти письма отражают лишь малую часть сложной истории, вызывая у читателя желание разобраться в том, что же происходило на самом деле, раскрыть причины беспокойства, опасений, гнева и радости, которые оставили след на их страницах. Письма Шолом-Алейхема, которые я почти случайно обнаружила в ходе исследования, побудили меня углубиться в «темный лес» переписки между переводчиками, издателями, писателями и другими лицами, участвовавшими в этой запутанной истории, помимо упомянутых выше Толстого, Шолом-Алейхема и Черткова. Я имею в виду Эйльмера Моода (1858–1938), биографа и последователя Толстого, который стремился любой ценой стать основным переводчиком его сочинений на английский язык; Павла Буланже (1865–1925), человека кроткого, всегда готового оказать услугу великому писателю; врача Дмитрия Никитина (1874–1960); Владимира Бинштока (Bienstock, 1868–1933), автора неудачного француз-

---

[1] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 89. С. 306–307.

ского перевода «Войны и мира»; и, конечно же, преданную свиту издателей, верных переводчиков и единомышленников Черткова.

При этом сам Шолом-Алейхем, невольный виновник «путаницы в письмах и телеграммах», если использовать название его известного произведения, остается в тени, Эйльмер Моод упоминает о нем мимоходом, искажая его имя: «Talented Jewish writer, S. N. Rabinóvitch, better known in Russia under his pseudonym of Schalem Meichem» («Талантливый еврейский писатель С. Н. Рабинович, более известный в России под псевдонимом Шалем-Мейхем»)[2].

При реконструкции истории перевода трех сказок — в частности, сказки о царе Асархадоне — я во многом опиралась на не изданные по сей день архивные материалы и на периодические издания той эпохи, русские и зарубежные. Письма Шолом-Алейхема Черткову, написанные по-русски, уже выходили в переводе на идиш в «Советиш геймланд» в 1966 году (№ 1) и в 1984-м (№ 3), но, насколько мне известно, первоначальная версия на русском была опубликована впервые в моей статье в 2017 году (Russica Romana. 2017. № XXIV. С. 121–167).

Оригиналы писем Черткова Шолом-Алейхему, к сожалению, не сохранились в его архиве в Тель-Авиве (Beth Sholem Aleichem). Однако я нашла копии двух его самых важных писем: первое было переписано царской секретной полицией, которая вела за Шолом-Алейхемом усердное наблюдение после перехвата его переписки с Чертковым и другими толстовцами. Копия второго письма, переданного Толстому Чертковым, — более длинного и многословного, что было свойственно стилю Черткова в целом, — хранится в московском архиве Толстого. «Так как мне необходимо было, — пишет Чертков Шолом-Алейхему, — сообщить Льву Николаевичу все то, что я здесь сообщаю Вам, что в избегание повторения в другом письме того же самого, я стал

2 Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy / Translated by L. and A. Maude, with an Introduction containing Letters by Tolstoy. New York. Funk & Wagnalls Company, 1903. P. 8; London: Grant Richards, [1903], 1904. P. 5.

под конец писать это письмо, как бы обращаясь к Вам обоим одновременно; и ему пошлю копию с этого письма» [3].

Один оригинал письма Шолом-Алейхема, адресованного Мооду, был обнаружен среди бумаг последнего в «Русском архиве» в Лидсе (Leeds Russian Archive), где хранятся также несколько писем (в которых говорится о переводе «Трех сказок» Толстого) Павла Буланже.

Корреспонденция Моода и Черткова, которую они вели исключительно через посредников, почти целиком находится в двух московских фондах Черткова (в РГАЛИ и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки), так как Моод беспрекословно выполнил требование вернуть отправителю все полученные письма.

Что касается переписки за 1903 год между Толстым и Чертковым, то письма первого давно опубликованы в его Полном собрании сочинений, тогда как письма второго мне пришлось искать в его фонде в Государственном музее Толстого, а также в отделе рукописей Российской государственной библиотеки; эти письма до сих пор не изданы.

Существует, наконец, и переписка между Толстым и Шолом-Алейхемом. Письма Толстого опубликованы в его Полном собрании сочинений (М.: Художественная литература, 1954. Т. 74. С. 118–119, 165–167, 182). Письма Шолом-Алейхема Толстому хранятся в отделе рукописей Государственного музея Толстого в Москве (Ф. 1. Оп. 2. № 180–108); они опубликованы — с мелкими неточностями — в Собрании сочинений Шолом-Алейхема (М.: Художественная литература, 1990. Т. 6. С. 329–341, 346).

Ради краткости я не буду отдельно упоминать прочие архивные документы, использованные в исследовании.

Отдавая в печать данную работу, я хотела бы поблагодарить — помимо администрации учреждений, предоставивших мне возможности для проведения исследования, — Ричарда Дэвиса (Richard Davies), И. Т. Пяттоеву, В. С. Бастрыкину за содействие

---

3 [Письмо [копировальная копия автографа] Черткова к Шолом-Алейхему от 19 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 8. Инв. № 54/1. Л. 5.

и искреннюю поддержку в течение всех этих лет. Приношу глубокую благодарность Александру Френкелю, столь щедро делившемуся со мной своими уникальными знаниями.

Все ошибки и неточности в работе принадлежат, конечно, только мне.

Редакционные пояснения

При воспроизведении текста неизданных документов соблюдаются следующие правила.

Текст цитируется в соответствии с современными нормами русской орфографии и пунктуации.

Сокращения типа «к-ый» вместо «который» и недописанные слова даются полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямые скобки: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п.

На месте не поддающихся прочтению слов ставится пометка *<нрзб>* и указывается количество неразборчивых слов. *<1 нрзб>*, *<2 нрзб>*

То, что подчеркнуто в источниках от руки, печатается подчеркнутым.

Текст без правки передается прямым простым шрифтом.

Текст, вычеркнутый писателем, заключен в угловые скобки.

Вставка рукописной правки (текст, вставленный писателем или переписчиками) обозначена полужирным шрифтом.

Сокращения (в сносках для наиболее цитируемых имен):

F. A. P. [или **Ф. А. П.**]: Free Age Press.

ПСС — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1928–1958.

СС — Шолом-Алейхем. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1988–1990.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого.

LRA — Leeds Russian Archive.

CAHJP — Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem.

ЦДІАК — Центральний державний історичний архів України, Київ.

I

Перевод «Трех сказок» Льва Толстого, с которыми Запад познакомился в конце 1903 года под заглавием «King Assarhadon and other Stories» (или же «Esarhaddon and other Tales»), лишь на первый взгляд кажется сделанным в соответствии с устоявшейся практикой, согласно которой Владимир Григорьевич Чертков, литературный агент Толстого с 1898 года, доверял перевод его новых произведений одновременно нескольким переводчикам из разных стран, хорошо себя зарекомендовавшим. Перевод «Трех сказок» представляется выполненным в соответствии с обычной издательской практикой, только если судить по конечному результату. Однако то, что произошло в течение нескольких месяцев, отделявших создание сказок от их выхода в свет на разных языках, напоминает хитросплетения полного недоразумений сюжета знаменитой книги Шолом-Алейхема «Мариенбад — не роман, а путаница в 36 письмах, 14 любовных записках и 46 телеграммах» (1911). Речь идет о путанице международного масштаба, и сегодня эта история, восстановленная с помощью архивных документов, которые считались потерянными или уничтоженными, многое рассказывает нам о целом ряде лиц, окружавших Толстого. Этот круг сужался всякий раз, как он завершал новое произведение, и намерения этих людей не всегда были прозрачны.

И имя Шолом-Алейхема, и название его знаменитого произведения упоминаются в этой связи не случайно. Но обо всем по порядку.

Вскоре после погрома в Кишиневе, случившегося в апреле 1903 года, писатель Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович, 1859–1916) обращается к Толстому с просьбой принять участие в сборнике, задуманном в помощь пострадавшим евреям (им должна была пойти выручка с продаж). В своем первом письме он называет Толстого «Великим Писателем Земли Русской», а сам представляется «народным бытописателем», уже двадцать лет пишущим на «еврейском разговорном наречии», то есть идише, под псевдонимом «Шалем-Алехем»[4].

> 27 апреля 1903.
> Глубокоуважаемый Лев Николаевич!
>
> <...> Автор этих строк имеет честь не только принадлежать к этому вечно гонимому, бесправному, презираемому, но по-своему великому народу, но быть скромным выразителем его чувств, мыслей и идеалов. <...> Мне поручено составить Сборник в пользу пострадавших от кишиневского погрома. В Сборнике участвуют лучшие еврейские силы. Чтобы обеспечить Сборнику успех, я осмеливаюсь просить Вас, Великий Писатель Земли Русской, дать нам что-нибудь, ну хотя бы письмо утешительного свойства. <...> Ваше письмо я берусь перевести на еврейский (народный) язык, которого люди знающие считают меня одним из лучших стилистов[5].

---

[4] См. письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 27 апреля 1903 года (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 1–2; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 329–330); в конце второго листа письма Шолом-Алейхем делает сноску, где добавляет: «Пишу и много писал также и на древнееврейском языке, равно как и на Русском» (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 2). В большинстве писем, приведенных мной в этой работе, Шолом-Алейхем подписывался как Соломон Н. Рабинович, добавляя — иногда в скобках, а иногда без — свой псевдоним, написанный по-разному. В оригиналах мы не меняли правописание, но в статье выбрали общепринятый вариант Шолом-Алейхем. Толстой, как и его последователи и переводчики, чаще всего называл его Соломон Рабинович.

[5] Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 27 апреля 1903 года (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 1–2; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 329–330).

Прежде Толстой ни разу не слышал ни имени Соломона Рабиновича, ни его литературного псевдонима. И это неудивительно: в первые годы XX века Шолом-Алейхем был малоизвестен за пределами еврейской читающей аудитории. Его прорыв к русскому читателю произойдет позже, в 1910 году, когда московское издательство «Современные проблемы» приступит к выпуску первого собрания сочинений писателя на русском языке (1910–1913)[6].

Через несколько дней, а именно 6 мая 1903 года, Толстой, который уже высказал кратко свое мнение о произошедшем в Кишиневе[7], решает откликнуться на просьбу:

> Соломон Наумович,
>
> Ужасное совершенное в Кишиневе злодеяние болезненно поразило меня. <...>
> Я очень рад буду содействовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо, соответствующее обстоятельствам.
> К сожалению, то, что я имею сказать, а именно, что виновник не только кишиневских ужасов, но всего того разлада, который поселяется в некоторой малой части — и не народной — русского населения — одно правительство. К сожалению, этого-то я не могу сказать в русском легальном издании[8].

10 мая Шолом-Алейхем благодарит Толстого — и за то, что он принял приглашение участвовать в сборнике, и за теплые слова —

---

6 См. об этом: *Френкель А. С.* Русский писатель Шолом-Алейхем // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 168. По распоряжению Шолом-Алейхема издательство высылало тома его собрания сочинений в Ясную Поляну. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 апреля 1910 года (см.: СС. Т. 6. С. 346).

7 См.: письмо Толстого к «Знакомому еврею» // ПСС. Т. 74. С 106–109.

8 Письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 6 мая 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 118–119. Письмо это без указания имени отправителя было впервые опубликовано в журнале «Свободное слово» [Лондон]. 1903. № 5 [май и июнь]. Стб. 28 в разделе «Сведение о Льве Николаевиче Толстом» (составлено В. Чертковым).

и просит его выслать текст как можно скорее или хотя бы сообщить, когда примерно он будет готов, чтобы заранее организовать подписку на «еврейский сборник»[9]. Однако 11 июля Шолом-Алейхем вынужден снова писать Толстому, повторяя от имени всех русских евреев просьбу почтить их каким-нибудь сочинением: рассказом, статьей, письмом или заметкой[10]; затем, 24 июля, в качестве составителя сборника он еще раз напоминает об этом Толстому:

> ...все грамотное еврейство — а какой еврей неграмотен по-еврейски? — с нетерпением ждет и надеется услышать авторитетное слово величайшего писателя и человека, впервые переведенное с рукописи и специально предназначенное и для доброго дела, и для симпатичного издания[11].

28 июля Толстой поручает М. А. Маклаковой[12] написать «Рабиновичу» и узнать, не слишком ли он опаздывает с отправкой текстов[13]. В своем ответе от 3 августа 1903 года Шолом-Алейхем сообщает ей, что издатель согласился сдвинуть срок сдачи в типографию на месяц, и добавляет:

> Таким образом, имея в своем распоряжении целый месяц времени, мы надеемся, что Граф может окончить свою работу. Если бы, паче чаяния, понадобилось Графу еще несколько дней, то остановки не будет, потому что без этой

---

9 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 мая 1903 года // СС. Т. 6. С. 330–331.

10 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 11 июля 1903 года // СС. Т. 6. С. 331.

11 [Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 июля 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. №180/108–4. Л. 1; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 332.

12 Мария Алексеевна Маклакова (1877–1957) — дочь известного московского окулиста, сестра адвоката, хорошая знакомая семьи Толстых.

13 В ПСС Толстого читаем: «Июля 28. М. А. Маклакова спрашивала Рабиновича, не опоздал ли Толстой с присылкой материала для еврейского сборника» (Список писем 1903 г., написанных по поручению // ПСС. Т. 74. С. 273).

> обещанной статьи выпуск нашей книги совершенно немыслим. Благоволите немедленно сообщить мнение Графа об этом сроке[14].

Первоначально Толстой собирался отдать для публикации в «еврейском сборнике» рассказ «После бала», который на тот момент еще не был окончен[15], однако затем по причинам, которые нам неизвестны, одарил сборник тремя сказками, сочиненными специально по этому случаю[16]. 9 августа он извещает об этом Владимира Черткова: «Написал я за это время три сказки, кот[орые] отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе, и списки пришлю вам. Сказки плохи. Но надо было освободиться от них»[17]. Чертков с радостью воспринимает известие, сразу же усмотрев в нем практическую пользу для своего издательства:

> Меня поэтому особенно обрадовало ваше сообщение, что вы написали две сказки и рассказ. Это очень своевременно в смысле нового оживления интереса читателя во всех ваших писаниях. Кроме того, для наших английских изданий «Free Age Press» это настоящий «Godsend»; т[ак] к[ак], с тех пор как Моод отнял от нас печатания «Resurrection», доставлявшего нам 2/3 всей нашей выручки, нам материально очень трудно приходится[18].

---

14 Письмо Шолом-Алейхема к М. А. Маклаковой от 3 августа 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Реховот, Израйл, 1994. Кн. 4. С. 212).

15 18 июня 1903 года Толстой записывает в «Дневнике»: «2) В еврейский сборник: веселый бал в Казани, влюблен в <Ко[рейшу]> красавиц[у], дочь воинск[ого] начал[ьника] — Поляка, танцую с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И на утро после влюбленн[ой] бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонит Татарина, и воинск[ий] начальник велит больней бить. (Очень бы хорошо)» // ПСС. Т. 54. С. 178.

16 7 августа 1903 года Толстой дописал эти сказки (см.: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М.: Кооп. изд-во: Голос Толстого, 1922. Т. 1. С. 113).

17 Письмо Толстого к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

18 [Письмо (копировальный дубликат автографа) Черткова к Толстому от 4 сентября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 7–8.

20 августа Толстой отправил Шолом-Алейхему две первые сказки — «Ассирийский царь Асархадон» и «Три вопроса»[19], — а затем, два дня спустя, и третью: «Труд, смерть и болезнь»[20]. На самом деле была еще и четвертая, «Das bist du»[21], но ее Шолом-Алейхем предпочел не включать в сборник, поскольку счел это

> не только бесполезным, но совершенно лишним, могущим вызвать в уме простого человека смешение понятий и тупое недоумение. Сказка Ваша («Ассархадон»), воплотившая в себе идею «Das bist du», облечена Вами в столь прекрасные образы, что прямо жаль портить цельность впечатления у незатейливого читателя[22].

И действительно, текст «Das bist du» в сборник не вошел[23].

Между тем Шолом-Алейхем времени не терял: он перевел три текста на идиш и в этом же письме от 25 августа заверил Толстого в несомненном качестве своей работы, уведомив его:

> А что я передал их мастерски, в этом я смело Вас могу уверить. Я совсем иначе понимаю слово «перевод». Сохраняя смысл, дух и буквальное содержание Ваших сказок, я постарался сообщить им красоту, свойственную нашему народному, до чрезвычайности простому и, вместе с тем, образному языку. И в этих видах мне пришлось в некоторых местах поступиться выражениями в оригинале, заменяя их сочными, чисто еврейскими выражениями и оборотами речи. <...>

---

19 См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 20 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 165–166. См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 22 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 166.

20 Там же.

21 См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 25 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 167.

22 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 28 августа 1903 года // СС. Т. 6. С. 335.

23 На конверте письма Шолом-Алейхема к Толстому от 28 августа 1903 года имеется заметка Толстого: «Ответить, что согласен не помещать» (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Указ. соч. С. 267).

> В общем, я должен Вам сказать, что в переводе «Сказки» вышли так, как будто Вы их написали по-еврейски. Никаких следов перевода в их не заметно[24].

Тем временем 24 августа Толстой по сложившейся традиции выслал три сказки и Черткову[25]. И действительно, копии всего, что он писал, — художественных произведений и статей, черновиков и аннотаций, биографических документов, писем, дневниковых записей и прочего, — отправлялись Черткову, который с 1897 года жил в изгнании в Лондоне. Попав в руки к Черткову, эти тексты находили разное применение, но сначала тщательным образом каталогизировались и помещались в охраняемый архив, расположенный в несгораемом хранилище на окраине города. Законченные сочинения (художественные и публицистического характера) почти всегда издавались в Лондоне сразу по-русски (особенно если они были запрещены российской цензурой) издательством «Свободное слово» и в переводе на английский язык издательством Free Age Press («Издательство свободного века», далее указано как F. A. P.); оба были основаны и возглавлялись Чертковым. Письма Толстого, имевшие, по мнению Черткова, определенное политическое, социальное или религиозное значение, он печатал в своих периодических изданиях: «Свободном слове» (1901–1905) и «Листках свободного слова» (1898–1902)[26]. Так, письмо от 6 мая 1903 года, в котором Толстой брал на себя обязательство принять участие в сборнике на идише, появилось впервые на страницах «Свободного слова» в номере за май — июнь 1903 года, без указания на имя отправителя.

---

24 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 25 августа 1903 года // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–7. Л. 1, 4 опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 332–334.

25 См.: письмо Толстого к Черткову от 24 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 305.

26 О периодических изданиях Черткова в Англии см.: *Саломони А.* Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. / под ред. Ю. Шеррер, Б. Ананьича. СПб.: Европ. Дом, 1997. С. 111–127.

Помимо этого Чертков занимался переводами произведений Толстого на другие языки. В 1898 году, после более-менее откровенного давления с его стороны, он был назначен писателем своим официальным представителем и получил исключительное право распоряжаться всеми переводами его произведений за границей:

> Теперь, когда мой друг Владимир Чертков живет в Англии, я желаю в его руки передать все соглашения и связи с первым изданием моих писаний за границей; и потому я хотел бы, чтобы все переводчики и издатели, заинтересованные в этом деле, обращались к нему.
>
> Лев Толстой.
>
> Москва.
> 8 марта 1898[27].

Появившись в жизни Толстого в конце 1883 года, в течение всего нескольких лет Чертков завоевал исключительно привилегированное положение: стал его ближайшим другом, издателем, переводчиком и литературным агентом[28]. А в 1903 году уже обрел — и очевидным доказательством тому явилось последнее завещание писателя[29] — почти абсолютный контроль над тем, что тот писал, и поэтому для Толстого было совершенно естественным ритуалом отправлять Черткову черновики своих

---

[27] Толстой Л. Н. Письмо иностранным издателям и переводчикам [25 февраля / 8 марта 1898 года]; оригинал на англ. яз. (ПСС. Т. 71. С. 287).

[28] О В. Г. Черткове см.: *Муратов М. В.* Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М.: Гос. Толстовский музей, 1934; *Fodor A.* A Quest for a Non-violent Russia: the Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham, MD: University Press of America, 1989; *Ершова О. Е.* «Первый ученик» Л. Н. Толстого: [О В. Г. Черткове] // Мещерские хроники. К 90-летию пребывания Л. Н. Толстого в Мещерском крае. Чехов (Моск. обл.) 2002. С. 19–31; *Ореханов Г.* Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: Изд. ПСТГУ, 2009; *De Giorgi R.* L'amico di Tolstoj. Roma: Lithos, 2012; *Popoff A.* Tolstoy's False Disciple. The Untold Story of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. London-New York: Pegasus Books, 2014.

[29] См.: 304. Завещание, 1910 г. июля 22. Лес близ деревни Грумонт // ПСС. Т. 82. С 227; см. также: «Объяснительная записка» // ПСС. Т. 82. С. 227–228.

произведений, копии дневников и частной переписки, что, скорее всего, было продиктовано желанием вверить судьбу этих текстов тому, кто явно дорожил ими намного больше, чем он сам.

Но вернемся к трем сказкам. Письмо с их текстами прибыло в Лондон 11 сентября 1903 года н. с. и не содержало никаких указаний от Толстого, поэтому, уведомляя его о получении, Чертков написал: «Пока, не получив других инструкций, считаю, что сказки эти можно печатать на иностранных языках»[30].

«Инструкции» на предмет того, что делать с тремя сказками, Толстой выслал ему отдельным письмом, также отправленным 24 августа, но дошедшим до адресата позднее. В нем Толстой сообщал Черткову:

> Я их отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе. Они хотят перевести на жаргон и поместить в Сборнике. Я думаю, что не следует издавать ни по-русски, ни по-английски, ни по-каковски (разумеется, в случае, если это найдено будет стоящим печатания и перевода) до тех пор, пока выйдет сборник и даже несколько после. Также думаю предложить и «Посреднику». Если же появятся переводы с жаргона, то что ж делать. Пускай.
> Адрес того, кому я послал, если захотите списаться с ним: Киев, Соломону Наумовичу Рабинович. Мал[ая] Благовещенская, 27[31].

С самого начала Толстой принял условия Шолом-Алейхема: сказки не должны были ни публиковаться на русском, ни переводиться на какой бы то ни было другой язык до выхода сборника на идише. И поэтому, получив уведомление Черткова и не зная, что тот еще не прочел его указаний, писатель, опасаясь конфликтов, слишком хорошо ему знакомых, почувствовал, что должен снова

---

30 [Вставка, сделанная Чертковым 11 сентября 1903 года н. с. в письмо к Толстому от 6 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 1. № 355/1–2. Л. 8.

31 Письмо Толстого к Черткову от 24 августа 1903 г. // ПСС. Т. 88. С. 305. Здесь неверно указан адрес — в действительности Шолом-Алейхем проживал в тот период по адресу: Киев, Мариинско-Благовещенская (ныне улица Саксаганского), 27.

встать на защиту интересов сборника на идише. И 6–7 сентября написал Черткову, не скрывая своего недовольства ситуацией:

> О том, что делать с сказками, я писал и сейчас напишу еще.
> <...>
> Теперь о самом печатании: когда я теперь отдаю что-либо в печать, то всегда боюсь, что огорчу кого-нибудь и мне будет неприятно. — Еврейские издатели хотят напечатать по-русски в Киеве в пользу же кишиневск[их] евреев, и потому надо сделать так, чтобы не повредить успеху их издания. Надо списаться с ним. Адрес такой: Соломон Наумович, Киев, Мал[ая] Благовещенская, 27[32].

Указания Толстого, если верить Черткову, пришли отдельным письмом на день позже списка самих сказок, и в тот же самый день, 12 сентября н. с., Чертков покорно отступает от своего первоначального намерения:

> Дорогой Л. Н., вчера вечером, уже отправивши вам мое письмо (№ 100), получил ваше с указаниями относительно того, как поступить со сказками. Разумеется, в полности исполню ваши указания. Сказки или притчи эти прекрасны и, как все, что вы пишете, так просты и безыскусственны и вместе с тем так глубоки, что сначала поражают больше своей простотой — как будто во всем этом ничего нового, — и только потом, когда переваришь и перечтешь и вдумаешься, то проникаешь в глубину и видишь, что, хоть и просто, да очень важно и никогда не было высказано так ясно и ярко [33].

Получив распоряжение Толстого дождаться выхода еврейского сборника, Чертков больше не заводит речь о переводах, а только спрашивает, как поступить с двумя вариантами сказки о царе Асархадоне:

---

[32] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306–307.

[33] [Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

> Вы не объясняете, почему прислали две версии и прислали ли их на выбор по нашему усмотрению или желаете, чтобы издали только вторую версию? И мне, и Гале, и всем нам первая сказка больше нравится в первой версии: уже очень жаль выпустить ослицу с осленком (это удивительно трогательно), да и вообще эта первая версия как-то несколько шире захватывает. Не позволите ли вы нам ее напечатать, когда будем издавать?[34]

Толстой предоставляет ему тут полную свободу: «Две версии я послал вам именно затем, чтобы вы выбрали, какую найдете лучше»[35]. Чертков распорядился этими сказками по-своему, не ограничиваясь простым выбором одного из двух вариантов; но к этому мы вернемся позже.

Тем временем Шолом-Алейхем продолжает переписку с Толстым: 3 сентября 1903 года он уведомляет писателя о письме (от 29 августа) неизвестного ему Павла Буланже.

Буланже сообщает Шолом-Алейхему об отсутствии авторских прав на любые тексты Толстого и предупреждает о вытекающем отсюда риске того, что сказки могут быть переведены на русский с идиша и опубликованы «ловкими промышленниками-издателями». В этой связи Буланже предлагает следующее:

> Для того чтобы избежать этого, я, сговорившись с Львом Николаевичем, хотел бы условиться с Вами, чтобы избежать такого нежелательного явления. Нельзя ли было бы редакции изданий «Посредник» вслед за выходом в свет Вашего сборника, скажем, через неделю выпустить на русском языке напечатанные Вами произведения Льва Николаевича? Пожалуйста, не откажите мне в Вашем ответе и в случае, если Вы согласны со мной, сообщите предполагаемый срок выхода издаваемого Вами сборника, а в день выхода — пришлите телеграмму[36].

---

[34] Там же.

[35] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

[36] Письмо Буланже к Шолом-Алейхему от 29 августа 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. С. 270–271).

В том же письме от 3 сентября Шолом-Алейхем кратко пересказывает Толстому и свой ответ Буланже, которому писал, что, включив в сборник объявление о скором выходе русского оригинала сказок, он отобьет желание у всякого переводить их с идиша на русский. Он также обращал внимание Буланже на то, что издание сказок на русском всего лишь через одну неделю после публикации этих текстов на идише повредило бы самой цели их начинания[37]. Тогда Шолом-Алейхем решает воспользоваться случаем и в письме Толстому выдвигает идею, появившуюся у него, очевидным образом, не с самого начала, — опубликовать сказки в оригинале в Киеве у издательской фирмы «С. Б. Фукс» (судя по его утверждению, он уже начал переговоры) и перечислить существенную часть выручки евреям Кишинева. Таким образом и помощь пострадавшим евреям стала бы более существенной, и можно было бы избежать неуместного перевода с идиша на русский[38].

Ясно, что Шолом-Алейхем деликатно пытался извлечь выгоду из просьбы Буланже: если проблема состояла в том, чтобы не допустить перевода сказок с идиша на русский, то он уже нашел выход. Он подготовил бы их издание в оригинале в киевском издательстве «Фукс», которое, во-первых, было на хорошем счету у цензоров, а во-вторых, стало бы продавать тексты на русском, только когда все экземпляры еврейского сборника были бы раскуплены.

В конце письма, как само собой разумеющееся, автор излагает довольно дерзкую просьбу: «Будучи намерен приступить к печатанию “Сказок” по-русски в скором времени (по-еврейски они уже печатаются), я бы просил разрешить мне высылку Вам корректуры, авось Вы найдете нужным внести в них какие-либо поправки или дополнения»[39].

Инициатива Павла Буланже (1864–1925) не выходила за рамки привычного ведения дел, касавшихся Толстого[40]. В те годы он был

---

37 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 3 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 336.

38 Там же.

39 Там же. С. 336–337.

40 Павел Александрович Буланже (1864–1925) — один из друзей Толстого, инженер, служил на железной дороге. Автор статей и воспоминаний о Толстом.

очень близок писателю: находился рядом, когда тот болел в начале XX века[41], помогал в подготовке сборника «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903), а также сотрудничал с издательством «Посредник» (1884–1935) как переводчик и составитель. Данное издательство, основанное Чертковым и Толстым, стремилось распространять принципы толстовства с помощью текстов, написанных простым, понятным народу языком, по доступным малоимущему населению ценам[42].

5 сентября Буланже подробно извещает Толстого о своей переписке с «Рабиновичем»:

> Дорогой Лев Николаевич, я только что получил от Рабиновича (переводчика в еврейский сборник «сказок») письмо, где он находит нежелательным издание нами через неделю «сказок» в оригинале, так как это повредило бы успеху распродажи сборника, и что они сами предполагают выпустить «сказки» по-русски, когда распродажа сборника будет подходить к концу.
> По-моему, рассуждения его непрактичны и обличают в нем незнакомство с условиями нашего издательства. Стоит появиться «сказкам» по-еврейски, как через неделю они будут выпущены в переводе на русский и никакие примечания, как он пишет, не помогут. <...> Я сейчас написал свои соображения Рабиновичу и настаиваю на том, чтобы или они выпустили <u>одновременно</u> «сказки» на жаргоне и по-русски, или предоставили бы последнее сделать нам.
> Я написал ему обстоятельно и мягко, надеюсь, что из этого не выйдет конфликта[43].

---

41 См.: *Буланже П. А.* Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 гг. // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 33–68.

42 О деятельности изд. «Посредник» см.: *Otto R.* Publishing for the People: The Firm *Posrednik* (1885–1905). New York and London: Garland Publishing, Inc., 1987; Жизнь для книги: [Предисл. Н. Накорякова]. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1985; Сорок лет служения людям: Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова / под ред. Н. Н. Гусева и М. В. Муратова. М.: [б. и.], 1925; А. П. Чехов и издательство «Посредник» / сост. Е. Д. Михайлова. М.: ГЛМ; СПб.: Нестор-История, 2012.

43 [Письмо Буланже к Толстому от 5 сентября 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 87/5–135. Л. 1.

Сперва (6 сентября) Толстой просит Дмитрия Никитина[44], семейного врача, ответить Рабиновичу, что Никитин и делает в тот же день:

> Многоуважаемый Саломон Наумович!
> Лев Николаевич поручил мне написать Вам в ответ на Ваше посланное письмо, что он очень сочувствует тому, что Вы хотите выпустить отдельным изданием его «Сказки» на русском языке в пользу кишиневских евреев, но при этом просит Вас о всех подробностях этого (о сроках выпуска и т. д.) списаться с П. А. Буланже.
> Вне всякого сомнения, что Вы с ним согласитесь, как удобнее и лучше для преследуемой Вами цели — помощи пострадавшим евреям, это сделать.
> Готовый к услугам
>
> Д. Никитин[45].

Однако днем позже Толстой решает сам написать Рабиновичу: очевидно, он полагает, что следует немедленно и предельно ясно разъяснить писателю свою позицию относительно авторских прав.

> 1903 г. Сентября 7
> Саломон Наумович,
> Как Буланже, так и Никитин писали вам от моего имени. Я не писал лично п[отому], ч[то] чувствовал себя дурно.
> Я, разумеется, очень рад, что издание по-русски увеличит хоть сколько-нибудь помощь пострадавшим. Но я не могу отступить от раз навсегда принятого мною правила предоставлять всем права печатания моих писаний. Отдаю я в пользу пострадавших поэтому только то, что могу отдать — право первого печатания. Чертков из Англии, печатающий там мои писания, и кот[орому] посланы сказки,

---

44 Дмитрий Васильевич Никитин (1874–1960) — врач, с марта 1902 года по сентябрь 1904 года почти постоянно жил у Толстых, являясь их домашним врачом.

45 Письмо Д. В. Никитина к Шолом-Алейхему от 6 сентября 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Указ. соч. С. 271).

> вероятно, тоже будет писать вам с тем, чтобы узнать, когда выйдут ваши издания с тем, чтобы знать, когда он может выпустить свои в переводах и по-русски. Как Чертков, так и Буланже, мои близкие друзья, не преследуют никаких личных интересов и так же, как и я, желают наибольшего успеха той цели, для кот[орой] предназначены сказки, и потому я уверен, что вы сойдетесь с ними в установлении условий, всех удовлетворяющих.
> Корректуры лучше не присылать, а то я боюсь, что увлекусь исправлениями, изменениями и задержу издание.
> Лев Толстой[46].

Толстой, конечно, был готов предоставить Шолом-Алейхему право первого издания сказок на идише, но не планировал передавать ему права на сами тексты — ведь это противоречило его давнему решению категорически отказаться от авторских прав на произведения, написанные после 1881 года. Толстой также предупреждает Шолом-Алейхема, что помимо Буланже и Никитина с ним должен связаться Чертков, у которого уже есть рукописи сказок, чтобы согласовать издание на русском и других языках, в полном соответствии с договоренностью[47].

Между тем 8 сентября Шолом-Алейхем, еще не получив от Толстого этого последнего письма, пишет ему, что фраза, содержащаяся в письме Никитина: «Но при этом просят Вас о всех подробностях списаться с П. А. Буланже — (о сроке и т. п.)», — требует «разъяснения»[48].

Если эта фраза касается сроков выхода русского издания сказок, то, в соответствии с указаниями Буланже, он намеревается напечатать тексты на русском одновременно с еврейским сборником, но выпустить их в продажу только через некоторое время после публикации сказок на идише. Таким образом удастся

46 Письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 182.

47 См. там же.

48 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 8 сентября 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–11. Л. 1; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 337.

предотвратить возможность перевода сказок с идиша на русский. И в заключение Шолом-Алейхем пишет: «Так как г-ном Буланже руководит лишь одно желание предупредить искажение произведения автора, то мы на этот счет, значит, с ним спелись. И я ему об этом уже написал»[49].

Затем Шолом-Алейхем сообщает Толстому, что только что получил новое письмо от Буланже из Москвы, в котором тот предлагает два варианта: или русским изданием будут заниматься они сами в Киеве, выпустив его одновременно со своим сборником на идише, или же подготовка русского издания будет доверена ему, Буланже[50]. Для Шолом-Алейхема выбор был очевиден: «И т[ак] к[ак] к русскому изданию приступили мы, то о каких еще подробностях могут и должны быть между нами и г-ном Буланже разговоры?» [51]

Обращаясь к Толстому с просьбой о «наискорейшем» ответе, он подчеркивает: «...всякое Ваше указание для меня закон»[52].

Однако, когда Шолом-Алейхем 10 сентября прочел последнее письмо Толстого, он окончательно отказался от своего намерения опубликовать сказки также по-русски и принял предложение Буланже выпустить издания одновременно[53]. При этом он не преминул заметить по поводу сказок: «...от г. Черткова из Англии я пока еще никакого запроса не получил»[54].

Для Толстого эта «маленькая эпопея» была, очевидно, завершена: он отдал сказки на доброе дело, гарантировал «Рабиновичу» исключительное право на первое издание на идише и добился того, чтобы Чертков соблюдал договоренности «с еврейскими издателями». Толстой сходил со сцены: отныне переговоры

---

49 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 8 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 337.

50 См.: Там же. С. 337–338.

51 Там же. С. 338.

52 Там же.

53 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 338.

54 Там же.

должны были вестись исключительно между «Рабиновичем», Буланже и Чертковым. Но все это было лишь прелюдией к той путанице писем и телеграмм, если снова перефразировать Шолом-Алейхема, какая возникла из-за перевода неизданных сказок, судьбу которых Толстой, не просчитав возможные риски и не подумав о чаяниях оказавшихся вовлеченными в эту историю, доверил «Саломону Рабиновичу».

II

К середине сентября соглашение с Буланже было уже заключено: издание на русском языке в России выпускал в Москве «Посредник», и оно должно было выйти после публикации сказок на идише[55]. С Чертковым же — которого Толстой не единожды упоминал в своей переписке с Шолом-Алейхемом — не было достигнуто никаких договоренностей и не состоялось никакого общения.

Ситуация усложнилась, когда на сцене возник Эйльмер Моод (Aylmer Maude), переводчик Толстого на английский и автор одной из его лучших биографий[56]. Хотя Моод и был осведомлен о том, кто и каким образом распоряжался переводами новых толстовских текстов, он все равно решил обойти Черткова и в середине сентября обратился непосредственно к Шолом-Алейхему, предложив безвозмездно перевести три сказки на английский. Вероятнее всего, Моод узнал об этих текстах от своих детей, ко-

---

[55] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 339.

[56] Я имею в виду: *Maude A.* The Life of Tolstoy: First Fifty Years. London: Constable and Company, 1908; *Idem*. The Life of Tolstoy. Later Years. London: Constable and Company, 1910; второе издание было опубликовано в 1930 году (Oxford University Press); об Э. Мооде см.: *Baker W*. Maude, Aylmer (1858–1938) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 2004. V. 37. P. 394–395; *Jabboury H. A.* Constance Garnett, Alymer Maude, S. S. Koteliansk: Russian literature in England 1900–1930. PhD thesis. University of Sheffield, 1992. P. 144–220. URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/6015/1/287743.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

торые гостили в Ясной Поляне именно в те дни, когда Толстой заканчивал работу над сказками[57]. Переводчик предпринял столь искусный маневр в силу открытого конфликта с Чертковым, который, скорее всего, не доверил бы ему перевод сказок по причинам, которые мы изложим ниже. На самом деле Моод не упоминает о сказках и в переписке тех месяцев с Толстым, а только лишь просит пояснений к другим произведениям, которые в тот момент переводил[58]. Он ни разу не задает вопросов о сказках, хотя в письме от 29 августа 1903 года, написанном ему Буланже по поручению Толстого, о них говорится прямо.

> Ясная Поляна 29 Авг. 1903
> Дорогой Алексей Францевич,
> <...> Сообщаю по[ми]нутно вкратце о Л[ьве] Н[иколаевиче], зная как вы этим интересуетесь. Он чувствует себя очень хорошо, только вчерашний день суеты и множество людей утомили его. Три сказки написал для сборника в пользу кишиневских евреев и каждый день работает, работает и живет, как молодой, с прибавлением мудрости мудрого. Одним словом, все очень хорошо[59].

Шолом-Алейхем же, не зная всей подоплеки, не задумываясь и не обратившись за советом к Толстому, с легкостью отправил Мооду рукописи сказок и даже приложил к ним копию своей переписки с Толстым[60].

19 сентября н. с. Шолом-Алейхему наконец написал Чертков: ему были нужны сведения о выходе книги на идише, чтобы заранее подготовить на основе рукописей, присланных ему Толстым,

---

57 Дети Эйльмера Моода Арнольд и Герберт приезжали в Россию и посетили Толстого в Ясной Поляне; см.: письмо Толстого к Мооду от 18 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 164–165.

58 Письма Моода к Толстому за 1903 год хранятся в ОР ГМТ (Ф. 1. Оп. 3.); а толстовские письма к Мооду за этот год опубликованы в ПСС. Т. 74.

59 LRA. MS 1380/408. F. 1.

60 В своем издании трех сказок Моод опубликовал и некоторые письма Толстого к Шолом-Алейхему, а именно от 6 мая, 20 августа, 7 сентября 1903 года, а также письмо Толстого к «знакомому еврею» от 27 апреля того же года.

как издание на русском (в Лондоне), так и издания на других языках, и при этом не повредить еврейскому сборнику. Однако письмо Черткова было перехвачено секретной полицией, открывшей после этого «дело о Соломоне Наумовиче Рабиновиче», и доставлено получателю лишь 24 сентября. Но все же только после Октябрьской революции стало доподлинно известно, что его переписку с Чертковым перехватила охранка, которая именно тогда начала вести наблюдение как за самим писателем, так и за всей его семьей[61].

В письме от 19 сентября н. с. — которое мы цитируем по копии, сделанной секретной полицией, — Чертков писал Шолом-Алейхему:

> Присланные вам для вашего сборника сказки Л. Н. Толстого одновременно посланы и в Англию в Редакцию «Свободного Слова». Не желая преждевременным выпуском этих сказок как на русском, так и на иностранных языках подрывать интерес к издаваемому вами сборнику, Редакция «Свободного Слова» просит Вас сообщить ей, когда именно выйдет Ваш сборник, чтобы с одной стороны не выпускать своих изданий сказок до его выхода, а с другой стороны, согласно желанию Л. Н. Толстого, иметь возможность предупредить появление за границей чужих переводов этих сказок[62].

---

[61] См.: *Галант И. В.* Охранка и Шолом-Алейхем (С. Н. Рабинович) // Евр. вестник: науч.-лит. сб. Л., 1928. С. 184–185. Копии этих документов хранятся в настоящее время в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме (см.: Central Archives for the History of the Jewish People (CAHJP). HM2/8005.6). Благодарю сотрудника архива Вениамина Лукина, любезно предоставившего мне возможность работать с ними. Из воспоминаний Вевика Рабиновича, брата Шолом-Алейхема, как будто вытекает: писатель уже тогда, в 1903 году, чувствовал, что за ним следят (см.: *Рабинович В.* Из книги о моем брате // Молодая гвардия. 1939. № 6. С. 170). Однако не исключено, что такой вывод простодушный Вевик сделал «задним числом», познакомившись с публикацией Галанта.

[62] ЦДІА УРСР (Центральний державний історичний архів УРСР, Київ, Kyïv). Ф. 1423. Оп. 1. Справи 9. Л. 2об; цитирую по копии, сохраненной в Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem (CAHJP. HM2/8005.6). Письмо было уже опубликовано: *Галант И. В.* Указ. соч. С. 184.

Когда Шолом-Алейхем прочел это письмо, было слишком поздно: копия рукописей Толстого находилась уже у Моода. В панике он тут же, не раздумывая, написал Толстому и в подробностях рассказал ему о той сумятице, которая создалась с появлением Моода. Обстоятельства — как писал Шолом-Алейхем — сложились в общих чертах такие: примерно в середине сентября он получил письмо от Моода, который, сославшись на Толстого и Буланже, просил выслать ему сказки для перевода на английский. Буланже отозвался о Мооде положительно, и тогда Шолом-Алейхем отправил ему копии рукописей на русском, попросив перечислить всю выручку от продаж в пользу жертв другого погрома, на этот раз произошедшего в Гомеле. Если он не написал сразу — оправдывался Шолом-Алейхем перед Толстым, — то лишь потому, что не хотел доставлять новых беспокойств, и если не связался с Чертковым, как сам Толстой уже давно предлагал, то лишь потому, что никто ему не сообщил адреса Черткова. С другой стороны, добавлял Шолом-Алейхем, и сам Чертков не давал о себе знать до того самого 24 сентября. Как в удручении Шолом-Алейхем уведомлял наконец Толстого, он только что написал Черткову и просил его «повидаться» с Моодом, чтобы предотвратить появление двух переводов на английский и чтобы защитить еврейский сборник, напоминая об изначальной цели, ради которой были созданы сказки. Шолом-Алейхем просил Толстого заступиться за него перед Чертковым, причастным, на его взгляд, к сложившейся ситуации. И затем добавлял, что написал также и Мооду[63].

Длинное письмо Шолом-Алейхема Черткову от 24 сентября / 7 октября 1903 года сохранилось целиком среди бумаг последнего:

> Киев, 24/7 — IX/X 1903
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> «Три сказки» Л. Н. Толстого были, по моей инициативе, написаны и месяц тому назад присланы мне для перевода мною на еврейский жаргон и для напечатания в Сборнике,

---

[63] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 339.

который мы издаем в пользу пострадавших в Кишиневе евреев.

В одном из своих писем Лев Николаевич уведомляет меня, что ко мне обратятся два его издателя-переводчика: Буланже (Москва) и Чертков (Англия).

Буланже, действительно, обратился ко мне, и мы с ним сошлись не только, чтобы русский оригинал был издан им одновременно с еврейским Сборником, но чтобы и вся чистая прибыль поступила к нам на те же цели, которые преследует наше еврейское издание. От вас же никакого письма или запроса до сего дня не поступило, между тем как я не знал Вашего адреса. Но вот недельки две тому назад ко мне обратился с таким же предложением m-r Aylmer Maude, Great Baddon, Chelmsford, который сам предложил нам [как] свои услуги по переводу «Сказок» на Английский язык, так и издание их в Англии с тем, чтобы вся выручка (чистая) поступила в пользу нашу. При этом он сослался на Буланже и на Льва Николаевича. Получив от Буланже удовлетворительный отзыв, я не замедлил выслать г-ну Мо[о]ду копию с оригинала назад тому несколько дней. И вот вдруг Ваше любезное, но несколько запоздалое письмо! Для меня, конечно, свято то, что писал мне по поводу Вас Лев Николаевич, который считает Вас одним из близких своих друзей. Близкий друг Льва Николаевича не может быть причиною разлада в добром деле. Я поэтому осмеливаюсь просить Вас (не говорю уже о том, чтобы не выпускать своего издания в Англии до получения моей телеграммы о выходе в свет нашей еврейской книги, равно как и нашего (Московского) русского издания), нельзя ли будет Вам как-нибудь повидаться с г-ном Aylmer Maude-ом, показать ему настоящее мое письмо и устроить вообще дело так, чтобы я не остался подлецом в глазах г. Мо[о]да, которому я, впрочем, сегодня же пишу об этом. Ибо я боюсь, как бы из этого *qui pro quo* не вышло вреда нашему благому делу. А ведь речь идет о сотнях и тысячах жестоко обиженных людей. Вам, вероятно, известно, что в Гомеле произошло тоже маленькое избиение евреев, причем нам не разрешен официальный сбор пожертвований, и я рассчитывал на это издание в Англии, чтобы хоть сколько-нибудь выручить иском возможно раньше в пользу гомельских евреев. Я даже просил г. Мо[о]да прислать мне сколько-нибудь авансом.

> Теперь, что касается до срока выхода нашей еврейской книги, то, наверно, пройдет еще около месяца времени, и Вы, наверно, еще успеете и перевести, и напечатать «три Сказки» к тому времени. Тем более, что наше евр[ейское] издание находится в прямой зависимости от русского (Московского) издания, находящегося теперь у цензора. Мы условились с этим Московским изданием, равно как с немецким изданием в Берлине, если таковое состоится, что всякий из нас ждет [с] выпуском своего издания до получения моей телеграммы, ибо только при такой стройной организации могут быть достигнуты лучшие результаты, не затрагивая ничьих интересов.
> В ожидании Ваших приятных извещений, остаюсь готовый к услугам
>
> С. Рабинович
> ШалемАлейхем[64].

В этом письме Шолом-Алейхем, указывая на меры предосторожности, которые необходимо предпринять перед публикацией сказок на разных языках, намекает на соглашение с издателем в Берлине, имея в виду очень престижное издательство «S. Fisher» («С. Фишер»). Однако с ним писателю не удалось достигнуть договоренности, так как издатель намерен был сначала опубликовать толстовские тексты в газете. Это могло бы повредить всему делу, поскольку Шолом-Алейхему трудно было предусмотреть точные сроки выхода еврейского сборника[65]. Поэтому 1 октября 1903 года он с радостью принял предложение Августа Шольца (August Scholz, 1857–1923), известного переводчика русских классиков, перевести на немецкий язык «Сказки» Тол-

---

[64] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 1–3. Письма Шолом-Алейхема к Черткову были опубликованы в переводе на идиш и с комментиариями в журнале «Sovetish heymland» (1984. № 3. Z. 55–62; 1966. № 1. Z. 143). Кроме того, частично опубликованы на идише в книге: Briv fun Sholem-Aleykhem, 1879–1916. Tel-Aviv: Bet Shalom-Alekhem: Y. L. Perets Farlag, 1995.

[65] См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 1/14 октября 1903 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 136. В оригинале письмо Шолом-Алейхема написано по-русски, но в журнале дается в переводе на идиш, сопровождаемое небольшим фрагментом оригинала (в фоторепродукции). Ibid. Z. 137.

стого. В своем ответе к Шольцу Шолом-Алейхем объяснил, какому благому делу служил сборник, и предложил ему для перевода еще четыре-пять толстовских писем, а также указал время выхода еврейского сборника: не раньше конца ноября[66]. Судя по этому письму, можно утверждать, что сказки Толстого попали к Шольцу именно от Шолом-Алейхема. Но к судьбе немецкого перевода мы еще вернемся.

Тем временем Моод, получивший от Шолом-Алейхема рукописи сказок, пытался тихо организовать издание своего перевода в Англии, сознательно действуя без ведома Черткова. 6 октября н. с. он сообщает писателю и пацифисту Джорджу Герберту Перрису (George Herbert Perris, 1866–1920), который в то время был его литературным агентом, о следующем[67]:

> Толстой написал три короткие сказки (аллегории) всего около 4000 слов и отдал их Рабиновичу, еврейскому писателю, который должен был их использовать во благо евреев, пострадавших в Кишиневе, и т. д.
> Рабинович организует одновременное издание, дата которого должна быть определена Рабиновичем за несколько дней до публикации. Доходы авторов и переводчиков пойдут на помощь евреям, страдающим в России.
> По поводу авторского права, то оно должно быть сохранено, и публикация в сборнике или в брошюре должна выйти одновременно с публикацией в периодических изданиях, но чем меньше у нас будет заявлений о «правах», тем лучше. Лучше всего было бы просто ничего не сказать, кроме объявления о публикации брошюры.
> Есть время, чтобы проработать это дело. Никто не хочет иметь Черткова на пути войны до срока: но газета, которая этим займется, наверняка захочет напечатать какое-нибудь предварительное заявление.
> Если вы пойдете в «Daily News», у которой есть какие-то контакты с Чертковым, то, наверное, будет необходимо

---

66 Ibid. Z. 136–137.

67 См. о нем: *Gomme R.* George Herbert Perris, 1866–1920: The Life and Times of a Radical. Oxford; New York: P. Lang, 2003.

> попросить их не писать ему об этом деле. Из частного источника я узнал, что у Толстого уже была по этому вопросу неприятная переписка с В[ладимром] Ч[ертковым], и я уверен, что у В[ладимира] Ч[ерткова] уже есть в руках копия этих сказок и что он недоволен тем, что Л[ев]Толстой отдал их Рабиновичу[68].

Это его короткое послание наглядно свидетельствует о том, что Моод знал и детали всего дела — был проинформирован о переписке между Толстым и Чертковым и справедливо полагал, что в распоряжении последнего уже находилась копия сказок.

В решимости защитить свой сборник Шолом-Алейхем 27 сентября снова пишет Мооду, предлагая ему возможное решение:

> 27/10. IX/X 1903
> Многоуважаемый А. Ф. Моод!
> Получил только что Ваше любезное письмо от 6 X с приложением чека на Московское отделение <1 *нрзб.*> Ком[мерческого] Банка на 100 рублей и спешу Вас уведомить, что в тот самый день, когда я Вам писал об инциденте с г. Чертковым (Christchurch Hants England), я написал также Льву Николаевичу и просил его предупредить г. Черткова, что издание Сказок в Англии (как и в Америке) переуступлено Вам и копия уже выслана Вам. Я надеюсь, что Л[ев] Н[иколаевич], который очень заботится не только об своем произведении, но гораздо больше о помощи нуждающимся, наверно, напишет г-ну Черткову, да и я сам ему писал в тот же день и не сомневаюсь, что при добром желании Вы дойдете с ним до известного соглашения. Так или иначе, высланные Вами 100 рублей будут считаться авансом на счет издания Сказок в Америке.
> Ввиду этого предоставляется Вам по переводе Сказок на английский язык послать их немедленно в Америку и пристроить их таким образом, чтобы они отнюдь не появились на рынке ни раньше и ни позже наших других изданий. В необходимый час Вы получите от меня телеграмму из одного слова «Ready» — и этот будет наш пароль, что как

---

[68] Оригинал на англ. яз.: [письмо Э. Моода Дж. Г. Перрису от 3 января 1904 года н. с.] // LRA. MS 553/51. F. 2–2r.

Вы, так и Ваш доверенный в Америке можете выпустить книжку в продажу. Другим же путем сочинение это не может появиться раньше, и Вам беспокоиться нечего, что копии по рукам не ходят. Еврейским же изданием заведую я, а русским П. А. Буланже в Москве.
Вы меня обрадуете, если напишете, что и Вы уже сошлись с г. Чертковым. Я же ему пишу сегодня вторично.
Посылаю Вам также и копии большинства писем ко мне от Л. Н. Толстого, которые Вы можете перевести и напечатать при этом издании.
Что касается до чека, то на будущее время, если надобность будет, Вы потрудитесь избрать более удобный способ перевода денег, а не на Москву, да еще на 5 дней, так что, приди он днем позже, его пришлось бы возвратить Вам обратно.
Жму Вашу руку

С. Рабинович

Прошу сообщить мне Ваш точный адрес почтовый и телеграфный[69].

Всего через несколько дней Шолом-Алейхем снова обращается к Черткову, чтобы уведомить его о том, что Моод уже отправил ему сто рублей и что из-за задержки, связанной с цензурой, сборник на идише выйдет не раньше чем через месяц или два.

30/13–IX/X.1903
Многоуважаемый г. В. Чертков!
В дополнение к тому, что я Вам писал, я должен уведомить Вас, что от г-на Aylmer Maud'a поступило 100 рублей в счет издания «Сказок» по-английски, копию которых он уже получил и, вероятно, приступил к переводу. Это раз. Второе, что сегодня я получил письмо из Варшавы, где печатается наш (еврейский) Сборник, что, по независящим от редакции обстоятельствам, некоторые важные статьи его должны быть изменены, вследствие чего издание затянется еще на месяц или два, так что раньше конца нашего ноября нечего даже и думать. Об этом я уже писал и г-ну Мооду и Вас также прошу принять к сведению. О действительном же

69 LRA. MS 1380/1643. F. 1–2.

> выходе в свет Вы будете оповещены за 2 недели раньше. Жду Вашего ответа на предыдущее и на это.
> Готовый к услугам
>
> С. Рабинович[70]

Поскольку Чертков не стал утруждать себя ответом, а Толстой никак не отреагировал на его последнее письмо, Шолом-Алейхем, в попытке разрешить мирным путем досадное недоразумение, 3 октября, находясь в Киеве на вокзале, откуда собирался отправиться в Гомель, пишет на телеграфном бланке письма Черткову, Буланже и Толстому (в каком порядке они были написаны, нам неизвестно).

Шолом-Алейхем заклинает Толстого вмешаться в инцидент с Чертковым и Моодом и даже предлагает ему возможное решение конфликта: оставить Черткову издание на русском за границей, а Мооду разрешить опубликовать сказки на английском[71]. Он боялся, что это явное соперничество, это состязание за первенство перевода на английский повредит еврейскому сборнику, который из-за проволочки с цензурой мог выйти не раньше, чем через месяц или полтора[72].

Буланже он умоляет обратиться к Толстому с просьбой, чтобы тот убедил Черткова уступить Мооду издание на английском:

> Собираясь в Гомель, на место погрома, пишу Вам с вокзала это письмо. Я Вам уже сообщал, что вследствие некоторых цензурных требований мой сборник несколько затянулся и нельзя рассчитывать, чтобы он успел выходить раньше 1-ого Декабря. Это раз. Второе то, что вынужден был писать сегодня вторично Льву Николаевичу про инцидент Моот[73]–Чертков и просил его заступиться, повлиять на Черткова, чтобы он, Чертков, издал сказки по-русски в журнале

---

70 РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 4.

71 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 3 октября 1903 года // СС. Т 6. С. 340.

72 См. там же.

73 В этом письме Шолом-Алейхем пишет на русском фамилию «Maude» двумя способами: «Моот» или «Моод» (обычно принято писать «Моод»).

> «Св[ободное] Слово», в Лондоне, а перевод и издание по-английски предоставил Мооту. Я писал Льву Николаевичу, что я боюсь, как бы эти два ревностных его поклонника из поклонения к нему не натворили бы нам беды, предупредив друг друга своим изданием и выпустив «Сказки» раньше времени и тем повредив и еврейскому сборнику, и Московскому изданию. Думая, что Вы, которого Л[ев] Н[иколаевич] считает своим близким другом (его собственные слова), могли бы настоять, чтоб Л. Н. написал Черткову, дабы уступил английское издание Мооду, раз я уже вошел с ним в соглашение и уже послал ему копию «Сказок»[74].

На бланке телеграммы он пишет Черткову, уговаривая его позволить Мооду выпустить издание на английском:

> Киев, 3/16 X 03
> Многоуважаемый г. В. Чертков!
> Вы, надеюсь, простите меня, что я вынужден был о моем инциденте с Моодом сообщить Льву Николаевичу, так как, вследствие Вашего слишком позднего ко мне обращения, я вынужден был в свое время войти в соглашение с Моодом, из которого я теперь выйти не могу. В данном случае мы все преследуем ведь одну цель, поэтому я думаю, что для Вас это ничего не составит, если Вы издадите «Сказки» на русском языке (в Англии), а перевод их и изд[ание] английское Вы уступите г-ну Мооду, которому я уже давно их выслал. Во всяком случае, ввиду того что наше еврейское издание, вследствие цензурных условий, затянулось и выйдет едва ли раньше 1-ого декабря, то я очень боюсь, чтобы кто-нибудь не предупредил нас в Англии и тем не повредил нам здесь, в России, как евр[ейскому] изданию, так и изданию русскому в Москве («Посредник» через П. А. Буланже), что было бы весьма и весьма грешно.

---

[74] Письмо Шолом-Алейхема к Буланже от 3 октября 1903 года // ЦДІА УРСР (Центральний державний історичний архів УРСР, Київ). Ф. 1423. Оп. 1. Справи 9. Л. 2; цитирую по копии, хранящейся в Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem: CAHJP. HM2/8005.6. Письмо уже было опубликовано не полностью и с незначительными искажениями в: *Галант И. В.* Указ. соч. С. 184.

> Извините, что пишу Вам на тел[еграфном] бланке, я собираюсь сейчас в Гомель на место погрома и поэтому пишу Вам с вокзала это письмо.
> Жду ваших благоприятных известий,
> Уважающий Вас
>
> С. Рабинович[75]

Толстой не ответил и на послание, отправленное с киевского вокзала, и Шолом-Алейхем не осмелился больше затрагивать этот вопрос[76]. Зато к нему вернулся Чертков, который 19 октября н. с. наконец откликнулся на письмо Шолом-Алейхема от 30 сентября (13 октября) 1903 года, высылая копию Толстому.

> Многоуважаемый
> Саломон Наумович,
> Письмо Ваше от 30/13 IX/X 1903 г. я получил. Содержащееся в нем второе сообщение о том, что раньше конца нашего (русского) издания не может появиться книга, очень облегченно было для меня, т[ак] к[ак] в противном случае пришлось бы чересчур спешить в переговорах со здешними и американским издателями, и поэтому не так выгодно для Вашей (и в этом случае — нашей) общей цели поместить рассказы. Дело мне налаживается хорошо, и мы надеемся извлечь наибольшую прибыль от английского и американского изданий, какую только возможно при нынешних обстоятельствах.
> Знать окончательный срок за две недели для меня очень важно по причинам, которые было бы слишком долго объяснять. Очень прошу вас не отступаться от вашего обещания оповестить меня за две недели раньше выдачи книги в России.

Чертков дает Шолом-Алейхему четкие указания относительно того, как следует вести себя с Моодом:

---

[75] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 5–5 об.

[76] На конверте письма Шолом-Алейхема к Толстому от 3 октября 1903 года почерком Буланже написано следующее: «Из Киева. От Рабиновича об издании 3 сказок Бул[анже] ответил 6. X. 03.» // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–14. Ответ Буланже нигде не сохранился.

> ...написать поскорее г. Мооду самое ясное и категорическое письмо, сообщая ему, что вышли Вы с ним в деловые сношения по недоразумению, не зная, что дело это уже непосредственно поручено Л. Н. Толстым одному только мне, что поэтому Вы видите, что не имеете права распоряжаться никакими разрешениями в связи с изданием этой книги в Англии и Америке (не забудьте упомянуть про Америку), а обязаны предоставить это мне как тому, которому Л. Н. Толстой поручил это с самого начала. Прибавьте, что Вы возвращаете ему его 100 р., которые он должен получить от нашего издательства. Я же тотчас же по получению Вашего письменного поручения доставлю г-ну Мооду эти деньги. А те 100 р., которые Вы получили от г-на Моода, считаете после того, как полученные от нашего издательства «Свободного Слова».

И дальше намекает о переговорах с другими издателями, вряд ли закончившихся успешно:

> Иначе разрезать эти недоразумения праведно нет возможности, так как я в качестве уполномоченного по заграничным изданиям Л. Н. Толстого уже вышел по этому делу в разные уговоры с разными лицами в Англии и Америке и отменить что-либо из этих уговоров значило бы подвести самого Льва Николаевича и выставить его изменяющим своему слову; между этим как на самом деле он всегда замечательно твердо придерживается раз установленному между им и мною порядку ведения дела заграничных его изданий, — дела, как я Вам уже писал, очень для меня сложного и вести которое не было бы невозможности при малейших колебаниях со стороны Льва Николаевича.

Заканчивает письмо Чертков так:

> Надеясь, следовательно, что категорическим отказом г. Мооду вы восстановите правильное отношение между всеми нами в этом деле и этим предупредите большие неприятности для всех нас (и страдания для меня),
> Остаюсь почтительно преданный Вам.
>
> В. Чертков[77].

---

[77] [Письмо (копировальный дубликат автографа) Черткова к Шолом-Алейхему от 19 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 8. Инв. № 54/1. Л. 1–5.

Но вернемся опять к Мооду. 7 октября н. с., изображая наивную неосведомленность обо всех тонкостях ситуации, он уведомляет Толстого, что уже приступил к переводу сказок, отправленных ему Шолом-Алейхемом, и при этом даже не упоминает имени Черткова:

> Любезный мой друг,
>
> С. Н. Рабинович прислал мне ваши 3 сказки для перевода и издания в пользу евреев. Я очень рад, что они у меня, и вместе с женой мы начали переводить их с большим удовольствием. Я отправил Рабиновичу немного денег авансом и сказал ему, что мы выполним эту работу безвозмездно и отправим ему все, что мы сможем собрать здесь и в Америке.
> Но теперь, когда кажется, что все хорошо улажено, я снова чувствую себя неловко, думая о том, что вы, может быть, не одобрите того, что мы взялись за дело. Потому я и пишу вам, чтобы сказать, что вам следует только дать знать о ваших желаниях, и они все будут исполнены: я не хочу делать ничего против вашей воли и вполне исполнен стремления подчинить свои собственные желания вашим.
> Времени у нас остается мало, особенно поскольку договоренности должны быть достигнуты в Америке заблаговременно, и поэтому я хотел бы попросить вас отправить мне телеграмму в случае, если вы не желаете, чтобы я не делал то, о чем просит Рабинович. Он публикует одновременно издание во Франции, Германии, Англии и России; издание на идише должно выйти на 7 дней раньше. <...>
>
> Очень искренне Ваш
>
> Эйльмер Моод
>
> P. S. Если у вас нет пожеланий и советов для меня относительно публикации сказок, пожалуйста, уведомите меня открыткой, что Вас это не интересует и что я могу устроить дело с Рабиновичем[78].

---

[78] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Толстому от 7 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/ 18–1. Л. 1–1об.

Толстой получил письмо Моода 28 сентября[79], однако не ответил ему, как не ответил и Шолом-Алейхему: конфликты, которые возникали каждый раз, когда он писал что-то новое, глубоко его огорчали. Но все-таки он не совсем пренебрег просьбой Шолом-Алейхема, и из некоторых писем Буланже, до сих пор не изданных, мы понимаем, что Толстой стремился «защитить» сборник на идише и повлиять, пусть даже косвенно, с помощью третьих лиц, как на Моода, так и на Черткова.

6/19 октября 1903 года Буланже, гостивший в Ясной Поляне[80], передает Черткову желание Толстого:

> Дорогой Владимир Григорьевич, из писем Рабиновича, одного из издателей еврейского сборника в пользу пострадавших в Кишеневе евреев, можно заключить, что явилось какое-то недоразумение при издании этих сказок. Лев Николаевич просит меня написать по этому случаю тебе, Мооду и Рабиновичу.
> Л. Н. по просьбе издателей сборника в пользу пострадавших евреев предоставил им свои три сказки, и издатели, естественно, желают выручить возможно больше денег от издания подаренных им сказок, тем более что после Кишинева разра[зи]лся погром в Гомеле и в пользу пострадавших там даже запрещено открыто делать сборы.
> Узнав об издании сказок в сборнике, Моод предложил издателям свои услуги по бесплатному переводу их на английский язык и издать в Англии и Америке с тем, чтобы они выручили и от английского издания. Это было вполне подходящим для издателей, и они сговорились с Моодом относительно срока выпуска в свет издания и т. п.
> Теперь Рабинович пишет о каких-то недоразумениях с тобой и о том, что ты можешь напечатать в «Свободном слове»

---

79 На конверте этого письма кто-то — судя по почерку, сам Буланже — написал: «Моод спрашивает, не будет ли неприятно Л. Н-у, что он издает по поручению Рабиновича по-английски три сказки. Буланже ответил 6. X [19]03, что Л. Н. будет приятно, чтобы издатели получили больше выгоды» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/ 18–1).

80 См.: *Шохор-Троцкий К. С.* Хронологическая канва жизни и творчества Толстого за 1900–1903 гг. // ПСС. Т. 54. С. 389.

> сказки эти раньше, чем они появятся по-еврейски и английски, и тем нанесешь значительный материальный ущерб им. Л. Н. поручил рассказать тебе в чем дело и просит тебя и Моода уладить это дело так, чтобы издатели еврейского сборника не пострадали материально, так как неискаженный текст сказок можно напечатать в «Св[ободном] Сл[ове]» одновременно с английским изданием.
> Одновременно с этим письмом пишу и Мооду о том же и прошу его списаться с тобой[81].

В тот же день, также от имени Толстого, Буланже пишет с деликатностью и Мооду:

> Ясная Поляна 6/19 окт. 1903
> Дорогой Алексей Францевич, по поручению Л[ьва] Н[иколаеви]ча я только что написал В. Г. Черткову, прося его содействие в том, чтобы Рабинович при посредстве вашем выручил от издания сказок на английском языке возможно больше для своих целей и просил его списаться с Вами насчет срока напечатания и чтобы появление русского текста в «Своб[одном] Слове» не предшествовало появлению английского перевода. Сообщая Вам об этом, прошу, уладьте могущие быть недоразумения заблаговременно и хорошо. Этим самым отпадает необходимость ответа Л. Н. на письмо Ваше, где Вы спрашиваете, не будет ли ему неприятно, что вы взялись за перевод и издание его сказок. Ему приятно, чтобы издатели еврейского сборника выручали для своих целей возможно более[82].

Очень вероятно, что Буланже написал и Рабиновичу, о чем свидетельствует одна его личная записка; само же письмо не сохранилось[83]. Попытка Толстого (через Буланже) уладить конфликт, предоставив Мооду английскую версию, а Черткову — русскую за границей, ни к чему не привела. Чертков и Моод в то

---

[81] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 287. Л. 1–2.

[82] [Письмо Буланже к Мооду от 6/19 октября 1903 года] // LRA. MS 1380/ 407. F. 1.

[83] См. выше сноску 79.

время не общались напрямую, и их переписка, по решению Черткова, должна была вестись исключительно через третьих лиц. Тем не менее Шолом-Алейхем продолжал надеяться, что все разрешится мирно: в конце концов, полагал он, «близкий друг Льва Николаевича не может быть причиною разлада в добром деле»[84].

Совершенно очевидно то, что Шолом-Алейхем не был в курсе отношений Черткова и Моода и, конечно же, не мог себе вообразить, что несколько лет тому назад, когда на английский переводилось «Воскресение», между ними разгорелась самая настоящая война, которая затянулась еще на много лет, если не до конца жизни.

20 июля н. с. 1903 года Чертков признавался Толстому: «Моод, это мне "больное место". Когда в действительности он мне "больное место" только в том смысле, что вот уже сколько лет он меня систематически травит со всех сторон, со всем хладнокровием и всей настойчивостью английского "business man"»[85].

III

Тут в нашей истории открывается новая глава, которую нам только предстоит написать: речь идет о конфликте между Чертковым и Моодом, разгоревшемся в последние годы XIX века и, казалось бы, затрагивавшем, прежде всего, проблему авторских прав на переводы Толстого.

Как уже упоминалось выше, в 1897 году Чертков был выслан из России за то, что подписал вместе с другими последователями Толстого воззвание в защиту духоборов[86], то есть «духовных

---

84 [Письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 24 сентября / 7 октября 1903 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 2.

85 ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 353. Л. 2об.

86 Помогите! Обращение к обществу по поводу гонений на кавказских духоборов. Составленное П. Бирюковым, И. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Льва Николаевича Толстого. Лондон: Изд. Вл. Черткова, 1897.

христиан», сопротивлявшихся обязательной воинской повинности. Он был вынужен поселиться в Англии и добился разрешения вернуться в Россию только в 1908 году. Чертков провел в изгнании одиннадцать лет, публикуя сочинения Толстого и лично распространяя его учение; в 1898 году основал издательство «Свободное слово», чтобы печатать по-русски те произведения Толстого, которые на родине были запрещены или подвергались цензуре. В этом же издательстве он печатает целый ряд текстов и выпускает два периодических издания («Свободное слово» и «Листки свободного слова»), обличающих тогдашний произвол русских властей.

Первоначально Чертков поселился в районе Перлея (графство Эссекс) — там, где в 1894 году писатель и последователь Толстого Джон Кенворти (John Coleman Kenworthy, 1860 — не ранее 1905 года) основал «Братскую церковь Кройдона» (Croydon Brotherhood Church) — колонию, вдохновленную идеями толстовства, у которой была своя газета «Новый порядок» (The New Order) и издательство («Братское издательство», Brotherhood Publishing Company)[87]. В 1896 году Толстой по непосредственому предложению Черткова[88] предоставил Кенворти право на перевод и первую публикацию своих новых произведений:

> Мой дорогой друг,
> Всем сердцем сочувствуя целям Братского издательства, я намерен предоставить в ваше распоряжение право первого перевода всех моих писаний, как до сих пор не опубликованных, так и будущих. Если бы вы нашли почему-либо более удобным, — например, чтобы обеспечить им более широкое распространение, — предложить первую публикацию каких-либо моих сочинений какой-нибудь английской газете или журналу, и если бы отсюда воспоследовала денежная прибыль, то я желал бы, чтобы эта прибыль была употреблена на дело вашего Братского издательства.

---

[87] См.: *Holman Michael J. de K.* The Purleigh Colony: Tolstoyan Toghetherness in the late 1890s // New Essay on Tolstoy / ed. by M. Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 194–222.

[88] См.: письмо Черткова к Толстому от 1 февраля 1896 года // ПСС. Т. 87. С. 352.

> Что касается дальнейшего права издания моих сочинений (т. е. после этой первой публикации на английском языке, которую я намерен предоставить в ваше распоряжение), то они становятся общественным достоянием, согласно с моим распоряжением, сделанным мною раньше, и которое я теперь желаю подтвердить.
> Уважающий вас
>
> Лев Толстой
>
> Москва, 4 фев. 1896[89]

В 1897 году из Москвы в Англию переехал и Моод, поселившись, как и Чертков, в окрестностях Перлея. Однако его переезд был добровольным, обусловленным то ли желанием изменить свою прежнюю жизнь — он занимался торговлей коврами, — то ли стремлением полностью посвятить себя переводу произведений Толстого. Их первая встреча в 1888 году и последующее общение стали причиной радикального внутреннего перерождения Моода. Впервые он опубликовал свой перевод толстовского текста — английскую версию «Что такое искусство?» — в 1898 году в «Братском издательстве» как приложение к журналу «Новый порядок»[90]. Эта работа, выполненная вдумчиво, внимательно и профессионально[91], заслужила одобрение Толстого, который написал Мооду 15 декабря 1899 года: «Вашу книгу *What is Art?* я получил и с большой радостью прочел ваше введение. Вы превосходно и сильно выразили основную мысль книги»[92].

---

89 Письмо Толстого Джону Кенворти от 4 февраля 1896 года // ПСС. Т. 69. С. 33; оригинал на англ. яз. опубл. впервые в книге: *Maude A*. The life of Tolstoy. Later Years. P. 516.

90 *Tolstoy L*. What is Art? / Transl. by A. Maude, embodying the author's last alterations and revisions. London: Brotherhood Publishing (1a ed.: The New Order, Extra; 1898. Jan, March, May).

91 На эту тему см.: *Алексеева Г. В*. Трактат Л. Н. Толстого «Что такое искусство?»: диалог переводчика и писателя // Яснополянский сборник, 2012: Статьи, материалы, публикации. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. С. 321–331.

92 Письмо Толстого к Мооду от 15 декабря 1890 года // ПСС. Т. 72. С. 270–271. Толстой имел в виду *Tolstoy L*. «What is art?» / Translated from the Original Russian MS, with an Introduction by Aylmer Maude. London: Walter Scott Ltd [1899].

Вынужденный переезд Черткова в Англию расстроил как издательские планы Кенворти, так и грандиозные замыслы Моода. Когда в 1898 году Толстой назначил Черткова своим «единственным литературным представителем за пределами России», привилегия, дарованная Кенворти всего лишь два года назад, потеряла всякую силу, так как впредь любой, кто намеревался перевести или издать новое сочинение Толстого, в том числе и Моод, был обязан сначала договориться об этом с Чертковым.

Зимой 1900 года Чертков окончательно переехал в Крайстчерч (графство Хэмпшир): приобрел трехэтажный кирпичный дом — Тактон-хаус (Tuckton House), к которому прилегали огромный сад и постройка, приспособленная им под типографию[93]. Именно в Тактон-хаусе Чертков открыл новое издательство The Free Age Press (далее указано как «F. A. P.»), английское отделение «Свободного слова»[94].

Таким образом, Чертков мог наконец-то обращаться к английским читателям, выпуская в свет новые сочинения Толстого, в том числе фрагменты из его личной переписки или из дневников, что способствовало популяризации идей толстовства. Чтобы упростить задачу, для которой было создано новое издательство, Чертков использовал ряд приемов, частично уже опробованных в России в эпоху «Посредника»: прежде всего, решил продавать все книги по низкой цене от шести пенсов (минимум) и до шести фунтов (максимум), в зависимости от формата. При помощи носителей языка, а также некоторых русских эмигрантов, хорошо знавших язык[95], он лично занимался переводом толстовских

---

93 The Free Age Press (English Branch). Joint Editors: V. Tchertkoff, A. C. Fifield. Manager: A. C. Fifield. 1900–1902. A Brief Statement of its Work, by A. C. Fifield, 1933 // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 28.

94 О «Free Age Press» см.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42, ед. хр. 24; см. также: *Michael J. de K. Holman*. Translating Tolstoy for the Free Age Press: Vladimir Chertkov and His English Manager Arthur Fifield // The Slavonic and East European Review, 1988. Vol. 66. № 2 (Apr.). P. 184–197; *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 556–559.

95 См.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 45–46. Сохранились, в частности, и письма Черткова (за 1897–1906 годы) к Фанни Марковне Личкус, вдове русского революционера С. М. Степняка-Кравчин-

текстов и стремился максимально сохранять близость к оригиналам[96]. По требованию Черткова переводы печатались анонимно, в качестве своего рода «проверки на гордость, тщеславие или честолюбие» («check on pride, vanity or ambition»)[97].

Летом 1901 года Чертков все же отошел от принципа полной анонимности и стал указывать сначала инициалы, а потом полное имя переводчика[98]; кроме того, в соответствии с решением Толстого, который отказался от прав на свои сочинения, написанные после 1881 года, и желая дать максимальное распространение своим переводам, он вывел все издания F. A. P. из-под действия закона об авторском праве и на титульном листе каждой книги помещал надпись: «Права не охраняются» («No Rights Reserved»)[99].

F. A. P. было только одним из мощных инструментов в руках Черткова: будучи единственным литературным представителем Толстого за границей, он обладал колоссальной властью, которой Толстой наделил его в 1898 году. Действительно, иметь исключительные права на первое издание на английском или располагать разрешением автора на перевод в стране, где в то время не суще-

ского (1851–1895), в изгнании в Лондоне с 1884 года; эти письма свидетельствуют о способе перевода Черткова, который, например, 9 ноября 1898 года н. с. писал Фанни Марковне: «Могу ли я от времени до времени обращаться к Вам с просьбой переводить на англ. язык то, с чем не имею возможности справиться?» (РГАЛИ. Ф. 1158 [личный фонд С. М. Кравчинского]. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 7).

96 *Alston Ch.* Tolstoy and His Disciples. The History of a Radical International Movement. London: I. B. Tauris & Co., 2014. P. 56.

97 The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 33.

98 The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 44. А. Файфильд в другом отчете, более коротком, чем упомянутый выше, пишет, что Чертков принял это решение, чтобы отделить их работу от работы Моода, «который теперь не захотел предоставлять свои переводы, поскольку не мог сохранить авторские права на них» (The Work of the Free Age Press (English Branch), from 1900 to 1902, by A. Fifield. Manager // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 5; оригинал на англ. яз.).

99 См.: *Holman Michael J. de K.* Translating Tolstoy. P. 189–191; Maude A. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 556–559.

ствовало никаких соглашений с Россией по вопросам авторского права, было делом крайней важности[100]. Перевести текст с русского мог кто угодно, но если перевод был уже сделан — и неважно, каким было его качество, — мало кто из издателей подвергал себя риску заказать новый[101]. Если добавить к этому, что переводы, напечатанные F. A. P., могли воспроизводиться кем угодно, кажется очевидным, что распространять новый перевод, пусть даже более качественный, было делом трудным, если не невозможным. Моод резко критиковал издательскую политику Черткова, обвиняя его в присвоении того, о чем мечтал каждый, а именно — прав на первую публикацию и перевод; взамен же Чертков предоставлял всем то, что никому не было нужно: право воспроизводить «переводы, которые часто были сами по себе очень плохими»[102].

Моод не подчинялся издательским требованиям Черткова и, когда у него была возможность сотрудничать с F. A. P., выставлял на титульном листе свое имя. «Из разных переводчиков только имя Эйльмера Моода было единственным указанным в издании», — пишет в своих воспоминаниях один из первых сотрудников F. A. P.[103]. Иногда Моод просил вознаграждения[104]. Однако главным образом он претендовал на то, чтобы сохранить за собой права на перевод[105]. Эта позиция Моода никак не

---

[100] См.: *Maude A*. Translations of Tolstoy // The Saturday Review — 1905–28 January P. 110. Россия не присоединилась к Бернской конвенции (1886).

[101] *Holman Michael J. de K.* Half a Life's work: Aylmer Maude brings Tolstoy to Britain // Scottish Slavonic Review, Spring 1985. № 4. P. 40.

[102] *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 559; в новом издании биографии Толстого 1930 года Моод все-таки смягчил тон, заменив предыдущее утверждение на: «A heterogeneous assortment of translations of varying quality» (цит. по: *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 1930. P. 773).

[103] Ориг. на англ. The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 34.

[104] *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 558.

[105] *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 19301]. P. 772–773.

сдерживала Черткова: на каждом экземпляре, изданном F. A. P., он все равно печатал общую формулировку: «No Rights Reserved»[106].

Моод считал, что обладает всеми необходимыми качествами, чтобы стать основным переводчиком Толстого на английский: он был носителем этого языка, знал русский и пользовался уважением и доверием писателя. «Лучшего переводчика я не желаю и по вашему знанию обоих языков, и по вашей строгости к себе, во всяком случае», — писал ему Толстой в конце 1898 года[107]. Однако Мооду не хватало лишь одного, но решающего фактора, а именно расположения Черткова, которое можно было получить только в обмен на безоговорочное принятие его издательских условий.

Их конфликт — естественно или искусственно — разгорался вокруг проблемы прав переводчика. В 1899 году Моод отклонил предложение Толстого перевести на английский «Воскресение», объясняя отказ тем, что ему тяжело сотрудничать с Чертковым — в частности, он упоминал сложную ситуацию с правами на перевод[108]. Мы не знаем наверняка (и только скрупулезное архивное исследование может развеять наши сомнения), был ли их конфликт обусловлен также и профессиональным соперничеством, тем более что Моод крайне скептически оценивал переводы, сделанные F. A. P.[109]. Артур Файфильд (Arthur Fifield), соиздатель F. A. P. с 1900 по 1902 год, в своих воспоминаниях о том времени утверждает, что каждый из них «хотел быть единственным распространителем слова Толстого»[110].

---

[106] Ibid. P. 773. Только для перевода романа «Воскресение» было объявлено «Copyright reserved» (см.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 44).

[107] Письмо Толстого к Мооду от 30 декабря 1899 года // ПСС. Т. 71. С. 520.

[108] См. письмо Моода к Толстому от 13 и 14 января 1899 года н. с., опубликованное в русском переводе в ПСС. Т. 72. С. 29–30.

[109] См.: *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 668–670 (Appendix I. English Translations of Tolstoy).

[110] Оригинал на англ. яз.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 49.

Кроме того, нельзя оставить в стороне и тот факт, что с Чертковым действительно было трудно работать[111]: часто его описывали как человека страстного и деспотичного. По свидетельству последнего секретаря Толстого, Валентина Булгакова, у всех рано или поздно возникали с ним разногласия[112].

Вероятно, сложные отношения Черткова и Моода окончательно испортились в конце 1901 года, когда последний напечатал полемическую статью «A Report and Account of the "Resurrection" Fund and of difficulties encountered in administering it» («Сообщение и отчет о трудностях, встретившихся в процессе издания "Воскресения"»): в ней он раскрывал непростую ситуацию, сложившуюся вокруг английского издания романа и продолжавшуюся примерно два года, с 1899-го по 1901-й[113].

Речь идет о крайне запутанной истории, в которой до сих пор остается много темных мест. В статье «Report» [«Сообщение»] Моод утверждает, что Чертков, якобы не справившись с подготовкой издания, в конечном счете перепоручил это дело Луизе Моод (Louise Maude, 1855–1939), жене Эйльмера, поясняя свое решение так: «Прошу заявить, что вы можете действовать свободно, распоряжаясь своим переводом "Воскресения", что я не буду вмешиваться в ваши действия каким-либо образом...»[114]

Луиза договорилась с американским издателем (Dodd, Mead & Co.) о публикации, защищенной авторским правом: установленное вознаграждение следовало перевести духоборам, чтобы

---

[111] См.: *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 19301]. P. 782.

[112] *Булгаков В. Ф*. Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. Slavic research group at univ. of Ottawa (Группа славянских исследований при Оттавском ун-те), Российский гос. арх. лит. и искусства, Гос. музей Л. Н. Толстого. М.: Кучково поле, 2012. С. 285.

[113] Я имею в виду: A Report and Account of the «Resurrection» Fund and of difficulties encountered in administering it / Published by Aylmer Maude. Great Baddow, Chelmsford, 1901.

[114] Оригинал на англ. яз.: письмо Черткова к Луизе Моод от 3 ноября 1898 года, цит. по: A Report and Account... P. 7.

помочь им выехать из России в Канаду[115]. Из рассказа Моода мы, кроме того, узнаем, что Чертков позволил себе пообещать перевод, сделанный Луизой Моод и на этот раз не защищенный авторским правом, Фрэнку Хендерсону (Frank R. Henderson), сменившему Кенворти в 1898 году в качестве управляющего Brotherhooh Publishing Co.:

> Мы также узнали от В. Черткова, что он уже договорился с Ф. Р. Хендерсон. <...> Новость об этой договоренности с менеджером «Братского издательства» («Brotherhood Publishing Co.») была для нас неожиданностью и разочарованием. Это не передало авторские права Ф. Р. Хендерсону, но лишило книгу большей части ее ценности для других, и у нас были основания рассматривать Ф. Р. Хендерсона и его компанию как самых нежелательных издателей произведения[116].

На экземпляре «Сообщения», который Моод отправил Анне Константиновне (урожденной Дитерихс, 1859–1927), жене Черткова, вместе с длинным письмом, Чертков сделал примечание, имеющее отношение именно к вышеприведенной цитате: «Госпожа Моод разрешила мне заявить: “Права не защищены”»[117].

Решение Черткова (мы не знаем, была ли о нем осведомлена госпожа Моод или нет) вкупе с не совсем прозрачным ведением дел Хендерсоном (с которым Моод уже вступал в конфликт из-за английского перевода «What is Art?») вызвало удивление и досаду супругов. Однако, зная, каким влиянием на Толстого обладает Чертков, они все же пытались смириться с новым положением дел и договориться с Хендерсоном о 15 процентах с продаж, которые, естественно, должны были быть перечислены в пользу

---

[115] A Report and Account... P. 7. Роман публиковался Dodd, Mead & Co. в период с апреля 1900 года по август 1901 года; отдельное издание: Resurrection, a Novel by Leo Tolstoy, translated by Mrs. Louise Maude, with illustrations by Pasternak. New York: Dodd, Mead & Company, 1900.

[116] Оригинал на англ. яз.: A Report and Account... P. 8.

[117] Оригинал на англ. яз.: [экземпляр «Сообщения» вложен Моодом в его письме к Чертковой А. К.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1257. Л. 27.

духоборов. Результаты этого сотрудничества были, как и предвидел Моод, малоплодотворными: Хендерсон, как всегда, не выполнил взятых на себя финансовых обязательств[118], и спустя два года тяжб супруги решили выпустить новое, исправленное издание «Воскресения» в лондонском издательстве «Grant Richards» («Грэнт Ричардс»)[119].

В своей статье «Сообщение» Моод не ограничился обличением закулисной стороны подготовки английского издания «Воскресения» — он позволил себе и личные замечания в адрес Черткова, весьма безапелляционно высказываясь о том, что уже стало его идеей фикс, то есть о вопросе авторских прав:

> «Никакого авторского права» — это, может быть, хорошо, а «никаких денежных принципов», может быть, превосходно. Но истинный прогресс и здоровый рост не заключаются ни в этих, ни в каких-либо других *показных* принципах. Существенным условием движения к прогрессу является желание совершенствоваться, и мы оказываем больше помощи другим, давая их духу возможность развиваться, чем самыми строгими правилами и жестоким осуждением. Даже если бы мы отдали все наше имущество на пропитание бедняку, а наши тела на сожжение, без любви это нам ничего не принесет. Мы не можем задавать тон другим. <...> Прежде чем мы создадим то или иное новое правило и совершенно новую заповедь и энергично призовем к ней других, давайте посмотрим, где мы на самом деле находимся: являются ли эти деяния неизбежным свидетельством роста в нас истинного и любящего духа и нет ли чего-то произвольного и своевольного в них[120].

Скорее всего, Моод не был в состоянии трезво оценить реакцию, которую его слова могли вызвать у тех, кто их прочел,

---

118 См.: A Report and Account... P. 10. Роман вышел в переводе Луизы Моод (Resurrection. London: The Brotherhood Publishing & Co., 1900).

119 *Leo Tolstoy*. Resurrection. A Novel / Translated from the Russian by Louise Maude. Complete and Final Edition. London: Grant Richards, 1903.

120 Оригинал на англ. яз.: A Report and Account... P. 17.

и в первую очередь у Черткова. Наоборот, он наивно верил, что все эти разногласия не повредят их дружескому сотрудничеству в профессиональной сфере [121].

Чертков же нашел недопустимыми и несправедливыми отдельные высказывания Моода. Прежде всего, он не готов был терпеть, что тот позволил себе судить о его личных отношениях с Толстым. В заметках Черткова на полях «Сообщения» среди прочих комментариев читаем также: «Я считаю абсолютно неуместным, что Э. Моод поместил в издании свои замечания относительно моих личных отношений с Толстым, которые носят совершенно частный характер, ни в коей степени не касаются Э. Моода и о которых он не может судить, не зная подробностей дела»[122].

Толстой, естественно, не одобрил поступка Моода: этот выпад, по его мнению, не только не внушал доверия, а наоборот, разжигал недобрые чувства в Черткове.

> 1901 г. Декабря 23. Гаспра.
> Любезный друг Моод,
> Я получил ваше письмо и статью. Мне очень жаль, что вы написали ее.
> Вы огорчили этим и не только не усилили чувства любви — а это главное дело жизни — в душе близкого вам человека, Черткова, а, напротив, вызвали в нем недобрые чувства — ничем не выражаемые, но невольно испытываемые им.
> Всякие соображения, отчеты, пожертвования не весят ничего в сравнении с нарушением любви. Я понимаю, что многое вам было неприятно, и вы не воздержались, как это случается со всеми нами, и потому не осуждаю вас, но, любя вас, указываю вам на то, что кажется мне вашей погрешностью.
> Пожалуйста, простите меня, если я этим сделал вам неприятное[123].

---

[121] См.: Ibid. P. 5.

[122] Оригинал на англ. яз.: [записка с возражениями на «A Report and Account of the “Resurrection” Fund and of difficulties encountered in administering it»] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 122. Л. 1.

[123] Письмо Толстого к Мооду от 23 декабря 1903 года // ПСС. Т. 73. С. 172–173.

Моод и Чертков не ладили не только из-за «Воскресения» — эта история была лишь самым ярким проявлением конфликта. Борьба велась за исключительное право на издание романа Толстого, хотя Софья Андреевна считала, что речь шла еще и об экономическом интересе: «Они, как хищные птицы, вцепились в “Воскресение”, и каждый из них желал извлечь свою денежную выгоду из перевода этого произведения»[124].

Итак, если Моод хотел переводить новые тексты, он должен был согласиться с условиями Черткова, а тот не был расположен делать исключений в вопросе авторских прав и даже попросил Толстого отчетливо высказаться в поддержку этого принципа. В конце 1900 года, когда конфликт с Моодом приближался к точке невозврата, Чертков действительно добился того, чтобы Толстой подписал обращенное к F. A. P. письмо, которое, как представляется, сам же Чертков и составил[125]. В нем писатель выражал полное согласие с решением издательства отказаться от авторских прав и объявлял благодарность всем сотрудникам и переводчикам за то, что они, принимая эти условия, делали его произведения доступными широкому кругу читателей:

> Дорогие друзья,
> Я получил первые выпуски ваших книг, брошюр и листовок, содержащих мои писания, а также проспекты с изложением цели и плана издательства «The Free Age Press».
> Издания чрезвычайно аккуратны и привлекательны и, что̀ мне представляется величайшей важностью, весьма дешевы, а потому вполне доступны широкой публике, состоящей из рабочего класса.
> Я также горячо сочувствую объявлению на ваших переводах о том, что они не подлежат правам литературной собственности. Будучи хорошо осведомлен о всех жертвах и практических затруднениях, в которые это вовлекает издательское предприятие в наше время, я особенно желаю выразить

---

[124] *Толстая С. А.* Моя жизнь / подгот. В. В. Алексеева и др.; отв. ред. В. Б. Ремизов; Гос. музей Л. Н. Толстого. М.: Кучково поле, 2011. Т. 2. С. 544.

[125] Письмо это было составлено Чертковым и прислано Толстому при письме от 29 декабря (н. с.) 1900 года (ПСС. Т. 72. С. 541).

мою сердечную благодарность переводчикам и участникам вашего дела за их великодушное присоединение к моему отказу от всякой литературной собственности, что̀ помогает делать мои писания совершенно свободными для всякого, кто захочет переиздавать их.
Если я напишу еще что-нибудь, что̀ сочту заслуживающим напечатания, то с большим удовольствием доставлю это вам немедленно. С самым сердечным пожеланием дальнейшего успеха вашим усилиям

Лев Толстой.

Москва,
24 Декабря 1900[126].

Но все-таки, отправляя Черткову свое послание к издательству F. A. P., Толстой предупредил друга: «Боюсь, как бы кто-нибудь (Моод) не огорчился. Тогда вы будете виноваты»[127].

В этом послании, которое Чертков напечатал с небольшими изменениями в изданиях F. A. P., Моод усмотрел моральное давление на переводчиков. По этой причине в начале 1901 года он принял решение прервать сотрудничество с F. A. P., сосредоточившись на новых переводах ранее изданных произведений Толстого[128]. Надо все же отметить, что, помимо вопроса авторских прав, решение Моода было вызвано еще и неприятием того, что Чертков неоднократно оставлял за собой право вносить поправки в чужие тексты[129]. Осознав решимость Моода, Толстой, пусть и с горечью, смирился и даже не пытался переубедить Черткова.

Безусловная поддержка, которую Толстой оказывал Черткову, имела причины очень глубокие, которые выходили за пределы простой издательской политики и затрагивали непосредственно сферу эмоций. Толстой писал Мооду:

---

[126] ПСС. Т. 72. С. 540–541; оригинал на англ. Письмо Толстого издательству «The Free Age Press» перепечатывалось на книгах этого издательства.

[127] Письмо Толстого к Черткову от 24 (?) декабря 1900 года // ПСС. Т. 88. С. 217.

[128] См. также: письмо Толстого к Мооду от 19 февраля 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 37.

[129] См.: *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 568–569.

> Мое отношение к этому делу такое: Ч[ертков] потратил так много и продолжает тратить любовного труда на правильное воспроизведение и распространение моих мыслей, кот[орые] он вполне и очень чутко понимает, что я только могу радоваться, имея такого посредника между собою и читателями. Главное же для меня то, что после всего потраченного им труда я не могу обмануть его ожидания и, вместо помощи ему, мешать его делу. Помощь же моя в его деле ограничивается тем, что я все новое (если что будет) распространяю прежде всего через него, предоставляя потом всем, если это кому нужно, пользоваться этим, как кто хочет[130].

В конце 1901 года в лондонском издательстве Grant Richards вышла книга «Севастополь и другие военные рассказы» («Sevastopol and other Military Tales») в переводе Моода. Она была заявлена как первый том исправленного и дополненного издания Собрания сочинений Толстого («The Revised Edition of Tolstoy's Works»)[131], которое, ввиду многочисленных трудностей, было осуществлено лишь в период с 1928 по 1937 год[132].

И тут Толстой снова благожелательно отзывался о своем переводчике: «Я, кажется, уж писал вам о том, как мне необыкновенно понравилось ваше издание первого тома»[133]. Что же касается авторских прав на перевод, то Моод нашел свой способ решения проблемы: «Переводчики, разумеется, вправе предоставить собственные версии текста и определить, подобно Толстому, размер вознаграждения за свой труд — эти вопросы остаются на их совести и решаются в зависимости от потребностей, взглядов и жизненных обстоятельств»[134].

---

130 Письмо Толстого к Мооду от 19 февраля 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 37.

131 См.: *Holman Michael J. de K.* Half a Life's work: Aylmer Maude brings Tolstoy to Britain. P. 42–43.

132 Об истории этого издания см.: Ibid. P. 39–53.

133 Письмо Толстого к Мооду от 23 декабря 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 173.

134 *Maude A*. Preface // *Leo Tolstoy*. Sevastopol, and other Military Tales. Translated by Louise and Aylmer Maude. London: Grant Richards, 1901. P. XXIII.

В 1900 году Чертков решил, что любое общение с Моодом должно происходить только через посредников. Это был конфликт, обреченный длиться долгие годы, и регулярные попытки Толстого положить ему конец ни к чему не приводили. Все же Моод — вероятно, им двигали мотивы скорее коммерческие, чем сентиментальные, — попробовал найти пути примирения, написав жене Черткова, женщине кроткой и болезненной:

> Уважаемая госпожа Черткова,
> <...> Я не могу скрывать, что время от времени не чувствовал в себе доброжелательности по отношению к Владимиру Григорьевичу; но в глубине души я считаю его одним из самых интересных людей, которых я когда-либо встречал и чья цель в жизни благая.
> Толстой упрекал меня, и не раз, за то, что я недружелюбно отношусь к вашему мужу, и я не могу отрицать, что мне трудно испытывать добрые чувства к человеку, который не позволяет мне говорить напрямую с ним[135].

8 октября 1910 года н. с. Моод, обращаясь к очередному посреднику, на этот раз издателю и писателю Чарлзу Дэниелу (Charles Daniel, 1871–1955), так описывал развитие своих отношений с Чертковым:

> Дорогой Дэниел,
> В моем вчерашнем письме я не сказал Вам, что мои отношения с Чертковым были следующие.
> Никогда не случалось, чтобы я отказывался говорить с ним или получать от него письма по любому вопросу. Не я начал, и не я продолжал ограничивать наше общение. В течение 10 лет он: 1) отказывался говорить со мной или встречаться со мной; 2) ограничивал наше письменное общение деловыми вопросами; 3) когда я писал ему по деловым вопросам, его платный помощник сообщал мне от его имени, что я не должен был адресоваться к В[ладимиру] Ч[ерткову] напрямую, даже если по делу, но должен был обращаться к нему

[135] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода Чертковой А. К от 9 января 1906 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1257. Л. 38.

> (к помощнику); 4) В[ладимир]Ч[ертков] говорил со мной при посредстве пятерых разных людей, выбранных им самим и находящихся в определенной финансовой зависимости от него[136].

Но вернемся к поздней осени 1903 года: во время перевода трех сказок Чертков и Моод больше не общались напрямую. Сведения об этих текстах Моод получил от третьих лиц — по всей вероятности, от своих детей или, возможно, от Буланже. И тем не менее трудно поверить в то, что он действовал, не отдавая себе отчета в том, к чему это приведет. О его корыстных интересах свидетельствует также письмо Толстому, в котором он просил писателя официально доверить ему перевод сказок и при этом умалчивал о том, что он сам обратился к «Рабиновичу», уверяя, что речь якобы шла об инициативе Шолом-Алейхема. Моод прекрасно знал все правила игры и все же сыграл наудачу, надеясь опубликовать собственный перевод трех сказок без ведома Черткова, опередив его. Он, безусловно, понимал, на что идет. Валентин Булгаков, часто оказывавшийся в подобных ситуациях, пишет в своих воспоминаниях:

> Но беда им [Кенворти и Мооду], если им удалось, путем переписки со Львом Николаевичем или хотя бы с которой-нибудь из его дочерей-секреташ, получить из Ясной Поляны ту или иную работу, тот или иной отрывок для опубликования раньше Черткова: тот обрушивался тогда всей тяжестью своего характера на них и на... Толстого! Грозные письма летели из Англии в Ясную Поляну, и великому Толстому приходилось всячески выкручиваться и оправдываться перед требовательным другом. Конфликтов на этой почве было *очень много*[137].

Шолом-Алейхем действовал исключительно в интересах жертв погрома и не задавался вопросом, можно ли отправлять Мооду копию толстовских рукописей, не спросив сначала разрешения

---

[136] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 558. Л. 171.

[137] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь... С. 238.

писателя, от которого на самом деле было получено только «право первого издания»[138]. И он, конечно же, не мог предвидеть тех последствий, которые повлечет за собой в скором времени столь необдуманный поступок. И ни уговоры Буланже, ни призывы Толстого, ни тем более бессчетное количество писем, отправленных Шолом-Алейхемом, не помогли уладить конфликт.

IV

Наряду с Моодом и Шолом-Алейхемом, Чертков также обратился непосредственно к Толстому и 12 октября 1903 года н. с. направил ему «длинное и сложное письмо», а именно письмо № 105[139]. Рассказывая подробно о происходившем, он без обиняков описывал Моода как человека, лишенного моральных принципов, изворотливого, непорядочного, в то время как в искренности «Рабиновича» он ничуть не сомневался. Только вмешательство самого писателя, настаивал Чертков, могло бы остановить Моода и еще раз доказать, что именно он, Чертков, является единственным человеком, официально уполномоченным издавать сочинения Толстого и распоряжаться переводами за границей.

В примечаниях к переписке с Толстым, занимающей пять томов Полного собрания сочинений писателя, Чертков, который готовил к печати и эти тома[140], имел обыкновение цитировать обширные фрагменты из своих писем. Однако из письма от 12 октября н. с. не приведено ни единого отрывка, а лишь изложено его содержание без какого бы то ни было пафоса: Моод, хитростью завладев рукописями трех сказок, взялся за перевод, не беспоко-

---

[138] См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 182.

[139] См.: [письмо Черткова к Толстому. Лорие от 12 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 97.

[140] «При жизни Черткова вышло 28 томов; в производстве находятся 11 томов, переданы издательству 33 тома» (Чертков — редактор сочинений Толстого // Литературная газета. 1936. 11 ноября. № 63 [626]. С. 6).

ясь о том, что аналогичное издание уже было подготовлено издательством «Free Age Press»[141].

Однако подлинник этого письма Черткова сохранился. Приведем здесь только часть, касающуюся конфликта с Моодом:

> 12. 10. 1903 н. с. Christchurch, Hants
>
> Дорогой Л. Н., как печально вы правы в том, что с тех пор, как отказались от литературной собственности, вы постоянно ожидаете неприятностей, когда отдаете людям какое-нибудь новое ваше произведение. <...>
> Последнее усложнение, о котором вы, может быть, уже слышали со стороны, вот в чем заключается. Оказывается, что несчастный Моод, нам с вами из-под руки, вошел в непосредственные переговоры с Рабиновичем относительно перевода и издания ваших последних «сказок» в Англии, сославшись на вас и на Буланже для рекомендации. Вследствие этого Рабинович, очевидно, не хорошо знакомый с вашим отношением к лит. собственности и с тем, что все первые выпуски переводов ваших писаний проходят через мои руки, вообразил себе на основании обращения к нему Моода, что литер. собственность английского издания находится в его, Рабиновича, распоряжении и послал Мооду списки ваших сказок. Затем, получив от меня запрос о том, когда выйдет его сборник в России, он пишет мне, что очень

---

[141] См. сноску к письму Толстого к Черткову от 6 октября 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 309–310). Том 88, в отличие от остальных томов (85, 86 и 87), содержащих большие фрагменты писем Черткова Толстому и вышедших до 1937 года, спустя ровно год после смерти Черткова, вышел лишь в 1972-м, то есть в то время, когда издательская политика была совсем другой. Однако уже в 1939 году были «предложены» новые требования к составителям ПСС, и П. Н. Поспелов, будущий главный редактор «Правды», в конфиденциальной беседе с Н. С. Родионовым (членом Научного комитета и составителем отдельных томов «Полного собрания сочинений» Толстого), сославшись на замечания некоторых критиков, считавших примечания избыточными и содержащими повторы, попросил сократить эти комментарии до сведений, необходимых для понимания писем, и пересмотреть «отношение» к письмам Черткова: «Чертков — выдающееся лицо, мы его уважаем, как прежде, но это не значит, что его письма надо печатать в полном собрании сочинений Толстого наравне с Толстым. ад ним можно работать самостоятельно» (цит. по: *Остерман Л. А.* Сражение за Толстого. М.: Грантъ, 2002. С. 53).

жалеет, что вышло это недоразумение и, разумеется, на основании вашего желания предоставляет английское издание мне <...>. Со своей стороны, строго следуя указаниям в ваших письмах ко мне, я уже приступил к приготовлению нашего издания при помощи теперешнего издателя «Free Age Press». <...> Для этого мы одновременно выпустим два издания — одно более роскошное, вероятно, с рисунками... — другое самое дешевое — в нашей обыкновенной серии, что̀ предупредит вероятие, чтобы посторонний издатель пожелал конкурировать с нами. Для окончательного доведения до конца этих двух изданий осталось нам только несколько недель, и, как вы лучше кого-либо понимаете, издателю моему и мне для сосредоточенного и успешного преодоления всех соображений и хлопот, которых в таком деле в тысячу раз больше, чем кажется со стороны, необходимы спокойствие, свобода действий и отсутствие всяких пререканий с другими переводчиками и издателями, которым может захотеться перебить у нас это дело. А для этого, прежде всего, необходимо устранить всякие дальнейшие усложнения со стороны Моода, который, начавши так неделикатно, помимо даже вас, в состоянии продолжать кампанию с свойственной ему ничем не сокрушимой настойчивостью и неразборчивостью в средствах, если только не получит от вас определенного и решительного заявления, что дело это вы поручили лично мне. — С другой стороны (и это для меня самая важная сторона дела), только таким категорическим ответом вы избавите и себя от всяких дальнейших усложнений в связи с этим. Очень вероятно, что Моод одновременно с этим пишет вам объяснительное письмо, в котором, быть может, выставляет себя уже связанным какими-нибудь обещаниями на основании первого ответа на его предложение со стороны Рабиновича. Но поверьте мне, что во всех этих сообщениях Моода 9/10 всегда бывает чистейшая неправда. <...> Так что, как ради вас самих, так и ради меня, я прошу вас в этом случае только об одном: не считать себя сколько-нибудь причастным к каким бы то ни было затруднениям, о которых Моод может говорить, что он напал, и ничего не изменять и не предпринимать никаких новых решений, а просто держаться раз уже данного мне уполномочия и ответить Мооду, если будете ему отвечать, что вы дело это уже раньше непосредственно

поручили мне и что не можете взять назад вашего слова. Это одно сразу прекратило бы всякие дальнейшие настаивания со стороны Моода; и это одно предотвратило бы нескончаемые усложнения и затруднения между всеми нами здесь, которые неизбежно наступили бы, если бы вы попросили бы меня изменить этот прием издания здесь этих сказок, к которому я и мои сотрудники уже приступили.
Ужасно мне жалко, что приходится вас беспокоить даже и этим письмом; но видит Бог, что я делаю все, что в силах, чтобы доставлять вам как можно меньше хлопот. Кто бы подумал, что Моод, отлично зная, что вы мне раз навсегда обещали первое издание всех ваших писаний и что вы никогда никому не дарите в собственность ваши писания, — обратился, минуя вас, к третьему лицу, как к собственнику этих ваших произведений, и вызовет такое бестактное, чтобы не сказать более, усложнение. Если он вам скажет, что произошло это оттого, что я с ним прекратил личные отношения, то не верьте этому, ради Бога, дорогой Л. Н. Все поведение Моода здесь в Англии, все те непристойные приемы, до которых он опускается все ниже и ниже в этой области своего честолюбия, — все то в его действиях в связи с вашими писаниями и по отношению не только ко мне, но и ко всем, кто стоит у него на дороге, — все то, о чем я вам никогда не пишу, п[отому] ч[то] это могло бы только без нужды огорчать вас, да и самому противно расписывать, — все это постоянно подтверждает мне, что пока что и для него, и для меня лучше держаться подальше друг от друга и не входить в личные сношения, что только отравило бы мне жизнь и сделало бы не способным ни к какой спокойной работе. Я вижу ясно, по какому пути он идет. <...>
Но вот пока все. Отсылаю это, хотя очень хотелось бы поговорить с вами совсем о другом. Но отсылаю, чтобы не задерживать.
Никаких дальнейших затруднений я с этим инцидентом не предвижу, если только вы не измените раньше данных вами мне распоряжений. Рабинович в своем письме пишет, что для него, «конечно, свято то, что вы ему писали по поводу меня»; и сообщает, что он написал Мооду, отменяя всякие условия с ним по этому делу. Так что с его стороны никаких затруднений не будет. Мооду же я с этой почтой сообщаю, что дело это было вами поручено мне с самого начала;

> а если вы меня в этом поддержите, то ему остается только извиниться перед вами, что он послал свое предложение не прямо к вам, а обиняком к такому лицу, которое и не имело вашего уполномочия распоряжаться англ. изданием[142].

Получив письмо на шести листах, исписанных с двух сторон мелким убористым почерком, Толстой попытался примирить противников: намеренно не обращая внимания на просьбу друга, он надеялся убедить его отдать Мооду английский перевод трех сказок. 6 октября 1903 года, подчеркивая благие цели издания, он убеждал Черткова: «Четв[ертый] пункт — это сказки, кот[орые] переводит Моод. Я уверен, что вы ничего не будете иметь против его перевода и издания в пользу евреев и что это не будет поводом ухудшения ваших отношений к нему»[143].

Хотя Чертков в письме к Шолом-Алейхему заявил о своей готовности уступить перевод Мооду — по желанию Толстого, — столь великодушно он не поступил[144]. Конечно, Черткову было совсем не легко написать это длинное письмо Толстому — изможденный, он был вынужден отложить послание, предназначавшееся Мооду[145]. Он взялся за него лишь на следующий день, адресовав письмо Томасу Лорие (Thomas Laurie, 1866–1944), молодому лондонскому издателю, который в то время был его помощником, в том числе и «посредником». Обращаясь формально к Лорие, Чертков излагает всю историю, обличая хитрость и бесстыдство, благодаря которым Моод завладел толстовскими рукописями.

[142] [Письмо Черткова к Толстому от 12 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 1–6 об.

[143] Письмо Толстого к Черткову от 6 октября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 309.

[144] Чертков написал Шолом-Алейхему: «...если бы он [Толстой] попросил меня в этом случае уступить г. Мооду и отказаться от распоряжения изданием этой книги на английском языке на один раз, во избежание греха вражды со стороны г. Моода или вообще, чтобы покрыть чужие ошибки; то я, разумеется, счел бы своим долгом в точности исполнить его желание» (письмо от 19 октября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф 60. Оп. 8. Ед. хр. 54/1. Л. 4).

[145] См.: [письмо Черткова к Т. Лорие] от 12 октября 1903 года н. с. // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 97.

13 X 03 [н. с.]
Дорогой Лорие,
В связи с публикацией «Трех сказок» Толстого я получил ответ от г-на Рабиновича на наш запрос о том, когда в России появятся русское и еврейское издания, я только что получил от него ответ по этому предмету: русское издание, вероятно, не выйдет раньше, чем через месяц. Похоже, что до того, как он получил мое письмо, господин Моод написал ему, предлагая перевести и издать эту книгу в Англии, и сослался на Толстого и на нашего друга Буланже. Рабинович, вероятно, не желая беспокоить Толстого, обратился с запросом к Буланже, который ответил, что г-н Моод порядочный человек, тогда Рабинович принял предложение г-на Моода и несколько дней тому назад отправил ему рукопись. Получив же мое письмо и будучи ранее проинформирован Толстым, что тот поручил мне издание этой книги вне России, Рабинович, конечно, поторопился признать свою ошибку и сообщил мне, что он написал г-ну Мооду, чтобы отменить договоренность, и также попросил меня переслать г-ну Мооду его письмо ко мне.
Рабинович объясняет свои поступки тем, что мое письмо к нему несколько запоздало. Со своей стороны, я не спешил спрашивать его о дате выхода русского издания сказок, потому что знал, что издание это не могло быть готово в ближайшем будущем и потому, что мне в голову не приходило, чтобы г-н Моод, через голову Толстого, обратился с предложением своих услуг непосредственно к г-ну Рабиновичу, тем более что г-н Моод лучше других прекрасно знает, что, согласно специальному и постоянному соглашению, состоявшемуся раз навсегда между Толстым и мной, все его новые произведения в первую очередь должны быть опубликованы мной в Англии; и что Толстой никогда не дарит свои произведения кому-либо из-за отрицательного отношения к литературной собственности, и поэтому никто не вправе распоряжаться сочинениями Толстого, кроме него самого и кроме его непосредственного и уполномоченного представителя за границей, то есть меня самого.
Будьте так любезны сообщить г-ну Мооду эти факты и сказать ему, что Толстой с самого начала поручил мне распоряжаться заграничным изданием этих сказок и дал мне исчерпывающие указания по этому поводу в нескольких

> письмах, написанных его собственной рукой (я до сих пор переписываюсь с ним по этому вопросу в связи с некоторыми изменениями в версии, которая в изданиях «F. A. P.» будет несколько отличаться от версии, которую имеет в своем распоряжении г-н Рабинович).
> Будьте добры, направьте прилагаемое письмо на русском г-ну Мооду с просьбой вернуть его вам по почте, так как оно понадобится мне.
> Рабинович сообщает мне, что г-н Моод предложил отдать всю чистую прибыль своего издания от этих «Сказок» г-ну Рабиновичу в Фонд для оказания помощи евреям, и г-н Рабинович выражает надежду, что я поступлю так же, как и г-н Моод. Я ответил ему, сказав, что ни в коем случае я не мог бы поступить иначе, раз Толстой написал эти сказки специально в их пользу[146].

В этом письме Чертков упоминает о некоторых «изменениях», якобы согласованных с Толстым и имеющихся только в его, Черткова, версии сказок. Однако тут он был не совсем искренен, в особенности когда давал понять, что они с Толстым обсуждали эти «изменения» — видимо, более поздние по сравнению с версией, предоставленной Шолом-Алейхему. Их переписка в том виде, в каком она сохранилась, служит доказательством обратного: ни в письмах Черткова Толстому, по большей части неизданных, ни в письмах писателя, адресованных своему «официальному представителю», пока этот вопрос не поднимается. Единственный источник из имеющихся в нашем распоряжении, в котором обсуждаются рукописи сказок, — это письмо от 6–7 сентября: в нем Чертков напрямую спрашивает о том, как поступить с двумя авторскими вариантами сказки об ассирийском царе Асархадоне, и Толстой предоставляет ему полную свободу[147]. Но на этом мы еще остановимся более подробно.

14 октября н. с. Чертков опять пытается привлечь внимание Толстого к вопросу, но от того письма (под номером 106), к со-

---

146 Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 98–98 об.

147 См.: письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

жалению, не осталось никакого следа[148]. Возможно, Чертков, как он делал время от времени, прямо попросил своего корреспондента уничтожить послание. Мы располагаем лишь одним примечанием в Полном собрании сочинений Толстого, намекающим на предполагаемое содержание письма: «Ответ на письмо Черткова от 14 октября н. с. [№ 106], в котором он делится с Толстым опасениями, как бы Моод не закрепил за собой право литературной собственности на свой перевод трех сказок Толстого. Чертков считает это недопустимым принципиально»[149]. Если исходить из этого комментария, составленного предположительно самим Чертковым, то кажется, что вопрос ограничивался в основном авторскими правами на перевод. Однако же на самом деле более вероятно, что Моод хотел прежде всего первым издать сказки на английском, что следует из его письма Перрису от 6 октября 1903 года н. с.

Вернемся к переписке Моода, Лорие и Черткова. Моод отвечает на послание Черткова 13 октября н. с. через Лорие, и ответ его намеренно уклончив: он возвращает оба письма (а также письмо Шолом-Алейхема), как ему велели это сделать, а по делу не говорит ни слова. Обращается он только к Лорие — сообщает, что не был удивлен поведением Черткова («Я не могу сказать, что я очень удивлен, имея предыдущий опыт той степени правдивости, которую можно ожидать от г-на Черткова»)[150], и советует ему перевести на английский письмо «Рабиновича», чтобы убедиться, насколько оно противоречит письму Черткова, а также выражает сочувствие молодому издателю, вынужденному выступать в качестве посредника в такого рода переписке. И в конце добавляет: «Я ценю очень высоко знакомство с г-ном Чертковым, так как оно дало мне случай познакомиться с интересным типом

---

148 Письма Черткова к Толстому находятся в ОР ГМТ (Ф. 1); в копии они хранятся (не все) в НИОР РГБ (Ф. 435).

149 Примечание к телеграмме Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 310.

150 Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 14 октября 1903 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 10.

религиозной эксцентричности. Если бы не это, то сношения с ним через третье лицо были бы для меня неприятные»[151].

Казалось бы, поначалу Чертков остался доволен реакцией Моода. В частном письме он делился с Лорие (15 октября н. с.): «Я думаю, что ответ г-на Моода должен быть удовлетворительным, поскольку он не настаивает на своем намерении выпустить первое издание сказок, что он, безусловно, сделал бы, если бы он все еще намеревался реализовать свой план»[152].

Опасаясь, однако, что Моод все равно может опубликовать свой перевод в Америке, 16 октября н. с. Чертков отправил Лорие новое сообщение:

> Что касается Моода, В[ладимир] Ч[ертков] не думает, что он предпримет попытку выпустить издание в Англии, но он может сделать это в Америке.
> В[ладимир] Ч[ертков] готовит письмо к издателям в Америке, помещая на первое место взгляды Толстого на авторское право. Затем он сообщит г-ну Мооду, что «Ф. А. П.» еще не налажено в Америке и что он вполне может издать свой перевод там. Он (г-н Моод) наверняка так и сделает, так как прибыль в Америке выше.
> С истинным почтением
> По поручению Черткова[153]

Моод, со своей стороны, настаивал, чтобы решение принимал Толстой, надеясь на то, что писатель, как это уже бывало в других случаях, настоит на его кандидатуре в качестве переводчика. И действительно, 20 октября н. с. Лорие докладывает Черткову:

> Господин Моод звонил сегодня и сказал, что совершенно необходимо, чтобы это дело было представлено Толстому, и поэтому он написал Толстому на этот предмет. Это очень

---

[151] Там же.

[152] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 15 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 101.

[153] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 16 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 102.

> печально, что старый Лев должен волноваться о вопросе, к которому он, вероятно, относится с крайним равнодушием[154].

21 октября н. с. обеспокоенный Чертков снова пишет Толстому: сначала отправляет телеграмму, а потом письмо (№ 107), в котором умоляет его не предпринимать никаких действий в отношении Моода, до тех пор пока не получит от него, Черткова, дальнейших, более подробных указаний.

> Дорогой Лев Николаевич!
> Я хотел избежать для Вас неприятности разбирательства недоразумения в связи с Рабиновичем и Мо[о]дом по отношению к изданию ваших новых трех сказок, и потому старался вести это дело, на основании вашего уполномочия, не беспокоя Вас. Но, узнавши от Рабиновича и Мо[о]да, что они теперь обратились к Вам за окончательными распоряжениями, я не могу уже больше предохранить Вас от этих хлопот и для облегчения Вам их вижу, что Вам необходимо для правильного и ясного разрешения вопроса, который в противном случае мог бы неопределенно затягиваться и запутываться, — знать в точности все мои действия в исполнении ваших распоряжений по этому делу.
> Я, следовательно, послал Вам вчера вечером телеграмму, прося Вас не давать никакого окончательного ответа ни Рабиновичу ни Мо[о]ду до получения моего письма от вчерашнего числа. В телеграмме я даже написал: «letter envoyée aujourdhui», но потребовалось переписать столько писем в связи с этим, что я никак не мог еще докончить мое «донесение» и рассчитываю его отправить завтра и прошу Вас еще на один день повременить [с] решением вопроса.
> <...>
> Как вы верно предчувствовали эти усложнения! Но из моего подробного письма и предложения, когда Вы его получите, Вы увидите, что дело это может разрешиться спокойно и просто, для всеобщего удовлетворения, и что для Вас вся неприятность может разрешиться получасом, посвященным

---

[154] Оригинал на англ. яз.: [письмо Т. Лорие к Черткову от 20 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 2.

чтению нескольких очень скучных деловых писем о деле, имеющем для Вас самое ничтожное значение. Итак, до завтрашней почты.

Любящий Вас В. Чертков[155]

Черткову не было необходимости подсказывать Толстому, каким образом «спокойно и просто» разрешить вопрос первого издания на английском. Безусловно, прочитав и, скорее всего, уничтожив предыдущее письмо Черткова (№ 106), 10 октября 1903 года писатель поручил кому-то из своих помощников телеграфировать Мооду, чтобы положить конец нарастающей драме: «Не переводите, не публикуйте мои сказки. Ч[ертков] один имеет право»[156]. Одновременно он известил (также телеграммой) и Черткова: «Печатайте. Телеграфировал Мооду, чтобы остановил печатание»[157], а тот, в свою очередь, попросил Лорие передать новость Мооду:

23 X 03 [н. с.] 11 часов утра
Дорогой Лорие,
Телеграмма от Толстого, отосланная сегодня утром, только что дошла до меня, предупреждая о следующем: «Публикуйте — Мооду телеграфировано прекратить публикацию».
Не могли бы вы передать эту информацию господину Мооду?
С уважением

В. Чертков[158]

Если судить по одному из примечаний в Полном собрании сочинений Толстого — инициатором и главным редактором издания был Чертков, — то кажется, будто телеграмма Толстого Мооду стала результатом путаницы с редакциями текстов сказок:

---

155 [Письмо Черткова к Толстому от 21 октября 1903 года. н. с.] // ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 6. № 359. Л. 1–2.

156 Телеграмма [черновое] Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 204; оригинал на англ. яз. («Don't translate publish my stories. T[chertkoff] alone has the right»).

157 Телеграмма Толстого к Черткову от 10 октября 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 310); оригинал на англ. яз.: «Publish. Have wired Maude stop publishing».

158 Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 105.

«Телеграмма вызвана тем, что Моод, не сговорившись с Чертковым, собирался печатать сказки в редакции, полученной от Рабиновича, в то время как окончательная редакция находилась у Черткова, которому Толстой посылал некоторые позднейшие прибавления и указания»[159]. В другом примечании, как уже упоминалось, утверждается, что следовало воспрепятствовать Мооду завладеть авторскими правами на английский перевод[160]. В любом случае в обоих примечаниях Моод был дискредитирован: потому, что версия, которую он собирался публиковать, якобы не соответствовала «окончательной» авторской, а также потому, что он пытался, прибегая к уловкам, заполучить права на первое английское издание. На сегодняшний день трудно определить, какое из этих примечаний было составлено изначально Чертковым. Тома Полного собрания сочинений, пусть даже большая часть и была подготовлена им, публиковались спустя годы после его смерти и под именами новых редакторов.

Однако сохранились черновики примечаний к переписке Толстого и Черткова, которые Анна Константиновна, жена Черткова, намеревалась опубликовать отдельным изданием с комментариями[161]. Речь идет о так и не законченной подготовительной работе: в некоторых тетрадях большого формата, с добавленны-

---

[159] Примечание к телеграмме Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 204. Том 74 появился в 1954 году под редакцией В. А. Жданова, но очень вероятно, что комментарий подготовил сам Чертков, который к 1 ноября 1934 года сдал в издательство 32 тома художественных произведений, 9 — дневников и 24 тома писем (см.: *Карлова Т. С.* Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого // Лев Толстой в движении истории. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. С. 153).

[160] В этом примечании (сделанном наверняка Чертковым) к телеграмме Толстого к Черткову от 10 октября 1903 года читаем: «Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на письмо Черткова от 14 октября н. с., в котором он делится с Толстым опасениями, как бы Моод не закрепил за собой право литературной собственности на свой перевод трех сказок Толстого. Чертков считает это недопустимым принципиально» (ПСС. Т. 88. С. 310).

[161] Анна Константиновна начала готовить издание их переписки в 10-х годах XX века; о ее работе над этим изданием см.: *Гуревич Л. Я.* Предисловие к восемьдесят пятому тому // ПСС. Т. 85. С. IX.

ми листами и листиками, с правкой на полях, в которой мы без труда узнаем почерк в том числе Черткова, содержатся примечания к переписке между двумя друзьями, относящейся к периоду в несколько лет[162]. В примечаниях за 1903 год среди прочего имеются комментарии к проблеме трех сказок, и в этой реконструкции решение помешать Мооду переводить три текста представляется инициативой самого Толстого:

> Телеграмма эта была, по-видимому, в ответ на письмо Ч[ертко]ва по поводу издания трех сказок в пользу еврейского сборника (см. об этом выше). Дело заключалось в том, что Моод, игнорируя распоряжение Т[олсто]го, передавшего все дело заграничного печатания своих произведений в ведение В. Г. Ч[ертко]ва, вошел, помимо самого автора и представителя его, в соглашение с издателем сборника раввином Рабиновичем, обещая ему прибыль со своего издания в пользу пострадавших от погрома еврейских семейств и предлагал ему агентуру в сношении с другими заграничными издателями, в то время как Ч[ертко]в, со своей стороны, не только предпринял свое английское издание, но вошел в соглашение с другими иностранными переводчиками и издателями для доставления возможно большей прибыли от заграничных изданий в пользу пострадавших еврейских семейств. Между тем как вмешательство Моода нарушало эту комбинацию и давало бы повод заграничным издателям порвать контракт с Ч[ертко]вым и притом еще потребовать неустойку за нарушение условия, заключавшегося в том, что их издания появятся первыми за границей! Но вместе с тем Ч[ертко]в вовсе не просил Л. Н[иколаеви]ча останавливать печатание перевода самого Моода, и это распоряжение Т[олсто]го исходило лично от него самого, вероятно, от того соображения, чтобы параллельное издание не повредило авторизованному изданию в смысле уменьшения прибыли[163].

---

162 Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым [б. д.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 1–4.

163 Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 249–250; в этом же документе Анна Константиновна по ошибке называет Шолом-Алейхема раввином (см., например: Там же. Л. 238).

На самом деле Толстой не имел ничего против того, чтобы доверить Мооду английское издание сказок, и только под давлением Черткова разрешил дело резко и окончательно, в очередной раз уступив желанию друга. Убедительное объяснение этой его «слабости» еще не найдено, и нам не кажется обоснованной версия Моода, который видел в том смешанное чувство вины и благодарности другу[164]. Возможно, Толстой уступил из-за усталости («Я устал. Он [Чертков] тверд»)[165], или же ему было дорого то, что они с другом полностью разделяют определенные идеи и чувства («Есть целая область мыслей, чувств, к[отор]ыми я ни с кем не могу так естественно [делиться] — зная, что я вполне понят, — как с вами», — писал Толстой за несколько дней до смерти)[166].

Получив телеграмму, Моод сразу же написал Толстому, чтобы объяснить свое поведение и спросить, доверят ли ему хотя бы американское издание:

> 22 X 03 [н. с.] [167]
> Мой дорогой друг,
> <...> Ваша телеграмма: «Пожалуйста, не переводите и не публикуйте сказки» только что дошла до меня. Они уже переведены (и я осмеливаюсь сказать, что они переведены хорошо), но я, конечно, не буду их публиковать, поскольку вы этого не желаете.
> Несколько месяцев тому назад до нас дошли новости, что вы дадите некоторые сказки, чтобы помочь евреям, и я надеялся, что это будет исключением из вашего правила, касающегося изданий на английском языке, и что, предоставив сказки евреям, они смогут сами договариваться с переводчиками. В любом случае, я думал, что не будет никакого вреда в моей просьбе Рабиновичу, сможет ли он позволить получить их мне для перевода: я подумал, что, если они были бы обещаны вашему представителю в Англии, я бы

---

164 *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 1930]. P. 785.

165 Толстой Л. Н. Дневник и дневниковые записи. [19 апреля / 1 мая 1884 года] // ПСС. Т. 49. С. 84.

166 Письмо Толстого к Черткову от 26 октября 1910 года // ПСС. Т. 89. С. 230.

167 Точная дата — 23 октября.

услышал об этом от Р[абиновича]; если бы Р[абинович] мог свободно ими распоряжаться, я бы с большим удовольствием сотрудничал <...>. Даже когда Арнольд сказал мне, что вы отправили заранее копию В[ладимиру] Ч[ерткову], я все же надеялся, что, может быть, вы послали ее для прочтения, но не обязательно для публикации. В любом случае, я готов подчиниться вашим пожеланиям.

После того как Рабинович прислал мне рассказы, он опять написал мне с просьбой договориться с В[ладимиром] Ч[ертковым], но, как вы знаете, это именно то, что я не в состоянии сделать: мне не разрешено говорить с ним или писать ему, и общение между нами заключается в том, что он время от времени диктует самые оскорбительные письма своему секретарю, который отправляет их его издателю, у которого есть инструкции переслать их мне с требованием немедленно отослать назад письма. Чтобы вести переговоры таким образом, нужна степень христианской добродетели большая, чем располагаю я. Судьба неблагосклонна к нам в том, что определенный вами представитель должен избирать такие автократические методы ведения бизнеса.

Могу ли я в будущем, после того как выйдут издания на русском, французском и немецком, опубликовать свой перевод этих 3 сказок? Или вы хотите, чтобы я навсегда был лишен права использовать их? <...>

С любовью

Эйльмер Моод

P. S. Не могли бы вы, возможно, разрешить мне опубликовать свой перевод трех сказок в Америке?[168]

Толстой не ответил, и теперь вся ситуация находилась в руках Черткова. Моод, по крайней мере формально, был готов отказаться от перевода. Он сообщил об этом Лорие, который, в свою очередь, в частном порядке известил Черткова:

27 октября 1903 г. [н. с.]

Дорогой Чертков,

Когда г-н Моод позвонил (24-го октября), он заверил меня, что больше не будет претендовать на «Сказки» после полу-

---

[168] Оригинал на англ. яз.: ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–3. Л. 1–1об.

> чения телеграммы Толстого. Мне совершенно ясно, что вам не нужно бояться каких-либо действий в этом деле, которые он предпринимает. Конечно, г-н Моод может чувствовать себя свободным делать что-либо в Штатах — о чем я ничего не знаю[169].

Переписка «Чертков — Лорие — Моод» тех недель не сохранилась целиком, и поэтому непросто выявить причины, по которым Чертков внезапно передумал и решил уступить Мооду первое издание сказок на английском языке как в Англии, так и в Америке. Сохранилось письмо Черткова Лорие от 28 октября н. с. следующего содержания:

> Уважаемый господин,
> Большое спасибо за ваше письмо от 27-го октября. Да, конечно, отправьте, пожалуйста, мое последнее письмо г-ну Мооду, и не могли бы вы подчеркнуть, что это касается как американской публикации, так и английской. На самом деле, я уже некоторое время веду переговоры относительно Америки. Но если бы г-н Моод захотел опубликовать там свой перевод, следуя условиям, которые я изложил в своем последнем письме, я бы охотно отдал ему право на первую публикацию как доказательство моей готовности идти ему навстречу, когда смогу. Но условие, которое я выдвинул здесь в качестве представителя литературной отвественности Толстого, является «непременным условием».
>
> В. Чертков[170]

Чертков выдвигал свои условия в предыдущих письмах, которые сейчас утеряны, и из ответа Моода, также датированного 28 октября н. с., со всей вероятностью можно предположить, что он просил прояснить позицию Толстого касательно авторских прав на произведения:

---

[169] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 4.

[170] Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 46. Л. 75–76 (по ошибке это письмо находится в папке с письмами от 1904 г.).

Уважаемый господин Лорие,
Я с благодарностью принимаю щедрое предложение г-на Черткова, который разрешил мне первую публикацию трех новых сказок здесь и в Америке; или, если он этого захочет, я буду в равной степени благодарен за право одновременной публикации. Но я должен попросить вас или его (как только вам будет известно) сообщить мне дату, когда сказки могут появиться, раз я уже написал Рабиновичу, что я не занимаюсь этим делом, я могу и не получить от него информацию о том, когда публикация должна состояться. Если я правильно понимаю, будет одновременный перевод на русском, немецком, английском и других языках.
Конечно, условие, касающееся вполне определенного заявления о том, что Толстой не оставляет за собой никаких прав на это произведение и что любые права, принадлежащие переводчикам, лежат на их ответственности и должны строго соблюдаться. Я буду очень осторожен, дабы выразить это таким образом, чтобы это полностью соответствовало желаниям Толстого и не вызывало в сознании читателей никакой двусмысленности или сомнений[171].

28 октября н. с. Моод отправил Лорие еще одно письмо, но только с тем, чтобы договориться о технических деталях: о формате книги и о цене[172]. На следующий день он уведомил Толстого о том, как именно продвигались дела, упомянув и о новых условиях, поставленных Чертковым:

Мой дорогой друг,
К моему великому удивлению, я получил вчера вечером от Лорие письма, адресованные ему Чертковым, которые он должен был переслать мне, в которых (впервые с начала 1899 года) Чертков выражает желание, чтобы хорошие или, по крайней мере, нормальные отношения могли установиться между ним и мной, и предлагает мне возможность опубликовать ваши 3 сказки как здесь, так и в Америке за

[171] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Т. Лорие от 28 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 18–18 об.

[172] См.: [письмо Моода к Т. Лорие от 28 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 7.

> день до того, как он опубликует другой перевод, который у него на руках.
> Конечно, я сразу ответил, добавляя, что мне очень приятно, что он уделяет мне столько внимания, и должен быть в равной степени благодарен ему за то, что он позволяет мне издать свой перевод одновременно с его. Я также охотно согласился с условием, которое он поставил, что мой перевод должен сопровождаться четким заявлением, объясняющим, что вы отказываетесь раз и навсегда от всех прав на свои произведения с момента их первой публикации и разрешаете всякому их переиздавать и переводить или переводить снова; и что вы предоставляете своим переводчикам самим договариваться и заниматься своими переводами так, по их усмотрению.
> Я уверен, что этот чрезвычайно неожиданный поворот в поведении Черткова по отношению ко мне является результатом того, что вы написали ему; и я благодарю вас за те хлопоты, которые вы предприняли.
> Серьезно, я был бы очень счастлив, если бы можно было избежать непрерывных фантасмагорических ситуаций и недоразумений последних четырех лет и если бы восстановились хорошие отношения между В. Г. Ч[ертковым] и мною[173].

На этот раз Толстой ему ответил: он был рад известию, в котором видел добрый знак сближения[174]. На самом же деле между двумя соперниками не произошло никакого примирения, и даже обсуждение способов и сроков публикации (с разницей в один день или одновременно) стало поводом для споров и недоразумений. Запутался даже Лорие, который 29 октября н. с. обратился к Черткову с просьбой о разъяснениях: «“Три сказки”. Я не понимаю из вашего письма Мооду — что вы дали ему разрешение на первую публикацию и здесь, и в Америке»[175].

---

[173] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Толстому от 29 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–5. Л. 1–1 об.

[174] См.: письмо Толстого к Мооду от 22 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 209.

[175] Оригинал на англ. яз.: [письмо Т. Лорие к Черткову от 29 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 6.

Затем произошел еще один неожиданный поворот: 31 октября н. с. Моод сообщил Лорие, что вынужден — исключительно из издательских соображений— отклонить лестное предложение Черткова опубликовать сказки на один день раньше:

> Дорогой Господин Лорие,
> Спасибо за то, что вы отправили г. Черткову мое письмо от 30-го. Его предложение о том, что сначала появится мой перевод в Америке и затем его в Англии, весьма справедливо; в самом деле, я и сам хотел это предложить, и если бы я еще не взял на себя обязательство по этому поводу, то я должен бы был принять его предложение сразу и с радостью.
> Но, к сожалению, эта новость пришла с опозданием. <...> Сразу после того, как я получил разрешение г-на Черткова, я отписал издателю, и теперь было бы невозможно для меня пойти вспять, не имея неприятностей с ним.
> Если бы я был единственным человеком, имеющим к этому отношение, то я бы сразу уступил, учитывая хорошее отношение господина Черткова ко мне в этом деле; но я уже с лихвой доставил издателю столько хлопот в связи с этими сказками, что я не могу снова нарушить его планы[176].

Но все же 3 ноября н. с. Чертков подтвердил свое решение:

> Дорогой господин Лорие,
> В ответ на ваш вопрос об Ассархадоне и т. п. В. Чертков считает, что единственное, что сейчас нужно сделать, — это продолжать действовать так, как планировалось ранее, и опубликовать на следующий день после появления перевода г-на Моода. Вы, конечно, уведомите продавца обычным способом.
> Раз прибыли от обоих выпусков — «F. A. P.» и «Грант Ричардс» — имеют одну и ту же цель, не должно быть никакого соперничества, а речь должна идти, скорее, о сотрудничестве.

---

[176] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 19.

> Пожалуйста, сообщите господину Мооду*, что В[ладимир] Ч[ертков] примет этот путь, т. е. опубликовать издание «F. A. P.» на следующий день после появления его издания.
> Искренне Ваш
> По поручению В. Черткова
> * Не отправьте г-н М[ооду] это письмо[177].

В то время как Чертков настаивал, чтобы перевод Моода вышел (в Англии и Америке) на один день раньше издания F. A. P., Моод не изменил своего намерения. Сохранилось его письмо с целым рядом вопросов, обращенных к Черткову: о сроках выхода (одновременно или с разницей в день), об американском рынке, о цене и о возможной публикации сказок в газетах[178]. Из ответов Лорие, записанных на полях того же письма, мы узнаем, что Чертков уступал Мооду и американский рынок, и право продавать переводы газетам: цена была назначена 6 пенсов за книгу, а что касается сроков, то подтверждалось первое предложение: «Мы опубликуем на один день позже вашего издания»[179].

10 ноября н. с. Чертков все же решил удовлетворить просьбу Моода:

> Я думаю, что мы можем принять предложение г-на Моода начать нашу публ[икацию] в тот же день, что и его, тем более что, в конце концов, я не считаю, что его изд[ание] в чем-то выиграет у нашего, если мы осуществим выпуск только на один день позже, так как в любом случае мы собираемся предварительно разослать циркуляры о нашем изд[ании][180].

---

[177] Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 110.

[178] См.: [письмо Моода к Т. Лорие от 7 ноября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 22–23.

[179] Ответы Т. Лорие Мооду, записанные рядом с вопросами, из того же письма Моода к нему от 7 ноября 1903 года н. с. (РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 22–23).

[180] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 10 ноября 1903 года н. с.] // LRA. MS 553/43. F. 1. 12 ноября Моод, получив согласие от Черткова, сразу же написал Т. Лорие письмо: «...что перевод г-на Черткова и мой по-

И действительно, с 9 по 28 ноября н. с. Чертков опубликовал в ведущих английских газетах, числом более тридцати, новость о предстоящем выходе в F. A. P. трех новых рассказов Толстого[181]. В зависимости от длины статьи обычно давалась такая информация: на титульном листе книги будет напечатан портрет Толстого тех лет верхом на лошади; всю выручку пожертвуют семьям евреев, пострадавшим от недавних погромов в России; сказки перевел мистер В. Чертков — «издатель "The Free Age Press", близкий друг Толстого и его единственный литературный представитель в этой стране» («Editor of "The Free Age Press", Tolstoy's personal friend, and his sole literary representative in this country»). Указывалась и фиксированная цена — 6 пенсов.

13 ноября н. с. Чертков поспешил в общих чертах ввести в курс дела Толстого:

> ...не знаю, как и благодарить вас, дорогой друг, за вашу телеграмму к Мооду. Это сразу поправило все дело. До того он был страшно нахален и груб в связи с этими рассказами; но после вашей телеграммы он моментально совершенно изменил тон. Тогда возможно стало с ним сговориться; и я, заручившись тем, что он непременно говорит, что эти ваши сказки (в русском оригинале) не copyright, счел наилучшим предоставить ему первое издание его перевода в Англии и Америке с тем, чтобы и наши издания (в 6 пенс и в 1 пенни) появились в Англии одновременно. Переписка шла через моего издателя, и Моод заявил, что он считает, что в этом деле я поступил с ним очень предупредительно. Разумеется, уладила все дело одна только ваша категорическая телеграмма. Но вам будет приятно узнать, что я сделал Мооду все возможные уступки и что он остался доволен.

явятся в один и тот же день и в этой стране, и в Америке»; оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Т. Лорие от 12 ноября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 21.

181 Газетные вырезки, собранные Чертковым и хранящиеся в Библиотеке ГМТ в Москве, относятся к периоду с 9 ноября н. с. 1903 года по март 1904 года; их больше сорока.

> Так как чистая прибыль и с его, и с моих изданий предназначена в общий фонд, то от конкуренции между этими изданиями никто не пострадает[182].

Писатель не ответил ни на это, ни на отправленные ему в последующие недели письма, в которых Чертков не осмелился вернуться к истории с тремя сказками[183]. К тому же молчание Толстого вызвало у него опасения, что «бестактные люди» вроде Моода или толстовца Ивана Трегубова (1858–1931) сообщили писателю что-то неприятное на его счет. Он разволновался до такой степени, что решил спросить об этом напрямую:

> 5.12.03 н. с.
> Что это, дорогой Л. Н., от вас так долго нет никаких ис вестий? Доходят ли до вас мои письма и ваши до меня? <...> Также очень боюсь, как бы такие бестактные люди, как Моод и Трегубов, обращаясь к вам, чтобы рассудить между ими и мною в наших разногласиях, — не ставили бы вас в такое положение, что вам трудно писать кому-либо из нас и что из-за этого вы все откладываете. Также боюсь, что, когда я узнаю, что они писали вам обо мне, и нахожусь поэтому вынужденным дать вам свое объяснение, то делаю это так многословно и в таком неприятном для вас духе, что это охлаживает ваше желание писать мне и производит впечатление, что я, главным образом, занят пререканиями[184].

Толстой возобновил привычную переписку с Чертковым 17 ноября, но писал на другие темы и заключал письмо фразой, не допускающей возражений: «Перевод Бинштока “В[ойны] и М[ира] ужасен”. Прощайте пока»[185].

---

182 Письмо Черткова к Толстому, 13.XI.1903 // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 360. Л. 4.

183 В письме от 24 ноября 1903 года н. с. Чертков спрашивает у Толстого: «Дорогой Л. Н., что это от вас так долго нет писем?» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 361. Л. 1).

184 [Копировальный дубликат автографа письма Черткова] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 75–77.

185 Письмо Толстого к Черткову от 17 ноября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 311.

Писатель случайно назвал имя того переводчика, которого Чертков только что нанял для перевода сказок на французский и который стал причиной последующих неприятностей и опасений Шолом-Алейхема.

V

Тем временем новость о телеграмме Толстого Мооду долетела до Киева. Взвесив сложившуюся ситуацию, Шолом-Алейхем попытался обсудить ее в деталях с Чертковым:

> 13/14 26/27. X. 1903
> Kiew
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Наконец — я получил известие, что из Ясной Поляны просили г. Моода «Сказок» не переводить и не издавать. Значит, издание остается за Вами. Слава Богу. Все хорошо, что хорошо кончается. Сам г. Моод уведомил меня об этом. Мы с ним расквитовались. Теперь прошу принять к сведению следующие пункты:
> 1) Если у Вас нет точной исправленной копии с рукописи Л[ьва] Н[иколаевича], то я могу таковую Вам доставить.
> 2) Хотите ли Вы при «Сказках» поместить также и 3–4 письма Л. Н., имеющие интерес, как выражающие его отношения к евреям?
> 3) Срок, как я Вам уже писал, не раньше 1/13 декабря.
> 4) Т[ак] к[ак] Вам не нужно уже уплатить те 100 руб. Мооду, то не сумеет ли Ваше издательство прислать мне авансом рублей 300/400 в счет будущих благ. Деньги необходимы для Гомельчан, для которых несколько сотен оказываются каплей в море. Лучше всего переводить через «Русский для Внешней Торговли Банк» в Лондоне, киевское отделение, мое имя.
> 5) Хотите ли получить рукопись и копии писем через Моода или непосредственно от меня.
> 6) Г-ну Левенфельду в Берлине я писал. Благодарю. Сойдитесь также с Америкой.

7) С парижским издателем кончайте сами, и прошу Вас ответственность взять на себя (особенно насчет срока).
В[есь] В[аш] С. Рабинович

Из г. Варшавы мне пишут, что следует обратить внимание на английское издание, которое, если появится в В[ашем] журнале, может нам сильно повредить. Если после, то, конечно, не беда...[186]

Вопрос казался решенным, и все же Шолом-Алейхем на следующий день отправляет Черткову еще одно письмо — для собственного спокойствия, чтобы убедиться, что между ними опять не возникнет недопонимание: он описывает ситуацию и снова спрашивает, хочет ли тот получить копии рукописей сказок и писем Толстого. Шолом-Алейхем подчеркивает ответственность Черткова как «единственного» представителя Толстого за границей и в конце напоминает ему о просьбе выслать аванс.

14/27. X. 1903
Многоуважаемый
В. Чертков!
Вчера я Вам писал из предместия Киева и теперь повторяю, что я несказанно рад, что инцидент окончен благополучно и что английское и американское издание находятся в Ваших, как я понимаю, надежных руках.
Жду теперь Вашего письма, подтверждающего дело, а также известия из Ясной Поляны.
Жду также Вашего письма насчет рукописи. Нужна ли Вам русская рукопись Л[ьва] Н[иколаевича] или у Вас есть? И имеют ли для Вас какой-то интерес письма Л. Н., относящиеся к этому изданию?
Я просил Вас также об авансе. Сумма 100 р. от Моода уже погашена, и В[ашему] издательству нет надобности с ним считаться. Надеюсь, что просьба эта, ввиду необходимости в скорой помощи, будет удовлетворена Вами в наивозможно более широком размере.

---

[186] РГАЛИ. Ф. 552. Оп 1. Д. 2362. Л. 6–6 об.

Что до немецкого издания, то по получении В[ашего] последнего письма (большого) я переговоры с прежней фирмой прекратил, ибо они находились еще в той стадии, что можно было их во всякое время прервать, и я по В[ашему] указанию обратился к Левенфельду[187]. Теперь все 4 издания (еврейское мое, русское Буланже, Английское Ваше и немецкое Левенфельда) находятся в вполне, кажется, надежных руках и можно надеяться на скромность, аккуратность и полную гармонию. К 1-ому (13) Декабря, я думаю, «Сказки» увидят свет на всех языках. Французское изд[ание] я бы Вас тоже просил взять в свои руки и сделать все возможное, чтобы увеличить доходность вещи, написанной Л. Н. по моей инициативе и исключительно в пользу намеченной нами цели — оказания помощи пострадавшим, поставленным вне закона. Вопиет нужда, но беззащитность и произвол куда сильнее и куда более.

В[есь] В[аш] С. Рабинович

P. S. Из посылаемой газеты Вы познакомитесь с возмутительным отчетом кассации по возмутительному делу. Если будете публиковать, то, пожалуйста, не упоминая имени приславшего. Вообще я бы не хотел связывать наше благотворительное дело с политикой. Одно появление «Сказок», напр., в нелегальном загр[аничном] изд[ании] может погубить наше издание после огромных затрат денежных и духовных сил. Редакция умоляет меня быть осторожным особенно с английскими издателями. Но я знаю Вас как личного друга Л. Н., и потому я, выражаясь на моем еврейском жаргоне, «сплю с Вами спокойно». Сообщите Ваш телеграфный адрес. Для пересылки денег я рекомендую Вам Лондонское отделение Русского для Внешней Торговли Банка, на киевское отделение на имя мое. Хорошо было бы рублей 500.

Solem[188]

Издание сказок Толстого подходило к заключительному этапу: предстояла одновременная публикация их на английском (в Лондоне и Америке), французском, русском, немецком и, естествен-

[187] Löwenfeld, Raphael. О нем см. ниже сноску 189.

[188] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 7–7 об.

но, на идише (в Варшаве). Прежде чем отдать прочие переводы в печать, было крайне важно знать точную дату выхода сборника на идише, и на Черткова, конечно же, возлагалась обязанность координировать публикацию всех этих переводов.

Кроме того, Чертков потребовал, чтобы Шолом-Алейхем прервал переговоры «со своим немецким издателем» и чтобы перевод на немецкий был доверен слависту Рафаэлю Лёвенфельду (Raphael Löwenfeld, 1854–1910), биографу и переводчику Толстого[189]. Из письма Шолом-Алейхема к Черткову вытекает, что, с одной стороны, писатель так и поступил, хотя, с другой стороны, есть основания думать, что он не порвал со «своим прежним переводчиком», то есть с Августом Шольцем[190].

Французское же издание сам Чертков поручил верному и исполнительному В. Л. Бинштоку:

> 5.11.03 [н. с.]
> Многоуважаемый Владимир Львович,
> <...> Теперь вот о каком деле.
> Л. Н. Толстой, как вы, вероятно, слыхали, написал несколько сказок, или легенд, в пользу семей пострадавших от погромов евреев. Сказки эти печатаются в России, Англии, Америке и Германии в пользу того дела. Меня просили постараться поручить их издание по-французски какому-нибудь лицу, которое также пожертвовало бы прибыль на этот же предмет. Разумеется, я больше ни к кому не могу обращаться, как только к Вам. На случай, если вы согласитесь таким образом принять участие в общем деле, посылаю Вам с этой же почтою заказной бандеролью рукопись по-русски. Появиться сказки должны одновременно во всех странах не раньше 1/13 Декабря. К этому времени издания должны быть готовы. Но об окончательном сроке выхода их будет в свое время сообщено. Разумеется, надо быть

---

189 О нем см.: *Crane P. G.* Raphael Löwenfeld: Leo Tolstoy's First Biographer. Remarks Presented at Iasnaia Poliana, September 30, 1998 // Tolstoy Studies Journal. 1998. № 10. P. 1–19.

190 См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 15 апреля 1904 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 138.

> очень осторожным, чтобы сказки эти никому постороннему не попали в руки. А то все дело может пропасть. Вот пока все! Искренно преданный Вам
>
> В. Чертков[191]

Бинншток ответил ему 9 ноября 1903 года н. с.: «Легенды Льва Николаевича я получил и, конечно, займусь этим очень энергично; времени у нас очень много...»[192] Кроме того, он пообещал сделать все возможное, чтобы извлечь из публикации максимум выгоды: «Я думал лучше издать в одно[м] из *revue*; тогда я попрошу франков 300 гонорара и приложу мой гонорар переводчика фр. 100; т[ак] что этим путем можно ведь получить фр. 400, а может быть, и больше, т. к. я сдам туда, где дадут больше»[193]. Бинншток также предлагал себя в качестве посредника в переговорах с немецкими, голландскими и итальянскими издателями: «Разрешите ли Вы мне поместить эти легенды в одном итальянском журнале (“Nuova Antologia” “Rivista Moderna”)...»[194]

Русский по происхождению и натурализованный француз, Владимир Львович Бинншток (Bienstock, 1868–1933) был одним из переводчиков Толстого[195]. Писатель много раз неодобрительно высказывался о трудах Биннштока, но все же Чертков без колебаний вовлек его в новое предприятие. Его выбор, как он объяснял Толстому за пару месяцев до того, был сделан из соображений практического толка:

> То, что переводчики, как, напр., Bienstock, не так хорошо переводят, как первоклассные переводчики, с этим я первый согласен. Но иметь постоянно в своем распоряжении

---

191 НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 115. Ед. хр. 58. Л. 4.

192 ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 14. Л. 1.

193 Там же. Л. 2.

194 Там же. Л. 2 об.

195 О В. Л. Биннштоке см.: *Полосина А. Н.* Первые переводы на французский язык романа Л. Н. Толстого «Воскресение» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 2 (6). С. 79–82; *Полосина А. Н.* Бинншток // Лев Толстой и его современники / под ред. Н. И. Бурнашевой. Вып. 3. Тула, 2016. С. 66–68.

> таких первоклассных переводчиков, которые по заказу в несколько дней переводили все, что вы пишете, — совершенно невозможно. Для этой цели необходимы такие, как Bienstock, который, по крайней мере, всегда в нашем распоряжении, ничего не искажает и больше и больше старается[196].

Краткая биография Бинштока сохранилась среди рукописей Черткова и должна была быть включена в комментарии к критическому изданию переписки Толстого и Черткова под редакцией Анны Константиновны — в качестве сноски к письму Толстого к Черткову от 17 ноября 1903 года. В этом примечании, почти наверняка составленном Чертковым, читаем:

> Бинышток Владимир Львович (J. W. Bienstock), переводчик на французский яз[ык], живший в Париже, женат на француженке (окончившей парижский университет в Сорбонне), которая и помогала ему в литературной обработке его переводов. П. И. Бирюков вошел в соглашение с Бинштоком об издании полного собрания сочинений Т[олсто]го на французском языке в популярном издательстве «P. V. Stock». Не обладая литературным талантом, Бинншток, однако, был достоверным переводчиком, точно придерживаясь авторского текста, не позволяя себе никаких отступлений, прибавлений или пропусков, как делали некоторые другие французские переводчики. Особенно неудачны были его переводы таких художественных произведений, как «Война и мир» и «Анна Каренина»...[197]

---

[196] [Письмо [копировальная копия автографа] Черткова к Толстому от 4 сентября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 19. Еще 13 ноября 1903 года н. с. (письмо № 108) Чертков писал к Толстому: «...я вовсе не считаю [Бинштока] лучшим, но который до сих пор единственный, соглашающийся не медля переводить все, что вы пишете, и перед которым я в некоторых отношениях обязан за его помощь нашему издательству...» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 360. Л. 8).

[197] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым, 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 251.

Тем временем Чертков игнорировал письма Шолом-Алейхема и не выказывал интереса к копиям толстовских рукописей, которыми тот хотел с ним поделиться: у него ведь уже были и эти рукописи (еще и в нескольких вариантах), и письма. Он даже не позаботился о том, чтобы предупредить Шолом-Алейхема о новых соглашениях с Моодом, так что Шолом-Алейхем, совершенно обескураженный этой новостью, полученной от Моода, попросил у Черткова объяснений:

> 21/3. X/XI. 1903
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> От 14/27. X, после того как я Вам писал, я еще от Вас ответа не имею. Взамен того я сегодня вдруг получаю письмо от г. Моода, что Вы уже ему предоставили издание «Сказок» первым. Что сей сон означает и кто является истинным издателем? Быть может, Ваше письмо, находящееся в пути, все разъяснит. Но не могу не поделиться с Вами.
> Жду ответа на все письма.
> Преданный Вам С. Рабинович
>
> От Левенфельда (Берлин) никакого ответа[198].

Чертков наверняка отправил ему в ответ телеграмму, потому что Шолом-Алейхем больше не возвращался к этой теме. Его переписка с Чертковым ограничивалась теперь техническими деталями, связанными с датой публикации сборника (неизвестной по причине задержек, вызванных цензурой), обсуждением способа отправки денег и координацией всех переводов.

> 15/28. XI. 03
> Многоуважаемый г. Чертков!
> Приближается срок издания «3-х Сказок». Предупреждаю Вас об этом. Я полагаю, что в первых числах декабря (ст. ст.). Однако по нашим цензурным условиям может затянуться до 15/28 декабря и позже. Я говорю о евр[ейском] издании.

---

198 РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 8.

> Что же до Русского издания (в Москве), то цензор Московский не пропустил. Поехали в Петербург хлопотать. Прошу все это иметь в виду и ответить мне на это письмо.
>
> С. Рабинович
>
> Призыв о пожертвованиях в самой книжке считаю не совсем приличным. Другое дело о рекламировании брошюры в газетах. А что с французским изданием?[199]

И несколькими днями позже:

> 22/5 XI/XII 1903
> Многоуважаемый В. Чертков!
> Имею возможность уведомить Вас об окончательном сроке выхода в свет «Сказок Л. Н. Толстого»: 28 Декабря, понедельник (т. е. нашего 15-ого).
> Доводя об этом до сведения Вашего, прошу иметь это в виду при выпуске Ваших изданий, каковые должны быть обнародованы не раньше 28 декабря.
> Присовокупляю, что наша цензура совсем запретила одну из трех Сказок, так что остались только две сказки. Если бы какое-либо заграничное издание появилось в России раньше срока, то это могло бы повлечь за собою окончательное запрещение тиража брошюры Толстого, и Вы понимаете, что могло бы из этого выйти. Прошу ответа.
>
> С почтением С. Рабинович, Schalem Aleichem
>
> Писали ли в Париж?
> P. S. Не будете ли столь любезны довести до сведения г. Мода. Хотя я пишу и ему непосредственно[200].

Из-за проблем с цензурой все еще не была определена окончательная дата публикации на идише. Шолом-Алейхем просил Черткова проследить за иностранными изданиями, чтобы те не вышли раньше срока, и извещал его о том, что цензура запретила в России одну из трех сказок — «Труд, смерть и болезнь».

---

[199] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 9.

[200] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 10.

VI

«Сплю с Вами спокойно», — доверчиво писал Шолом-Алейхем Черткову. Все издания, казалось, находились в надежных руках, но все же мысль о том, что в каком-то уголке мира сказки могут быть опубликованы раньше, чем выйдет сборник на идише, чрезвычайно тревожила Шолом-Алейхема, хоть он и беспрестанно повторял себе и другим, что доверяет Черткову, который между тем продолжал игнорировать его письма, не сообщал новостей о переводчиках и не гарантировал ему, что постоянно держит парижского переводчика в курсе изменяющейся даты публикации.

Опасения Шолом-Алейхема оправдались: действительно, пока российская цензура задерживала выход сборника на идише (и на русском в Москве), в Париже появился перевод сказки об Асархадоне. Кто-то известил об этом Шолом-Алейхема, и тот немедленно отправил депешу Черткову: «Sarkesali na franzuskawo wipuskajte \ oschibka sloupotreblenie perewodtschika telegrafirujte»[201]. И сразу же, почерком торопливым и неровным, совершенно не похожим на аккуратное начертание букв в первых письмах, направил ему срочную просьбу о разъяснениях:

> 27/10. XI/XII.1903
> Многоуважаемый В. Чертков!
> Я Вам сегодня телеграфировал поторопиться [с] изданием к 1/14 декабря, потому что Ваш французский переводчик или издатель, увы! злоупотребил Вашим доверием и позволил себе в парижской газете «Temp»[202] напечатать 1ю сказку Толстого (по крайней мере, я знаю об этой одной «Ассархадон»). Когда об этом узнал, то со мной чуть удар не случился. Первое, что я сделал, — это телеграфировал во все места: в Москву, Варшаву (еврейск[ое]), Берлин и Англию, чтобы поторопиться к 1/14. Беда еще та, что русский оригинал задержал цензор, еврейский тоже. И вдруг появится в России раньше чужой перевод, чем наш оригинал. Одним

[201] [Телеграмма Шолом-Алейхема к Черткову, полученная 6 декабря 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 13.

[202] Правильно Le Temps.

> словом, я убитый, уничтожен! Пишите, ради Бога, кто Ваш переводчик в Париже и издатель? И что у Вас? Жду.
>
> Ваш С. Рабинович
>
> Благоволите в запеч[атанных] конвертах заказным прислать мне 1 экз[емпляр] Вашего перевода[203].

Чертков ответил телеграммой, сведя эпизод к банальному недоразумению[204]. Шолом-Алейхем, который еще не знал имени переводчика, не поверил в то, что речь шла просто о накладке — он не сомневался в бесчестности переводчика и удивлялся тому, что Чертков, не доверявший первому немецкому издателю, не был столь же предусмотрителен в отношении французского. Шолом-Алейхема снова охватили те же опасения, какие он испытывал в начале предприятия: он боялся, что три сказки Толстого выйдут в свет раньше еврейского сборника, что очень сильно повредит его продажам.

11 декабря 1903 года н. с. Чертков уведомляет Бинштока:

> Прилагаемое письмо от г. Рабиновича, которому было предоставлено издание «Трех сказок» — в пользу пострадавших от еврейских погромов, — объяснит Вам, в чем дело. Я ему ответил, что сказка «Асахардон» никак не могла попасть в этот журнал через Вас, что Вы не выпускали Вашего списка из рук и что сами были очень опечалены этим преждевременным явлением сказки. К счастию у нас совершенно случайно имеется подтверждение того, что не по нашему списку напечатана эта сказка в журнале. В связи с моей версией я был в непосредственных сношениях с Л. Н. Толстым, который позволил мне воспользоваться другим вариантом этой сказки, в которой были места (как, напр., эпизод с ослицей), выпущенные в том варианте, доставленном им всем другим издателям и переводчикам. Так что совершенно случайно мы имеем неопровержимое доказательство нашей непричастности, т. к. появившаяся версия,

---

[203] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 11.

[204] О содержании этой телеграммы см.: письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 29 ноября / 12 декабря 1903 года // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 12–12 об.

> наверное, соответствует этому варианту, который был доставлен Л[ьвом] Н[иколаевиче]м непосредственно г. Рабиновичу и которым уже сам г. Рабинович распоряжался.
> Теперь у меня к Вам вот какие просьбы: пожалуйста
> 1) Вышлите мне экземпляр журнала с «контрабандной сказкой».
> 2) Постарайтесь, как только возможно, узнать от кого эта редакция получила ее?
> 3) Сообщите мне обстоятельно, где и как вы поместили и намерены издать отдельно ваш перевод. Это ваше сообщение я послал бы г. Рабиновичу. Только при этом не упоминайте о том, что вы считали уже давно 15 Дек. назначенным для выхода сказок сроком. Здесь произошло между вами и мною недоразумение, которое разродилось бы катастрофой, если бы эта другая чужая катастрофа не предупредила бы нашу. Так как от последствий нашей ошибки мы были, можно сказать, чудесным образом спасены появлением того преждевременного перевода, то не стоит мне теперь письменно объяснять Вам, в чем именно заключалась ошибка между нами. Я уже прошу вас не упоминать о предполагавшемся Вам сроке 15-ого Дек. в Вашем предоставленном письме ко мне, п. ч. это только осложнило бы дело.
> 4) Верните мне прилагаемое письмо г. Рабиновича.
> 5) Не списывайтесь с г. Рабиновичем помимо меня.
> Очень спешу, поэтому простите обрывчатость этого письма[205].

Из этого письма ясно, что Чертков даже не рассматривал вероятность того, что перевод в газете «Le Temps» на самом деле мог принадлежать Бинштоку. Более того, он считал само собой разумеющимся, что речь идет о версии, имевшейся в распоряжении Шолом-Алейхема, распространенной им же и явно отличавшейся от варианта, которым обладал он сам.

Еще до получения текста на французском Чертков и в самом деле рассчитывал доказать свою «невиновность», сославшись на «другую версию», о которой пока говорил весьма туманно. Однако, отдавая себе отчет в том, что до сих пор он вовремя не со-

[205] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 115. Ед. хр. 58. Л. 5–7.

общал Бинштоку об отсрочках выхода еврейского сборника, Чертков в приказном порядке просил переводчика не раскрывать никому крайнего срока публикации (15 декабря) и ни в коем случае не вступать в контакт с «Рабиновичем». Вероятно, одновременно с письмом Чертков отправил Бинштоку и телеграмму, на которую тот ответил (тоже телеграммой) 12 декабря н. с.: «...Assaroi retenir...», то есть «остановили Аса[рхадона] царя»[206].

29 ноября Шолом-Алейхем был уже в курсе всех деталей и знал также имя переводчика:

> 29 ноября 1903 12 декабря 1903
>
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Только что получил Вашу вторую телеграмму, в которой Вы сообщаете мне, что, вероятно, вышло недоразумение и что «Вы телеграфировали в Париж задержать выпуск». Увы! Кажется, что не недоразумение здесь, а просто злоупотребление со стороны Вашего французского переводчика, имя которого Вы забыли! мне сообщить. Кое от кого я успел узнать, что из газеты «Temps» перевел одну (1ю) сказку по-русски для русской газеты В. Бинншток (от 5-ого нов[ого] стиля). Боюсь, что в «Temps» или в других журналах уже напечатают и остальные две, которые будут безобразно переведены по-русски, между тем как русский оригинал у Буланже может выйти лишь 15/28 Дек., и теперь после моих срочных телеграмм едва ли поспеют к первым числам Декабря, п[отому] ч[то] цензура задержала эти «Сказки» и разрешила лишь на днях, и то лишь две, третью запретив. Боже! Какое огорчение будет Льву Николаевичу, если он узнает, что его произведение переведено по-русски с французского раньше, чем оригинал! А убытков сколько мы понесем из-за мошенника француза! Еврейский Сборник наш, опять из-за цензора, лишь выйдет к Новому Году (ст[арого] стиля).

---

[206] См.: [Бынншток В. Л. Телеграмма к Черткову от 12 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 15. Л. 1; в этой телеграмме Бинншток, еще не зная, что перевод его уже вышел в «Le Temps», успокоил Черткова.

> Я вынужден был уже растелеграфировать повсюду, чтобы выпустить издание к 1/14 дек. Но что прошу, когда русские писаки уже переводят из французского и ради своих грошей портят нам сотни, а мне кровь и жизнь. Ради Бога, кто это[т] Ваш французский переводчик или издатель? Неужели ему это пройдет дороже? А вы меня обнадежили насчет Ваших издателей, предупредив меня касательно моих немецких издателей, которые оказались куда честнее Ваших французов, черт бы их побрал!
>
> Ваш С. Рабинович[207].

«Le roi d'Assyrie Assarkadon», первая из трех сказок-легенд Толстого, действительно вышла 5 декабря н. с. в разделе «Le feuilleton du Temps» за подписью «Wladimir Bienstock»[208]. Боясь, что «недоразумение» возникло из-за его небрежности в передаче информации, Чертков велел Бинштоку держать в абсолютной тайне все, что касается этой истории. 17 декабря н. с., получив письмо от Шолом-Алейхема, Чертков снова обращается к Бинштоку, но, к сожалению, из этого послания сохранился только короткий отрывок:

> Многоуважаемый
> Владимир Львович,
> К дополнению к моему сегодняшнему письму к Вам посылаю Вам только что полученное мною от г. Рабиновича последующее письмо. Высылаю его Вам для того, чтобы Вы ясно могли знать, какую именно путаницу нам следует распутать! Только показываю я Вам это письмо под одним непременным условием: чтобы вы отнюдь не вступали в объяснения с г. Рабиновичем помимо меня. Пишите непосредственно мне, а я буду или пересылать ему Ваши письма ко мне, или сообщать ему их содержание моими словами — как окажется тактичнее в каждом случае. Только потому, что я доверяю Вам в том, что Вы не отступите от этого моего условия, — решаюсь я же сообщать Вам письма Рабиновича ко мне.

---

[207] Письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 29 ноября / 12 декабря 1903 года // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 12–12 об.

[208] L. Tolstoï. Le roi d'Assyrie Assarkadon. Traduit par W. Bienstock // Le Temps. 5 Décembre 1903. P. 3.

> Переписку с ним по этому делу необходимо вести мне лично, т[ак] к[ак] я перед ним отвечаю.
> Из прилагаемого письма его вы увидите, что он уже знает о том, что Ваш перевод должен был появиться раньше окончательного назначенного им срока. Я ему объясню, как вышло это недоразумение, и объясню вам в следующем письме. Теперь спешу, п[отому] ч[то] почта отходит. Но я ему также сообщу, что, узнавши о произошедшем недоразумении, я принял меры, чтобы остановить преждевременное появление Вашего перевода. А потом я вам телеграфировал выпускать его, п[отому] ч[то] Рабинович телеграфировал мне так...[209]

На этом месте письмо обрывается. Речь и в самом деле шла о недоразумении, произошедшем из-за путаницы и из опасений, что будет опубликован другой перевод, принесенный неизвестно кем в редакцию «Le Temps». Бинешток в подробностях восстанавливает весь ход событий в своем письме Черткову от 18 декабря н. с.:

> Письма ваши — оба я получил вместе — очень меня огорчили, т[ак] к[ак], желая принести пользу, я, оказалось, сделал путаницу; но даю Вам слово, что я здесь ни духом, ни телом не виноват. <...>
> По моему огорчению, в «Temps» от 5-ого появилась 1-ая сказка. В редакции мне объяснили, что это вышло, т[ак] к[ак] они поняли срок 12-ого как предельный, но не ограничительный; да и, кроме того, они торопились, т[ак] к[ак] им приносили перевод 1-ой сказки. Я сам видел в русской школе рукопись сказки «Асархадон»; откуда попала эта рукопись, я не знаю. Но, во всяком случае, я взял с «Temps» слово, что остальные две сказки они не опубликуют раньше 12-ого; благодаря Вашей телеграмме мне удалось задержать до 14-ого; и то Вы видите из прилагаемых №№ «Temps», одна сказка напечатана 14-ого декабря, а другая только 17-ого декабря[210].

---

[209] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 115. Ед. хр. 58. Л. 8–9.

[210] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 16. Л. 1, 2 об–3.

Больше всего Бинштока беспокоило мнение Толстого, а что думал Шолом-Алейхем, его совершенно не волновало.

> Я не буду отвечать на гнусную клевету г-на Рабиновича, что будто бы я перевел по-русски сказку Л[ьва] Н[иколаеви]ча и где-то ее поместил, гоняясь за грошами. Г-ну Рабиновичу тем менее простительно так гнусно клеветать про человека ему совершенно незнакомого, что Шолем-Алейхем очень талантливый писатель и должен был бы более взвешивать свои слова. Объясните этому господину, что не только я не гоняюсь за грошами, но что все, что получил за эти сказки, отослал целиком Вам. Мнение г-на Рабиновича, впрочем, мне безразлично; но мне далеко не безразлично и слишком дорого мнение Льва Николаевича; и поэтому, умоляю Вас, глубокоуважаемый Владимир Григорьевич, насколько я здесь не виновен[211].

Чертков также дорожил исключительно отношениями с Толстым и, опасаясь, что это очередное недоразумение может расстроить писателя, 17 декабря н. с. отправил ему длинное послание, которое просил уничтожить сразу же по прочтении. Толстой не удовлетворил эту просьбу — скорее всего по небрежности, и письмо, неизданное, хранится сейчас в московском архиве писателя. Приведем здесь лишь фрагмент:

> 17. 12. 03. н. с. № 112
> Дорогой Л[ев] Н[иколаевич], опять предлительное молчание от вас, опять каждая почта, а она бывает три раза в день, приносит мне сначала радостное ожидание, а потом разочарование. <...>
> А сейчас потороплюсь с этой почтой списаться с вами о другом. Посылаю вам при сем мой англ[ийский] перевод «Асархадона». (Всю книжку вышлю в другой раз.) В моей версии неизбежно вышла некоторая разница против версий, издаваемых в России и переведенных другими переводчиками. Напоминаю вам, как это вышло: Вы мне прислали два варианта, предоставив воспользоваться, каким найду лучше. Я нашел последний вариант несомненно лучшим, но не-

[211] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 16. Л. 1–2.

сколько мест в первом варианте, выкинутых во втором, как, напр[имер], эпизод с ослицей, были так хороши и так жаль было выпускать их, что я решился восстановить их. При этом я послал вам этот мой вариант, прося вас, если вы его одобрите, не отвечать мне; а если не одобрите, то сообщить. Не получив от вас возражения, я принял это, по предложенному мною уговору, за знак согласия и счел включенные мною места и вообще весь этот ранний новый вариант за окончательный, одобренный вами. Напоминаю вам об этом только на случай, если кто-нибудь из других издателей или переводчиков стали бы справляться непосредственно у вас о том, какой вариант следует считать окончательным, вы бы вспомнили, каким образом образовался мой вариант и, одобривши его вашим молчанием, не отказались бы потом от него, позабывши о нашей переписке по этому поводу. Нечего говорить, что среди издателей и переводчиков есть люди, которые ввиду, как они считают, моей «манипуляции» ваших писаний, рады каждому случаю подставить мне ножку, и если бы вы на их справку ответили в таких выражениях, которые они могли бы использовать в том смысле, что я в этом случае поступил самовольно, без вашей достаточной санкции и что наш вариант следует поэтому считать не вашим, а составленным мною, — то они с величайшею радостью сообщили бы об этом печатно под предлогом объяснения разницы их варианта с нашим. А из этого возникли бы только недоумения и неприятности. Поэтому мне очень хотелось бы, чтобы вы написали бы мне, что одобряете мою версию как окончательную, санкционированную вами. А для того, чтобы вы могли бы поступить в этом случае с открытыми глазами, — и посылаю вам при сем наш вариант по-английски.

Пожалуйста, уничтожьте это письмо тотчас по прочтении. Вы, вероятно, слышали от Рабиновича, что в каком-то французском журнале проскочил преждевременно перевод этой сказки. Раб[инович] думает, что это впоследствие злоупотребления моим доверием со стороны нашего франц[узского] переводчика. Но это не так: наш фр. переводчик был в отчаянии. Он иначе распорядился своим переводом и прежде не выпускал рукописи. И писал нам, что в Париже уже до срока ходят по рукам несколько списков. К счастью, совершенно случайно нам возможно будет доказать, что вина не наша, т[ак] к[ак], если «контрабандно»

> напечатанный экземпляр соответствует не нашему, а тому варианту, который был у других издателей и переводчиков, то это будет приятным доказательством, что не по нашему списку напечатано. Впрочем, все это вас мало интересует[212].

Письмо окончательно раскрывает тайну «другой версии», на которую Чертков ссылался не единожды: речь шла о новом варианте сказки о царе Асархадоне, предложенном Чертковым, который на свой вкус объединил две разные редакции сказки, полученные от Толстого в конце августа того же года. Это вызывает недоумение: в их переписке ни разу не обсуждалась эта новая редакция сказки, и Толстой, насколько известно, не давал письменного согласия — а это был его единственный способ общения с Чертковым, жившим тогда в Лондоне, — на публикацию новой версии (на русском или на английском). На самом деле Чертков лишь один-единственный раз спрашивал у писателя, какую из двух редакций сказки об ассирийском царе ему издать, и получил в этом полную свободу[213]. Впоследствии они оба были настолько утомлены размолвками с Моодом и обсуждением первого издания на английском, что собственно проблемы текста, как представляется, отошли на второй план.

Трудно утверждать, была ли версия, скомпилированная Чертковым, знакома Толстому и получила ли его одобрение, тем более что в архиве писателя среди рукописей трех сказок этого текста не обнаружено[214].

Более вероятно, что, уповая на небрежность, с какой писатель относился к большинству своих второстепенных сочинений, а также произведений, написанных по чьей-то просьбе, Чертков хитрил[215]. Теперь же ему срочно понадобилось одобрение Тол-

---

[212] ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/1. Л. 1–4 об.

[213] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

[214] Рукописи трех сказок хранятся в ОР ГМТ: [Л. Н. Толстой. «Три сказки»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 1–38.

[215] См.: *De Giorgi R.* «Ma io La amo tanto che non posso non dirLe tutta la verità». L’epistolario Tolstoj–Čertkov (1883–1910) // Sincerità di Tolstoj. Saggi sull’opera e la fortuna a 100 anni dalla morte / a cura di D. Rebecchini e L. Rossi. Milano: Cisalpino Istituto editoriale universitario, 2012. P. 89–104.

стого, и в его просьбе уничтожить письмо, как и в решении не издавать в Лондоне текст по-русски, мы не можем не усмотреть некоторой двусмысленности.

В своем письме Толстому от 17 декабря н. с. Чертков, по сути, признавался в том, что создал новый текст: добавил ко второму варианту сказки «эпизод с ослицей и осленком», присутствующий только в первом. На самом деле еще в письме Толстому от 12 сентября н. с., в котором Чертков спрашивал, как поступить с двумя вариантами сказки об ассирийском царе, можно прочесть между строк его желание использовать обе; он утверждал, что предпочитает первую версию, поскольку та обладает большим эмоциональным зарядом и в ней содержится «эпизод с ослицей и осленком», которого нет во второй[216].

Прежде чем разобраться, в чем же именно заключался «филологический маневр» Черткова, представляется необходимым пересказать в общих чертах содержание сказки об ассирийском царе — в том виде, в каком Толстой предлагал ее для русского издания в «Посреднике» и в каком мы ее читаем сегодня в его Полном собрании сочинений[217].

> Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, поработил всех жителей, перебил воинов, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку, приговорив к смерти. Один старец убедил Асархадона окунуть голову в купель, до краев наполненную водой. И едва он это сделал, сразу же превратился в царя Лаилиэ и почувствовал те самые страдания и мучения, которым он подверг других существ.
> Асархадон очнулся и сказал себе: «Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон». Спустя мгновение он высунул голову из воды и услышал голос старца: «Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон. <...> Понял ли ты теперь, — продолжает старец, — что Лаилиэ — это ты, и те воины, которых ты предал смерти, — ты же».

---

216 См.: [письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

217 См.: *Толстой Л. Н.* Ассирийский царь Асархадон // ПСС. Т. 34. С. 126–130.

> В последующие дни Асархадон освободил Лаилиэ и других пленников, отменил казни, передал власть своему сыну, а сам удалился в пустыню и «стал ходить в виде странника по городам и селам, проповедуя людям, что жизнь одна, и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим существам».

VII

В русском тексте, изданном «Посредником» (1903), нет эпизода с «ослицей и осленком»; не найдем мы его и в Полном собрании сочинений, где сказка публиковалась на основе версии, подготовленной Буланже для «Посредника»[218].

Упомянутый Чертковым эпизод присутствует как раз в английском переводе, вышедшем во F. A. P. и отправленном Чертковым Толстому вместе с письмом от 17 декабря н. с.[219] Нигде в Полном собрании сочинений Толстого — ни в комментариях к сказкам, ни в комментариях к письмам Толстого к Черткову за 1903 год — нет указания на существование этих двух печатных версий сказки об Асархадоне.

Впрочем, в неизданных «Примечаниях к переписке» между двумя друзьми сохранилась заметка (почерк явно принадлежит Черткову), относящаяся к письму Черткова от 12 сентября 1903 года н. с., из которой вытекает, что

> в английском переводе Ч[ертко]ва сказка о царе Ассархадоне появилась в первой версии, т. е. с упоминаемым в письме эпизодом об ослице, причем в из[дании] С. А. Толстой <...> выпущен эпизод про ослицу с ослинком, о котором гово-

---

[218] В ПСС текст сказки «Ассирийский царь Асархадон» печатается по изданию «Посредника» с исправлениями по рукописям (см.: *Эйхенбаум Б. М.* «Три сказки». История писания и печатания / ПСС. Т. 34. С. 556); имя царя, на основе рукописей Толстого, было изменено с «Ассархадон» на «Асархадон».

[219] Печатный экземпляр перевода сказки на английский язык Чертков вложил в конверт вместе со своим письмом к Толстому от 17 декабря 1903 года н. с. (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/2).

рится в письме В. Г. Черткова, необходимо иметь в виду этот вариант для напечатания его в выпусках «Толстой. Памятники жизни и творчества»[220].

В версии, скомпилированной Чертковым, Асархадон, прежде чем поднять голову из воды и окончательно очнуться, превращается в несчастную ослицу, которая беспомощно наблюдает смерть своего осленка, пораженного стрелой и потом заколотого «существом на двух ногах» («two-legged being — a man»)[221].

Этот своего рода «сон во сне» еще более усиливал обличительный пафос Толстого, поднимая тему насилия над животными, столь важную для писателя (вегетарианца по этическим соображениям с середины 1880-х годов) и еще более важную для Черткова, чье самое первое эссе было яростным выступлением против охоты[222]. И если бы Толстой уничтожил письмо, это стало бы еще одним доказательством того, что Чертков «фальсифицировал» сказку — это предположение, несомненно, подтверждается и абсолютным совпадением текста английской версии, изданной F. A. P., с французским переводом Бинштока.

Разрешение издать именно эту версию, которого Чертков просил у Толстого в письме от 17 декабря н. с., было необходимо, чтобы защититься от возможных обвинений в манипуляциях с произведением. И Толстой дал другу согласие — почти не задумываясь: «Перевод ваш Асархадона получил и вполне одобряю»[223].

---

[220] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 241–242. В издании Софьи Андреевны сказка печаталась по тексту «Посредника» (см.: *Толстой Л. Н.* Сочинения графа Л. Н. Толстого. 12-е изд. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. Ч. 11. С. 457–462. В серии «Толстой. Памятники творчества и жизни» сказка не печаталась.

[221] См.: *Tolstoy L.* King Assarhadon and other Stories. Translated by V. Tchertkoff and I. F. M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: «The Free Age Press», 1903. P. 11.

[222] *В. Г. Чертков*. Злая забава мысли об охоте // Новое время. 1890. 13 ноября. № 5284 (отд. изд:. СПб., 1890 [ценз. изд.], и М., 1896).

[223] Письмо Толстого к Черткову от 18 декабря 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 313.

Возможно, писатель вообще не читал перевода. Многие из текстов, созданные по чьей-либо просьбе, не удовлетворяли Толстого и потому переставали интересовать его сразу по окончании работы над ними — настолько, что он часто даже не читал корректур. То же случилось и со сказками, написанными ради благого дела. С самого начала Толстой считал их слабыми: «Написал три сказки. Еще плохо, но может быть порядочно»[224], и еще: «Только нынче кончил сказки, и не три, а две. Недоволен»[225]; «Сказки плохи»[226].

Компиляция Черткова, конечно же, была основана на рукописях Толстого, но на каких именно? Разные редакции сказки о царе Асархадоне хранятся вместе с рукописями остальных двух сказок в московском архиве писателя[227].

Эпизод с «дикой ослицей» появляется уже в раннем автографе (№ 3) Толстого, датированном 24 июля 1903 года: «Ас[архадон] содрогается, делает последнее усилие и просыпается не быком уже, а дикой ослицей, кормящейся на горах с своим сосущим ее осленком. Небо чисто, никого не видно, но вдруг со свистом летит что-то и ударяет в бок...»[228]

В этом автографе, как и в последующих редакциях сказки о царе Асархадоне, сохранившихся в машинописных копиях с исправлениями Толстого (я ссылаюсь на машинописные копии № 16 и 20), Асархадон — осознавая себя Лаилиэм, прежде чем окончательно очнуться, — «просыпается» «уставшим поселянином», затем «воином, которого ведут в войну», «ребенком девоч-

---

224 *Толстой Л. Н.* Дневник (1900–1903). 25 июля 1903 года // ПСС. Т. 54. С. 188.

225 *Толстой Л. Н.* Дневник (1900–1903). 20 августа 1903 года // ПСС. Т. 54. С. 189.

226 Письмо к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

227 *Толстой Л. Н.* «Три сказки» // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 1–38. В своей работе я опираюсь исключительно на эти тексты (автографы и машинописные копии с исправлениями, внесенными автором или перенесенными переписчиками).

228 [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 3. Л. 4о б. Эта ранняя редакция уже была опубликована с некоторыми неточностями А. Бемом в 1919 году (Ассирийский царь Асархадон. Ранняя редакция сказки Л. Н. Толстого с вводной заметкой А. Бема // Братство. Изд. Общества Истинной свободы в память Л. Толстого. Киев, 1919. Вып. 1. С. 2–4).

кой», «быком, тащащим плуг», и, наконец, «дикой ослицей с осленком»[229].

В машинописной копии, которой в архиве присвоен номер 23, Толстой значительно сокращает количество превращений царя:

> «Окунись еще», — строго сказал старец и опять зачерпнул в кружку воды и опрокинул ее на темя Асархадона. Асархадон, не чувствуя в себе силы ослушаться, опять окунулся головой. И вот Асархадон видит себя дикой ослицей. Вокруг него, играя, скачет кругом темно-серый с ремнем на спине длинноногий осленок. Небо чисто, никого не видно, но вдруг со свистом летит что-то и ударяет в бок Асархадона, чувствующего себя ослицей[230].

Однако же в более поздней копии, обозначенной в архиве как № 26 и содержащей значительные исправления автора, читаем:

> Асархадон, чувствуя себя <Лаилиэм> **этим воином**, <вскрикивает> **испытывает непереносимый ужас** и <вспоминает, что это может быть сон> делает еще боль<ш>**е**е, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, **и он просыпается,** но просыпается **опять** не Асархадоном Царем, **и не Лаилиэм, и не воином,** а <дикой ослицей> **каким-то четвероногим животным**. <Вокруг> **Подле** него **кругами** скачет, играя, темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок**, и он понимает, что он ослица**[231]**.**

---

[229] Имеются в виду следующие машинописные копии: [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 16. Л. 6–8. Рук. 20. Л. 4–7.

[230] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 23. Л. 3–4; сказка «Ассирийский царь Асархадон» подверглась здесь новому значительному исправлению (см. также: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; под общ. ред. В. А. Жданова; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Гос. музей Л. Н. Толстого М-ва культуры СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 448–449).

[231] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ Ф. 1. Рук. 26. Л. 5–6; машинописные копии с № 17 по № 19, не сохранившиеся целиком, не содержат этой части сказки с разными «превращениями» Асархадона.

И в следующей по архивной классификации машинописной копии № 27 царь «просыпается» еще два раза:

> Асархадон, чувствуя себя <воином> **этим юношей** <испытывает непереносимый ужас>, **не может более переносить этого страдания** и делает еще большее, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, и он просыпается, но просыпается опять не Асархадоном Царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то четвероногим животным. <...> **Подкинув сзади,** осленок со всего разбега подскакивает к <матери> **ней и,** подталкивая гладкой мордочкой под живот, **ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон, сознавая себя ослицей, испытывает блаженное чувство движения жизни в себе и в своем детеныше**[232]**.**

В машинописи копии № 28 Толстой, еще не отказавшись от эпизода превращения в ослицу как отдельного эпизода, вносил в описание метаморфоз Асархадона лишь некоторые несущественные исправления[233].

Текст, представленный в машинописной копии № 28, перешел уже в исправленном виде в три копии, указанные в архиве как № 29, 30 и 31 и содержащие исправления, внесенные самим Толстым или перенесенные переписчиками; однако копии не полностью совпадают[234].

В копии № 29, как и в двух остальных дубликатах рукописи № 28, стоят машинописная подпись Толстого и дата — 15 августа [1903]; во всех этих трех копиях Асархадон, прежде чем окончательно очнуться, просыпается в облике юноши, а потом — ослицы:

> Асархадон, чувствуя себя этим юношей, не может более переносить этого страдания**. Этого не может быть. Это сон, думает он** и делает <еще больше, чем прежде> усилие,

---

[232] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 27. Л. 3.

[233] См.: [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. № 92/28. Л. 8–9.

[234] ОР ГМТ. Ф. 1. № 29, 30 и 31; о машинописной копии № 29 см. также: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. С. 450–451.

> чтобы проснуться, **и просыпается**, но просыпается опять не Асархадоном царем и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным. <...> Подкинув задом, осленок со всего разбега подскакивает к Асархадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радует его. Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше[235].

В печатном экземпляре с поправками Толстого, обозначенном как № 34 — следующем по архивной классификации, где сказка сохранена целиком, — исчезают и юноша, и эпизод с ослицей, поэтому, как и в тексте, изданном «Посредником», там отсутствуют какие-либо еще превращения героя[236]:

Печатный экземпляр № 34 (ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6.	Издание «Посредника» (1903). С. 11–12.
— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его <и он сам не слышит своего голоса. И он чувствует, что начинается мучительная казнь>.	— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, он, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его.

---

235 [«Ассирийский Царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5. См. также: Рук. 30. Л. 5. Рук. 31. Л. 5.

236 Машинописные копии № 32 и 33 (ОР ГМТ. Ф. 1 [«Ассирийский Царь Асархадон»] Рук. 32 и 33) содержат лишь часть сказки, не включающую разных превращений царя. Копия № 32 является фрагментом дубликата не сохранившегося машинописного оригинала, и № 34 — фрагмент дубликата предыдушей рукописи, с новыми исправлениями автора (см.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. С. 451–452). Учитывая все это, мы не можем с точностью сказать, в какой копии Толстой удалил эпизод превращения царя в дикую ослицу.

Печатный экземпляр № 34 (ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6.	Издание «Посредника» (1903). С. 11–12.
— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, — думает он. — Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон, — <говорит ему> **слышит он** какой-то голос и **чувствует, что** казнь начинается.	«Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон». И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Ассархадон, — думает он. — Ты и Лаилиэ, ты — и Ассархадон, — слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается.

Вернемся к компиляции Черткова. Велика вероятность того, что 24 августа Толстой отправил ему (Черкову) текст, содержащийся в одном из дубликатов машинописной копии № 28 с новыми исправлениями автора, — этот текст на сегодня потерян, но он очень близок к исправленной копии № 29. Кроме того, Толстой, очевидно, отправил Черткову и новую «окончательную» редакцию сказки, без эпизода с ослицей, доработанную в последующие дни (предположительно, текст, воспроизведенный в машинописном экземпляре № 34 в исправленном виде)[237].

Чертков, как он и сам признается, использовал «первую версию» только частично, взяв из нее эпизод с ослицей и осленком, о котором упоминал в своем письме к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с. («И мне, и Гале, и всем нам первая сказка больше нравится в первой версии: уже очень жаль выпустить ослицу с осленком (это удивительно трогательно»)[238]. На самом деле его компиляция не ограничивается одним эпизодом с дикой ослицей: Чертков взял и другие короткие фрагменты, значительно менее яркие.

Английский текст (изданный «F. A. P.», 1903) действительно содержит большую вставку, которая воспроизводит — с мини-

---

[237] См. письмо Черткова к Толстому от 24 августа 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 305).

[238] Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

мальными разночтениями — эпизод с ослицей, содержащийся в машинописной копии № 29.

Источники компиляции Черткова	*King Assarchadon and other Stories.* «Free Age Press», London 1903. P. 9–11.
— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, — думает он. (Печатный экземпляр № 34 // ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6)	«Surely this cannot be», he thinks. «I am probably asleep. This is dream». And he makes an effort to awake. «But I am not Lailiey, I am Assarchadon, he thinks,
и делает <еще больше, чем прежде> усилие, чтобы проснуться, **и просыпается**, но просыпается опять не Асархадоном царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным.	and he does indeed awake to find himself neither Assarhadon nor Lailiey, but some kind of an animal.
Асархадон удивляется тому, что он <четвероногое> **животное**. А вместе с тем <ему кажется, что это не может быть иначе> **удивительно, что он не знал этого прежде**.	Assarhadon is astonished that he is an animal. And at the same time he is astonished that he did not know this before.
Он пасется в долине, срывая зубами сочную траву и отмахиваясь от мух длинным хвостом и испытывая странное чувство **тяжести** в переполненном молоком вымени. Вокруг него, играя, скачет темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок. Подкинув задом, осленок со всего разбега подскакивает к Асархадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радует его.	He is grazing in a valley, tearing the succulent grass with his teeth, brushing away flies with his long tail, and experiencing a strange feeling of heaviness in his udder. Around him is sportively gambolling a long legged, dark grey ass-colt with a stripe down his back. Kicking up its hind legs, the colt gallops up at full speed to Assarhadon, and poking him under the stomach with his smooth little muzzle, searches for the teat, and finding it, quiets down, swallowing regularly. Assarhadon understands that he is a she-ass, the mother of the colt, and this neither astonishes him nor grieves him, but rather gladdens him.

Источники компиляции Черткова	*King Assarchadon and other Stories.* «Free Age Press», London 1903. P. 9–11.
Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше. Но вдруг со свистом летит что-то и ударяет **его** в бок <Асархадона> и острием впивается в его кожу и мясо**.** <Асархадон и> **И**спытывая жгучую боль, **Асархадон, он же и ослица,** вырывает вымя из зуб осленка <и приложив уши>, скачет к стаду ослов, от которых он отбился. Осленок, не **от**<пере>ставая, скачет у его ног. Они уже подбегают к шарахнувшемуся стаду, как **вдруг** другая стрела ударяет со свистом в шею осленка, впивается в нее и дрожит в ней. Осленок жалобно хрипит и падает на передние колени. Асархадон не может оставить его и останавливается над ним. Осленок приподнимается, шатается на длинных, тонких ногах и падает <опять>. П<ри>**од**бегает **странное двуногое существо** человек и перерезает горло осленка.	He experiences the blissful feeling of the simultaneous movement of life in himself and his offspring. But suddenly, with a whistling sound, something flies near and hits him in the side, and with its sharp point, penetrates into his skin and flesh. Feeling a burning pain, Assarhadon, who is at the same time the ass, tears the udder from between the colt's teeth, and laying back his ears, gallops to the herd of asses, from which he had dropped behind. The colt keeps up with him, galloping by the side of his legs. They are already running up to the herd, which has started off, when suddenly another arrow at full speed strikes the colt's neck. It penetrates and quivers in the flesh. The colt sobs piteously and falls on his knees. Assarhadon cannot abandon him, and remains standing over him. The colt gets up, sways on its long thin legs, and falls again. A fearful two-legged being-a man-runs up, and cuts the colt's throat.
<Это н> **Н**е может быть, это **опять сон** <слишком жестоко>, — думает Асархадон и делает последнее усилие, чтобы проснуться. (Машинописная копия № 29// ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5 и 6)	«This cannot be, it is again a dream», thinks Assarhadon, and makes a last effort to awake.
Он <испытывает ужасную боль,> вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки. (Печатный экземпляр № 34 // ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6)	He utters a slight cry, and at the same moment thrusts his head out of the bath, and sees the old man is remaining in the jug over his head.

Как упоминалось выше, эпизод с ослицей отсутствует в тексте, напечатанном в «Посреднике», но содержится в переводе Бинштока.

В письме Черткова Толстому от 17 декабря 1903 года н. с. остается одно темное место, касающееся публикации в Le Temps[239]. Чтобы доказать свою невиновность, Чертков утверждает (нарочно не называя имя переводчика), что французский текст соответствует версии, имеющейся в распоряжении других переводчиков и издателей, а не тому варианту, какой есть у него. Выходит, Чертков еще не читал французского текста? Или же снова рассчитывал на небрежное отношение Толстого к собственным сочинениям?

На самом деле версия сказки о царе Ассирийском, в которую включен эпизод с ослицей, спасла Черткова, но не совсем так, как он предполагал. Неожиданно ему написал Шолом-Алейхем, который извинялся за проявленные сомнения и был огорчен появлением в петербургской газете двух из трех сказок, переведенных с немецкого[240] (речь шла о сказках «Ассирийский царь Асархадон» и «Три вопроса»):

> 8/21 — XII 1903 г.
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> На Ваше письмо спешу ответить, что «Ассархадон», появившийся в «Temp» и переведенный в здешней газете, резко отличается от моего варианта. Я был поражен тому, что Ассархадон, превратившийся сначала в Лайлиэ, вдруг проснулся — ослом! Это, значит, новый вариант самого Л[ьва] Н[иколаевича], попавший прямо в Париж. Сохрани меня Бог винить Вас в чем-либо. Затем в Петерб[ургских] «Новостях»[241] также появились 2 сказки из «Berliner Tageb-

---

[239] ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/1. Л. 1–4 об.

[240] См.: *Graf Leo Tolstoi*. König Assarhaddon e Drei Fragen. Übersetzer: August Scholz // «Der Zeitgeist». Beiblatt zum «Berliner Tageblatt». № 50. Berlin, Montag 14, 1903. S. 1–2. Отд. книгой: *Leo Tolstoi*. Drei Legenden. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Manuskript; von August Scholz. Berlin: Bruno Cassirer, 1904.

[241] Газеты под таким названием я не нашла. Возможно, Шолом-Алейхем имел в виду «Биржевые ведомости» (СПб.).

> latt». Еще я не видел «Новостей». Завтра увижу. Розничная продажа «Нов[остей]» министром запрещена. Боюсь: не за третью ли сказку? Цензура запретила «Посреднику» «Смерть, труд и болезнь»[242]. Издание Моода получил. Вашего нет! Жду Ваших писем
>
> С. Рабинович[243]

Опасения его подтвердились: сказка о царе Асархадоне и «Три вопроса» вышли на русском в переводе с немецкой версии, напечатанной в Berliner Tageblatt (14 декабря н. с.). Но очень вероятно, что Шолом-Алейхем, вводя Черткова в курс дел, еще не знал, что в Berliner Tageblatt были опубликованные именно переводы Шольца. Чертков, однако, не был виноват: сам Шолом-Алейхем отправил копии сказок Шольцу и, не прислушавшись к указаниям Черткова, продолжал переговоры со «своим» переводчиком[244]. Удивление вызывает тот факт, что Шольц, с самого начала осведомленный о том, что сказки должны быть опубликованы на русском языке отдельным изданием и на несколько дней позже еврейского сборника, все же отдал свой перевод в газету[245].

В те дни сразу в нескольких русских газетах появились две упомянутые выше сказки — в переводе с немецкого, сильно исказившем оригинал, причем имя царя Асархадона превратилось

---

[242] Так в тексте.

[243] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 14.

[244] Об этом свидетельствует письмо Шолом-Алейхема на немецком к «Sehr geehrter Herr Redakteur» от ноября 1903 года. Писатель прямо говорит, что единственный перевод, имеющий основание быть опубликованным, — это именно перевод Шольца (см.: Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 137). Письмо Шолом-Алейхема написано по-немецки, в журнале дается в переводе на идиш, рядом помещена фоторепродукция подлинника (Ibid.). Возможно, у Шолом-Алейхема были причины для такого поступка: на произведения Толстого не распространялось авторское право; переводчик, рекомендованный Чертковым, — Рафаэль Лёвенфельд — не отзывался на письма Шолом-Алейхема; или, скорее всего, последний хотел наладить отношения с Шольцем, чтобы впоследствии тот взялся за переводы его собственных произведений на немецкий (см.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 1 (14) октября 1903 года // Ibid. Z. 138).

[245] Об этом Шолом-Алейхем предупредил его в письме от 1/14 октября 1903 года (Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 136).

в «Ассорготдон»[246] или «Ассаргаддон»[247], а эпизод с ослицей и осленком в текстах, конечно, отсутствовал. В газете «Биржевые ведомости» публикация двух легенд (датированная 4 декабря) предварялась коротким предисловием редактора:

> Наш берлинский корреспондент прислал нам корректурный оттиск немецкого перевода двух новых легенд Л. Н. Толстого. Оригинал еще не появился в свете, и поэтому мы решаемся воспроизвести по-русски обе легенды, пользуясь немецким переводом, который исполнен другом Л. Н. Толстого, Августом Шоллем. Предлагая сказки в переводе с немецкого, редакция, конечно, далека от мысли дать со стороны изложения то, что написал Толстой. В этом смысле это не более как скромная и приблизительная догадка, находящая оправдание в содержательном интересе сказок[248].

В своем письме от 8/21 декабря 1903 года Шолом-Алейхем, помимо всего прочего, просит прощения за то, что сомневался в честности Черткова. Он больше не винил его, ведь во французском тексте фигурировал эпизод, которого не было имевшейся у него версии. Не сомневаясь, что текст Черткова полностью совпадает с тем, который был в его распоряжении, Шолом-Алейхем пришел к заключению, что в основе французской версии должна лежать более свежая авторская редакция, попавшая в Париж по каналам, не связанным с Чертковым. Мы же знаем наверняка, что Бинšток получил и перевел текст, отправленный ему именно Чертковым 5 ноября 1903 года н. с. Кроме того, французское заглавие сказки — «Le roi d'Assyrie Assarkadon» —

---

246 См.: Царь Ассорготдон // Биржевые ведомости. 1903. 4 декабря (Утр. выпуск). См. также: Царь Ассорготдон // Уральский листок. 1903. 11 декабря. № 95.

247 См.: Русские ведомости. 5 декабря. № 334. С. 2; Царь Ассаргаддон // Русское слово. 1903. 5 декабря. № 333.

248 Царь Ассорготдон // Биржевые ведомости. 1903. 4 декабря (Утр. выпуск); в газете «Русские ведомости» также сообщили, что эти две легенды Толстого появились в приложении к «Berliner Togeblatt» в немецком переводе и что они были предназначены для «литературного сборника», издающегося в пользу кишиневских евреев, пострадавших от погрома (Русские ведомости. 1903. 5 декабря. № 334. С. 2).

полностью соответствует тому, которое Чертков дал своей английской версии («King Assarhadon of Assyria»)[249] и которое потом, в ходе подготовки текста к публикации, было изменено на «King Assarhadon and other Stories». Когда в 1905 году Бинншток включил три сказки во французский сборник Толстого, он, конечно же, оставил свой перевод сказки о царе Асархадоне таким, каким он появился в Le Temps, внеся в него разве что минимальные стилистические поправки[250].

Переписка Черткова с Толстым открыла новую главу в этой эпопее: проблема одновременной публикации текстов отходит на второй план, и разворачивается другой сюжет, имеющий отношение к истории печатных изданий сказок (в первую очередь сказки о царе Асархадоне). И в то же время обнаруживается удивительная непринужденность, с какой Чертков привык распоряжаться текстами Толстого. Письмо Владимира Бонч-Бруевича, написанное в феврале 1930 года Черткову, в то время главному редактору «Полного собрания сочинений», косвенно проливает свет и на нашу историю:

> Ты должен очень хорошо учитывать то обстоятельство, что в нашей современной общности имеется очень много лиц, <...> которые и устно, и печатно неоднократно заявляют, что у тебя есть тенденция изменения рукописей Толстого по

---

[249] Весь ноябрь 1903 года сборник, издаваемый F. A. P., именовался King Assarhadon of Assyria, and other Stories (См.: Dundee Advertiser. 1903. 9 ноября н. с.; Oxford Review 10 ноября н. с.; Cork Constitution и Leeds Mercury, 11 ноября н. с.; New Age, Liverpool Mercury и Pall Mall Gazete, 12 ноября н. с.; Literary Word, Daily Telegraph, 13 ноября н. с.; The Academy, Blackburn Telegraph, Books and new Trades Gazete, Court Circular, Glasgow Herald, Morning Post, Sunday Time, The Court Journal, 14 ноября н. с.; Birmingham Gazette, Glasgow Evening News, Western Time, 17 ноября н. с.; Cork Constitution, 18 ноября н. с.; Methodist Time, 19 ноября н. с.; Litchfield Mercury, 20 ноября н. с.; Court Journal, Aberbeen express, Court Journal, 21 ноября н. с.; Rock, 27 ноября н. с.; Hemford times, 28 ноября н. с.).

[250] См.: Le roi d'Assyrie Assarkadon // Comte *L. N. Tolstoï*. Dernières Paroles (1902–1905). Trad. J.-W. Bienstock. Paris: Société du «Mercure de France» 1905. P. 269–278.

> твоему личному усмотрению и что согласия Льва Николаевича на эти изменения нередко бывали потому, что Л. Н. просто не придавал большого значения тем или другим твоим исправлениям его работ, но для академического издания это, конечно, далеко не все равно. Мы должны дать именно тот текст Льва Николаевича Толстого, который написан и исправлен его собственной рукой и никем иным[251].

VIII

Благодаря телеграмме Черткова Биншток сумел отсрочить на несколько дней выход остальных двух сказок[252], уже намеченный Le Temps: одна вышла 14 декабря н. с., другая 17-го[253].

Но он не мог знать наверняка, опубликовали ли их уже в Nuova Antologia[254]. «Assarkadon, re d'Assiria» был издан 16 декабря н. с. (1903 года) в переводе Камилло Антона Траверси (Camillo Antona Traversi), в точности воспроизводившем версию, скомпилированную Чертковым[255]. Таким образом, и в Италии с этой сказкой — вероятно, появившейся там через Бинштока, — познакомились в варианте Черткова.

В Англии выход сказок — после телеграмм, отправленных Рабиновичем, — был назначен на 14 декабря н. с. В Jewish

---

[251] Письмо В. Бонч-Бруевича к Черткову от 20 февраля 1930 года цит. по книге: *Карлова Т. С.* Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого // Лев Толстой в движении истории / Т. С. Карлова. Казань: Издательство Казанского университета. 1978. С. 156.

[252] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 18 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 16. Л. 2 об–3.

[253] *L. Tolstoï*. Trois questions // Le Temps. 1903. 14 Décembre. P. 3; *Idem*. Le travail, la mort et la maladie // Le Temps. 1903. 17 Décembre. P. 3. Отдельно изд.: Comte *L. N. Tolstoï*. Dernières Paroles (1902–1905) / Trad. par J.-W. Bienstock. Paris: Mercure de France, 1905. P. 279–291.

[254] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 18 декабря 1903 года н. с.] // Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 16. Л. 3 об.

[255] *Leone Tolstoi*. Assarkadon, re d'Assiria // Nuova Antologia. 16 dicembre 1903. Fascicolo 768. P. 561–570.

Chronicle от 4 декабря 1903 года н. с. два разных английских перевода были анонсированы одновременно и, возможно, впервые говорилось о роли, сыгранной «С. Н. Рабиновичем»:

> Примерно через две недели появятся одновременно две английские версии сказок графа Толстого, написанные им специально в пользу евреев, пострадавших в Кишиневе и Гомеле. Сказки — это действительно аллегории или легенды. Прежде всего, они предназначались для публикации в сборнике, который придумал С. Н. Рабинович, известный еврейский писатель с псевдонимом «Шалом Алейхем». Чтобы получить как можно больше средств в пользу пострадавших, было организовано одновременное издание на нескольких языках. <...> Английские версии публикуются одна «Free Age Press», а другая — «Грант Ричардс». Последняя версия — это работа г-на Айльмера Моода, известного переводчика и исследователя произведений Толстого, который, как мы понимаем, дополняет издание последним портретом Толстого верхом на лошади и письмами Толстого, адресованными Рабиновичу и «к знакомому еврею»[256].

Переводы Моода, выполненные им совместно с женой Луизой по тем рукописям, которые были отправлены ему Шолом-Алейхемом, вышли 14 декабря (н. с.) 1903 года одновременно в Нью-Йорке и Лондоне[257].

15 декабря (н. с.) Моод выслал копию перевода Толстому[258]. В предисловии к этому изданию были опубликованы некоторые письма писателя, касавшиеся еврейского вопроса, и публично говорилось о том, что инициатива исходила от Шолом-Алейхема: «Талантливый еврейский писатель С. Н. Рабинович, более извест-

---

[256] Оригинал на англ. яз.: Tolstoy's Tale on Behalf of the Jew's [sic] // Jewish Chronicle. 1903. 4 December. P. 20.

[257] Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy / Transl. by L. and A. Maude, with an Introduction Containing Letters by Tolstoy. New York, Funk & Wagnalls Company, 1903. London, Grant Richards, [1903] 1904.

[258] См.: [письмо Моода к Толстому от 15 декабря 1893 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–8. Л. 1.

ный в России под псевдонимом Шалем-Мейхем»[259]. Кроме того, сообщалось, что сказки были написаны и переведены «на благо евреев, разоренных в Кишиневских и Гомельских погромах»[260]. В тексте, переведенном Моодом, конечно же, отсутствовал эпизод с ослицей и осленком. Что же касается авторских прав, Моод использовал ту же формулировку, что и в своем издании «“Севастополь” и другие военные рассказы» («Sevastopol and other Military Tales», 1901), а именно, что переводчики вправе предоставить собственные версии текста и определить размер вознаграждения за свой труд в зависимости от потребностей, взглядов и жизненных обстоятельств[261].

Чертков отправил Толстому свой перевод 17 декабря н. с. Во F. A. P. три сказки, без указания авторских прав, вышли в свет 14 декабря в двух форматах: дешевом и «более роскошном, с портетом» писателя («superior, with Portrait») — точно так, как было намечено изначально:

> Мы извлечем наибольшую выгоду из этого издания, возможную при ненарушении вашего с нами отношения к лит[ературной] собственности, т. е., как и с «Воскресением», мы не допустим утверждения такой собственности ни за кем ни на один день. Для этого мы одновременно выпустим два издания — одно более роскошное, вероятно, с рисунками, безвозмездно исполненными сочувствующими нам лицами, с которыми я нахожусь в сношениях, — другое самое дешевое — в нашей обыкновенной серии, что̀ предупредит вероятие, чтобы посторонний издатель пожелал конкурировать с нами[262].

Издание F. A. P. вышло с предисловием Черткова: он, как и Моод, стремился продемонстрировать глубокую солидарность

[259] Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy. [New York 1903]. P. 8; [London: Grant Richards, 1904]. P. 5.

[260] На титульном листке обоих указанных изданий.

[261] См. введение Моода к его переводу: Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy. [New York, 1903]. P. 18; [London: Grant Richards, 1904]. P. 11.

[262] [Письмо Черткова к Толстому от 12 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 2 об–1 об.

Толстого с еврейским народом, подвергающимся насилию, а также приводил выдержки из его писем, включая ответ Шолом-Алейхему — последний упоминался лишь как «издатель одной публикации в помощь пострадавших евреев»[263]. В отличие от Моода, Чертков сделал в своем предисловии одно вынужденное уточнение:

> Мне нужно лишь упомянуть, что версия сказок, которую мы сейчас предлагаем читателям, содержит самые последние исправления и вставки Толстого, переданные им непосредственно нам, и некоторые из них не были переданы издателям других изданий на английском и иностранных языках из-за нехватки времени[264].

Это пояснение касалось в основном сказки о царе Асархадоне. Однако Чертков не стал вдаваться в детали. В конечном итоге в Лондоне не были опубликованы сказки на русском языке, как планировал Чертков. Возможно, он отказался от этой идеи потому, что ему показалось рискованным публиковать на русском текст сказки о царе Асархадоне, который, как он прекрасно знал, не принадлежал целиком Толстому и не соответствовал опубликованному в «Посреднике»[265]. А может, он уже не видел необходимости в этой публикации, как сам пишет в примечаниях к неизданной переписке с Толстым[266].

Последним в Варшаве в феврале 1904 года вышел сборник на идише. «Книга, вследствие цензурных препятствий, вышла с большим опозданием», — написал Шолом-Алейхем Толстому[267].

---

263 *Tolstoy L.* King Assarhadon and other Stories / transl. by V. Tchertkoff and I. F. M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: The Free Age Press, 1903. P. VI.

264 Ibid. P. VIII–IX.

265 *Толстой Л. Н.* I. Ассирийский царь Ассархадон. II. Три вопроса. Две сказки. С 9-ю иллюстрациями Н. И. Живаго. М.: Посредник, 1903.

266 Почерком Черткова записано следующее: «В изданиях же “Свободного Слова” эти сказки не появились ввиду того, что смогли свободно печататься в России» (Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 241).

267 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 14 февраля 1904 года // СС. Т. 6. С. 341.

В ней были напечатаны все три сказки Толстого, включая и «Труд, смерть и болезнь», а также письмо Толстого «Рабиновичу» от 25 августа 1903 года[268]. А вот в московском издании 1903 года третья сказка не могла быть опубликована. Однако в 1904 году Чертков выпустил ее по-русски в Лондоне приложением к своему журналу «Свободное слово»[269].

Шолом-Алейхем отправил копию сборника на идише Черткову:

> 10/23. II 1904
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Посылаю Вам 1 экз[емпляр] нашего «Сборника» (еврейского) и покорнейше прошу Вас доставить его г-ну Рапопорту[270] в Лондоне для отзыва, т[ак] к[ак] я под рукой в данный момент не имею его адреса.
> Вместе с сим сообщаю Вам, что в свое время я получил Ваше издание «Сказок», которое, конечно, куда изящнее нашего русско-еврейского. Ну, да ведь Россия не Англия, а Варшава не Лондон. О пересылке книги прошу уведомить меня*.
> Какая судьба постигла Ваше издание? Разошлось ли оно, как это желательно было нам всем?
> Из Парижа я получил от кого-то в закрытом конверте 400 франков, но без всякого письма. Не по Вашему ли это распоряжению?
> Жду вашего ответа и остаюсь с глубочайшим почтением
> С. Рабинович
>
> *Вы легко можете себе представить, какие мы имели препятствия, когда книга могла выйти только теперь, в разгар грянувшей войны. Но мы книгу издали — и она разойдется![271]

---

[268] Hilf: a zamlbukh fir literatur un kunst. Varshe: Folks-bildung, 1903.

[269] Свободное Слово. 1904. № 9 (январь-февраль); в России первое изд.: *Толстой Л. Н***.** Труд, смерть и болезнь и другие сказания Льва Толстого. М.: Посредник, ценз. 1906.

[270] С. И. Рапопорт (1858–1920) — журналист, публицист и переводчик, переводивший на английский язык произведения Толстого.

[271] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 15–15 об.

Кто мог отправить эти 400 франков? Возможно, речь шла об инициативе Бинштока, или же за этим снова стоял Чертков? Есть основания полагать, что деньги действительно выслал Биншток, поскольку в его письме Черткову упоминалась именно об этой сумме, которую, по его расчетам, он мог собрать[272]. Сборник на идише имел большой успех. Моод отправил Рабиновичу еще денег, добыв их в Resurrection Fund — фонде, созданном для помощи духоборам[273]. И Шольц отправил Шолом-Алейхему свою книжку[274].

Шолом-Алейхем отправил копию сборника и Толстому «как выражение искренней благодарности от еврейской читающей публики, от издателей и переводчика вашего»[275]. Три сказки напечатаны на страницах 19–33, и книга эта до сих пор хранится в библиотеке Ясной Поляны[276]. Толстой ему не ответил.

Со временем история перевода этих трех сказок приняла эпический размах. В первом номере «Вегетарианского обозрения» за 1911 год, посвященном памяти Толстого, было напечатано и открытое письмо Шолом-Алейхема Иосифу Перперу, основателю и главному редактору журнала. В нем писатель упоминает об их давнем и недолгом эпистолярном общении и выражает свое сожаление о том, что, ни разу не встретившись с Толстым, не имел возможности рассказать ему лично о страданиях евреев[277]. Но

---

[272] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 9 ноября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 14. Л. 2.

[273] См.: [письмо Моода Дж. Г. Перрису от 3 января 1904 года н. с.] // LRA. MS 553/51. F. 1–2.

[274] См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 15 апреля 1904 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 139. Письмо дается в журнале в переводе на идиш.

[275] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 14 февраля 1903 года // СС. Т. 6. С. 341.

[276] См.: *Архангельская Т. Н.* Толстой и Шолом-Алейхем. По материалам яснополянской библиотеки // Яснополянский сборник. Тула: Тульское книжное изд-во, 1960. С. 159–160.

[277] См.: письмо Шолом-Алейхема к И[осифу] П[ерперу] // Вегетарианское обозрение. 1911. № 1. С. 24–26; см. об этом: *Бранг П.* Россия неизвестная: история культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней / Пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 181–183.

письмо это передает целую гамму чувств, которые испытывал Шолом-Алейхем с того момента, как он впервые обратился к Толстому: уважение к великому писателю, без сомнений, осталось, но вместе с тем появилось и разочарование из-за обманутых надежд. Толстой, хотя и ответил «на принципиально затронутый большой вопрос» о погроме в Кишеневе «несколькими сильными строками», не принял на себя роль ведущего защитника. «Я не мог себе представить, чтоб величайший человек нашего столетия мог видеть ту страшную бесправность и невыносимый ужас, в котором живут в его стране миллионы моих несчастных братьев, и не выступил бы со своим жгучим и властным словом, которое прозвучало бы от одного края мира до другого»[278], — заключает Шолом-Алейхем. Но все же он смягчает категоричность тона — в надежде, что при личном свидании смог бы убедить писателя произнести «жгучее и властное слово»[279].

Реконструированная здесь история, полная хитросплетений, в сущности проливает свет на целый ряд фактов из биографии Толстого, человека и художника, выявляя его постоянное внимание к жертвам государства; инстинктивное обращение к слову для обличения любого вида несправедливости; равнодушие к своим сочинениям, созданным по чьей-либо просьбе, из чувства долга, и имевшим мало общего с его произведениями, написанными «по-старому»[280]; нежелание быть причиной ссор и признание того, что часто они возникают именно из-за него; неловкость от осознания того, что по его вине люди вступают в конфликт;

---

[278] Там же. С. 25. А 30 октября 1905 года Шолом-Алейхем напрямую попросил Толстого высказаться в защиту евреев (см.: СС. Т. 6. С. 341); о Толстом и еврейском вопросе см.: *Shefsky H. K.* Tolstoy and the Jews // Russian Review. Vol. 41. № 1. 1982. January. P. 1–10; *Меджибовская И.* «Еврейский вопрос» Толстого // Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея». М.: НЛО, 2013. С. 73–108; *Medzhibovskaya I.* Tolstoy's Jewish Questions // Tolstoy and His Problems / ed. by Medzhibovskaya I. Evanston, Illinois Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2019. P. 89–134.

[279] См.: письмо Шолом-Алейхема к И[осифу] П[ерперу]. С. 25.

[280] Письмо Толстого к Черткову от 1 июля 1893 года // ПСС. Т. 87. С. 208.

постоянная необходимость принимать решения в ситуации трудного выбора.

Вопреки своей воле Шолом-Алейхем оказался вовлечен в эти интриги и столкновения страстей и, сам того не желая, лишь разжег их еще сильнее. Сталкиваясь с препятствиями и не имея возможности снизить напряжение, подстраиваясь из раза в раз под нового хозяина положения, он все же смог выполнить свою задачу и поддержать жертв погромов, собрав в конце концов сумму бо́льшую, чем предполагалось изначально.

Чертков не колебался ни мгновения, чтобы вернуть себе то, что ему принадлежало, как он считал, по праву — полный контроль над произведениями Толстого, — и заставил Моода, который наивно полагал, что может его обойти, подчиниться своей власти. Если Моод надеялся стать лучшим английским переводчиком Толстого (по сути, он и являлся им), то Чертков самонадеянно считал:

> ...мой перевод коротеньких вещей вроде этих сказок, имеющий поэтически-аллегорический и, главное, очень духовный характер, — бывает более задушевный и проникновенный, чем его [Моода] переводы таких вещей, вследствие большей близости к вашей душе и его сравнительной холодности в этой области[281].

Разумеется, речь шла не только о переводе: Чертков хотел во всем контролировать Толстого и подчинил свою жизнь этому болезненному желанию. Толстой искал покоя, но раз за разом сдавался под натиском друга. Что же касается других переводчиков, то они лишь стремились первыми публиковать переводы новых произведений Толстого. Сам же писатель, едва закончив работу над очередным сочинением, уже испытывал разочарование. «Сказки плохи. Но надо было освободиться от них»[282], —

[281] Письмо Черткова к Толстому от 12 октября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 6.

[282] Письмо Толстого к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

признавался он Черткову, завершив три истории. Он хотел отделаться от них, забыть — вероятно, потому, что, как он писал тому же Черткову, он «“откупался”, т. е. высказал в литерат[урной] форме все, что имел сказать», и все то, что он пишет теперь, «очень слабо, но будет по инерции одобрено»[283]. И, несмотря ни на что, вокруг него вечно теснилось множество людей, которые старательно записывали, докладывали, публиковали, переводили и копировали каждое его слово, создавая удушающую атмосферу, из которой его последнее бегство — видимо, так и было на самом деле — оставалось единственным спасением.

---

[283] Письмо Толстого к Черткову от 19 ноября 1909 года // ПСС. Т. 89. С. 156.

ДОКУМЕНТЫ

М. А. Гулакова

Эквадор обетованный: проигранное переселение[1]

Письмо Моисея Кроля к Хаиму Житловскому

Моисей Аронович Кроль (1862, Житомир — 1942, Ницца), автор публикуемого письма, известен не так широко, как его адресат Хаим Осипович Житловский. Окончив юридический факультет Новороссийского университета и присоединившись к народовольцам, он был арестован в 1887 году и выслан в Забайкалье. В ссылке Кроль начал вести этнографические заметки и стал специалистом в области бурятской культуры. Вернувшись в Петербург, Моисей Аронович занялся юридической деятельностью, уделяя внимание защите прав еврейского населения в черте оседлости, и стал публиковать научные труды по этнографии[2].

Кроль всю жизнь вел дневники, большая часть которых в настоящее время утрачена. На основе дневников он, находясь в эмиграции, написал мемуары, которые в виде отдельных глав публиковал в журнале на идише «Цукунфт» («Будущее»). Эти

---

1 Работа велась по гранту Центра «Сэфер» на исследование российского еврейства, предоставленному в рамках благотворительной программы «Поддержка академической иудаики на постсоветском пространстве», реализуемой при финансовой помощи фонда «Генезис». Софинансирование из стипендии Программы Фонда Фредерика Паулсена по поддержке начинающих и продолжающих российских исследователей-историков, реализуемая на базе Лондонской школы экономики.

2 Наиболее известный из них: *Кроль М. А.* Формы землепользования / Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Вып. 10. СПб.: Гос. тип., 1898.

главы составили первый том мемуаров, опубликованный в США в 1944 году его друзьями, которые успели выехать из охваченной войной Европы[3]. В 1994 году в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет) Н. Л. Жуковская обнаружила машинопись с продолжением мемуаров, которое не удалось опубликовать в 1940-е годы. В 2008 году этот текст увидел свет[4].

О знакомстве с Хаимом Житловским Кроль упоминает еще в 1902 году. Оно произошло в Швейцарии, где Кроль оказался в связи с болезнью дочери. Их знакомству поспособствовал близкий друг Кроля Е. Г. Левит[5]. Свою встречу с Хаимом Житловским Кроль вспоминал так: «...в этом замкнутом, уравновешенном Житловском вскрылся настоящий еврейско-русский интеллигент со всеми его переживаниями — его сомнениями, разочарованиями и идеалистическими чаяниями»[6]. В дальнейшем Кроль множество раз будет называть Житловского своим близким другом, их переписка полна тепла и уважения. Моисей Аронович в каждом письме передавал сердечные приветы и пожелания от своей семьи. О взаимоотношениях Кроля с братом Хаима Самуилом Житловским[7] у нас нет достоверной информации; судя по публикуемому письму, они познакомились

---

3 *Кроль М. А.* Страницы моей жизни. Мемуары. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. Союза русских евреев, 1944.

4 *Кроль М. А.* Страницы моей жизни. М.; Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008.

5 Левит Ефим Григорьевич (1865–1911) — народоволец, затем эсер, с 1905 года большевик; публицист.

6 *Кроль М. А.* Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 333.

7 Житловский Самуил Осипович (р. 1870), младший брат Хаима Житловского. Родился в Витебске. В 1899 году окончил Московскую консерваторию по классам скрипки и теории музыки. Преподавал музыку, участвовал в концертах, занимался бизнесом. Жил в Риге, Петербурге, с 1910 года — в Москве. В 1917 году вернулся в Белоруссию, где принимал активное участие в политической деятельности. В марте 1921 — мае 1923 года министр национальных меньшинств эмигрантского правительства Белорусской народной республики. В эмиграции в Данциге, затем, по-видимому, в Париже.

в эмиграции, и именно Самуил предложил Кролю войти в состав Эквадорского комитета[8].

О биографии Самуила Житловского известно мало. Мы знаем о его деятельности в 1918 году, когда он занимал должность министра национальных меньшинств Белорусской народной республики, и о его активной борьбе за независимую Беларусь, но о жизни Самуила после 1924 года достоверной информации практически нет. Возможно, Самуил Осипович выехал в Европу с помощью старшего брата[9].

О корреспонденте Кроля известно гораздо больше, хотя, на мой взгляд, его полная биография еще не написана. Хаим Осипович Житловский (1865–1943) родился в городе Ушачи Витебской губернии, где окончил сначала хедер, а позже Витебскую гимназию. В 1884 году Житловский создал в Витебске ячейку партии «Народная воля»; впоследствии стал одним из основателей Союза русских социалистов-революционеров за границей, а затем партии эсеров. С 1892 года в своих публикациях Житловский резко противопоставляет собственные взгляды сионизму и одним из первых излагает идеи еврейского автономизма, утверждая, что евреи должны основывать земледельческие кооперативы. В дальнейшем его взгляды трансформируются: он начинает склоняться к территориализму, по-прежнему отвергая сионизм, участвует в территориалистской деятельности, но издалека, не посещая конференции и съезды. На момент получения письма Житловский уже долгое время проживает в Нью-Йорке, где сотрудничает с несколькими изданиями[10]; в своих статьях он продолжает пропагандировать социалистическое устройство еврейской жизни и язык идиш. В 1936 году Житловский (в отличие от Кроля) занимает благожелательную позицию по отношению к еврейской колонизации Биробиджана, в которой видел

---

[8] Международный комитет по колонизации Эквадора — создан в 1935 году по инициативе «Лиги свободных земель» (территориалистская организация).

[9] *Герасимова И. П.* Разные судьбы // Мишпоха. 1999. № 5. С. 46–50.

[10] Сотрудничает с американской ежедневной газетой на идише «Тог», выходившей в Нью-Йорке (1914–1971). Самостоятельно издает ежемесячник «Дос найе лебн» (1908–1913), там же.

воплощение своей идеи свободного национального развития в многонациональном государстве.

В отличие от Хаима Житловского, покинувшего Россию еще в конце XIX века, Самуил Житловский и Моисей Кроль уезжают в эмиграцию в 1920-е годы. Возможно, именно в это время и происходит их знакомство. Сначала Кроль уезжает с семьей в Харбин, где занимается регистрацией коммерческих банков, а позже увозит жену в Париж и помогает дочерям переехать туда же. Кроль, описывая первые годы в Париже, мельком упоминает трудности с жильем и работой, а подробно пишет лишь о своей деятельности в «Объединении русско-еврейской интеллигенции», некоторые члены которого позже вступят в Эквадорский комитет.

Нужно сказать, что интерес Кроля к приобретению евреями собственной земли был связан с его профессиональной деятельностью. В Париже Кроль некоторое время работал в ОРТе[11], он был одним из тех, кто предложил поселить евреев-беженцев на земле в опустошенных войной областях Франции. Для этого он инициировал создание аграрной комиссии и в 1929 году стал ее председателем. До того как включиться в эквадорский проект, Кроль изучил опыт Советского Союза по созданию Еврейской автономной области на Дальнем Востоке. С этой темой Кроль был знаком не понаслышке. Обладая достаточными знаниями в области климатологии и почвоведения, он жестко критиковал данный проект, считая дальневосточные почву и климат плохо пригодными для нормальной жизни.

Кроль, будучи хорошим оратором и известным юристом, занимал почетное место в среде парижских эмигрантов из России, к его мнению прислушивались. Можно с уверенностью сказать, что в Эквадорский комитет его пригласили неслучайно. Из письма мы узнаем, в каких условиях происходила регистрация комитета. Лига территориалистских организаций возникла в 1935 году в Париже, в это же время был зарегистрирован Ме-

[11] ОРТ — Общество ремесленного труда, позднее — Общество распространения труда между евреями.

ждународный комитет эмигрантов. В письме Кроль упоминает, что его пригласили работать еще в 1933 году, однако можно предположить, что такая путаница с датами произошла из-за многочисленности возникавших тогда мелких групп по работе с эмигрантами: разногласия между сионистами и территориалистами привели к отсутствию централизации.

Летом 2019 года в архиве YIVO (Институт еврейских исследований, Нью-Йорк) в фонде RG 208 мною было обнаружено девять писем М. Кроля к Х. Житловскому[12]. Семь из них датированы 1927 годом и содержат информацию личного и делового характера, содержание этих писем практически полностью отражено в мемуарах Кроля. Мое внимание привлекло письмо от 23 марта 1936 года с пометкой «конфиденциально», которое и представлено в данной публикации. Это рукописное письмо на русском языке на 16 листах.

Центральное место в письме занимает история работы Эквадорского комитета, в которой Кроль принимал активное участие. В первую очередь автор касается финансовых проблем и обеспечения передвижений членов комитета. В этом письме нам впервые открывается информация о денежных махинациях некоторых членов комитета и потере огромной суммы денег, собранной на переселение европейских евреев в Эквадор. Кроль выражает искреннюю заботу о комитете, но заявляет, что ему стыдно оставаться его членом.

Важно отметить, что Эквадор в качестве места для переселения евреев рассматривала не только Лига[13], но и другие организации, занимающиеся их эмиграцией. Не связанные между собой организации в 30-е годы XX века фокусируют свое внимание именно на Эквадоре, мы даже можем наблюдать некоторое взаимодействие между ними, но Кроль упоминает в письме, что на этапе договоренности с эквадорским правительством между этими организациями начинается некоторое соперничество. Еще в кон-

---

[12] YIVO. RG 208. S 3. F 866.

[13] Freeland League for Jewish Territorial Colonization — основана в Лондоне в 1935 году.

це XIX — начале XX века появляется несколько организаций, играющих ключевую роль в деле эмиграции. В 1891 году в Лондоне барон Морис де Гирш инициировал создание Еврейского колонизационного общества (ЕКО, JCA), целью которого было помогать евреям из России и других стран Восточной Европы переселяться в Аргентину. В 1927 году ЕКО объединилось с Обществом помощи еврейским иммигрантам (ХИАС), которое в свою очередь сформировалось (в 1909 году) путем слияния двух еврейских благотворительных организаций Нью-Йорка — Еврейской ассоциации по предоставлению крова и пристанища (образованной в 1884 году) и Общества помощи еврейским иммигрантам (образованного в 1902 году). В 1925 году Еврейское колонизационное общество, «Джойнт»[14] и германская еврейская эмиграционная организация «Эмигдирект» сформировали Объединенный эвакуационный комитет. Такая раздробленность вызывает немалую путаницу в ходе исследования данного вопроса. Далее подробнее будет рассмотрена история более «молодого» объединения — Лиги свободных земель, о котором идет речь в публикуемом источнике.

Благодаря публикуемому письму мы также можем дополнить историю Еврейского территориалистского движения, возникшего в 1903 году, когда британское правительство предложило сионистскому движению создать еврейские поселения на территории британской колонии Уганда в Африке. В 1905 году было основано Еврейское территориалистское общество (ЕТО), его главной целью было найти альтернативу Эрец Исраэль. ЕТО исследовало множество территорий по всему миру. Оно вело переговоры с разными странами, однако все переговоры сводились к тому, что правительства этих стран были готовы принять евреев как отдельных иммигрантов, но не как народ с перспективой создания своей территориальной автономии. За несколько десятилетий поисков у ЕТО так и не вышло ни с кем договориться, и в 1925 году эта организация была распущена.

---

[14] «Джойнт» — American Jewish Joint Distribution Committee, Американский еврейский объединённый комитет по распределению фондов.

Вторая волна территориализма, уже более жестко противостоявшего сионизму, поднялась в 1930-е годы. Тогда появляется Лига свободной еврейской территориальной колонизации. Она включала в себя три основных территориалистских движения с центрами в Лондоне, Париже и Варшаве; позднее в нее вошли и более мелкие местные группы. Целью Лиги было приобретение значительных участков земли для сельскохозяйственной и промышленной колонизации в малонаселенном районе мира, где могли бы поселиться евреи Восточной Европы. Нам интересна история именно этого направления, так как публикуемое письмо открывает новую информацию об Эквадорском комитете, входившем в Лигу. В 1935 году в США Исаак Штейнберг[15] начинает активные действия по поиску земель для еврейских поселений в Эквадоре, Австралии и Суринаме. Еще в 1933 году в Лондоне Штейнберг стал активным участником вновь возрожденного территориалистского движения. Его работа заключалась в поиске территории, на которой можно было бы разместить находящихся под угрозой исчезновения евреев из Европы, и планирования их будущей жизни на этой территории. На этом этапе на территориалистов активно влияет Хаим Житловский, предлагающий акцентировать внимание на агропромышленности и сельском хозяйстве. Житловский как народник был уверен, что сельскохозяйственный труд поспособствует улучшению морального облика евреев.

При подготовке данной работы была использована монография Майкла (Михла) Астура «Die Geshichte fun di Frayland Lige»[16]. Данная работа — один из важнейших источников по истории территориалистского движения. Астур рассматривает территориалистскую доктрину и ее место в истории еврейского народа.

---

[15] Штейнберг Ицхок Нахмен (Исаак Захарович) (1888–1957) — левый эсер, народный комиссар юстиции в советском правительстве в декабре 1917 — марте 1918 года. Впоследствии арестовывался ВЧК. С 1923 года — в эмиграции.

[16] *Astour M. C.* Geshikhṭe fun der Frayland-lige un funem ṭeriṭoryalisṭishn gedanḳ. Buenos-Ayres, 1967.

По его мнению, территориалистская идея является альтер эго сионистского движения, поскольку территориализм вырос из сионизма и был его частью, а затем отделился от него и, по сути, стал концептуально шире сионизма, поскольку предоставлял своим последователям большее количество вариантов деятельности. В одной из глав книги автор описывает «эквадорский вариант» и пути его осуществления, не говоря напрямую о махинациях комитета, но прозрачно намекая на них. Заметим, что план «Эквадор» европейские евреи рассматривали еще до появления нацистской опасности в Европе.

В 1930-е годы Эквадор представлял собой страну с нестабильной экономикой, измученную бесконечными политическими переворотами и гражданскими войнами. К этому моменту католическая церковь уже была отделена от государства и перестала играть решающую роль в вопросах, касающихся переселенцев. Единственное, что помогало держать экономический баланс в стране — начало промышленной добычи нефти в 1923 году. На 1935 год в Эквадоре проживало два с половиной миллиона человек, территория занимала 275 тысяч квадратных километров. Только десять процентов населения были выходцами из Европы, остальные — метисы, индейцы, темнокожие[17]. В глазах евреев преимуществом Эквадора перед другими южноамериканскими странами было его гибкое отношение к принятию переселенцев. В отличие от Аргентины, правительство Эквадора упростило выдачу виз и в целом было заинтересовано в принятии новых жителей. В первую очередь это было связано с политикой культурного перерождения: власти Эквадора хотели принимать в качестве иммигрантов не только будущих разнорабочих, но еще и деятелей культуры и искусства, надеясь развивать страну и в этом направлении. В 1935 году между Лигой и правительством Эквадора была достигнута договоренность о передаче 485 000 акров земли и 17 специальных поселений, находящихся в девяти провинциях республики, под юрисдикцию комитета в течение 30 лет — земли, где могли селиться иммигранты независимо от

---

17 Ibid. P. 110.

расы, религии или национальности (именно эта «независимость от национальности» позднее стала проблемой для еврейских переселенцев). Правительство также пошло на некоторые уступки, такие как освобождение от уплаты налогов в течение трех лет, освобождение от таможенной пошлины, получение гражданства по истечении одного года и бесплатный проезд на поезде из порта прибытия вглубь страны. Каждая прибывающая семья должна была иметь сумму в 240 долларов[18]. Спустя несколько месяцев президент Эквадора подписал соглашение, по условиям которого в мае 1937 года комитет должен был предоставить ему подробную программу переселения, инвестировать в этот проект 8000 долларов (деньги, которые впоследствии были проиграны) и перевезти по крайней мере 100 семей. Некоторые еврейские организации, однако, нашли предложенную им территорию неприемлемой, утверждая, что она расположена слишком далеко от населенных пунктов и что климатические условия слишком тяжелы. Несмотря на это, «Джойнт» и HICEM[19] попытались организовать птицефермы для иммигрантов в других районах Эквадора и привезли в Эквадор 60 семей.

Говоря о ключевых моментах в работе Лиги и Эквадорского комитета, нельзя оставить без внимания первые этапы их деятельности и их основных членов. Активизирует работу Лиги в Париже издание газеты на идише «Свобода», начинаются публичные выступления. Одна из первых акций — собрание в *Café de la Paix* на площади Оперы 3 декабря 1934 года, где выступали А. Сингаловский[20], А. Деблин[21] и И. Дубосарский[22]. К участию в собраниях Лиги присоединились докладчики из кругов парижской русско-еврейской и французско-еврейской

---

[18] Ibid. P. 111–112.

[19] HICEM — акроним HIAS, ICA и Emigdirect.

[20] Сингаловский Ахарон (1889–1956) — соруководитель Всемирного ОРТ.

[21] Деблин Альфред (1878–1957) — немецкий писатель, журналист, врач. Председатель Ассоциации немецких писателей (1929).

[22] Дубосарский И. — эмигрант, член Общественного объединения русских евреев.

интеллигенции, среди них скульптор Н. Аронсон[23], профессор математики Ж. Адамар[24] и поэт А. Спир[25], тогда же была создана группа еврейско-польских рабочих и ремесленников. Группа достаточно быстро разрасталась и находила новых членов[26].

Следующим важным этапом в работе Лиги становится конференция в Лондоне. Конференция началась 21 июля 1935 года в отеле «Расселл», открыл ее М. Гастер[27]. Председателем конференции заочно был избран Хаим Житловский. На конференции присутствовало 32 делегата, в том числе Д. Львович[28] из Нью-Йорка, А. Сингаловский, Ю. Бруцкус[29] и А. Деблин.

На конференции обсуждались возможности расширить территории еврейских поселений, чтобы они не были изолированы друг от друга. Некоторые правительства уже выступали с такими инициативами. Эквадорское правительство сразу ограничило перспективу участия евреев в горнодобывающей промышленности, отобрав у колонистов право на использование полезных ископаемых страны. Объединение еврейских территорий, на которое так рассчитывали делегаты, оказалось невозможным, перспективы были ровно противоположными: в Эквадоре евреям предстояло жить в рассеянных по стране мелких колониях. Помимо всего этого, не было никаких гарантий, что концессии достанутся именно еврейским колонистам. В договоре, предложенном эквадорским правительством, ни разу не упоминается

---

23 Аронсон Наум Львович (1872–1943) — скульптор. Кавалер ордена Почетного легиона.

24 Адамар Жак (1865–1963) — французский математик и механик. Член Французской академии наук с 1912 года.

25 Спир Андре (1868–1966) — французский поэт и сионистский деятель.

26 *Astour Michael C.* Geshikhṭe fun der Frayland-lige un funem ṭeriṭoryalisṭishn gedanḳ. P.114.

27 Гастер Мозес (Моисей) (1856–1939) — ученый, фольклорист, религиозный деятель, главный раввин сефардской общины Англии (1887–1918).

28 Львович Давид Владимирович (1882–1950) — общественно-политический деятель, публицист.

29 Бруцкус Юлий Давидович (1870–1951) — общественно-политический деятель, историк, социолог; сионист.

слово «евреи». Наоборот, в нем говорится просто о «европейцах и американцах белой расы, без национальных или религиозных различий», и подчеркивается, что посильную помощь окажет «международный комитет эмигрантов», который привезет представителей разных национальностей и расселит их по отдельным деревням[30]. То есть в лучшем случае лишь часть запланированных деревень была бы еврейской, что еще сильнее снижало и без того небольшое значение проекта для возможностей индивидуальной еврейской эмиграции. Самуил Житловский надеялся хитростью провезти в Эквадор еврейских иммигрантов, о чем рассказывает Кроль в письме к Житловскому.

Некоторые исследователи отмечают, что беженцы, в период 1938–1941 годов вынужденные покинуть Германию, где господствовал национал-социализм, направились в Эквадор, не имея другой альтернативы. Более девяноста процентов из них были евреями; кроме того, в числе приехавших были и их супруги нееврейского происхождения, а также люди, преследуемые за свои политические, религиозные и научные убеждения. Среди эмигрантов были ученые и инженеры, а также коммерсанты, которых и ранее связывали с Эквадором деловые и семейные контакты (так, у некоторых из них еще до массового переселения дальние родственники уехали работать в Эквадор, другие занимались в Эквадоре бизнесом еще до 1930-х годов). Были и такие беженцы, которые до эмиграции в Эквадор специально посещали сельскохозяйственные школы, поскольку были намерены после переезда работать в этой сфере. Согласно данным HICEM, в 1940 году в Эквадор прибыли 300 еврейских беженцев, в 1941 году — еще 400. Последняя группа эмигрантов, состоявшая из двадцати человек, прибыла в Кито в 1943 году из Франции, очевидно, через Испанию[31].

В своих объемистых мемуарах Моисей Кроль ни разу не упоминает деятельность Эквадорского комитета, при этом очень

---

30 *Astour Michael C.* Geshikhṭe fun der Frayland-lige un funem ṭeriṭoryalisṭishn gedanḳ. P. 112.

31 *Kreuter M.-L.* Donde queda el Ecuador? Quito-Ecuador. 1997. P. 361.

подробно излагая свою позицию относительно другого проекта — биробиджанского. Возможно, он стыдился своей причастности к деятельности комитета, приобретшего скандальную репутацию. Эквадорский проект, по мнению многих современников, был провальным. Судя по всему, Кроль, несмотря на свой оптимизм, считал так же. Среди его писем к Житловскому есть одно (датированное 10 сентября 1936 года)[32], в котором Кроль сухо сообщает, что полностью отошел от деятельности, связанной с переселением в Эквадор, и ничего не знает о судьбе Самуила Осиповича, с которым давно не общается. Публикуемое ниже письмо объясняет причины этой сухости.

Письмо М. А. Кроля публикуется полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. Текст приведен в соответствие с современной орфографией и пунктуацией. В то же время сохранены особенности стиля автора, своеобразие написания им географических названий и названий общественных организаций. Благодарю за помощь в организации благоприятной исследовательской работы директора архива YIVO (Institute for Jewish Research) Людмилу Шолохову.

---

32 YIVO. RG 208. S 3. F 866. P. 1–2.

Моисей Кроль — Хаиму Житловскому

Конфиденциально[1]

Париж, 26 марта 1936 г., 37, rue du Ranelagh (16/1)

Дорогой товарищ и друг,

Пишу Вам по-русски, хотя мог бы написать и по-еврейски, но письмо слишком ответственное, и я опасался какого-нибудь недоразумения. Что касается существа Вашего предложения[2], то я его сообщил Эквадорскому комитету, который не замедлит его обсудить и дать Вам свой ответ.

Однако я не могу ограничиться лишь официальным отношением к Вашему письму, и не только потому, что я прочел в нем упрек по адресу Эквадорского комитета, но и потому, что считаю необходимым Вас, как старого товарища, ознакомить с истинным положением вещей, ибо только правильное освещение всей истории и деятельности Эквадорского комитета <нрзб> Вам, как могли Самуил Осипович [Житловский] и Бони[3] очутиться в том отчаянном положении, в котором они находятся, и чья тут была вина, насколько такая вина была с чьей-нибудь стороны. Мой рассказ явится также базой для ответа на Ваш основной вопрос: есть ли у Эквадорского комитета какие-нибудь виды и надежды

---

1 Выделено автором.

2 В фонде М. Кроля (архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэндфордский университет) входящее письмо от Х. Житловского не было обнаружено.

3 Неустановленное лицо. К сожалению, большинство упоминаемых в письме лиц, причастных к деятельности Эквадорского комитета, идентифицировать не удалось. Далее это не комментируется.

добыть необходимые ему средства для дальнейшей его деятельности и мог бы он гарантировать заём, если бы в Америке нашлись якобы готовые ему ссудить указанную нами сумму. Прошу Вас поэтому, дорогой друг, очень внимательно прочесть нижеследующие строки.

Около трех лет тому назад Самуил Осипович предложил мне вступить в Эквадорский комитет, который ставил себе целью получение от Эквадорского правительства концессии на обширную территорию, годную для устройства на ней большого числа еврейских эмигрантов. Предлагая мне войти в Эквадорский комитет, Самуил Осипович меня уверял, что Эквадорское правительство через парижское Генеральное консульство и своих послов в Европе дало уже Эквадорскому комитету определенные обещания отвести ему обширную площадь земли на очень выгодных условиях. Оставалось только поехать в Квито[4] и там заключить с правительством надлежащий договор. Договорившись вполне с Самуилом Осиповичем, я вошел в комитет. Одновременно со мною в Эквадорский комитет вступил киевский присяжный поверенный Арон Израилевич Лурье[5] и Мирон Наумович Крейнин[6]. Наше вступление должно было означать, что комитет, до нас имевший весьма странную физиономию, преобразовывается в еврейскую общественную организацию. Странно было в этом комитете и то, что его председателем был избран крещеный еврей, немецкий беженец, Фрей, и что, кроме Самуила Осиповича и г. Мабо, остальные члены комитета, два брата Бони и Раш, были нам совершенно неизвестные люди.

Итак, на очереди стоял вопрос о посылке делегации в Эквадор. Но денег у комитета не было не только на посылку делегации, но даже на текущие расходы. Самуил Осипович вел переговоры

---

4 Кито — столица южноамериканской республики Эквадор. Автор употребляет слово Квито, неверно транскрибируя название с французского языка.

5 Лурье Арон Израилевич (1868–1952) — юрист, присяжный поверенный, общественный деятель.

6 Крейнин Меир (Мирон) Наумович (1866–1939) — общественный и политический деятель. Один из основателей Еврейской народной партии.

с транспортными предприятиями в надежде получить у них аванс в 100 тысяч франков в счет будущих благ, но из этого ничего не вышло. Пытались мы получить субсидию от эмигдиректа[7] (через Крейнина), но и тут потерпели неудачу. Так прошло около трех месяцев. За отсутствием денег дело стояло на мертвой точке. Еврейская общественность относилась к Эквадорскому комитету с ледяным равнодушием. «Что, дескать, это за комитет? Кто они, эти Фреи, Бони и т. д.?» Комитету оставалось самоликвидироваться. Но в один прекрасный день старший Бони сообщил нам с великой радостью, что ему удалось получить от одного очень богатого немецкого беженца, некоего Штенберга, 100 тысяч франков на поездку делегации в Эквадор. Таким образом денежный вопрос казался разрешенным. Перед комитетом открывались широкие перспективы. Оптимизм Самуила Осиповича был безграничен. Он не раз выражал уверенность, что, как только Эквадорский комитет заключит договор с Эквадорским правительством, капиталисты наперебой будут нам предлагать свои миллионы. Намечена была делегация из трех человек: Бориса Бони, человека очень даровитого и хорошо владеющего французским и испанским языками, Самуила Осиповича и атташе эквадорского генерального консульства в Париже, Кордовца, который якобы имел большие связи в эквадорских правительственных кругах и должен был помочь комитету получить концессию на самых лучших условиях. Шли приготовления к отъезду; секретарь Бони о чем-то хлопотал, что-то подготавливал. Но комитет не созывался. Шли недели, а делегация не покидала Парижа. Ни я, ни Лурье, ни Крейнин не понимали, почему делегация откладывает свой отъезд. Самуил Осипович ходил почему-то страшно удрученный. Однажды Самуил Осипович явился ко мне весьма расстроенным и сообщил мне потрясающую весть: 100 тысяч франков, на которые они рассчитывали, ухнули. Я, конечно, ожидал услышать от Самуила Осиповича, что поездка делегации отменяется, но каково же было мое удивление, когда Самуил Осипович заявил мне: «Мы, я и Бони, все-таки поедем. Деньги на поездку я взял взаймы

---

7 Эмигдирект (1921–1934) — немецкая эмиграционная организация.

у своего друга Гурвича». «Когда-нибудь, — сказал мне Самуил Осипович, — я вам расскажу подробно, что я пережил за это время и что стало со 100 тысячами франков». Сколько денег он взял у Гурвича и на каких условиях, он мне не сообщил. Таким образом, комитет был поставлен перед свершившимся фактом. Мы узнали, что билеты уже взяты и что Самуил Осипович и Бони уезжают в Эквадор через 2 дня после того, как я узнал от Самуила Осиповича, что 100 тысяч франков ушли из их рук.

Делегация уехала, зная отлично, что у комитета денег нет и что рассчитывать на его денежную поддержку не было никаких оснований. Насколько комитет был беден, Вы можете судить по тому, что через три дня после своего отъезда из Парижа Самуил Осипович написал четырем членам комитета — мне, Лурье, Крейнину и Мабо — отчаянные письма, умоляя нас уплатить одному чиновнику эквадорского Генерального консульства 1500 франков, иначе «все дело погибнет». И мы с величайшим трудом достали эти деньги и предупредили таким образом скандал.

Делегация уехала в конце июня 1934 г., и Фрей перестал созывать комитет. Между тем по Парижу поползли слухи, что Фрей, младший Бони и Раш занимаются некрасивыми паспортными гешефтами в Эквадорском консульстве. Я понял, что с такой публикой комитет явно обречен на гибель и может кончить плохо. Желая спасти дело, я решил коренным образом реорганизовать комитет путем включения в него целого ряда видных общественных деятелей. Но это оказалось почти неразрешимой задачей. Целый ряд лиц, которым я предлагал войти в комитет, мне говорили: «Как Вы можете строить такое серьезное дело, как эквадорское, когда центральной фигурой в Вашем комитете является чуть ли не уголовный тип Борис Бони, когда у Фрея плохая репутация, а 2-й Бони и Раш занимаются темными паспортными делами?» Я на это ничего не мог возразить, т[ак] к[ак] сам слышал и про Бориса Бони очень нехорошие вещи и знал, что остальные перечисленные лица не заслуживают доверия. Положение мое, Лурье и Крейнина было убийственное. Но этого было мало. Осенью 1934 г. Фрей сообщил мне, что Самуил Осипович взял у Гурвича деньги не в виде личного займа, а в виде ссуды для

комитета, причем какая-то инициативная группа дала Гурвичу от имени комитета в обеспечение его займа обязательство, в случае коего Гурвичу было предоставлено монопольное право <нрзб> всех эмигрантов, которых комитет будет отправлять в Эквадор. Должен сказать, что такой образ действия Самуила Осиповича меня глубоко огорчил и возмутил. По-моему, он не имел ни юридического, ни морального права заключать такого рода сделку с Гурвичем без ведома и согласия комитета. Для меня стало ясно, что я дальше остаться в Эквадорском комитете не должен, и я подал Фрею формальное заявление о моем выходе из комитета. Одновременно со мной ушел из комитета и Лурье. Крейнин еще раньше покинул комитет, т[ак] к[ак] он претендовал на постоянное жительство в Палестине. Фрей остался председателем развалившегося комитета и, насколько мне известно, бездействовал как раньше и почти никакой материальной поддержки Самуилу Осиповичу и Бони не оказывал. А время шло. Я, конечно, поставил Самуила Осиповича в известность о моем уходе из комитета и о причинах этого ухода, причем не скрыл от него своего мнения, что если комитет не будет реорганизован и Фрей не будет отстранен от должности председателя, эквадорское дело погибнет, если еще и до Квито дошли сведения о темных паспортных махинациях Раша и младшего Бони, к которым якобы был причастен и Фрей. Сам Самуил Осипович и Борис Бони стали получать письма на имя Мабо и Лурье с требованиями, чтобы Фрей ушел и чтобы комитет был коренным образом реорганизован. Писали они об этом и Фрею, но тот долгое время на эти отчаянные письма не обращал никакого внимания. Тем временем в Париже возникло новое общество содействия еврейской эмиграции и колонизации, куда вошло довольно много известных еврейских общественных деятелей. Заинтересовались Эквадорской концессией (к этому времени договор между Эквадорским правительством и Эквадорским комитетом усилиями Самуила Осиповича и Бони был уже одобрен палатой и сенатом). Это общество, сокращенно именуемое «ЕмКом»[8], выразило го-

8 Международный комитет по колонизации Эквадора.

товность послать делегации в Квито единовременно 15 тысяч франков на погашение самых неотложных ее долгов (весь их долг достигал уже 27 тысяч франков) при условии, что Фрей подаст в отставку и что Эквадорский комитет будет совершенно реорганизован. Фрей упорно отказывался уходить, но под давлением категорических требований из Квито наконец уступил и подал в отставку. Эквадорский комитет был реорганизован. В него вошли 25 видных еврейских общественных деятелей. Втянули туда и меня, и Лурье. Казалось, что после этих реформ Эквадорский комитет начнет наконец функционировать нормально, но не тут-то было. Поперек дороги встал старший Бони. Когда мы вздумали приступить к сбору денег, чтобы обеспечить делегацию необходимыми средствами и наладить бесперебойную работу Эквадорского комитета, то нам прямо или намеками давали понять, что участие Бориса Бони в делегации подрывает доверие к комитету. «Мы не гарантируем, — говорили некоторые, — что Ваше дело не закончится плохо, что Бони в Квито не натворит дел за спиной Житловского». Словом, мы опять оказались перед глухой стеной недоверия и даже вражды. Была еще беда: «ЕмКом» обязался уплатить 15 тысяч франков одновременно. Рассчитывал он на то, что ему комитет делегации в Париже был должен 14 тысяч франков и Hicem[9] — семь тысяч долларов («ЕмКом» явился преемником Эмигдирекга). Но комитет делегации стал выплачивать свой долг небольшими суммами, а Hicem скандально отказался платить свой долг. Мы напрягали все свои силы, обходили богатых людей, выпрашивали их пожертвования и кое-как сколотили 15 тысяч франков, но посылались они частями и с опозданием. За три месяца опоздания долг делегации, конечно, сильно увеличился. План Самуила Осиповича вернуться в Париж расстроился, и положение делегации стало снова очень тяжелым.

Как общественная организация, Эквадорский комитет считал своим нравственным долгом снабжать делегацию необходимыми средствами, но, конечно, в меру тех сумм, которые ему удалось

9 Вероятно, имеется в виду HICEM — акроним HIAS, ICA и Emigdirect.

бы добыть (члены комитета все люди бедные), и если еврейская общественность нам не шла навстречу, то мы, естественно, были бессильны помочь деньгами, в размерах которых ни комитет, ни делегация не предвидели. К такому случаю менее всего применимо выражение, что комитет не выполнил своих обязательств.

Был момент, когда казалось, что мы проломили стену равнодушия и неудовольствия к эквадорскому делу и Эквадорскому комитету. Это было в июне 1935 г., когда в Лондоне состоялась конференция территориалистов. На этой конференции секретарь Эквадорского комитета, Анский[10], выступил с докладом об Эквадорской концессии и колонизационных возможностях в Эквадоре, и благодаря этому докладу эквадорским проектом заинтересовались влиятельные английские круги: еврейские и нееврейские. Некоторые члены конфедерации обещали Эквадорскому комитету свое содействие и заявили готовность собирать для него деньги. Завязал Эквадорский комитет также интересные связи с еврейской общественностью в Польше. Комитет стали осаждать еврейские организации в Германии, прося помощи им устроить в Эквадоре в качестве колонистов большое количество немецких евреев. Было похоже на то, что перед комитетом открывается возможность конструктивной колонизационной работы, ибо казалось, что в комитет начали наконец поступать солидные средства. Но в сентябре и октябре 1935 г. нас постигло два страшных удара. Во-первых, какая-то жульническая группа, пронюхав, что наш комитет (носивший длинное название Comité pour l'Etude de l'Agriculture, de l'Industrie, d'Immigration dans la republique de l'Equateur[11]) не зарегистрирован, зарегистрировалась под нашим названием, указав в качестве председателя этого нового комитета какого-то маркиза Champrans de Faremont. Это было явно сделано в надежде перехватить у нас концессию,

---

[10] Анский Михаил О. (1889–1948) — общественный деятель, журналист, эмигрант (Париж).

[11] Комитет по изучению сельского хозяйства, промышленности, эмиграции в Республике Эквадор.

мы узнали об этой гнусности официально, когда эквадорский генеральный консул пригласил меня и Анского к себе и показал нам письмо, написанное на бланке, тождественном с нашим, и подписанное маркизом. Там было сказано буквально следующее: «Так как наш комитет заключил договор с Эквадорским правительством, то я хотел бы получить от Вас некоторые справки». Мы, конечно, разъяснили генеральному консулу, что это мошенничество. Все же фактически оказалось в наличности два одинаковых комитета, и генеральный консул нам прямо заявил, что до получения специальной инструкции от эквадорского правительства он не компетентен разрешить вопрос, который из двух комитетов настоящий. Возмутительнее же всего было то, что к этой интриге маркиза был, несомненно, причастен младший Бони. Я написал Самуилу Осиповичу о свалившейся на нас беде, и, надо отдать справедливость ему и Бони, они обезвредили жульнический комитет, посоветовав нам зарегистрироваться под новым названием (Comité International de l'immigration en Equateur[12]) и добившись от эквадорского правительства передачи концессии на имя нового комитета, из состава коего, конечно, были элиминированы все «нежелательные» члены первого фреевского комитета. Все же об истории с подложным комитетом узнала как-то широкая публика, и это нам очень и очень повредило.

Второй удар нанес нам Hicem. Не знаем почему, но Hicem открыл против нового Эквадорского комитета самую возмутительную озлобленную кампанию. На собраниях и в печати, даже в «ЕТА»[13], представители Hicem'а распространяли ложные сведения об Эквадоре, называли нашу концессию и т. д. JCA[14] тоже вело под нас подкоп тайком.

---

[12] Международный комитет иммиграции в Эквадор.

[13] Еврейское телеграфное агентство.

[14] JCA, аббревиатура от Jewish Colonization Association — Еврейское колонизационное общество. Филантропическая организация, основана в сентябре 1891 года в Лондоне бароном М. де Гиршем для содействия колонизации Аргентины евреями-эмигрантами из России и других стран Восточной Европы.

Вы, конечно, понимаете, как эти нападки и клевета должны были действовать на те зажиточные еврейские круги, на помощь которых мы рассчитывали. При таких обстоятельствах и настроениях было абсолютно невозможно собирать деньги, и как комитет ни болел душою за делегатов, он почти ничего не мог послать им. Удалось ему только устроить, чтобы лондонские друзья его отправили делегации 50 фунтов. Ко всем нашим бывшим невзгодам в конце прошлого года присоединился еще тяжелый внутренний конфликт между делегацией и комитетом, конфликт, грозивший комитету моральной катастрофой... Произошло следующее. Младший Бони снюхался с маркизом де Фаремоном и решил взорвать наш комитет. С этой целью он послал Самуилу Осиповичу телеграмму с предложением объединиться с маркизом и нас ликвидировать. Уверял младший Бони Самуила Осиповича и своего брата, что Фаремон — благороднейший человек, близко принимающий к сердцу эквадорское дело и готовый им высылать ежемесячно тысячу долларов на расходы, но при условии, чтобы он (Фаремон) стал председателем Эквадорского комитета, чтобы в комитет снова вошли Фрей, он, <нрзб>, Бони, и чтобы целый ряд членов комитета, как, например, Львович, Бруцкус, Анский и другие, были из него удалены. Самуил Осипович с презрением отверг гнусное предложение. Он даже не ответил Бони на телеграмму, а нам он написал, что «подлое предложение Бони в нем вызвало отвращение и что он скорее умрет, нежели опозорит себя соглашением с маркизом, присвоившим себе нечестным путем звание председателя Эквадорского комитета». Мы были глубоко удовлетворены таким отношением Самуила Осиповича к интригам младшего Бони. Но последний не дремал. Он насел на Гурвича, с которым Самуил Осипович очень считается, и убедил его, что только Фаремон может спасти Эквадорское дело. Тем временем Фаремон перевел делегации несколько тысяч франков, и Бони и Гурвич оба атаковали Самуила Осиповича, доказывая ему всю эффективность объединения с Фаремоном. И сопротивление Самуила Осиповича было сломлено. Мы об этом узнали, когда Гурвич явился к нам с ультиматумом, чтобы мы объединились

с Фаремоном и избрали его председателем. На наши возражения, что Самуил Осипович и слышать не хочет о Фаремоне, Гурвич заявил, что мы напрасно считаем Фаремона авантюристом. Он, дескать, благородный человек, и мы совершаем преступление, отказываясь от союза с ним. «Таково же мнение Самуила Осиповича», — прибавил Гурвич. Мы не поверили, но через несколько дней мы действительно получили письмо от Самуила Осиповича с требованием объединиться с маркизом. Но так как мы к этому времени получили дополнительные совершенно достоверные сведения, что Фаремон — крещеный еврей и известный международный авантюрист, то мы, разумеется, наотрез отказались вступить с ним в какие бы то ни было сношения. Тогда Самуил Осипович прервал с нами всякую переписку, как нам недавно признался Гурвич, по его телеграммному указанию. Мы не знали об этом маневре Гурвича и писали в Квито очень важные письма, на которые никакого ответа не получали, что нас крайне удивляло и огорчало, тем более что как раз в этот период нам представился случай реализовать солидную сумму, если бы мы смогли осуществить одно предложение, сделанное нам представительством бывшей группы белорусских крестьян, живущих в Польше. Эта группа, насчитывавшая свыше 50 семейств довольно зажиточных и не нуждающихся ни в чьей помощи крестьян, обратилась к нам с просьбой отвести им 2000 тысяч гектаров земли на отведенной Эквадорскому комитету земле, т[ак] к[ак] они решили переселиться в Эквадор и устроить там свою колонию. Узнав, что землю Эквадорского комитета отводят колонистам бесплатно, представитель группы спешно согласился отчислить в помощь Эквадорского комитета на организационные расходы по 25 франков за гектар, что составило бы сумму в 50 тысяч франков. Так как Эквадорский комитет по договору обязался устраивать на своей земле европейских колонистов без различия национальности и религии, то просьба белорусских крестьян должна была бы быть нами использована беспрепятственно. Все же мы запросили наших делегатов, прося их сообщить нам, на каких условиях мы могли бы устроить белорусских крестьян и какие для этого должны

быть выполнены формальности. На этот наш запрос мы до сих пор ответа не получили, и белорусские крестьяне, вероятно, на нас уже махнули рукой.

Сношения между делегацией и комитетом были прерваны в течение 2½ месяцев. Тем временем Гурвич узнал про Фаремона такие вещи, что сам понял невозможность какого бы то ни было соглашения с ним. Гурвич прискакал в Париж (он живет постоянно в Голландии), покаялся перед нами, что совершил большую ошибку, настаивая на сговоре с Фаремоном. Тут же он нам сообщил, что мы скоро получим письмо от Самуила Осиповича. По-видимому, Гурвич посоветовал снять с нас «херем»[15]. И действительно, через несколько дней три члена комитета получили пространные письма от Самуила Осиповича, но содержание их было таково, что об улаживании конфликта нечего было еще говорить прежде всего потому, что Самуил Осипович все еще убеждал нас сойтись с Фаремоном, а во-вторых, еще потому, что за время перерыва сношений с нами, как это пишет Самуил Осипович, они зарегистрировали в Квито свой Центральный комитет с правом открывать повсюду свои отделения с правлениями. Вместе с тем Самуил Осипович нас предупреждал, что мы не должны ни с кем заключать договоров. Заключение договоров с группами колонистов — это, дескать, их комитетская компетенция в Квито. Таким образом, они из делегации себя превратили в Центральный комитет. Это <нрзб> создало для нас совершенно невозможное положение, ибо мы теперь не понимаем ни кто мы, ни для чего мы существуем.

Фаремоновский кризис сейчас легко разрешить, ибо в Temps[16] от 15 марта появилась заметка, которая нанесет большой удар легковерию Самуила Осиповича и Бони. Там напечатано такое

---

[15] Херем — высшая мера осуждения в еврейской общине. Как правило, заключается в исключении порицаемого еврея из общины.

[16] Вероятно, Кроль имел в виду газету Le Temps — «Время», основанную Огюстом Неффтцером в 1861 г. в Париже. Ежедневная газета для экономической, политической и интеллектуальной элиты Франции, придерживающейся умеренных политических взглядов.

сообщение из Швеции: «На днях выслан из Стокгольма известный международный авантюрист Ган, именующий себя маркизом де Фаремонт. Установлено, что в 1915 г. он был в Австрии осужден за мошенничество, и в 1932 г. он судился за мошенничество же в Париже». Хороши мы были бы, если бы мы уступили натиску Гурвича и Самуила Осиповича, избрали бы этого джентльмена председателем нашего комитета, не правда ли?

Вы видите, друг мой, что «шидах»[17] делегации комитета оказался далеко не счастливым. Для нас с самого начала было начать нелепо и легкомысленно. Инициаторы, кроме Самуила Осиповича и Мабо, были абсолютно неподходящие для серьезного общественного дела люди. Счастливый, хотя для меня непонятный, случай дал комитету 100 тысяч франков, но они почему-то поступили в распоряжение атташе Генерального консульства в Париже, и, как я это узнал спустя 6 месяцев, тот проиграл их в карты. А он вновь был чуть ли не почетным членом Эквадорского комитета! Комитет не имел ни гроша, и все же Самуил Осипович и Бони на свой страх поехали в Эквадор без всякого учета реальных возможностей провести там нужную работу и без всякого знания условий, при которых им придется работать. Попытка была предпринята 2–3 месяца назад, а до прохождения договора в палате и сенате прошло 8 месяцев. Никаких денежных перспектив у Эквадорского комитета не было, тогда Самуил Осипович и Бони это хорошо знали, и все-таки они пустились в путь. Правда, они проделали огромную работу, для чего им пришлось содержать служащих, обзавестись юристом. Бони обследовал зоны, годные для поселения эмигрантов. Все это требовало денег и денег, и на что они рассчитывали, мы совершенно не понимали. Они ведь хорошо знали, что тогдашний Эквадорский комитет был совершенно бессилен в финансовом отношении. Надо ли удивляться, что они вовремя не оплатили долги?

Теперь мне остается ответить на Ваш основной вопрос: «Каковы наши надежды и перспективы».

---

[17] Шидах (идиш — сватовство) — вероятно, Кроль имеет в виду, что сделка, договор не сложились.

Как это Вам ни покажется удивительным, но в смысле перспектив положение комитета сейчас лучше, чем когда бы то ни было.

1) Два наших лондонских друга, Гейнрикес[18] и Голодец[19], успевшие заинтересовать известные круги английских евреев Эквадорской концессией, выезжают 28 марта на свой собственный счет в Эквадор для обследования на месте климатических и хозяйственных условий, а также районов, которые по договору отведены Эквадорским правительством Эквадорскому комитету. Гейнрикес, член Board of Deputies[20], председатель английского комитета по бойкоту Германии[21], он пользуется большим уважением среди английских евреев. Но, быть может, еще важным обстоятельством является, что Гейнрикес — большой знаток колонизационного дела. Он провел около 20 лет на английской службе в Индии в качестве специалиста по ирригации и мелиорации земель в тропической и субтропической зонах. Голодец, молодой экономист, едет в качестве сотрудника Гейнрикеса. Надеются они оба, что если их обследование окажется благоприятным для Эквадора, то им удастся мобилизовать значительные средства для оказания помощи как Эквадорскому комитету, так и еврейским эмигрантам, которые пожелают поселиться в Эквадоре. Гейнрикес и Голодец уже находятся в сношениях с Гербертом Самуэлем[22], которому они намерены представить по возвращении из Эквадора подробный доклад о результатах своего обследования.

---

[18] Хенрикес Сирил — инженер.

[19] Голодец Алек — экономист.

[20] The Board of Deputies of British Jews — совет депутатов британских евреев. Создан в Лондоне в 1760 году. Является основным представительным органом британской еврейской общины.

[21] Anti-Nazi boycott of 1933 (антинацистский бойкот 1933 года) — бойкот германских товаров в 1930-е годы со стороны евреев. Массовый бойкот в Великобритании начался 24 марта 1935 года в Ист-Энде — еврейском квартале Лондона. В это же время был организован комитет, контролирующий бойкот товарооборота с Германией.

[22] Сэмюэл Герберт Луис (1870–1963) — британский политический деятель, первый Верховный комиссар Палестины.

2) Нансеновский офис о беженцах[23] недавно обратился к Эквадорскому комитету с предложением взять на себя устройство тех беженцев, которых он будет направлять в Эквадор. По мысли офиса, Эквадорский комитет должен по его указанию отводить землю для беженцев, строить для них дома, закупать для них живой и мертвый инвентарь, семена и т. д., на какие закупки офис будет выдавать авансы. Офис исходит из расчета, что за землю придется платить, но т[ак] к[ак] комитет обязал отводить землю бесплатно, то нет сомнений, что он будет получать определенные суммы на организационные расходы.

3) В Германии враждебная нам агитация агентов JCA немало нам повредила. Но недавно Юлий Давидович Бруцкус побывал в Берлине, и ему удалось доказать лживость нападок на нас. И большие группы немецких евреев собираются переселиться в Эквадор и осесть на земле. Они тоже посылают делегацию в Эквадор и, судя по их намерениям, настроены прийти на помощь Самуилу Осиповичу и Бони, дав 3000 марок (они знают о большой нужде делегатов).

4) Важно также, что и белорусские крестьяне не оставили еще своего плана переселиться в Эквадор при содействии Эквадорского комитета, и если Самуил Осипович поможет нам в этом деле, комитет поправит значительно свои финансы.

Вот Вам, друг мой, полный отчет об эквадорской эпопее. Выводы из всей этой истории сделайте сами.

Утомил Вас, конечно, этим письмом, и я сам страшно устал писать его, но ничего не поделаешь.

Желаю Вам всех благ.

С горячим дружеским и товарищеским приветом

Ваш М. Кроль

---

[23] Нансеновская международная организация по делам беженцев (*фр.* Office International Nansen pour les Réfugiés) — создана Лигой Наций в 1930 году; названа в честь скончавшегося 13 мая 1930 года верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев норвежского полярного исследователя и дипломата Фритьофа Нансена. Целью этой структуры было оказанием помощи беженцам, в том числе выдача им документов, удостоверяющих личность и подтверждающих статус беженцев.

Именной указатель[1]

---

[1] Курсивом обозначены авторы публикаций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПУБЛИКАТОРАХ

Будницкий Олег Витальевич — доктор исторических наук, ординарный профессор, директор Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 300 научных и научно-популярных работ. Среди его последних книг — сборник документов «В движении: русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941)» (2020, составитель и отв. редактор), монографии и сборники статей и очерков «Терроризм в Российской империи. Краткий курс» (2021), «Люди на войне» (2021), «Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции» (2021).

Гулакова Мария Анатольевна — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ СПб, департамент истории); тема диссертации: «Память о насилии как фактор формирования еврейских идентичностей в Российской империи (1903–1917 гг.)». Старший преподаватель департамента истории НИУ ВШЭ СПб. Сфера научных интересов — история и культура еврейского народа в Российской империи и Восточной Европе в Новое время, история и философия религии, культурная память.

Де Джорджи Роберта (De Giorgi Roberta) — профессор русской литературы в Университете города Удине (Università di Udine, Italia), изучала историю сектантского движения в России XIX века, в особенности евангелических течений (*I quieti della terra. Gli stundisti: un movimento evangelico-battista nella Russia del XIX secolo*, Torino, 2006). Специалист по русской литературе XIX века и позднему Толстому (*L'amico di Tolstoj. Vladimir G. Čertkov: profilo critico*

e bibliografico, Roma 2012). Выпустила первое итальянское издание работ А. Веселовского о Данте (*Aleksandr Nikolaevič Veselovskij. Studi su Dante. «La Parola del testo»*, 2017, 1–2, a cura di R. De Giorgi e R. Rabboni). Член редколлегии международного журнала по русистике Russica Romana (Roma) и научного комитета журнала Revue russe (Institut d'Études Slaves, Paris).

Кан Григорий Семенович — кандидат исторических наук, специализируется по истории «Народной воли», эсеровского и максималистского террора времен революции 1905–1907 годов. Автор книг «Наталья Климова: жизнь и борьба» (2012) и «Грозя бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908 гг.)» (2021).

Меламед Ефим Иосифович (1951–2021) — историк и литературовед, научный редактор и составитель трехтомной серии путеводителей «Документы по истории и культуре евреев в архивах Украины» (2006–2014), автор ряда работ по истории русской литературы и русско-американских связей, в том числе книги «Русские университеты Джорджа Кеннана» (1988), а также многочисленных статей, публикаций и разысканий по истории евреев в России и СССР.

Эстрайх Геннадий — профессор отделения гебраистики и иудаики Нью-Йоркского университета. В 1988–1991 годах — ответственный секретарь московского еврейского литературного журнала «Советиш геймланд». В 1996 году защитил в Оксфордском университете докторскую диссертацию на тему «Origin and Features of Soviet Yiddish». Автор книг *Soviet Yiddish* (1999), *In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism* (2005), *Yiddish in the Cold War* (2008), «Еврейская литературная жизнь Москвы, 1917–1991» (2015), «Культура мовою їдиш» (2016), *Transatlantic Russian Jewishness* (2020).

ABSTRACTS

Efim Melamed. ***«By the reports of the newly recruited agent "Kant"...»: Jewish writers under the supervision of the secret services of the Stalinist regime***

The author analyzes a multivolume combination of the two interconnected undercover cases dating back to the late 1930s — 1940s and revealed in the archives of the Security Service of Ukraine. The leading Jewish writers of Ukraine and the USSR, whose activities for a decade and a half were covered in various forms by the punitive bodies of the Stalinist regime (NKVD, NKGB, MGB), are featured in these documents that remained practically inaccessible to researchers until now. In addition to the presentation of the "history of the issue", particular attention is paid to the work of the special services in the circle of the Jewish creative intelligentsia especially during the anti-Semitic campaigns of the post-war period, as well as to the secret agents recruited from the same milieu. For the first time, reports of one of the agents are published in the appendix to the article.

Gregory Kan. ***Aaron Zundelevich: from the rabbinical school to the «Narodnaya Volya»***

The article is devoted to the outstanding personality of Aaron Isaakovich Zundelevich (1852–1923), who was one of the most prominent revolutionaries of Jewish origin in the second half of the 1870s, one of the key figures in organizations such as *Land and Freedom* and the early *People's Will* («Narodnaya Volya»). He combined the traits of an idealist and a business man, a romantic and an irreplaceable practical worker. Being all his revolutionary life associated with the populists, Zundelevich did not recognize the ideas of communal socialism. He

called himself a social democrat and a Marxist, but at the same time he rejected the radical provisions in the Marxist doctrine. An ardent supporter of democracy and human rights, Zundelevich justified the use of violence and terror in the struggle for these values by personally participating in some terrorist acts. An original person, Zundelevich left a considerable mark on the revolutionary movement of his time.

Roberta De Giorgi. ***«Not a novel but an entanglement told through letters and telegrams»: Sholem Aleykhem and Lev Tolstoj (in unpublished correspondence)***

In 1903 Tolstoy, ensuing the plea of Sholem Aleykhem (pseud. of Solomon N. Rabinovich), wrote «Three tales» for a Yiddish miscellany in aid of the Jews who were victims of the Kishinev pogrom. Sholem Aleykhem obtained from the writer the first rights to publish; he naively believed that he could freely dispose of the stories, hence he undertook agreements for simultaneous translations of the «Three Tales» into the major Western languages in order to increase fundraising for the Jews. This gave rise, to paraphrase one of his works, to a messy exchange of letters and telegrams. Sholem Aleykhem first clashed with Aylmer Maude, biographer and translator of Tolstoy, who attempted to grab the first English edition of the Tales by deception; then he had to face the obsession with control of Vladimir Chertkov, friend and sole literary agent of the writer, who claimed the right to manage all possible translations. But in the meantime, Tolstoy's texts had been put into circulation — by Sholem Aleykhem, Chertkov and others —, and translations started to be released without control, before the Yiddish miscellany. Even worse, manipulation of the texts could not be avoided, and "improper" translations were made into Russian from a foreign language. Letters, telegrams and messages, found in Russian, English and Ukrainian archives, allow us to reconstruct the story of the translations of the «Three tales», and if on the one hand they shed light on Tolstoy's lack of interest for some of his engaged writings, on the other hand they show the rapacity of those who were orbiting around him in search of personal and professional affirmation.

***«Promised Ecuador: lost migration»*. A Letter of M. A. Krol to Ch. O. Zhitlovsky. Edited and introduced by Maria Gulakova**

This published letter reports on a tiny fraction of history of the Ecuador Committee that helped Jews to find ways to escape from Nazi Germany in 1930s. The author of this letter M. A. Krol is concerned about Committee's affairs and pointing out the members and their mission's failure. In the introduction he highlights the story of opposition of two groups that ran emigration process and writes about the life of Samuel Zhitlovsky as well. Moreover, he mentioned a story of the Ecuador Committee itself refering to Yiddish monograph published in 50s.

Содержание

Contents

Научное издание

АРХИВ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. ТОМ 12.
Под редакцией О. В. Будницкого

Директор издательства *И. В. Немировский*

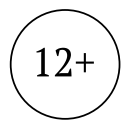
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Дизайн *И. Граве*
Редактор *Р. Рудницкий*
Корректоры *М. Левина, А. Филимонова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 22.03.2022.
Формат издания 60 × 90 1/16. Усл. печ. л. 24,5.
Тираж 300 экз.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
https://www.academicstudiespress.com

ООО «Библиороссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
http://www.club366.ru
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ